

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Анатолий Домбровский	Бегство. Роман (окончание). «Последняя четверть луны» (Приложение). К 80-летию писателя	3
Алевтина Евсюкова	Чемодан. Рассказ	118
Мая Рощина	Мираж. Рассказ	129

ПОЭЗИЯ

Руфина Максимова (134), Анатолий Аврутин (136), Тамара Егорова (143), Михаил Боровский (146), Геннадий Волноходец (148), Татьяна Зыкова (152), Лина Пятак (154).

НАШ ПУШКИН

Игорь Клоссовский	«О чем шумят народные витии...»	157
-------------------	---------------------------------------	-----

ПОЭЗИЯ

Евгения Баранова (161), Ника Батхен (164), Екат. Тищенко (167), Геннадий Шалюгин (169), Юлия Баткилина (174), Сергей Главацкий (177), Надя Делаланд (179), Юрий Татаренко (181), Артем Морс (185), Мария Малиновская (187).

ЧЕХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ирина Обухова	Тайное и явное у А.П. Чехова. Психология творчества.....	190
---------------	--	-----

ВРЕМЯ, АВТОР И КНИГА

Леонид Сомов	Обнять весь мир... Н.Северный : «Дороги романтиков»	200
Георгий Шульман	Верность мечте. О книге Н. Северного	204
Владимир Грачев	Поэтич. «надкрылья» М. Матвеевой . «Транс[Крым]ция».....	208
Яна Филатова	«Я дарю библиотеке все тепло души моей». Регина Ушатая : биобиблиографический указатель Любови Герасимовой	211

КУЛЬТУРА: ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ ГИПОТЕЗЫ

Марина Матвеева	Крым – отдельная страна? Поэзия и публицистики Крыма.....	214
Нина Гейдэ	От нежной Герды к снежной королеве. Датская женская поэзия..	222

ДУША В ЗАВЕТНОЙ ЛИРЕ

Тамара Егорова	Мистическая сила поэзии. Т. Алюнова	231
Людмила Корнеева	На пути к тайне поэта. О значении творчества Т.Алюновой	233
Тамара Егорова	Чудесный опыт мироотраженья. Поэзия художника В.Мухина ...	237

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. КРИТИКА

Любовь Герасимова	«Просто была война...». Писатели-фронтовики Крыма . 70 лет Победы в Великой Отечественной войне	245
-------------------	--	-----

ДОМБРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Елена Яблонская	Лета земные	252
Геннадий Шалюгин	«Птенцы никогда не поднимутся в синее небо». «Птицы ничего не расскажут»	260
Валерий Митрохин	Памятный человек.....	268
Валерий Мешков и Янина Грошева	«Евпаторийские годы» А. Домбровского. (Повесть « Красная каска »). Герои отряда «Красная каска» в книгах И.Сельвинского и А. Домбровского.....	273
Людмила Русина	«Кто ты есть, человек?» («Чёрная башня»)	283
Мая Рощина	Философия дилетантки.....	291
Ольга Дубинянская	Роман о бегстве в никуда.....	303
Людмила Подосинникова	От «Вояжа приговоренного» — к «Бегству»	306
Стихи, посвященные А.И. Домбровскому:	Ольга Дубинянская, Валерия Норченко ...	309
		311

МАСТЕРА КРЫМСКОЙ ПАЛИТРЫ

Людмила Бородина	Извлекаю поэзию из прозы жизни. « Дама с собачкой » — иллюстрации Н. Муравской	314
------------------	--	-----

*Издание выходит с 1991 года.
Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
бюджета Республики Крым*

*Автор проекта, основатель и главный редактор
журнала «Брега Тавриды» с 1991 по 2002 год —
писатель, философ, академик,
Почетный крымчанин
ДОМБРОВСКИЙ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ*

Главный редактор — ДОМБРОВСКАЯ Галина Сергеевна
Зам. главного редактора — БАХРЕВСКИЙ Владислав Анатольевич
Зав. редакцией поэзии — ЕГОРОВА Тамара Андреевна и
МАТВЕЕВА Марина Станиславовна

Редакционная коллегия:
ТЕРЕХОВ Владимир Павлович — председатель Союза русских,
украинских и белорусских писателей АРК,
БЕЛЫЙ Леонид Кузьмич,
БОДЫКИН Гарольд Михайлович,
ДРОКИНА Татьяна Анатольевна,
КЛОССОВСКИЙ Игорь Николаевич,
ЛАЗАРЕВ Феликс Васильевич,
ПОДОСИННИКОВА Людмила Андреевна,
ШАЛЮГИН Геннадий Александрович.

*Уважаемые читатели! Редакция приносит извинения в связи с тем,
что из-за финансовых трудностей журнал «Брега Тавриды» в 2014 году
выходит сдвоенными номерами.*

Учредитель: Союз русских, украинских и белорусских
писателей Автономной Республики Крым.

© Журнал «Брега Тавриды», 2014 г.

На обложке: картина художника Элеоноры ЩЕГЛОВОЙ «Симеиз»;
портреты А. Пушкина и А. Чехова — художника Н. МУРАВСКОЙ

Компьютерная верстка и техническая редакция Н.А. БОНДЯКОВОЙ

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. За достоверность приведенных в материалах сведений и за правильность цитат отвечают авторы. Мнения редакции и авторов не всегда совпадают. Переписку с читателями редакция не ведёт. Перепечатка только с разрешения редакции.
Безгонорарное издание.

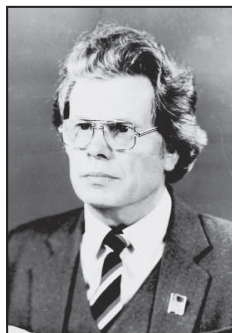
Адрес редакции: 295000, г. Симферополь, ул. Горького, 7. Телефон 27-87-42.
Интернет-сайт «Журнал Брега Тавриды»: bregatavridy.rk.ua

Сдано в набор 20.08.2014. Подписано к печати 29.09.2014. КМ 102.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Цена договорная.

Отпечатано с диапозитивов заказчика в ЧП «Эльнич»
г. Симферополь, ул. Севастопольская, 94

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩЕНА 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. ДОМБРОВСКОГО

Анатолий
ДОМБРОВСКИЙ

БЕГСТВО

Роман

ГЛАВА ВОСЬМАЯ*

Перед отъездом в Порт-Саид Кусков встретился с Еленой и рассказал ей все, что можно было рассказать о Блескунове: и о том, что он ранен, и о том, что находится в надежном месте, и, конечно, о том, что «через неделю плюс-минус день-другой» они встретят его в Риме.

— Вы не подставите его, правда? — спросила Елена. — Не пожертвуете им ради ваших дел?

— Не пожертвуем, — твердо ответил Кусков, хотя сам вопрос его покорибил: что там ни говори, а Елена допускала мысль о том, что Блескунов ради каких-то целей может быть подставлен, пожертвован ради высших интересов народа и государства. Хотя почему бы и нет — такая у них служба. Кто служит, тот служит. Если ты солдат, ты должен быть готов к смерти, а как же иначе! И если ты отстаиваешь интересы не хозяина, а народа, государства, то обязан жертвовать собой, если необходимо.

Но на данный момент Блескунову жертвовать собой вовсе не обязательно.

— Мы сохраним для вас Александра, — пообещал Кусков. — И ско-

* Окончание. Начало в №№ 1–2, 3–4, 2014г. «Б.Т.»

ро вручим его вам живым и невредимым. В Риме. А там — как Бог распорядится...

— Я не вправе вмешиваться в ваши дела, — сказала Елена, — но мне кажется, что вы не справитесь с задачей: вас так мало, а сколько их, вы до сих пор толком не знаете. Думаю, что ради того, чтобы убрать одного из вас, эти подонки могут пожертвовать двумя-тремя своими. Вдобавок ко всему они еще ублюдки, жизнь человеческая для которых мало что значит. У них мерзостная цель, не говоря уже о средствах ее достижения. А вас так мало. Почему?

— Так получилось, — немного помолчав, ответил Кусков. — Это дело неожиданно свалилось нам на голову. Саша вообще ехал к вам, ни о чем таком не помышляя. Но сейчас трудно что-либо изменить: мало времени, ситуация быстро меняется. Одно только скажу: меня из этих ублюдков никто не знает. А вам, пока мы дело не закроем, появляться перед этими людишками смертельно опасно. Они, как вы понимаете, будут искать Сашу. Его отсутствие на теплоходе посеет среди них некоторую панику: ведь знают же, что Блескунов жив, проверяли это. И очень захотят выяснить, где он. От вас, разумеется, если появиться у них перед глазами. Поэтому держитесь от нашего теплохода подальше, пока не появится Александр. Это моя большая и настоятельная просьба. И Сашина тоже.

— Я это понимаю, — вздохнула Елена.

— Значит, мы обо всем договорились?!

— Да.

— Кроме одного, — добавил Кусков. — А вдруг вся эта затея с так называемой операцией «Бегство» — всего лишь дурацкая затея группы мерзавцев. Так сказать, плохая самодеятельность. Я, например, могу представить себе дело и так: кучка людей, аферистов, разработала способ раздобыть несколько сот миллионов баксов у богатых дядей, очень заинтересованных в том, чтоб Украина и Россия были ввергнуты в новый хаос конфликтов. Аферисты обставляют все дело так, будто они — большая организация и способны разжечь желаемый конфликт. С этой целью готовят планы, списки, инструкции липовой операции, подсовывают эти документы кому надо на Западе и получают свои вожаденные баксы. А дальше — врассыпную, поделив, разумеется, денежки. Чем не замечательный план?!

— Почему вам это пришло в голову? — спросила Елена.

— Я наблюдал за этими людьми, и мне показалось, что они люди не того масштаба, мелкие. Да, аферисты, сволочи, убийцы и предатели, но... Нужны убежденные и умные провокаторы, чтобы поднять такую бучу. Вам так не кажется?

— Нет, не кажется. Я имею определенный опыт, некоторые наблюдения. И вот мой вывод: гнусные дела, как правило, затевают мелкие мерзавцы, весьма заурядные, однако неистощимо упрямые и коварные. По-настоящему умным людям Бог не велит творить зло.

Только преступники в прошлом и настоящем, а также властолюбцы, корыстолюбцы, просто порочные люди затевают и творят все мерзости на земле! Именно это подсказывает мне мой многолетний журналистский опыт. Так было в Афганистане, в Югославии, в Бессарабии, в Чечне. Я знала почти всех лидеров националистических движений. Могу констатировать, все они, без исключения, нравственные и интеллектуальные ничтожества.

— Вы, выходит, очень не любите националистов?

— Да. Всех фанатиков ложной идеи. Ненавижу! От них — все горе на планете. А что касается этих ваших людишек, то они вам иными и не могли показаться, потому что националистическая идея — одна из самых темных. В ее основе — кровь. Опасайтесь их. Они — как топь, засасывают все: падаль, гниль, глупость, нечистоплотность, беспринципность, жестокость... Да, я их ненавижу! И теперь, когда Саше угрожает опасность, ненавижу вдвойне... — Елена сделала долгую паузу. — А потому я хочу вам помочь. Ради Александра. И ради вашего народа, к которому греки всегда относились с большой теплотой и любовью.

— Спасибо, — сказал Кусков. — Но я, честно говоря, плохо себе представляю, в чем могла бы заключаться ваша помощь нам.

— Я подготовлю для вас обзор информации, которые опубликованы в газетах, прошли по радио и телевидению за последние два года и которые, естественно, имеют отношение к возможным межэтническим конфликтам как в России, так и на Украине. Вы получите, таким образом, сценарий предполагаемых событий. Если пожелаете, разумеется. В Риме я сяду за компьютер нашего агентства и попытаюсь выловить все, что интересно именно с этой точки зрения.

— Да, это будет огромная помощь с вашей стороны, — сказал Кусков. — Неоценимая помощь! Такой сценарий поможет нам очертить круг поисков и исследований. Я правильно рассуждаю?

— Очень правильно, — улыбнулась Елена и протянула Кускову руку. — Кстати, для начала. Я купила здесь несколько свежих российских газет. В «Комсомолке», например, напечатана статья о напряженной ситуации в Крыму, плохие прогнозы. Есть также информация из Киева и Львова, что некоторые лидеры националистических движений выступают против вывоза с Украины стратегического ядерного оружия. Прогноз о предстоящих выборах в Турции: победит фундаменталистская исламская партия и сформирует правительство. Как видите, причин для беспокойства достаточно. К тому же я скажу так: не сами идеи, как правило, являются тайной. Настоящая тайна — это момент и способ их осуществления. Как говорят киношники, сценариев много, вопрос лишь в том, кто возьмется их снимать и когда.

— Мне пора, — произнес Кусков, вставая.

Ему и впрямь следовало торопиться: теплоход из Порт-Саида уходил вечером, теперь же был полдень, а впереди еще много дел.

— Спасибо вам за все, — взволнованно сказала Елена, провожая полковника до двери.

— Если вы остановитесь в «Сан-Марко», я, с вашего позволения, навещу вас, как только окажусь в Риме.

Блескунов очень волновался, решив почему-то, что Кусков не выполнит по какой-то причине свое обещание и не заедет к нему, направляясь в Порт-Саид. Никаких определенных соображений на этот счет у него не было — просто пришла в голову эдакая дурь и лишила его покоя.

— Ты почему такой взвинченный и отчего вдруг такой зеленый? — спросил его Кусков. — Случилось что-нибудь?

— Случилось. Вот тут. — Блескунов постучал себя пальцем по лбу. — Стали мерещиться всякие глупости. То мне вдруг подумалось, что ты бросил меня, то пригрезилось, что они вычислили тебя...

— И Елену, конечно?

— И Елену, — признался Блескунов. — Представляешь мое положение?

— Вот тебе все, что необходимо для гардероба. — Кусков положил на столик пакет с одеждой. — А здесь, — он вынул из кармана конверт, — твой паспорт, деньги и письмо от Елены. Любовное, — засмеялся он.

— Читал? — надулся Блескунов.

— Ты что — совсем того? — Кусков повертел у виска пальцем. — Ты это брось! А то я пересмотрю нашу программу и велю отправить тебя не в Рим, а в Крым.

— Ладно тебе. Дай сюда. — Майор заглянул в конверт, достал письмо от Елены и, определив, что почерк действительно Елены, положил его назад. — Потом прочту, — сказал он Кускову, — без тебя.

— Твое право.

— А денег хватит?

— Вполне, — успокоил его Кусков. — До Рима с избытком, а до Крыма — не знаю. Отдыхай. Мы зайдем в Ла-Валлетту, на Мальту, а уж потом в Италию. — Полковник посмотрел на часы. — На это уйдет, если верить расписанию, пять дней.

— По часам определил? — усмехнулся Блескунов.

— По часам? Ах да! Я хотел тебе сказать, что Елена как раз в эти минуты садится в самолет.

— В эти минуты?! — не поверил Блескунов.

— Да, в эти минуты.

— Это ты для того пудришь мне мозги, чтоб я не поехал к ней в Каир, верно?

— Ты и не смог бы: ребята тебя отсюда не выпустят. Кстати, они будут все время сопровождать тебя, когда придет время улетать отсюда. Так что ты уж не шибко ерепенься.

— Постараюсь, — пообещал Блескунов.

Кусков наклонился и поцеловал Блескунова в небритую щеку.

— Тьфу, — сказал он, выпрямляясь. — Не понимаю, как нас женщины целуют. Особенно красивые гречанки! — засмеялся он, заслонив лицо руками, потому что Блескунов швырнул в него скомканным полотенцем.

Шел двенадцатый день круиза. Теплоход «Шота Руставели» снова находился в открытом море и держал курс на Мальту. Кусков, помощник начальника круиза Гена, с которым полковник нечаянно сошелся в зале игровых автоматов, где они одновременно, независимо друг от друга выиграли по пять долларов и тут же просадили их в баре, а также профессор Кайданов стояли на палубе и любовались морем. Погода была дивная, тихая и ясная, и теплоход, обласканный светом и теплом, плыл себе и плыл белым лебедем меж двух голубых стихий, время от времени подавая басовитый голос проходящим мимо судам.

Смотря в даль морскую, Кусков и Гена вполуха слушали пространственные рассуждения профессора о библейской заповеди «Не убий».

— Есть мысли однажды возникшие и забытые, — говорил Кайданов, — которые между тем продолжают жить в человеке, как тревога, как черная звездная дыра, к которой устремляется все сущее. Такой обратившейся в тревогу мыслью стало для меня даже не мое собственное суждение, а старая как мир мысль о невозможности счастья одних людей на крови других. Сказано ведь было: «Не убий!» Это две тысячи лет назад. А еще ранее, четыре тысячи лет назад, желающий узреть красоту Владыки Двух Истин восклицал: «О Нехехау, являющийся в Ра-Сетау, я не убивал!». Отнять жизнь у человека — право природы, случая: они слепы. Если бы у кинжала имелись глаза, он стал бы мягче воска. А человек убивает, хотя наделен не только глазами, но и душой. И убивает, заметьте, не только свою жертву, но и душу свою, становясь незрячим. И никогда ему не увидеть красоту Владыки Двух Истин. Общество, возникшее на крови, — слепое общество. И прозревает в нем лишь тот, кто отрекается от него. Он — поводырь, за ним идите, господа...

— Сладкая водичка для блаженных, — оценил размышления профессора Гена. — Такие рассуждения ни к чему не ведут.

— Почему же не ведут? — возразил профессор. — Ведут, голубчик, еще как ведут.

— Например?! — потребовал Лепицкий.

— Пожалуйста, вот вам и наглядный пример: где капитан Узин, которого убили в Турции, где некий Рудь, которого убили в Греции, где теперь Сутулов, которого застрелили в Каире, где, наконец, милейший майор Блескунов? Где они все? Что это за корабль такой, который теряет своих пассажиров, разбрасывает их трупы по разным странам?

А ведь наш корабль — это всего лишь слепок общества, в котором мы живем, не так ли? А теперь представьте себе, что всех убивает наш капитан.

— Почему капитан?! — искренне удивился Лепицкий.

— А кто? — спросил профессор. — Кто убивает? Не можете назвать? Не можете. А я назову, я сейчас назову. — Кайданов ударил кулаком по поручню. — Я знаю, кто убивает.

Кусков взглянул на Лепицкого, лицо которого вдруг приобрело замороженный вид, и подумал, что Лепицкий, видимо, ожидает от профессора разоблачающего, ужасного для него ответа.

— Убивает общество! — негодуя воскликнул Кайданов. — Однажды пролитая кровь эхом отражается в судьбах всех людей.

— Ну, это... — махнул рукой и облегченно вздохнул Лепицкий. — Это общее, так сказать, место, а не ответ.

— А где Блескунов? — повернулся к нему Кайданов. — Где Сутулов? Вы — один из руководителей нашего круиза. Вы просто обязаны ответить нам, куда делись эти люди. Обязаны. Понимаете? Ведь надо же разобраться, как и почему все это происходит, чтобы знать, не случится ли такое и с нами. Со мной, например. Я все время общался и с Сутуловым и с Блескуновым, привык к ним — и вот их нет: один, говорят, убит, другой пропал без вести. Требую, чтоб вы ответили!

— Я не знаю, — помрачнел Лепицкий. — Я на такие вопросы отвечать не обязан.

— А кто обязан?! Капитан? Начальник круиза? Кто обязан, черт вас побери! — не на шутку разошелся профессор, наступая на Лепицкого. — Кто обязан?! — закричал он.

— А ваше общество, — ответил Лепицкий. — Сами же сказали, что общество убивает...

— Никто никого не убивает, успокойтесь, — это сказал подошедший к ним сзади электрик Хижняк. — Сутулов, наверное, удрал с деньгами — он мне и раньше не нравился, у него вид мошенника. А Блескунов остался со своей гречанкой. Ах, классная девка, скажу я вам, конфетка, а не девочка! Одним словом, гречанка! Ух, черт побери! Вы видели ее, профессор?

— Раньше вас, — ответил Кайданов.

— Ну и как она вам показалась? Ну, выразите свою мысль! — потребовал он. — Да как-нибудь позаковыристее! Я люблю заковыристые выражения. Пожалуйста!

— Очень мила, — сказал Кайданов.

— И все?

— Все.

— Жаль. Нет у вас дара художественного слова. Нет! — поставил точку Хижняк и вдруг, распахнув пиджак, спросил, пританцовывая: — А это вам нравится?

— Что? — не понял Кайданов.

— Костюмчик, черт побери! Я купил его в Порт-Саиде. Вот надел, пришел показать, чтоб вы его оценили. — На нем был светлый, почти белый костюм. — Оценивайте! — потребовал неумный Хижняк. — Говорите! Говорите!

— Пятьдесят долларов, — оценил Лепицкий.

— Пятьдесят?! — возмутился Хижняк. — А восемьдесят не хотите?

— Восемьдесят?! За такое, извините, барахло?

Они чуть не подрались. Кайданов и Кускову пришлось их разнимать и успокаивать. Вскоре все разошлись: Хижняк заявил, что пойдет «обмывать» костюм со своей компанией, Лепицкий вспомнил о каком-то деле, которое поручил ему руководитель круиза, а Кайданов пожаловался на головную боль и ушел принимать таблетки. Только у Кускова не было никаких дел, а вернее, оставалось одно прежнее: наблюдать за теми, за кем он обязан был наблюдать. Через несколько минут в баре «Дельфин» он обнаружил Зою вместе со Стронским. С ними был еще один тип, грузный, толстощекий, в очках с позолоченной оправой. Они пили виски и о чем-то вполголоса разговаривали. Затем к компании присоединился Командарм и, наклонившись к Стронскому, что-то прошептал тому на ухо. После чего Стронский поднялся из-за стола и быстро вышел из бара вместе с Командармом.

Полковник хотел проследить, куда они пойдут, но опоздал — выйти из бара сразу же вслед за ними он не мог, поскольку не хотел этим привлечь внимания Зои и толстощекого, а когда все же вышел, то Командарма и Стронского и след простыл. Бегать же по палубам и искать их Кусков не собирался — это не входило в его планы. Его задачей было спокойное и незаметное наблюдение. Он вновь вернулся в бар, но там уже не оказалось и другой пары — Зои и Толстощекого.

Ответ на запрос в Москву, который он сделал о капитане судна и руководителе круиза, пока не пришел, и Кусков не мог себе позволить прибегнуть к их помощи. А надо было выяснить, — и это возможно было сделать лишь с помощью капитана или руководителя круиза, — кто на корабле пользуется пишущей машинкой или наборным компьютером, в каком помещении, с какой целью, кем они затребованы и оплачиваются. Хорошо было бы познакомиться с полным списком пассажиров судна и выяснить, нет ли среди них старых знакомцев, замешанных в делах, близких по духу операции «Бегство». Следовало также побывать в каютах заговорщиков и посмотреть, что там и как, но для этого надо было получить разрешение капитана и ключи от кают, прибегнуть к помощи горничных.

Кусков ожидал, что ответ на запрос придет если не сегодня, то завтра — как частная радиограмма: так договорились. Договорились и о шифре, который никого бы не удивил своей необычностью. Разрешение выйти на капитана судна и на руководителя круиза должно выглядеть примерно так: «Сережа и Петя здоровы, целуют тебя». Запрет: «От Сережи и Пети пока нет вестей», дальше соответствующие

варианты: «От Сережи пока нет вестей, Петя здоров, целует тебя» или «Сережа здоров, целует тебя, от Пети пока нет вестей».

Весь следующий день предстояло также провести в море, когда эфир открыт для приема радиogramм, поэтому Кусков не волновался. И вообще он старался этим чувством в данный момент не злоупотреблять, полагая, что и сам в состоянии справиться с ситуацией, особенно теперь, когда он знает почти всех заговорщиков в лицо. Впрочем, смущало это «почти». Например, толстощекий, он с ними или нет? Лепицкий с ними, он заместитель руководителя круиза. А руководитель круиза, милейший Михаил Васильевич? Ведь как удобно: руководитель круиза и есть главный заговорщик, он предоставил своим сообщникам лучшие каюты, обеспечил надежную конспирацию, всякие удобства... Хотя о таких вещах лучше не думать, не гадать. Тут нужны только факты. И только на факты можно полагаться.

Итак, главный вопрос: где, в какой стране заговорщики вынесут с теплохода документы? Вряд ли на Мальте, хотя чем черт не шутит! Вероятнее — в Италии. Столь же вероятно, однако, что и во Франции. И к тому же совсем не обязательно, что их будут встречать итальянцы или французы... И ведь чертовски важно это узнать! Из этого вытекает вопрос второй: а можно ли это узнать до того, как документы окажутся в руках покровителей? И если нельзя, то надо ли изъять у заговорщиков документы до их передачи или все-таки позволить им передать их? Но что тогда останется в качестве доказательства существования заговора? Копии? Но как их сделать? Не в технике, конечно, дело. Дело в том, как найти документы.

В общем, целая куча вопросов. Но суетиться не следует. Следует думать и наблюдать. Из Москвы на все эти вопросы ему ответили так: «Думайте сами, решайте сами». Словами известной песни. Удобная, между прочим, позиция: перевалить всю ответственность на других.

А еще было нечто, что совсем не понравилось Кускову: когда ему посоветовали подключить к делу Блескунова, то зачем-то поинтересовались, под какой фамилией он, Кусков, прибудет на теплоход и какой номер каюты значится в его билете. Кусков тогда спросил: «Зачем вам это?». Ему ответили: «Чтобы сориентировать Блескунова». Теперь Кусков думал: точно ли намеревались «сориентировать» Блескунова? А вдруг «сориентировали» кого-нибудь другого? И не сразу, а только теперь? А он так беспечен, будто никто его на теплоходе не знает... Впрочем, об этом все-таки лучше не думать, не гадать, решил он. Итак, не гадать, ждать радиogramмы, неспешно наблюдать и сопоставлять факты. Только факты, которые, как давно известно, упрямая вещь.

На Мальту теплоход придет послезавтра утром. Чудная, сказочная Мальта — солнечный остров, словно вылепленный из золота... Так описывал ему свой родной остров полковник Пирелли. «Benito Pirelli», как написано на визитной карточке, которую подарил полковник еще в Америке, где Кусков и Пирелли, сотрудник централь-

ного полицейского управления Ла-Валлетты, вместе в минувшем году изучали американский опыт борьбы с терроризмом.

«Ла-Валлетта, — живописал словоохотливый Пирелли, — она вся из золотого камня. И когда светит солнце — город невероятно красив. Золото Ла-Валлетты отражается в море. А сверху над ней — самое чистое в мире небо и самое яркое в мире солнце».

Теперь Кускову предстояло самому убедиться, прав ли был полковник Пирелли, а если удастся, то и встретиться с самим Пирелли, чтобы выпить с ним по бокалу граппы.

О граппе — особая речь. Дело в том, что любимый напиток мальтийца Пирелли — итальянская водка граппа. О ней он тосковал в Америке и мог говорить бесконечно. Впрочем, в Америке они тогда пробыли всего три месяца и, как утверждал все тот же Пирелли, ничему не научились, потому что американцы не только плохие учителя, но и сами не знают толком, как бороться с терроризмом.

— Слушай, а есть ли терроризм на вашей крохотной Мальте? — спросил его однажды Кусков.

И Пирелли, почти как грек в известной пьесе, ответил ему с гордостью:

— На Мальте все есть!

Он увидел Нузета сидящим в шезлонге на верхней палубе, выше капитанского мостика, где располагалась небольшая спортплощадка, укрытая сверху и с боков сетью, и читальный зал. В читальный зал можно было попасть как со спортплощадки, так и с противоположной стороны. Именно там, с противоположной спортплощадке стороны, у раскрытой двери пустующего читального зала, находился Нузет.

Кусков остановился от него шагах в четырех, у поручней ведущего вниз трапа, и спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Спасибо, лучше, — равнодушно произнес Нузет.

— Знаешь, кто тебя ранил?

— Нет, не знаю.

— Нападение может повториться: ты не выполнил задание.

— Какое такое задание? — переменился в лице Нузет, явно напуганный этими словами.

— Сам знаешь какое. Будь впредь осторожен. Тебе отомстили твои бывшие друзья.

— Кто вы? — спросил Нузет.

— Тебе лучше не знать. Поправляйся, — пожелал студенту на прощание Кусков и спустился по трапу на шлюпочную палубу.

Ему, конечно, не следовало разговаривать с Нузетом: это не входило в его обязанности, даже могло в какой-то мере помешать ему. Но, во-первых, очень нужно было предупредить Нузета о том, что на-

падение на него может повториться и ожидать его следует со стороны его бывших сообщников, если, правда, он действительно что-либо о них знает или догадывается об их истинных целях, а во-вторых, Кусков надеялся, что студент истфака не станет рассказывать о нем кому бы то ни было, даже если и успел запомнить полковника.

Беспокоило Кускова куда больше следующее: он, к сожалению, не может защитить Нузета, прикрыть его от новой опасности. Нузет, конечно, сам мог бы при желании уйти от нее. Для этого ему следовало бы покинуть теплоход. Теперь, после разговора с ним, с Кусковым, такая мысль может прийти ему в голову, если только она не возникла у него раньше...

За ужином он видел Командарма и Зою вместе. Стронский на ужин не явился. Лепицкий же, как и все начальство и некоторые привилегированные пассажиры, ужинал у себя в каюте.

После ужина Кусков направился к информационному бюро, где поинтересовался, не было ли на его имя радиogramмы. Дежурный порылся в ящичке с радиogramмами и нашел то, чего Кусков так ждал, — ответ на свой запрос в Москву. Он был такой: «Сережа здоров, целует тебя, от Пети известий пока нет. Счастливого плавания, приятных впечатлений. Ксения».

Про счастливое плавание, про приятное впечатление и Ксению написано было исключительно для полной завершенности текста. Главное же заключалось в первой части послания, слова которой означали следующее: «С капитаном можно иметь дело, с руководителем круиза в контакт не вступать».

— Спасибо, — поблагодарил Кусков дежурного.

— Пожалуйста, — ответил тот и добавил, чтобы доставить Кускову приятное. — Ксения — очень красивое имя. Я обратил внимание на подпись. Очень красивое.

— Конечно, — кивнул ему Кусков. — Хотя оно переводится, кажется, как чужеземка, иностранка, чужая.

— Это ничего, — успокоил полковника дежурный. — Никто из наших все равно не знает, как оно переводится. А звучит так красиво: Ксе-ни-я... Да, красиво!

Кусков решил, что к капитану нужно обратиться теперь же, не теряя ни секунды, но прежде надо было обдумать, насколько следовало посвящать его в суть дела. В таких случаях всегда возникает проблема, не повлечет ли за собой просьба о помощи какую-либо медвежью услугу. Тут многое решает темперамент людей, к которым обращаешься за просьбой, их четкое понимание своей роли. Иные сразу же бросаются в атаку на общего противника и, случается, проваливают все дело.

Впрочем, капитаны пассажирских судов — обычно люди выдержанные, солидные, почти всегда положительные. И, как правило, имели раньше опыт такого общения с представителями спецслужб. Это, разумеется, облегчает дело. Однако трудность заключается в том,

что Кусков сам не знает, какую помощь он хочет получить от капитана, поскольку все еще не решил для себя, как он, в конце концов, намеревается поступить с заговорщиками, с их документами и вообще со всей этой историей. А ведь капитан его непременно спросит об этом. И если не дать ему четкого ответа, он может подумать, что Кусков «темнит» или, что еще хуже, выдает себя не за того, кем является на самом деле. Тогда все может пойти наперекосяк.

Итак, что же нужно делать? Вариант первый: ознакомиться с документами, снять копии и проследить, кому и кем они будут переданы; вариант второй: изъяв документы, выявить всех участников заговора и арестовать их; вариант третий: ввязаться в открытую дуэль, одних арестовать, других убрать, а, добыв документы, изболочить потом остальных заговорщиков, оставшихся дома, а также и их зарубежных покровителей. И наконец, последний вариант: положиться на Бога и на обстоятельства, а там, как говорится, куда кривая выведет...

Конечно, полковник человек старой закалки и хотел бы получить четкий приказ, чтобы броситься в бой, а ему, понимаешь, пропели песенку: «Думайте сами, решайте сами...» Это странно: ведь если Кусков не справится с делом, быть большой беде, поэтому он просто обязан справиться. Однако ему необходимо подкрепление, реальная помощь, но ничего нет и в помине, будто речь идет о каком-то пустяке. И что из этого следует? А из этого следует, что либо речь идет на самом деле о пустяке, а значит, нет никакого заговора, а есть лишь группа мошенников, либо в Москве не смогли или не захотели оценить последствия возможной провокации... Значит? Значит, он, полковник Кусков, обязан во всем разобраться самостоятельно и сам принять окончательное решение.

Самый легкий вариант — первый: проследить, ознакомиться, снять копии, выявить. С этим он справится и один. Второй вариант посложнее: чтобы изъять документы и арестовать всех, нужны помощники. К тому же здесь возникает определенная проблема: заговорщики — далеко не все граждане России; третий вариант — очень мощный, самый разрушительный для заговорщиков, но для его осуществления нужны люди, такие как Блескунов, и не один майор, а хотя бы человека два-три. И это, безусловно, по-настоящему мужской вариант, наиболее эффективный. Четвертый — несколько вялый: он может перерасти в открытую драку, а может, что вероятнее всего, закончиться ничем...

Как человеку, лишенному поддержки, ему лучше выбрать первый вариант, и никто его за это не осудит. Да и за что?! Преступники окажутся разоблачены, и задуманная ими операция «Бегство» будет, возможно, предотвращена. Второй вариант он не осилит, тем более что существует вероятность того, что при малейшей оплошности и при отсутствии должной помощи второй вариант сразу же перерастет в третий...

Плохо, что ранен Блескунов и его нет рядом. Блескунов есть Блескунов, отчаянный парень, отличный боец, настоящий мужик и офицер. Следовало бы с ним обсудить, какой вариант действий принять. Впрочем, Кусков уверен, что Блескунов сразу же ухватился бы за третий вариант, в который майор, в сущности, и так уже ввязался. И Кускову нравится третий вариант. Что ни говори, а он, Кусков, тоже мужик и офицер, и вдобавок русский. А это что-нибудь да значит...

Но к капитану он пойдет с первым вариантом. «Да, Глеб Филиппович, есть подозрение... Да, Глеб Филиппович, хотелось бы проверить... Да, побывать в некоторых каютах. Нет, это не обыск, просто осмотр... Мое начальство очень рассчитывает на вас, дорогой Глеб Филиппович...» — приблизительно так представил себе разговор с капитаном теплохода Глебом Филипповичем Макариным полковник Кусков, идя к нему на прием.

Да, капитан действительно оказался красавцем — не зря женщины за столом говорили об этом: ему было лет сорок пять, высокий, сухощавый, с волевым открытым лицом, голубоглазый, слегка седеющий, чуточку горбоносый, почти прямые четкие брови — как мазок быстрой и точной кисти мастера, голос низкий, с хрипотцой бывалого морехода, и очень живые, выразительные губы. А если добавить к этому описанию еще и то, что капитанский мундир сидел на нем безупречно, а туфли сверкали, как черные лимузины, то можно понять, отчего этот человек так нравится женщинам.

— Полковник Кусков, — представился Кусков по-военному, стоя, — сотрудник Российской службы внешней разведки. Документ предъявить вам, разумеется, не могу, поскольку мы далеко от берегов нашей родины, но прошу вас поверить на слово, уважаемый Глеб Филиппович.

Сидевший на диване капитан пронзил его взглядом голубых глаз, глубоко вздохнув, положил ногу на ногу и сказал:

— Ладно, верю. К тому же, — усмехнулся он, — я получил радиogramму с просьбой принять вас.

Да, он был изыскан не только внешне, но и речь свою строил изысканно: «...с просьбой принять вас». А?!

— Присаживайтесь, пожалуйста, полковник, — сказал капитан, — и изложите мне суть вашего дела.

Кусков сел на предложенный стул и, промокнув лоб платочком — в каюте было жарко, — начал говорить:

— Есть подозрение, Глеб Филиппович, что группа людей, находящихся в качестве пассажиров на вверенном вам теплоходе, преследует в некотором роде преступные цели: изготовила и везет для передачи гражданам одного иностранного государства документы, которые содержат преступные замыслы, направленные на дестабилизацию об-

становки в России и на Украине, или, говоря проще, на разжигание межгосударственного конфликта с тяжелыми последствиями.

— Война, что ли? — спросил капитан.

— Да, война, — ответил Кусков.

Этот предельно простой вопрос капитана и столь же прямой ответ Кускова позволили мужчинам сразу же перейти от дипломатической формы общения к чисто деловой.

— Так сразу и сказали бы, — поблагодарил капитан Кускова за ответ. — А то закрутили такое предложение, что я подумал уже: «Ему не вывернуться»

— Вывернулся все же, — засмеялся Кусков, — хотя и сам подумал о том же.

— Значит, такое серьезное подозрение? — спросил капитан.

— Да уж, серьезнее не бывает.

— Хреновая ситуация.

— Вы правы.

— И чем же я могу вам помочь? Впрочем, об этом позже. А теперь растолкуйте мне, — попросил капитан, — что за люди, что за документы, кому они предназначаются.

— Это несколько человек. Часть из них мне известна, часть — нет. Назвать фамилии?! Мне не хотелось бы.

— Хорошо, не называйте.

— Люди эти представляют некую организацию, готовящую межэтнический конфликт в Крыму — между татарами, русскими и украинцами, который может повлечь за собой военное противостояние между Россией и Украиной. Но последнее — не цель, а лишь средство для изгнания русских с Украины, а также для захвата власти националистическими, или, точнее, национал-экстремистскими силами. Сейчас эти силы нуждаются в крупной финансовой поддержке некоторых кругов на Западе — каких именно и где, мне неизвестно — и взамен на эту поддержку везут им пакет важнейших документов, которые впоследствии послужат для западных кругов гарантией того, что их интересы в России и на Украине будут соблюдены. — Чувствуя, что он снова перешел на некий Дипломатический язык, Кусков добавил: — Короче, документы для наших заговорщиков — это деньги, а для западных покровителей — средство последующего давления и шантажа. К сожалению, это все, что нам известно об этих документах, если они вообще существуют...

— Даже так? Нет уверенности?

— Нет, — развел руками Кусков. — Чтобы была полная уверенность, надо хотя бы взглянуть на эти документы, пощупать их. А для этого надо сначала найти их. И тут есть одна зацепка, ниточка.

— Продолжайте. Я вас внимательно слушаю, — сказал капитан, закуривая. — Чертовски интересно, что это за ниточка?

— Документы или большая их часть изготовлены здесь, на тепло-

ходе. Стало быть, тут находится некий мозговой центр заговорщиков и тех лиц, которые ставят под такими документами подписи. Почему они изготовлены здесь — ответ довольно простой: их не нужно было переправлять через нашу границу, проходить таможенный досмотр и так далее. Словом, страховка от возможного провала уже на нашей границе. Это первое. Второе: чтобы изготовить документы, необходима техника — пишущая машинка, компьютер, ксерокс или еще что-то в этом роде. Не от руки же их писать? И вот: если мы узнаем, кто просил на теплоходе напрокат машинку или компьютер, то наверняка выйдем на этих людей. Но они могли взять машинку и компьютер с собой в круиз. В таком случае надо проверить, в какой каюте находятся эти вещи. И уже отсюда, как говорится, плясать...

— Проверить все каюты на теплоходе?

— Нет, — успокоил капитана Кусков. — Есть наметки. Кстати, убийство капитана Узина в Стамбуле, гибель Рудя в Греции, смерть Сутулова в Каире — все это связано с интересующими меня людьми.

— Даже так?

— Именно. Как видите, идет очень опасная игра. И не мы ее затеяли. Я знаю, кто это сделал, и хочу прежде всего проверить их каюты. Если вы мне поможете, Глеб Филиппович! Скажем, на Мальте, когда большая часть пассажиров сойдет на берег. Все надо сделать тайно и чисто, иначе я схлопочу пулю — и все дело окажется провалено.

— Да, да, — вздохнул капитан, — такое дело провалить нельзя. А теперь последний вопрос: успешное завершение дела — это что? Погоня, стрельба, драки... Что?

— Нет. Внешне все будет очень спокойно: я найду документы, сделаю их копии, прослежу, с кем наши заговорщики выйдут на связь, кому они передадут бумаги, и этим ограничусь. Все остальное произойдет уже не на теплоходе: арест заговорщиков, разоблачение преступных замыслов и так далее. Это вас устраивает? — спросил Кусков.

— Вполне, — ответил Глеб Филиппович и улыбнулся: такое завершение дела капитана теплохода, конечно же, устраивало — без стрельбы, погони и драк. — Но, — вдруг спохватился он, — уже погибли люди, как вы сами сказали. Где гарантия, что не будет новых жертв?

— Гарантии нет, — честно признался Кусков. — Скажу лишь, что за мной они пока не охотятся, за вами — не станут. Но... где черт не гадит, а, капитан?

— Понятно.

— Я рад, что мы пришли к взаимопониманию.

— Я тоже. С чего тогда начнем? С пишущей машинки и компьютера?!

— Вы очень догадливы.

— Хорошо. Я подумаю, как лучше это сделать, и доложу вам. Номер вашей каюты я знаю — мне сообщили в шифрограмме.

— А что еще вам сообщили? — поинтересовался Кусков.

— Да вот полный текст: «Примите Кускова из двадцать седьмой каюты и окажите ему всевозможную поддержку».

— А подпись? — спросил Кусков.

— Подпись нашего министра.

— Очень хорошо. До встречи.

Кусков, довольный беседой с капитаном теплохода, решил отдохнуть, спустился в свою каюту, распахнул иллюминатор, закурил. Черная вода с отсветами корабельных огней неслась мимо, снизу доносились всхлипы раздавленных волн. Каюту приятно наполнял запах близкой Воды. И отчего-то полковнику сейчас подумалось: впереди Мальта, Италия, Франция, Испания. Вот бы оказаться вдруг хоть ненадолго обыкновенным пассажиром, туристом, отдыхающим и думающим только о прекрасных странах, ждущих его впереди, блаженствовать, наслаждаться покоем и удачей. Ведь такой круиз — в самом деле огромная удача в жизни человека! А еще большая удача, если этот человек здесь с любимой женщиной, окружен настоящими друзьями... Везет же некоторым! При этой мысли полковник лишь тяжело вздохнул.

Ночь, день и еще одну ночь предстояло провести в море. Времени и возможностей для развлечений — хоть отбавляй. По этой причине никто из пассажиров не торопится ложиться спать. Хотя уже поздно, но за дверью еще слышны шаги, разговоры, смех... Конечно, как не понять: теплая ночь в Средиземном море — неужели она для сна?

Кусков решил выйти на палубу и был уже у двери, когда зазвонил телефон.

— Это вы, пассажир Кусков?

— Я, Глеб Филиппович, — узнал полковник бас капитана корабля.

— У меня для вас новость.

— Слушаю.

— Пишущую машинку в библиотеке и бумагу взяла журналистка из Львова Зоя Максимовна Кравченко. Компьютер с принтером имеется у руководителя круиза Михаила Васильевича Голубенко. У других пассажиров нет.

— Большое вам спасибо, Глеб Филиппович. Вы оказали мне неоценимую услугу, уверяю вас.

— Ладно, как-нибудь сочтемся. Кстати, об услугах: чаще всего заказывает ужин на несколько персон с доставкой в каюту некто Луценко, староста пятнадцатой группы. Обычно на шесть-семь персон. Заказы на ужин принимает наш ресторан. Это, скажу я вам, по нынешним временам довольно дорогое удовольствие. Особенно для человека, который всего лишь слесарь. Это я про Луценко. Хотя, наверное, теперь не только слесарь, но и сторож может огребать миллионы, если, конечно, знает, где они водятся. Я вас не разбудил?

— Нет. Еще раз спасибо, — поблагодарил Кусков.

— Вы хотите побывать в каютах этих людей? Под каким видом? Можно в качестве сантехника или электрика, — предложил капитан.

— Нет, к сожалению, — ответил Кусков. — Дело в том, что эти люди, кроме руководителя круиза, меня знают. А руководитель круиза, наверное, знает всех ваших сантехников и электриков.

— Значит, только в их отсутствие?

— Да.

— Хорошо. Договоримся завтра. До завтра, пассажир Кусков.

— До завтра, Глеб Филиппович.

На корме было многолюдно — так что появление здесь Кускова, к его удовольствию, не привлекло к себе особого внимания. Оглядевшись, он заметил стоявших недалеко профессора Кайданова и его неизменную спутницу Сильвию Аскольдовну и, не дожидаясь, когда его окликнут, подошел к ним сам.

— В моей жизни такой ночи больше не будет, — сказал Кайданов, вдыхая всей грудью. — Я старше вас, Сильвия Аскольдовна, и старше вас, Николай Дмитриевич, и уже, должно быть, не соберусь повторить такой круиз. Таю от блаженства и страдаю от неповторимости его.

— Перестаньте! — потребовала Сильвия Аскольдовна. — Опять сантименты! Что за мужик нынче пошел? Чуть что — сразу в сантименты. Никакой практичности, трезвого расчета.

— Не скажите, есть мужики очень даже практичные, — возразил Кусков, чтобы поддержать разговор.

— Это кто же? — сразу же накинулась на него Сильвия Аскольдовна. — Нет, вы покажите мне этих мужиков, покажите! — потребовала она. Но так как Кусков показать ей этих мужиков не мог, она продолжила: — Один дурень купил в Порт-Саиде белый костюм, пошел в нем в бар и облил красным вином! Это я про Хижняка. Это, по-вашему, практичный мужик? Практичный мужик купил бы черный костюм, а этот дурак — купил белый! А то вон еще другой, этот пан Романив, вздумал посвататься к известной вам Зое. Сам старый уже, песок сыплется, а туда же, к молодой полез, да еще к стерве... Теперь лежит с сердечным приступом. Хотя это его счастье, что она его отшила. А если б взяла и вышла за него? Это ж была бы трагедия на всю жизнь... А где Блескунов, наш лучший жених? К гречанке примазался, к иностранке. Разве это, по-вашему, практично? Теперь никто не знает, где его черти носят. А вы, Николай Дмитриевич?!

— А что я? — Кусков уже пожалел, что подошел к парочке. — Живу себе тихо, отдыхаю, никаких поступков не совершаю.

— Вот! И я об этом! Круиз, свобода, удовольствия кругом, далеко от семьи — а вы?!

— Что я? — не понял Сильвию Аскольдовну Кусков.

— Не пользуйтесь моментом, — объяснила ему Сильвия Асколь-

довна, впрочем, как подумалось Кускову, ее слова предназначались скорее профессору Кайданову, чем ему. — Момент редчайший: можно расслабиться, пошалить, покутить, поухаживать, наконец, за женщинами, а вы все жметесь, прячетесь, стоите в сторонке, будто за вами наблюдает в бинокль ваша жена.

— Почему в бинокль? — удивился профессор.

— А потому, что у нее нет подзорной трубы, — съехидничала Сильвия Аскольдовна.

Надоедливая Сильвия Аскольдовна говорила еще что-то, но Кусков уже не слышал ее слов, так как перед троицей неожиданно возникла рыженькая Нора, взяла Кускова под руку, будто он только и мечтал об этом, и сказала, уводя его от Кайданова и Сильвии Аскольдовны:

— Погуляйте немного со мной, поговорите, поделитесь своими впечатлениями о Египте... Знаете, я такая рассеянная, что только либо смотрю, либо только слушаю, а вместе смотреть и слушать не умею. Поэтому я в Египте что-то видела, а что-то слышала. И вот не знаю, как все это связать воедино. А у вас, наверное, такой проблемы нет, вы все знаете и все-все мне расскажете, правда?

Разумеется, они были знакомы, Кусков и Нора, поскольку сидели почти рядом за одним столом в ресторане во время приема пищи. Однако, как подумалось Кускову, их отношения с Норой еще не столь близкие, чтобы на виду у всех прогуливаться друг с другом под руку. К тому же Нора — признанная красавица, за нею ухаживают многие мужчины, а он, Кусков, и не красавец, и не молод, и вообще не давал никакого повода к тому, чтобы Нора могла пофлиртовать с ним.

— Знаете, — сказал полковник, — я тоже не большой знаток Египта. Вот если бы обратиться к профессору Кайданову...

— Его Сильвия заграбастала, — сказала Нора, — к нему из-за этой ведьмы не подобрешься.

Не зная, что бы такое сделать, чтобы Нора оставила его, Кусков вдруг спросил:

— Нора, а вам не холодно? — И тут, к своему глубочайшему смущению, заметил, что на Норе столь легкая и такая прозрачная кофточка, что стоять рядом с ней было просто опасно.

— Да, вы обратили внимание? — озорно засмеялась Нора. — Вам нравится? — Женщина подергала плечами, отчего под кофточной, которой как бы и вовсе не было, забегали груди.

— Очень красивые, конечно, но... Вы рискуете простудиться, — продолжил Кусков, чувствуя, что его положение становится все более глупым, тем более что уже были слышны похихикивания окружающих. — Я же ничего не могу вам предложить: мой пиджак остался в каюте...

— Можно вместе сходить за ним, — сказала Нора.

Она, конечно, разыгрывала его, он это понимал и догадывался,

что у нее есть зрители, ради которых ставился весь этот спектакль, но что полковник мог поделаться: не бежать же было ему от нее.

— Вместе? — переспросил он, теряясь. — Я могу один...

— Вместе, вместе! — еще более развеселилась Нора. — Пойдемте вместе за вашим пиджаком! — произнесла она так громко, что ее слова, пожалуй, услышала вся корма.

— Да, но... Он будет вам велик...

— Не будет!

— Будет! — слишком горячо возразил Кусков.

— Не будет! — еще громче расхохоталась Нора, прижимая руки к груди. — Не будет! Ладно, — сказала она, устав от смеха, но по-прежнему не отпуская Кускова. — Вы такой робкий, Николай Дмитриевич! Почему?

— Не знаю, — злясь на самого себя, ответил Кусков. — И все же вам лучше одеться бы потеплей...

— Хорошо, хорошо, — пообещала Нора, — я оденусь! Пойду и оденусь. Пятиминутное дело. Мне и в голову не приходило, что вы станете так беспокоиться о моем здоровье. Здесь нет никакого умысла. Я торопилась, а эта штучка сломалась. Застежка такого отвратительного качества. Это ведь отечественный лифчик. А чемодан было не открыть, чтобы взять другой: Клава, моя соседка, для форсу взяла мою сумочку вместе с ключиком от чемодана. Ну я и плюнула на все. Не надевать же плащ, в самом деле: не та географическая параллель. Да и дамы все наши ходят нынче расфуфыренные, вы видели? Или не видели? Признавайтесь: вы обращали внимание на наших шикарных дам?

— Нет, — ответил Кусков. — Не обращал.

— Жаль. А некоторые оделись специально для вас.

— Это кто же, например?

— Например, я. Чуть раньше я была в строго черном платье со стоячим воротничком, а поверх — золотая цепочка. За ужином. Неужели не видели?

— Нет, не заметил как-то. А почему же вы теперь не в нем?

— В нем жарко. Но я и так, кажется, выгляжу отлично, правда? — Нора снова кокетливо повела плечами.

— Да, хорошо, — отвернувшись, ответил Кусков.

Они вошли под навес, где было почти темно, и встали у перил. До воды было метров пять, а может быть, и того меньше.

— Боюсь смотреть вниз, — сказала Нора. — Так и тянет. А вас не тянет?

— Нет, — ответил Кусков. — Я вырос у озера, давно привык к воде и чувствую себя в ней как рыба. Однажды на спор проплыл километров десять, — не удержавшись, похвастался он. — Вдоль берега, конечно. Но и заплывал далеко. Раньше. Теперь не рискую — сердце пошаливает.

— Болит или пошаливает? — спросила Нора.

— И то и другое случается.
— А хотите, я вас вылечу?
— Как?
— Расстегните, пожалуйста, рубашку. Я вас поцелую в грудь против сердца — и все пройдет. Да, да! Не смейтесь! Я экстрасенс.
— Экстрасенс?
— Расстегните же рубашку, — потребовала Нора.
— Не буду, — сказал решительно Кусков.
— Ну и не надо, — обиделась Нора. — Тут надо верить... У вас был шанс, но вы упустили его. Теперь подумайте, сколько людей упускает шансы, когда не верит... Ну обнимите же меня! — вдруг сказала она. — Не будьте букой и не бойтесь: я не полезу к вам в постель. — Женщина взяла руку полковника и положила себе на плечо. — Мне же холодно!
— Извините, — растерялся Кусков. — Я не подумал, что можно так, что так теплее... И все же вам лучше пойти и одеться.
— Не убежите? — Нора заглянула ему в глаза, совсем близко придвинув к нему лицо, что он ощутил на своих губах ее дыхание.
— Не убегу, — пообещал Кусков.
— Хорошо, я вам верю, — сказала Нора.

Он остался один. Огляделся по сторонам. Поблизости никого не было. Закурил — занятие все-таки, и проходящих мимо не напугаешь: огонек сигареты хорошо виден в темноте. Но зря старался: выкурил сигарету, а никто так и не появился. Курить больше не хотелось. Кусков облокотился на перила и стал смотреть вниз, на воду.

Неподалеку послышались чьи-то шаги, затем раздались голоса. Он невольно прислушался. Разговаривали трое: двое мужчин и женщина. Разговор вполне обычный: что-то о ценах, немного о погоде. Одного из говорящих полковник, кажется, узнал — это был Лепицкий, помощник руководителя круиза. Не ошибся. Когда гуляющие приблизились, он вышел из тамбура на свет и кивнул Лепицкому головой.

— А, это вы? — узнал его Лепицкий. — Добрый вечер.
— Здравствуйте.
— Вы идите, — сказал Лепицкий своим спутникам, — а я поболтаю с Николаем Дмитриевичем.

Ни женщину, ни мужчину, бывших рядом с ним, Кусков не знал, как и сотни других людей, путешествующих на громадном теплоходе.

— Почему здесь, в гордом одиночестве? — поинтересовался Лепицкий, когда его спутники удалились. — Не спится? Впрочем, мне тоже: иногда хочется тишины. Устаешь от застолий, от экскурсий, вообще от развлечений. Я иногда думаю, находясь здесь, что поговорку «Делу — время, потехе — час» надо переделывать на другой манер: «Размышлениям — время, развлечениям — час».

— В этом что-то есть, — согласился Кусков. — Но я жду женщину, — похвастался он.

— Хо-хо! — восхитился Лепицкий. — Это что-то новое!

— Почему новое? По-моему, очень старое: мужчина ждет женщину — в этом вся жизнь...

— Вы мне очень нравитесь, потому что философ. Я очень люблю философов: они иногда такое скажут, что душа переворачивается. Мне сразу уйти или потом, когда она придет? — спросил Лепицкий.

— Когда придет, — ответил Кусков.

— Я ее знаю?

— Не уверен.

— Познакомите?

— Почему бы и нет! Хотя, честно говоря, я и сам-то с нею едва знаком.

— Да вы донжуан!

— Ну, не совсем...

— Хорошее занятие, — стал разглагольствовать Лепицкий. — Я сам люблю знакомиться с женщинами. Это всегда волнует. И волнует самым приятным образом. Впрочем, не мне вам рассказывать: думаю, что у вас опыт побогаче моего, вы ведь старше.

— С тем, что я старше вас, согласен, а вот с тем, что мой опыт богаче вашего, — можно поспорить.

— Слушайте, Николай Дмитриевич, а что, если объединить сегодня наши усилия?

— Вы о чем?

— Я приглашу свою знакомую, вы — свою, и мы все вместе, вчетвером, а можно и еще пригласить парочку-другую, устроим маленький кутеж? Скажем, у меня в каюте. Или у вас. У вас ведь отдельная каюта?

— Отдельная.

— Так это же просто замечательно! У меня есть кое-какие горячительные запасы. Ну?

«Ах, черт подери, — подумал Кусков. — Сейчас бы Блескунова сюда, вот была бы вечеринка!..»

— Я согласен, — ответил Кусков. — Но надо выяснить у моей дамы, согласится ли она.

— Лады. Сейчас спросим. И быстро все организуем.

— Но не в моей каюте, — предупредил Кусков. — У меня за стеной — одна старая, очень ворчливая пара, будут жаловаться, ведь мы без шума не обойдемся...

— Хорошо. Погуляем в моей.

У полковника застучало сердце: ему просто не терпелось узнать, кого пригласит Лепицкий, какую «пару-другую», и кого он представит в качестве своей знакомой. Уж не Зою ли Максимовну Кравченко, журналистку из Львова?

Пришла Нора, одетая на этот раз в длинную, до колен, красную кофту. Лепицкий, увидев Нору, зацокал от восхищения языком.

— Заместитель руководителя круиза, — представил Кусков Гену, — бесстрашный борец с «однорукими бандитами». Сегодня с Геннадием Степановичем мы отняли у «одноруких» по пять долларов.

— Поздравляю, — улыбнулась Нора. — Очень рада за вас.

Кусков изложил ей план, предложенный Лепицким.

— Нет, — решительно воспротивилась Нора, чего от нее Кусков никак не ожидал. — Я заклятый враг кутежей. И вообще, я хочу с Николаем Дмитриевичем, — объяснила она Лепицкому, — провести какую-то часть ночи, любуясь морем.

— Ладно, — пожал плечами Лепицкий. — Позвольте в таком случае откланяться. Приятных вам ассоциаций, как говорит один мой друг.

— Он вам не понравился, — догадался Кусков, когда Гена ушел.

— Да, — сказала Нора. — Он противный. И потом — он пытался бы отбить меня у вас: я знаю таких типов. Слышали, как он цокал языком, когда увидел меня?

— Слышал.

— Не отдавайте меня никому, — сказала Нора. — К тому же вы лучше многих других. Уверяю вас. Я вам очень-очень пригожусь. Особенно теперь, когда с вами рядом нет Блескунова...

— Я вас не понимаю, — насторожился Кусков. — О каком Блескунове вы говорите? О том, что связался с гречанкой и пропал?

— А что, есть разве другой Блескунов?

— Нора, я не имел с этим Блескуновым никаких отношений. Почему вы о нем говорите?

— Потому что вам без него скучно. Или я не права?

— Повторяю, я...

— Перестаньте, — сказала Нора. — Я все знаю. Например, о том, как вы и Блескунов прикончили в Каире одного бандита, который сначала пролетел мимо моего окна, а затем на ваших плечах был отнесен в развалины и там брошен...

— Вы очень рискуете, Нора, утверждая подобное, — сказал Кусков и пожалел, что забыл пистолет в каюте, хотя уже неоднократно внушал себе мысль, что с оружием расставаться нельзя ни на минуту.

— Ладно, Николай Дмитриевич, — перешла на серьезный тон Нора. — Не буду вас больше мучить и представляюсь — Нора Корбут, сотрудник СВР. С вашего позволения, товарищ полковник, являюсь майором. Мне сообщили номер вашей каюты и попросили присоединиться к вам, если я понадобится. Теперь, когда вы потеряли Блескунова, я подумала, что вам крайне необходима моя помощь. К тому же я очень красивая, правда? Это так удобно: иметь красивую помощницу...

— А что такое СВР? — спросил Кусков.

— Николай Дмитриевич, ну перестаньте же запираться!

— Нет никаких доказательств, что вы...

— Есть, — сказала Нора. — Я знаю, что вашу жену зовут Елена Николаевна, я знакома с вашим начальником, генералом Кригером, я, наконец, общалась с капитаном Узиным...

— Ладно, — сдался Кусков... — Плохо, однако, что Лепицкий связал вас со мной.

— Пусть думает, что я ваша любовница.

— Конечно, пускай. Но если ему удастся разнюхать, кто я или вы на самом деле, он перестанет так думать. Впрочем, черт с ним! Я очень рад, Нора, что вы со мной.

— Я, признаться, тут тоже скучала, а теперь будет веселей.

— Надеюсь. — Кусков обнял Нору и поцеловал в щеку. — Пойдемте ко мне в каюту, — предложил он, — я кое-что вам расскажу. Но если вы надули меня, рыженькая бестия, я вас пристрелю.

— Замечательно, — засмеялась Нора. — Я очень польщена вашим доверием.

В каюте Кусков первым делом поведал Норе о том, что случилось с Блескуновым и где он теперь.

— Слава Богу, — перекрестилась Нора, когда узнала, что Блескунов жив. — А я, грешная, подумала уже, что его убили. Он мне нравится, — призналась она. — Такой лихой парень... Я его приревновала к этой его хорошенькой гречанке.

— У них любовь, — заметил Кусков.

— В том-то и дело. Я ведь тоже могла бы ему понравиться, если бы не эта гречанка.

— Зачем вам это, Нора?

— Как — зачем? Я женщина свободная, а он, насколько я знаю, вдовец... К нему липла еще эта Зоя. Вы ведь хотите поговорить со мной о Зое Кравченко, не правда ли?

— Да, вы угадали.

— Я кое-что уже знаю о ней. Тут, на теплоходе, есть ее землячка, которая отнеслась ко мне сочувственно, когда узнала, что Зоя стала мне поперек дороги. Так вот, эта землячка сказала, что Зоя одна из тех, кто готов перерезать горло любому русскому. Часто выступает со злобными нападками на все русское в местной прессе. Тем и известна.

— Не только этим.

— Чем же еще?

— Это нам предстоит узнать...

Затем Кусков и Нора обсудили план совместных действий: когда теплоход придет в Ла-Валлетту и все пассажиры сойдут на берег, Нора побывает в каютах Зои и Командарма, а Кусков тем временем вместе с группой отправится на экскурсию, чтобы не выпускать из поля зрения заговорщиков, следить за каждым их шагом.

— У вас с женой хорошие отношения? — перед тем как уходить, неожиданно спросила Нора.

— Хорошие, — ответил Кусков. — А что?

— Я могла бы остаться, — кокетливо повела плечом Нора. — Что-бы ввести наших противников, так сказать, в заблуждение, — засмеялась женщина.

— Знаете, у меня Елена Николаевна — тоже в известном смысле экстрасенс.

После завтрака Кусков снова повстречал Лепицкого в зале игровых автоматов. На этот раз им обоим не повезло. Проигрыш отметили несколькими банками пива. Кусков видел, что Лепицкому хочется о чем-то спросить, но что-то мешало ему сделать это. Может быть, даже лицо Кускова, которое все время выглядело излишне строгим и, как казалось самому полковнику, неприступным: такую он изобрел себе на это утро маску. Но, в конце концов, эта маска надоела Кускову, и он сам, предлагая Лепицкому иной стиль общения, вежливо поинтересовался:

— Удалось вам вчера повеселиться?

— Разумеется, — обрадовался Лепицкий. — Здорово покутили.

— Были женщины?

— А как же! Что наша жизнь без женщин? Ну а вам чем обломилась прошлая ночь, позвольте нагло полюбопытствовать.

— Это была замечательная ночь, — хитро улыбнувшись, ответил Кусков.

— Еще бы! Нора эта — высший класс! Правда, меня несколько смутило... — Лепицкий замялся.

— Что именно?

— Ну, некоторая разница в возрасте и то, конечно, что она, такая красивая, выбрала, извините, вас, а не какого-нибудь Аполлона.

— Старый конь, как известно, борозды не портит, — усмехнулся полковник, — это первое, а во-вторых: с лица воды не пить.

— Вы человек из народа, верно? Кстати, чем вы занимаетесь в жизни? Ведь это не секрет?

— Какой же секрет — я заслуженный железнодорожник России, — буркнул Кусков первое, что пришло в голову.

— Заслуженный?!

— Только так! А вы, Геннадий Степанович? Чем вы занимаетесь в жизни?

— Служу-с, — ответил Лепицкий, — в турбюро. Словом, я всегда при деле — и когда отдыхаю, и когда работаю. А Нора — она, наверное, фотомодель или секретарь министра — словом, что-то очень престижное? Знаете, когда имеешь такое классное тело и столь выразительное лицо — жизнь, наверное, улыбается.

— Тут я еще не все выяснил...

— А там? — гаденько захохотал Лепицкий. — Там вы уже кое-что выяснили?

— Это опасная тема, Гена! — довольно резко ответил Кусков. — Тут подобает быть сдержанным.

— Конечно, конечно, — согласился Лепицкий, видя, что зашел

слишком далеко. — Тут вы абсолютно правы. И все же мне хотелось бы покутить с вами и Норой. Знаете, вы оба мне очень симпатичны.

— Что ж, пожалуй, это можно устроить.

— Как? Неужели вы уговорите Нору?

— Во всяком случае, попытаюсь.

Полковник и Нора купались в бассейне. У женщины неловко соскочил, расстегнувшись, лифчик. И все, кто был в этом момент на корме, собрались у бассейна, наблюдая, как Кусков стал нырять за этим чертовым лифчиком. Рыженькая Нора, лежа на спине и болтая ногами, терпеливо дожидалась, когда же Кусков наконец отыщет на дне утонувшую часть ее туалета...

— Я, конечно, понимаю, что вам нравятся ваши груди, — сказал Норе Кусков, когда после купания они сидели в баре и пили вино.

— А вам? — опустила свои большие глаза Нора. — Вам они не нравятся?

— Да не о том же речь, — стал нервничать Кусков. — Я о другом: вы намеренно их демонстрируете публике, да?

— А вы ревнуете, правильно?!

— Ох, Нора, — вздохнул Кусков. — Просто не знаю, как вы оказались на службе в столь серьезном учреждении.

— Именно благодаря этому. Мои груди очень понравились одному генералу.

— Бог с вами, Нора, — попытался остановить ее Кусков.

— Да, да! Очень понравились. Так понравились, что он выдал мне один ужасный секрет, военную тайну.

— Военную?

— Конечно.

— Зачем она вам понадобилась, черт побери?

— Не мне, а нашей с вами стране.

— Ах вот как!

— Да, у меня очень заслуженные груди. После случая с генералом я украсила их орденом и медалью. На этой стороне — орденом, — женщина ткнула себя пальчиком в правую грудь, — а на этой стороне — медалью, — ткнула она пальчиком в левую.

— А что вы скажете о моей Елене Николаевне?

— Ничего. Лишь то, что ее так зовут. Мне сообщили имя, чтобы я могла убедительно представиться вам.

— Понятно. Сегодня вечером пойдем гулять к Лепицкому, — вдруг объявил полковник.

— Это задание? — поинтересовалась Нора.

— Да, задание.

— Слушаюсь. Впрочем, мне нравятся кутежи.

— Нравятся? Чем же?

— А тем, что мужчины там забываются и позволяют себе некоторую свободу действий. Бедный вы мой, бедный, — погладила Нора Кускова по плечу, — вы так замучились, ныряя за моим лифчиком.

— Я не замучился.

— Повторим? — рассмеялась Нора.

— Повторим, — ответил Кусков. — Но не сегодня. Потом как-нибудь, когда закончим дело. Кстати, о деле: во время пирушки все слушать, за всеми наблюдать и мотать на ус. Самим же не расслабляться...

— Это ясно. Кстати, а почему вы не отпустите усы? Усы, знаете ли, так приятно щекочут...

— Нора! Все, я оставляю вас. Развлекайтесь в одиночестве.

— Николай Дмитриевич, — остановила Нора Кускова, нежно взяв его за руку. — Ну что вы, право? Это же игра, неужели не ясно! Скучно ведь до чертиков.

— Ладно, — смягчился Кусков. — Игра так игра. Но не стоит играть на публику.

— Отчего? Пусть все считают нас немного прибабахнутыми. Это очень удобно. Однажды я сыграла роль прибабахнутой служанки и получила за это один орден — вот сюда, — женщина ткнула снова себя пальцем в правую грудь, — и одну медаль — вот сюда!

— И сколько же теперь у вас орденов и медалей?

— Штук семь или восемь, наверное. Я не считала. Помню, однажды нацепила их все сразу, так у меня груди заболели...

— А сколько вам лет?

— Тридцать с маленьким хвостиком. Маленький такой, рыженький хвостик... Значит, вечером пирушка? Что посоветуете мне надеть?

— Хотите спросить, что вам снять?

— Вот. Вы уже кое-чему научились. Это меня радует, дорогой Николай Дмитриевич.

Они пришли к Лепицкому, когда там уже собрались все приглашенные: Зоя, Стронский, некто мордатенький в очках с позолоченной оправой и с большим массивным перстнем с рубином на правой руке, совершенно незнакомая дама, которую ни Кусков, ни Нора прежде не встречали, и еще один тип, молодой, верткий, встречавшийся Кускову неоднократно в ресторане. Познакомились: человек в золоченой оправе представился как Григорий Петрович, референт турбюро по средиземноморским странам; даму звали Ольгой, она, если верить Лепицкому, являлась диктором судового радио; молодой верткий хлыщ по имени Кирилл действительно работал в ресторане официантом. Зоя назвалась «газетчица»; Стронский упомянул лишь свое имя и отчество — Николай Афанасьевич.

— А кто вы? Вы кто? — допытывался у Норы Лепицкий. — У женщины столь редкой красоты должна быть и соответствующая профессия. Откройте нам свою тайну, Нора!

— Я прорицательница, — сделав невозмутимое лицо, ответила Нора. — Известная в Москве предсказательница судьбы. Не Ванга, конечно, но и не хуже. Прорицательница Нора. Не слышали?

— Неужели? — не поверил Лепицкий. — Не может того быть!

— Отчего же вы так считаете?

— Ну, все-таки как-то не вяжется с вашим интеллигентным видом столь темная профессия.

— Вяжется, вяжется, — ехидно усмехнулась, покачивая пышной гривой прелестных рыжих волос Нора. — Еще как вяжется! Вот возьму сейчас и предскажу вам судьбу — поплачете после!

— А почему поплачу?

— Потому что судьба у вас незавидная.

— Как это? — по-дурацки захихикал Лепицкий. — На самом деле?

— Разумеется. Мои предсказания всегда сбываются.

— И что же меня ждет в отдаленном, так сказать, будущем?

— Зачем — в отдаленном? Никакого отдаленного будущего нет, — сказала Нора, неожиданно ткнув указательным пальцем Лепицкого в лоб. — У вас есть только ближайшее будущее, на котором все и закончится...

— Нора, ну стоит ли расстраивать человека в такой хороший вечер! — попытался остановить Нору Кусков: затеянная ею игра не нравилась ему.

— Пусть скажет, пусть скажет! — потребовал Лепицкий. — И зачем вы ткнули меня пальцем в лоб?

— Потому что... — Нора сделала паузу и окружающие в ожидании ее ответа внезапно замолчали. — Потому что в том месте, куда я ткнула пальцем, у вас в ближайшем будущем появится аккуратная дырочка от пули...

— Черт знает что! — возмутился Григорий Петрович, референт турбюро по средиземноморским странам. — Что за идиотские шутки?

— Я и вам могу предсказать судьбу, — сказала ему Нора. — Хотите?

— Увольте! Это же глупо, наконец.

— А мне можете предсказать судьбу? — полюбопытствовала Зоя.

— Вам не могу.

— Отчего же?

— Женщинам не предсказываю.

— А из какого вида оружия будет выпущена пуля? — принялся за старое Лепицкий.

— Прекратите! — потребовал Стронский. — И вообще пора за стол!

— А где ваш прежний жених? — намеренно спросил Нору Лепицкий, когда все уже сидели за столом. Судя по всему, это была явная месть с его стороны. — У вас ведь был молодой жених, все это видели, а теперь вдруг другой...

— Мне это не нравится! — предупредил Лепицкого Кусков.

— Верно, перестань хамить, — поддержала Кускова Зоя.

— Извините, — сказал Лепицкий, — я, кажется, слегка того...

Мордатый Григорий Петрович, чтобы примирить присутствующих, произнес тост.

— В конце концов мы победим, — заявил он, — и в мире восторжествует полная справедливость — будет изобилие вина, много прекрасных, очаровательных женщин и мужественных мужчин.

Когда компания основательно опьянела, и начался громкий бестолковый разговор, при котором никто никого не слушает, Кусков обратился к Норе:

— Пожалуй, пора уходить — все самое интересное уже закончилось.

— Не все! — возразила женщина. — Сейчас увидите. — Нора отстранилась от Кускова, постучала вилкой по пустому бокалу, требуя тишины, и громко обратилась к Лепицкому: — Лепицкий! — Язык у Норы, казалось, слегка заплетался. — Сейчас я могу точно сказать, из какого вида оружия вам продырявят башку!

— Опять! — схватился за голову Григорий Петрович. — Перестаньте, прошу вас!

— Это ты перестань, — сказала ему Нора нарочито пьяным голосом. — Напился — так не возникай. А я хочу поговорить с Лепицким.

— Я слушаю тебя, — отозвался Лепицкий. — Прорицательницу надо не только слушать, но и слушаться, а то такое предскажет, что и в страшном сне не приснится. Правда, Нора? Скажи этому Григорию Петровичу что-нибудь этакое, прошу тебя! — Лепицкий, смешно размахивая руками, опрокинул недопитый бокал с вином, вскочил на ноги и чуть не свалил вместе со стулом Ольгу, дикторшу судебного радиоузла.

— Сядь! — приказала ему Нора. — И слушай внимательно, — добавила она, когда Лепицкий сел.

— Есть, товарищ майор! — козырнул Лепицкий.

У Кускова екнуло под сердцем. Обращение пьяного Лепицкого к Норе «товарищ майор» могло быть, конечно, случайным, но почему, скажем, не «товарищ капитан» или не «товарищ генерал»?

— Уйдем, — незаметно для других дернул Нору за рукав Кусков. — Ты слышала?

— Подождите, — отмахнулась рыженькая красавица от полковника и вновь обратилась к Лепицкому: — Тебе продырявят башку из пистолета Макарова калибра девять миллиметров.

— Благодарю за конкретность информации, — приподнявшись, поклонился Лепицкий. — Очень тронут.

— Зачем ты это сделала?! — отругал Нору Кусков, когда они, уйдя от Лепицкого, стояли на палубе. — Что за дикая игра?

— Это не игра, Николай Дмитриевич, — ответила Нора. — Тут дело гораздо хуже: Лепицкий меня вычислил — и я предупредила его, что пристрелю.

— Как? Неужели? Когда ты об этом узнала?

— Сегодня. Впрочем, возможно, что я ошиблась, тогда это — действительно только глупая игра, как вы сказали.

- А что произошло?
- Кто-то рылся в моих вещах и вытащил из моего пистолета обойму с патронами.
- Это ПМ?
- Да, ПМ. Когда Лепицкий спросил про моего «бывшего жениха», сделав это нагло, по-хамски, мне показалось, что за этим что-то кроется. Дело в том, что я сегодня видела моего «бывшего жениха» в компании с Лепицким. А обойму мог вытащить только он.
- Объясни, черт побери, кто этот «бывший жених»?!
- Да так, один симпатичный молодой придурок, мой грех, как говорится.
- Ты крайне неосторожна!
- Я не предполагала, что... Ладно. Короче, если обойму стащил мой воздыхатель и у него налажена связь с Лепицким, то, выходит, меня вычислили...
- Нет, — возразил Кусков. — Не вычислили. Гена мог лишь установить, что у тебя имеется пистолет. А это не называется «вычислить». Просто есть оружие — вот и все.
- Хорошо бы, если так.
- Остановимся на этом предположении. Теперь дальше: Лепицкий обязательно захочет узнать, откуда у тебя оружие и кто ты на самом деле. Он ведь не зря сегодня допытывался о твоей профессии. Не зря, это ясно! А твой «бывший жених» разве ничего не знает?
- Нет.
- Ладно. А какая профессия у твоего «бывшего жениха»?
- Просто молодой придурок, петушок.
- Хорошо. Тогда придурок отпадает, а вот Лепицкий непременно заинтересуется моей скромной персоной.
- Кажется, уже заинтересовался. Разве не так? Подумайте.
- Ты права, Нора!
- Стало быть, очень даже неплохо, что мы это выяснили, побывав на вечеринке у Лепицкого, да?
- Неплохо, — согласился Кусков. — И выпили на халяву, — засмеялся он. — Теперь, однако, нужно быть крайне осмотрительными. И ускорить дело.
- Я согласна, — сказала Нора. — А вы заметили, как Зоя на меня смотрела? — вдруг спросила она.
- Как?
- Она ведь красивая сука. Но я ее сегодня затмила, правда?
- Без всяких сомнений, — ответил Кусков, усмехнувшись, и подумал, что женщина всегда остается женщиной...

Нора ушла, а Кусков остался на палубе покурить. И просто любоваться звездами — когда-то еще доведется?! Он закурил и, вдыхая табачный аромат, посмотрел сначала на звездное небо, затем, стряхивая пепел, перевел взгляд на шуршащую у борта черную воду. И вдруг

все это пропало, все закончилось неожиданной вспышкой света, после которой он исчез...

...Кусков долго не понимал, что же с ним происходит. Ощущения были как во сне, алогичные и бредовые. Все это время он выкарабкивался из какой-то жидкости, не понимая, где верх и где низ, — в крошечной и беззвучной тьме. Легким не хватало воздуха, не было опоры. Руки и ноги действовали самостоятельно, в силу каких-то условных рефлексов. А там, где был он, все происходило бессмысленно: кружение, удушье, снова кружение, рвота, чьи-то удары в грудь, в спину, опять кружение, вновь удушье и никакого просвета ни в мыслях, ни в пространстве. Первым осознанным чувством стало ощущение опасности. И тогда воля ума соединилась с волей тела. Он понял, что надо держаться на поверхности и не поддаваться засасывающей его черной и холодной жидкости. В этот момент он явственно ощутил боль в голове — пульсирующее жжение. По давней привычке пловца — это было неосознанное действие — перевернулся на спину. Пульсирующее жжение в голове ослабло, и он увидел свет — разреженный, неплотный туман, из которого тут же высветилась ослепительно белая фигура электрика Хижняка. Хижняк подошел к нему и остановился.

— Не лежи на воде как дохлая рыба, хрен тебе в шапку, — сказал он Кускову. — Поднимайся и иди за мной!

— Как идти? — не понял Кусков. — По воде?

— Можно и по воде, — ответил Хижняк. — Другие же идут — и ничего.

Кусков увидел других: цепочку молчаливых людей, стоящих за Хижняком. Все они были в белом, как и Хижняк. Кусков узнал только первых: Кайданова, Агнию Петровну, Сильвию Аскольдовну, Нору и пана Романива. Лица их выражали скорбь. Они не смотрели на него.

— Что случилось? — спросил Кусков. — Куда вы идете?

— Туда! — неопределенно махнул рукой Хижняк. — Вставай!

Кусков попытался встать и снова провалился в черную пучину. Когда он всплыл, Хижняка и всех, кто стоял за ним, уже не было. Он увидел над собой звезды. Целую россыпь ярких звезд, пересеченную Млечным Путем. К нему вернулась память. Он вспомнил, что с ним произошло на теплоходе. Удивился, что жив. Ужаснулся, оценив свое положение: один в море, ранен, а вокруг, кроме звезд, никаких огней. Когда снимал с ног туфли — те мешали ему лежать на спине, тянули вниз, — левую ногу свела судорога. С трудом избавился от нее. Подумал, что погибнет не от страха, не от раны на голове, а от жуткого холода: еще час-другой — и мышцы его онемеют. Надо бы двигаться, плыть, но куда? На запад? На север? Он не знал, куда ушел теплоход. А времени прошло много — на воде не осталось никакого следа. Значит, больше смысла в том, чтобы не плыть никуда...

Второе, что он сделал: стащил с себя рубаху и обвязал ею голову. Это нужно было по двум причинам: чтобы остановить сочившуюся из раны кровь и чтобы легче можно было обнаружить его в луче прожектора, если таковой когда-нибудь появится... Появится ли? В это он не верил, но оставлял маленький шанс Судьбе...

Как это произойдет? Будет больно и очень страшно? И ему придется кричать? Звать на помощь? И он сойдет с ума? Кому нужна будет его безумная душа? Во что ей вновь воплотиться, в какое ужасное существо? И зачем ему дано время, чтобы думать об этом?

Он плывал по кругу, чтобы согреться, и снова лежал на спине в холодной черной воронке, из которой видны только звезды. Не проще ли погрузиться в воду и глубоко вдохнуть воздух?

Однажды он видел сон, о котором никому не рассказывал: две комнаты, соединенные дверью; первая — просторная и светлая, кажется, совсем пустая, вторая — маленькая и темная, в ней стоит стол, заваленный бумагами; он находится во второй комнате, у стола, перебирает бумаги, дверь в первую открыта, там никого нет; и вдруг он слышит шаги, четкие, неторопливые, свои собственные шаги в первой комнате; смотрит в дверь, там по-прежнему никого нет, но шаги приближаются; его охватывает ужас: он понимает, что это приближается его смерть; он хватается за стул, чтобы загородить им дверь, но руки его не слушаются... Он умер в том сне от ужаса. И никому не рассказывал о нем.

И вот руки его не слушаются, проваливаются в воду, как в пустоту. Он снова переворачивается на спину и говорит себе: «Ну же, хватит!»

Что было между этим мгновением и тем, другим — великим и счастливым, когда он увидел на горизонте пляшущие огни прожекторов, Кусков не знал и не помнил того, как к нему подошла шлюпка, как поднимали из воды и как Хижняк, страшно бранясь, нес бережно потом его на руках в медпункт.

Первым, с кем Кусков заговорил, был судовой врач.

— Ну? — спросил улыбающийся мужчина, склонившись над Кусковым. — Мозги включились? Вижу, что включились. И что же там, в ваших мозгах? Какие вопросы?

— Да, да, — ответил Кусков. — Сейчас соображу.

— Соображайте быстрее. Весь теплоход сгорает от любопытства. Все жаждет узнать, что с вами произошло.

— Какой теплоход? — спросил Кусков.

— А, замечательно! — похвалил врач. — Просто великолепно! Отвечаю на ваш вопрос: тот самый теплоход, с которого вы... упали? спрыгнули? были сброшены? Что?

— Спрыгнул? Вы считаете меня сумасшедшим?

— Умница! — врач погладил его по руке. — Просто умница! Я за вас спокоен. Теперь так, даю необходимую для вас информацию: вы пробыли в воде около трех часов, изрядно переохладились, но никаких опасных для вашего здоровья последствий пока нет — это первое. Второе: на голове у вас рана, хотя, к счастью, череп цел. Подумайте, как она у вас появилась: при падении в воду такую травму вы получить не могли. Третье: в ваших брюках, в заднем кармане, в целлофановом пакетике мы нашли деньги, валюту, они целы и даже не намокли. Ваш заграничный паспорт здесь, на теплоходе, что просто замечательно. И последнее: никто не знает, как вы оказались за бортом. Вам придется это объяснить. Но не мне — капитану.

— Спасибо, — поблагодарил Кусков. — Я все понял. Где мы сейчас?

— К обеду будем в Валлетте, — врач посмотрел на часы и добавил: — Сейчас тринадцать часов двадцать семь минут. Я сделаю вам очередной укольчик, вы еще отдохнете и все обдумаете.

— А поесть? — спросил Кусков. — Нельзя ли чего-нибудь съесть?

— Ну, вы герой! — расплылся в улыбке врач. — Честное слово! Будь вы барышней, я непременно вас расцеловал бы! Будет вам еда! И даже очень хорошая, тут я позабочусь.

Беседовать с Кусковым пришли четверо: капитан теплохода, руководитель круиза Михаил Васильевич, его помощник Лепицкий и Григорий Петрович, референт по Средиземноморским странам.

— С какой целью прошлой ночью вы покинули судно? — спросил Кускова капитан.

— С целью искупаться в средиземноморской волне, — ответил Кусков.

— Вам было жарко? Вы были пьяны? Вы решили блеснуть своей лихостью перед женщиной? Каковы побудительные причины? — зачастил он, не оценив шутку Кускова. — Или отказ женщины? Как ее звали.

— Мне было жарко.

— Почему же не разделись?

— При женщине? На мне не было плавок.

— Но у вас в кармане брюк была приличная сумма денег! Отчего не оставили деньги? Забыли или были пьяны? А может, намеревались утопиться? — спросил Михаил Васильевич, руководитель круиза.

— Намеревался утопиться. Когда мне жарко, всегда хочется утопиться. А вам не хочется?

— Хочется, — неожиданно улыбнулся Михаил Васильевич, и его лицо стало почти симпатичным. — Ладно, шутки в сторону, — посерьезнел он снова. — Теперь без всяких приколов: как вы оказались за бортом?

— Меня толкнули, — ответил Кусков.

У всех присутствующих вытянулись лица.

— Кто? — спросил Лепицкий.

— Не знаю, — чуть помолчав, заговорил Кусков. — Я стоял у перил, смотрел за борт, курил — и вдруг почувствовал сильный удар по голове. На этом мои ощущения закончились. Очнулся я только в воде, и, думаю, очень не скоро: теплоход был уже за горизонтом. Это все.

Капитан вздохнул с явным облегчением: ответ Кускова свалил с него целую гору неприятных забот — не надо было никого допрашивать, сочинять десятки бумаг — протоколов, радиোগрам, объяснительных записок.

Руководитель круиза закрыл глаза и откинулся на спинку стула — расслабился.

— Подозреваете ли вы кого-нибудь? — спросил Лепицкий.

— Нет.

— Ревность?

— Исключаю.

— Покушавшийся на вашу жизнь мог принять вас за другого человека, обозначься?

— Вполне. Он не видел моего лица, а палуба в том месте плохо освещается.

— Но потом, когда вы упали после удара, вас надо было еще перевалить через перила? Неужели и тогда он не разглядел вас?

— Не знаю. Может быть, и разглядел. Но зачем оставлять на палубе убитого или тем более раненого, который может очнуться?.. Не лучше ли столкнуть его за борт? Чтоб никаких улик... Логично?

Лепицкий не ответил и наморщил лоб.

— Это значит, что преступник находится на теплоходе. А следовательно, преступление может повториться, но жертвой его станет теперь кто-то другой — это в том случае, если преступник обозначался. Если же никакой ошибки не было, то обознавшийся будет охотиться за вами: а вдруг вы что-нибудь да запомнили, какую-нибудь деталь, — ведь этого достаточно, чтобы однажды узнать его. Вы меня понимаете?

Кусков все понимал. Понимал главное — то, что Гена Лепицкий испытывает его на прочность.

Но Кусков уже для себя все решил. Он никого не станет винить. Ему сейчас не до этого, у него впереди другие задачи.

Разговор этот, в общем-то бессмысленный, длился еще минут двадцать. Конец ему положил судовой врач, который пришел и заявил, что пострадавшему пора принять лекарство.

— Когда вы разрешите мне вернуться в мою каюту? — спросил Кусков врача, как только они остались вдвоем.

— Сразу же после укола. Вам здорово повезло...

— Конечно, — согласился Кусков.

Придя в свою каюту, полковник тотчас же позвонил Норе. Женщины на месте не оказалось, на звонок ответила Клава, ее соседка.

— Где Нора? — спросил Кусков.

— На палубе, загорает: сегодня хорошее солнце. А вы тот человек, который нырнул за борт? — любопытствовала соседка.

— Да, он самый и есть.

— Это Нора подняла шум, когда вы пропали. Она спасла вам жизнь! Цените это.

— Я и ценю. Когда Нора вернется, передайте ей, что я у себя, — попросил Кусков. — Пусть она позвонит мне или навестит.

— Сейчас я пойду и найду ее.

— Нет-нет. Потом, когда придет.

— Как хотите.

Клава все-таки сходила за Норой на палубу, и та появилась в каюте Кускова через несколько минут. Прямо в купальнике, в котором загорала.

— Как я вам нравлюсь в этом наряде?! — первым делом произнесла Нора, забыв справиться о самочувствии полковника. — Правда, ничего?

— Правда, рыженькая, — сказал Кусков и обнял женщину.

— Крепче, крепче! — потребовала Нора.

— В другой раз.

В Ла-Валлетту входили, как душа входит в рай. Все вокруг сверкало: море, небо, камни берегов, дома, кресты на куполах соборов и сами купола. И было так тихо, так божественно светло и празднично, что Кайданов, уцепив себя за руку, спросил Кускова:

— А не сказка ли все это?!

Полковник Пирелли оказался прав, описывая Кускову красоты родной Мальты: да, над ней сияло удивительно чистое небо, в нем горело ярчайшее солнце в мире, глядящее с любовью в самую прозрачную морскую воду прилегающих к острову бухт, а дома, переливавшиеся в солнечных лучах, казались отлитыми из золота высшей пробы. И вид столицы был действительно по-настоящему сказочным, непривычным, чудесным — легким нагромождением самых удивительных форм.

— Вы с нами? — спросил Кускова Кайданов. — Ночное купание не повредило вам?

— Да, я пойду с группой.

— А Нора? Почему нет ее?

— Она пожаловалась на головную боль и остается на теплоходе.

— Разумеется. Из-за вас бедняжка очень переволновалась. Пусть отдохнет. Хотя, конечно, жаль...

Подошла Сильвия Аскольдовна и сказала:

— На экскурсию отправимся без промедления, как только причалим...

Вся пятнадцатая группа вместилась в один автобус.

Пока шел оживленный спор о том, на каком же языке говорят мальтийцы, автобус тронулся. А гид разъяснил непонятливым экскурсантам:

— Мальтийцы говорят на мальтийском языке. Но они говорят также на английском, на итальянском и на арабском. Я читал в одном вашем журнале, что в некоторых бывших республиках Союза не хотят говорить по-русски. Это смешно, господа, по меньшей мере...

Туристы посетили два собора, один игорный дом, президентский дворец, бывший дворец командора Мальтийского ордена, ковроткацкую фабрику и, наконец, катакомбы.

Разумеется, Кусков все слушал, все видел и искренне радовался тому, что ему выпало счастье побывать на Мальте. Но занимал его больше Лепицкий, который, присоединившись к пятнадцатой группе, сошел на берег с пухлым коричневым портфелем и теперь, куда бы экскурсанты ни ходили, ни на секунду не расставался с ним.

Рядом с Лепицким все время находились Стронский и Зоя, будто охраняли его.

Катакомбы были последним местом, которое посещали в этот день экскурсанты. Из чего следовало, что Лепицкий, если только справедливо его предположение, должен будет расстаться со своим портфелем именно в катакомбах. Ничего не скажешь — место удобное, лучше, кажется, и не придумаешь: один-другой поворот, темно, отдаешь портфель — и никто ничего не заметит.

Впрочем, что-то во всем этом смущало Кускова: некоторая заведомая демонстративность. Ведь все можно сделать, думалось ему, элегантнее и надежнее: просто сойти с портфелем на берег, сесть в машину и поехать куда надо на встречу с нужными людьми. Никакого риска, никакой игры. А так напротив — глупо, надуманно. Но, может быть, в этом и кроется глубина расчета?!

Он потерял Лепицкого из виду сразу же, как только туристы спустились в катакомбы. И немудрено было потерять: народу слишком много, освещение — плохое, к тому же от самого входа катакомбы разбегались в десяти — двадцати направлениях. Некоторые штольни, ниши и всевозможные закоулки совсем не были освещены.

— Не расходитесь далеко, — то и дело напоминал гид. — Здесь можно заблудиться!

Мальтийские катакомбы, как и римские, известны тем, что являлись пристанищем первых христиан: здесь были не только их молебни, но и могилы.

Полковник увидел Лепицкого, Зою и Стронского лишь тогда, когда было объявлено об окончании экскурсии. Гена был без портфеля.

«Черт бы меня побрал! — мысленно выругался Кусков. — Надо было сразу отнять портфель...» Впрочем, все, что он теперь думал, не имело значения. Факт оставался фактом — Лепицкий спустился в катакомбы с портфелем, а вышел из них без него. И, значит, он либо

где-то спрятал портфель, оставив в заранее условленном месте, либо передал его в другие руки. В чьи?!

Если все это так, то выходит, что Кусков провалил операцию или почти провалил. Почти — потому что еще оставалась маленькая возможность отыскать портфель в катакомбах, прибегнув к помощи полковника Пирелли.

Лепицкий, поднимаясь по сходням из катакомб, весело улыбаясь — должно быть, от сознания успешно заверченного дела. Едва ли не счастьем сияли также лица Зои и Стронского.

Экскурсионный день завершался в небольшом кафе на берегу моря — мальтийцы угощали русских вином и мороженым. Компания Лепицкого, Зои и Стронского, усиленная Командармом, неизвестно откуда появившимся референтом по Средиземноморским странам Григорием Петровичем, а также официантом Кириллом, явно отмечала радостное событие: за их столом то и дело раздавался смех и звенели дружно сдвигаемые бокалы.

Отстав от группы в центре Ла-Валлетты, Кусков позвонил полковнику Пирелли из уличного таксофона, и тот сразу же прислал за ним машину.

Конечно, Пирелли обнимал Кускова так долго, как только мог, говорил о своей бесконечной радости, смешивая все известные ему языки. Угощая сразу всем, что только у него было, он никак не мог согласиться с тем, что у Кускова существуют серьезные проблемы. Точнее, никак не мог вникнуть в суть этих проблем, поскольку его просто распирало от счастья, отчего Пирелли, казалось, оглох.

Но, в конце концов, все завершилось так, как и должно было завершиться: он понял, чем обеспокоен Кусков, и согласился немедленно помочь.

— Терроризмо! О! — гудел он, обзванивая тех, кого решил пригласить для участия в поиске портфеля Лепицкого. — О, терроризмо...

Группа поиска, собранная полковником Пирелли, состояла из шести человек. Пирелли сам и возглавил ее. Они спустились в катакомбы в тот же вечер, проторчав там около двух часов. И обшарили все, что можно было обшарить, но не нашли портфеля.

— Ты опоздал со своей просьбой, — пожурил мальтийский полковник полковника российского. — Надо было сразу же установить наблюдение за всеми выходящими из катакомб. Возможно, что один из них вышел из катакомб с портфелем еще до того, как мы начали поиск. Ты понял?

— Я-то понял, — ответил Кусков. — Но хорошая мысль приходит опосля, — сказал он по-русски и рассмеялся.

Засмеялся и Пирелли.

— Проигрыш тоже следует отмечать, — сказал он Кускову. — Приглашаю тебя в гости.

На судно Кусков вернулся уже в двенадцатом часу ночи слегка пьяный и грустный, немного злой и чуточку веселый: ему пришла в голову неплохая мысль о том, что Лепицкий и его компания разыграли его с портфелем, показав ему этот портфель в качестве подсадной утки, а он, дурак, взял и поплыл на нее... Хотя они, конечно, этого не могли заметить. Заметили бы, если б он бросился на портфель. А он не бросился...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Елена встречала Блескунова в аэропорту. Номер рейса и дату вылета из Каира он сообщил ей телеграммой. Больше Елена ничего не знала и теперь переживала: а вдруг что-то помешало ему сесть в самолет, вдруг до вылета его задержала египетская полиция... Да мало ли что может случиться с человеком, когда он в чужой стране и один, к тому же не совсем здоров.

Словом, Елена волновалась до тех пор, пока не увидела его стоящим в очереди у паспортного контроля. Блескунов тоже увидел ее, помахал рукой и что-то такое попытался объяснить ей на пальцах, но она ничего не поняла. А потом, когда они, наконец, встретились, несколько раз спрашивала его, что же он хотел такое рассказать ей на языке глухонемых. Майор же в ответ лишь смеялся и целовал ее.

Елена приехала в аэропорт на машине, которую взяла в своем пресс-агентстве, — это опять был «фиат», правда совсем новенький, ярко-зеленый, как молодой лист.

На автостраде не останавливались и почти не целовались. Елена гнала машину так, будто опаздывала куда-то.

— Ты зачем так торопишься?! — удивился Блескунов. — Летишь как на пожар...

— Нет, не на пожар, — засмеялась Елена, — а в отель... Я так долго ждала тебя — целую неделю, что уже не могу терпеть.

И все же они немного поколесили по Риму, потому что некоторые вещи Блескунову надо было узнать сразу: Капитолийский холм, Колизей, замок Святого Ангела, площадь Испании. На это ушло не более получаса. Затем, миновав железнодорожный вокзал Термини, они выехали на тихую *via Villafranca* и остановились у неприметного отеля «San Marco».

— Вот и приехали, — сказала Елена. — Тебе нравится?

— Мне всюду нравится, где есть ты. Кстати, «Шота Руставели» уже здесь? — как бы между прочим спросил Блескунов, хотя этот вопрос уже давно прожег ему язык.

— Нет, — ответила Елена. — Я узнавала, теплоход прибудет в Чивитавеккью завтра вечером. Так что ты абсолютно свободен до

завтрашнего вечера... от дел, — добавила она, — а не вообще. До завтрашнего вечера — ты мой!..

Однако на следующий день «Шота Руставели» пришел в Чивитавеккью не вечером, а глубокой ночью. А уже на рассвете Кусков позвонил в номер Блескунова и Елены в отель «San Marco».

— Саша, мы прибыли, — сообщил Кусков Блескунову. — Ты нужен мне позарез! Встретимся в четырнадцать ноль-ноль у фонтана Треви. Елена тебе покажет, попроси ее. Смотри пушку не забудь!

— Ты смеешься? У меня нет ничего, ведь я летел на самолете, куда, как ты знаешь, с пушкой не пройдешь.

— Ладно, я найду кое-что для тебя. А вообще как ты себя чувствуешь? — спросил Кусков.

— Вспомнил наконец-то! Чувствую себя нормально. Но левая рука по-прежнему все еще в нерабочем состоянии. Так что драк мне не поручай.

— Постараюсь, — пообещал Кусков. — Хотя чувствую, что без них сегодня не обойтись.

— А что, горячо? — спросил Блескунов.

— Жарко, Саша! Я их пугнул... Но об этом при встрече.

— Все понял: в четырнадцать ноль-ноль у фонтана Треви.

— Значит, все начинается снова, — вздохнула Елена, слышавшая разговор майора с Кусковым.

— Извини, — сказал Блескунов, — такая жизнь...

— Да, такая жизнь. Но надо принимать и такую. «Всякая жизнь есть жизнь, а все прочее — смерть» — так сказал один мудрец. Выбираем жизнь. Правда, милый?

— Ты у меня умница, Элени!

— Это значит, что ты будешь предельно осторожен и не нарвешься снова на пулю, так?

— Так.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Что ж, тогда — за дело.

Елена достала из шкафа кейс и вынула из него большой конверт с бумагами.

— Я тут посидела у компьютера и кое-что собрала, как обещала Кускову, — объяснила она. — Это публикации из разных газет, имеющие непосредственное отношение к интересующему нас делу.

— Нас? — переспросил Блескунов.

— Да, нас.

— Хорошо. Продолжай, — попросил он.

— Я не стану тебе читать все, что мне удалось вытащить из компьютера, остановлюсь лишь на существенном.

— Я слушаю.

— Украина рвется в НАТО. Национал-экстремисты хотят, чтобы Украина вошла в НАТО со стратегическим ядерным оружием. На эту тему есть тьма публикаций в английской и немецкой печати. Однако нынешний президент Украины недавно заявил, что в НАТО необходимо идти без ядерного оружия.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, что национал-экстремисты будут торопиться с захватом власти: ведь стратегическое ядерное оружие по существующему договору демонтируется и вывозится в Россию.

— Логично, — согласился Блескунов.

— Есть и несколько анонимных публикаций о том, что Россия предпримет, мол, коварный шаг: для того чтобы ускорить ядерное разоружение Украины, она взорвет одну из украинских ядерных ракетных установок, причем все это, разумеется, будет выглядеть так, будто во взрыве виновата Украина. Вот, — прочла Елена, — «причина взрыва будет объяснена тем, что украинские военные не умеют или разучились обращаться с ракетными установками, проявляют крайнюю некомпетентность в вопросах хранения ядерного оружия и преступную халатность». Впечатляет?

— Впечатляет, — кивнул Блескунов.

— Вывод: провокационный взрыв ядерной ракетной установки может быть произведен, как ты уже, наверное, догадываешься, не Россией, а самими национал-экстремистами с целью обвинить Россию и приостановить вывоз с территории Украины ядерного оружия. Сроки такой провокации — самое ближайшее время.

— Плохо, — покачал головой Блескунов. — Если идея запущена, она может быть осуществлена. Что еще?

— Еще? — Елена перебрала листки, потом отложила их в сторону и сказала: — Еще много чего. Но вот что я считаю важным: опубликованы выдержки из секретного отчета некой аналитической группы. Отчет этот якобы направлен правительству Украины. В нем рассматриваются варианты возможных вооруженных конфликтов между Россией и Украиной. Все варианты провоцируются Россией, как ты понимаешь. Один из этих вариантов называется крымским. Суть его заключается в том, что Россия захватывает Крым под предлогом защиты русскоязычного населения.

— От кого защиты?

— От разразившейся там эпидемии холеры, умышленно туда занесенной.

— Бред собачий!

— Еще какой, если учесть, что Украина якобы оставит Крым без медицинской помощи и заблокирует со всех сторон.

— Что еще?

— Секретный доклад, составленный одной националистической

организацией, о заговоре проживающих на Украине русских; перечисляются все русские организации, партии, движения и даже русские церкви, которые участвуют в этом заговоре. Требование: запретить, распустить, изгнать. Доклад напечатан во Франции без указания издательства. А вот совсем смешная вещь. — Елена взяла листок и прочла: — «Украинцы — не славяне. В их жилах течет хазарская, полонезская, татарская, скифская и турецкая кровь. Поэтому украинцы генетически ненавидят славян, особенно русских».

— И где же это напечатано? — заинтересовался Блескунов.

— В России. В газетке, которая называется «Vox populi», то есть «Голос народа». А статья перепечатана из украинской газеты, выходящей на Буковине. Потом, если у тебя будет время, ты со всеми этими материалами ознакомишься самостоятельно. Сейчас же я хочу тебе сказать главное: идея военного противостояния Украины и России не нова для Запада. Разработаны, если только это можно так назвать, десятки сценариев такого противостояния. Теоретически. Глупо предполагать, что никто не пожелает осуществить эту идею на практике. Словом, операция «Бегство» — вполне реальная вещь. Это мой вывод. А теперь прочти вот это, — предложила Елена Блескунову и протянула ему страницу машинописного текста. — Это выступление одного украинского писателя на приеме, устроенном неким Фондом помощи освободительной борьбе восточных народов. Фонд здешний, европейский.

«Русские всегда с недоверием относились к малороссам, то есть к украинцам, а попросту считали их глупыми и ленивыми. Такими украинцы предстают во всех произведениях русских писателей, а особенно в анекдотах, которые так нравятся русским. Украинец — не только глупый и ленивый, но и жадный, завистливый, жестокий, а порою и трусливый. Он же недоверчивый, он же коварный, грубый. Он хам. Такое представление об украинцах укоренилось в сознании русских с давних времен и повсеместно бытует теперь.

Русские упрямо считают, что все достижения украинского народа в науке, искусстве, промышленном производстве и так далее — это прежде всего достижения русского народа, который якобы привил украинцу способность мыслить и творить. Все города на Украине построены русскими, все заводы — тоже ими. А украинцы лишь исправно пили горилку и закусывали ее салом.

Они, русские, откровенно смеются над нами, когда мы пытаемся строить свое независимое Великое Украинское государство, веря, что у нас ничего путевого не получится, а только одна глупость. А если они видят, что у нас что-то получается, то сразу же вставляют палки в колеса. Они считают, что украинского государства никогда не было и никогда не будет.

Русские даже нашу родную украинскую мову, которую они вся-

чески душили при советской власти, считают испорченным русским языком, помесью русского, польского, татарского и дурацкого, как они говорят. Одним словом, русские — это враги украинцев во всем. И нам вместе с ними в одном государстве не жить — история запрещает! И мы, конечно, от них освободимся, как только с вашей помощью покрепче станем на ноги (Аплодисменты. Речь произнесена на русском языке)».

— Прочел? — спросила Елена, когда Блескунов отложил листок.

— Прочел.

— И что скажешь?

— Думаю, что писатель этот — один из тех, кто готовит операцию «Бегство».

— Я тоже так считаю. Это прямо-таки не речь, а готовый манифест национал-экстремизма: русские — враги Украины, а потому должны быть изгнаны из ее пределов.

— К счастью, это мнение не всех украинцев и даже не большей их части. Так думают только ублюдки. Поборемся с ними?

— Поборемся.

В половине второго Блескунов и Елена были у фонтана Треви. У того самого фонтана, в который все приезжающие в Рим бросают монетку, чтобы когда-нибудь вернуться сюда. Увидеть Рим — и умереть... Впрочем, кто-то другой сказал: несчастен тот, кто не бывал в Риме; а тот, кто, посетив его, остался в нем, — дурак... Или что-то в этом роде. Елена вспомнила сейчас об этом, поскольку стояла нестерпимая жара. Фонтан был рядом, вода струилась по мраморным фигурам, жгла бликами глаза.

— Все же давай бросим по монетке, — предложил Блескунов. — Хочется вернуться... Знаешь, кому суждено куда-то вернуться, с тем ничего плохого не случится...

— Ты это верно заметил. Даже при такой жаре голова у тебя работает.

Они бросили в бассейн перед фонтаном по итальянской монетке.

— Теперь наверняка вернемся в Рим, — довольно произнес Блескунов.

— Теперь наверняка, — повторила Елена.

Они так увлеклись, что не заметили подкравшегося Кускова.

— Не дергайтесь, это я. Запомните, что я вам сейчас скажу...

— А поздороваться? — обернулся к нему Блескунов. — А обняться?

— Ладно, черт с тобой, — сказал Кусков. — Давай!

Елене он поцеловал руку.

— Итак, наша задача, вернее — твоя задача. — Кусков ткнул майора пальцем в грудь. — Ты покажешься на глаза всем. Пусть пассажиры «Шота Руставели» от удивления охают и ахают. Но главное, чтоб тебя заметили наши «беглецы».

— «Беглецы»? Ты так их теперь называешь?

— Да, для удобства. Но слушай... Как только они тебя увидят, в их рядах начнется паника. Обязательно, можешь даже не сомневаться. «Беглецы» толком не знают, удалось тебя убить в Каире или нет. И вдруг ты появляешься. И не на теплоходе почему-то, а здесь, в городе. Как говорится, сцена у фонтана! Они понимают, что ты знаешь, кто и почему хотел тебя убить. А раз так, то подумают, что пришел ты сюда вовсе не для того, чтобы поздороваться с ними, и уж, конечно, не затем, чтобы подставить им другую щеку. «Беглецы» сообразят, что для них приготовлен капкан. А что это может быть? — развивал свою мысль Кусков, то и дело поглядывая по сторонам: Треви — это три улицы, на слиянии которых сооружен фонтан, и, следовательно, на любой из этих улиц с минуты на минуту могла появиться группа русских туристов. — Капкан может быть только один: либо ты приготовился схватить их всех разом, либо кого-то, кто тебе нужен больше всех...

— Ты очень хорошо все рассказываешь, — перебил Кускова Блескунов. — Мне нравится. Но очень уж длинно. Давай короче.

— Хорошо, — не стал возражать Кусков и посмотрел на часы. — Они сейчас появятся, ты прав. Итак, я и Елена уедем отсюда. Ты останешься один. Подойдешь к группе, поздороваться, возьмешь Зою под руку и уведешь. Силой уведешь, если она станет сопротивляться. Хотя, думаю, не станет. Но на всякий случай возьми это. — Кусков протянул Блескунову завернутый в газету пистолет.

— А почему ты должен уехать? — не понял Кускова Блескунов. — Куда я поведу Зою?

— Правильные вопросы. Как только «беглецы» увидят, что ты уводишь Зою, то, по моим расчетам, предпримут следующее: либо рванут на теплоход, где находятся документы, либо плюнут на все и, спасая шкуру, разбегутся по Риму.

— И что?

— Я и Елена помчимся в Чивитавеккью, к теплоходу, чтобы вместе с другими — я там подготовил небольшой отряд — успеть схватить «беглецов». По моим расчетам, их будет человек пять-шесть.

— А если они разбегутся? — спросил Блескунов.

— Если разбегутся, за ними проследят наши итальянские друзья.

— Ладно, — не стал выпытывать подробности Блескунов. — А что делать с Зоей? Пригласить в ресторан?

— Нет-нет. Поведешь ее вот по этой улице, — показал Кусков. — Эта улица выведет тебя к площади Испании. Там есть такая широкая и высокая лестница.

— Я видел.

— Тем более. Сядете там с Зоей на ступеньках и будете ждать Нору. Ждать столько, сколько понадобится.

— Нору?!

— Да, не удивляйся — именно Нору!

— Ерунда какая-то получается! Уж что-то ты мне отвел больно маленькую роль, — недоумевал Блескунов.

— Ты просил без драки... Вот они! — вдруг заторопился полковник. — Леночка, уходим!

Кусков, схватив Елену под руку, быстро удалился вверх по улочке...

Автобусы с туристами остановились чуть поодаль от фонтана. Через минуту-другую из них не спеша стали выползать пассажиры с теплохода «Шота Руставели».

Едва различив знакомые лица, Блескунов решительно направился в их сторону.

— Во! — закричал первым Хижняк. — Нашелся, хрен ему в шапку!

Другие возгласы были менее эмоциональными, а Сильвия Аскольдовна, как всегда в своем репертуаре, отпустила ехидную реплику в адрес майора:

— Он, конечно же, оставил свою гречанку. Даже Тезей бросил свою Ариадну после того, как она его вывела из лабиринта. Скажите, где вы ее бросили?

— Пусть он лучше ответит, где он был, — предложил пан Романив. — Не там ли, где пропавший Сутулов?

Блескунов был уже около Зои и держал ее за руку.

— Да, где вы пропадали?! — все еще пытаясь кокетничать, спросила внезапно побледневшая Зоя. — Мы так волновались.

«Беглецы» сразу же сбились в кучку, лихорадочно заматались, вертя головами. Он видел их лица, искаженные страхом: Стронского, Командарма, Гены, розовощекого Григория Петровича и белобрысого официанта Кирилла, заходившего к нему когда-то в каюту за злосчастным портфелем.

«Дрейфят, — не без злорадства подумал об этих людях Блескунов. — Сейчас зададут стрекача...»

— Так где же вы были? — снова спросила Зоя, пытаясь выдернуть руку. — Отпустите же, что у вас за манеры такие!

— Да, — вступилась за Зою Сильвия Аскольдовна. — Одну бросил, на другую накинулся, как коршун на цыпленка.

— Я вас приветствую, — кивнул ему Кайданов. — Очень переживал за вас...

— Отпустите же! — повысила голос Зоя. — Или я закричу!

— За чем же дело стало? Кричите.

— Но позвольте...

— Тсс! Слушай! — грубо прикрикнул на нее Блескунов, спиной закрыв Зою от всех. — Ты пойдешь со мной. И не пытайся вырваться. Ты знаешь, что попалась. Пойдем!

— Стронский! — теряя от волнения голос, позвала Зоя. — Помогите...

Блескунов оглянулся: Стронский и вся его компания, отделившись от группы, быстро скрылись за углом ближайшего дома.

— Все твои друзья — тью-тью, улетели! — злорадно ухмыльнулся Блескунов. — Не друзья, а дерьмо.

— Ты тоже...

— Молчи! — приказал ей Блескунов. — Иди себе и помалкивай.

Что за маневр предпринял Стронский и его соратники, прекрасно наблюдали из «фиата» Кусков и Елена.

Едва оказавшись вне поля зрения Блескунова, компания бросилась к первому попавшемуся такси. Ни о чем не спросив водителя, впятером беспеременно полезли в машину.

— Molto! Molto! — закричал таксист, выскочив из салона и ожесточенно размахивая руками. — Molto e troppo!

— Он кричит, что слишком много, — перевела Кускову Елена.

Командарм выполз вслед за водителем и силой затолкал того обратно в машину.

— Все нормально, — сказал Елене Кусков. — Таксист был предупрежден.

Но таксист снова выскочил из машины. Тогда за него взялись двое: Командарм и официант Кирилл. Он отбивался от них до тех пор, пока, наконец, не вылез из машины Стронский, который предложил ему пачку денег.

— Dove? — спросил притихший вдруг водитель, беря деньги.

— Куда? — перевела его вопрос Елена.

— Чивитавеккья! — закричали разом Командарм и официант Кирилл. — Порт! Порт!

— Porto?

— Порто! Порто!

— Molzo bene!

— Очень хорошо, — переводила Елена.

— А это уже не по сценарию, — прокомментировал происходящее Кусков. — Хитер, однако, итальянец — сорвал с этих мерзавцев солидный куш. Ну и молодец!

Такси, наконец, тронулось.

— Мы за ними? — спросила Елена, сидевшая за рулем.

— Нет. Смотри вон туда. — Полковник показал рукой.

Едва такси сползло с тротуара на брусчатку, как из соседнего переулка показалась другая машина.

— В этой машине полицейские. Они-то проследят, куда помчатся наши «беглецы». А мы — в Чивитавеккья! И как можно быстрее! Выручай, Леночка!

От Рима до Чивитавеккьи — час быстрой езды. Новенький «фиат» Елены лихо набрал скорость и уже через пятнадцать — двадцать минут был на трассе, соединяющей столицу Италии с портом.

— Зачем вы поручили Блескунову увести Зою? — спросила Елена. — Это, конечно, не мое дело, но все-таки...

— Во-первых, шестеро не вместились бы в такси.

— Но мы могли бы взять Блескунова и Зою с собой. Разве нет?

— Ни в коем случае, — ответил Кусков. — У майора с мадам Зоей свои счеты. К тому же я не терплю женских истерик. Их встретит другая женщина, о которой Блескунов вам не рассказывал. Ее зовут Нора. Она проводит Блескунова и Зою в российское посольство. Зоя слишком много знает. Пусть с нею поговорят там. В присутствии посла Украины, как полагается в таких случаях. Зоя — женщина умная и импульсивная. Она запросто могла бы выкинуть нечто эдакое, неожиданное... А еще мне не очень хотелось, чтобы ее пристрелили сообщники. На теплоходе это вполне могло бы произойти. Дело в том, что мне не все известно об их организации. Есть вероятность, что женщину попытаются убить. Она владеет очень обширной информацией, — пояснил Кусков. — Зоя в этой компании лицо, конечно, не главное, но знает больше остальных, поскольку лично редактировала и перепечатывала все интересующие нас документы.

— А кто же главное лицо? — спросила Елена.

— Выясним, — уклонился от ответа Кусков.

Едва «фиат» подъехал к порту, как Кусков приказал Елене вернуться в Рим.

— В свой отель, — сказал он ей. — Блескунов тебя найдет. Спасибо за помощь. И еще одна просьба...

— Вы хотели сказать приказ, — засмеялась Елена.

— Нет, просьба: подумай, не хочешь ли ты продолжить путь вместе с нами на теплоходе. Впереди еще Франция и Испания...

— Неужели это возможно?

— Я все устрою.

— Хорошо, я подумаю, — пообещала Елена, хотя ей хотелось закричать от радости: конечно же, она поплывет вместе с Сашей на таком красивом и роскошном русском теплоходе хоть черту в пасть...

Блескунов и Зоя довольно уверенно и быстро добрались до площади Испании, поскольку еще вчера этот путь майор проделал вместе с Еленой.

На площади было слишком многолюдно: люди сидели у фонтана, на лестнице, ведущей вверх к Виа Систина, их даже не смущало то обстоятельство, что движение по лестнице, словно в громадном муравейнике, ни на секунду не прекращалось.

— Здесь отдохнем, — сказал Блескунов Зое, когда они поднялись ступенек на тридцать. — Можем посидеть, я постелю газету.

— Посидеть, конечно, можно, — согласилась Зоя. — Теперь нам, кажется, торопиться некуда... Но отпусти же, наконец, мою руку! Я не убегу. И знаешь — почему?

— Почему? — Блескунов осторожно присел на ступеньку рядом с Зоей.

— Потому что я не знаю, куда бежать. На теплоход — бессмысленно, там, как я понимаю, приготовлена хорошая ловушка, возможно, со стрельбой... Ведь так? — Женщина взглянула майору в глаза.

— Может быть, — пожал плечами Блескунов.

— А ты меня как бы спас от ловушки, да?

— Не знаю, — честно ответил Блескунов, но Зоя приняла его ответ как утвердительный.

— А зачем спас? Все еще любишь?! Признайся! Ведь я хорошенькая женщина, верно? Можешь не отвечать. Я знаю и так, что хорошенькая. Всегда была такой. В меня влюблялись мальчики уже в третьем классе. Верить?

— Верю. Я сам влюбился в первом классе.

— Правда? Расскажи, — попросила Зоя. — Все равно нам делать нечего. Или мы что-то должны еще сделать? — скосила она в его сторону хитрые глазки. — Какие у тебя намерения? Я что-то никак не пойму. Почему мы здесь? Чего ждем?

— Очень хочется узнать?

— Да, очень, — призналась Зоя. — Я понимаю, что ты меня избавил только от перестрелки. Но не от тюрьмы же, верно? Ну, расскажи, как все будет дальше. Мне ужасно интересно.

— Нет, — ответил Блескунов. — Лучше ты ответь, отчего не пристрелила меня на спортплощадке в Каире. Ведь это ты уложила Сутулова и потом вдруг убежала? Зачем?

— Пожалела тебя, — тяжело вздохнула Зоя. — Я видела, что ты жив, слышала твой разговор с Сутуловым... Согласись, что Сутулов — большой мерзавец и его следовало прикончить.

— Разумеется, мерзавец, — ответил Блескунов. — И в Стамбуле ты подставила меня, не так ли? Ты ведь не случайно привела меня в караван-сарай к этому шашлычнику?

— Конечно. Ты молодец, что догадался. Но ты очень жестокий человек, Блескунов: это ведь ты свернул шею тому, кто стрелял в тебя. Зачем?

— Это был турок?

— Нет, не турок. И того глупенького верзилу, что заявился к тебе в номер, ты по-садистски выбросил из окна... Ты невероятно жестокий парень.

— Жалеешь, что промахнулась в меня возле пирамиды Джосера?

— Нет, не жалею. Хотя и жалею одновременно. Если бы мы покончили с тобой еще в Стамбуле, ничего бы этого не было. И как же, позволь спросить, ты намерен со мной поступить дальше? Видишь, я была с тобой откровенна. Будь и ты искренен со мной...

— Пожалуйста, — усмехнулся Блескунов. — Вы зря за мной охотились. У меня не было никакого задания, и я вами не занимался. Я

просто хотел отдохнуть в свое удовольствие. И если бы вы сами, по своей дурости, не наехали на меня, я, возможно, так и не узнал бы о вас ничего.

— А теперь знаешь?

— Теперь знаю.

— Много?

— Может быть, все.

— Ну и черт с тобой, — сказала Зоя. — Лучше расскажи, как ты влюбился в первом классе, в кого.

— В девочку. Она сидела со мной за одной партой. Ее, как и тебя, звали Зоей. Думаю, в память о Зое Космодемьянской.

— Ох! — засмеялась Зоя. — Меня ведь тоже называли в честь Космодемьянской. Умора, правда? И что же ты, целовался со своей перво-клашкой?

— Нет.

— Вот видишь! А со мной целовался. И не только. Помнишь еще? Или приказано забыть? Кстати, о приказах... У тебя на теплоходе есть начальник?

— Зачем тебе знать?

— Интересно. Мы там дурачили одного типа во время твоего отсутствия.

— Сильно дурачили? — Блескунов невольно подумал о Кускове.

— Изрядно. Сначала мы его столкнули в море, но ему здорово повезло — эта рыжая сучка Нора подняла тарарам, она, видите ли, постучалась ночью в его каюту и не нашла его там... Ты помнишь Нору? Ты танцевал с ней весь вечер в каирском ресторане «La Ross».

— Разумеется, помню. И что же Нора?

— Она подняла тарарам, теплоход повернул назад, и мы нашли этого Кускова, почетного железнодорожника Советского Союза.

— А зачем вы хотели от него избавиться.

— Нам показалось, что он следит за нами. Потом мы вынесли портфель... Ну, тот самый, в который ты заглянул случайно в первый же день... Кстати, зачем ты это сделал, если не занимался нами?

— Из природного любопытства. А кто его тогда принес мне?

— Один дурак. Он ошибся палубой. Точно такую же каюту, как у тебя, но палубой ниже, занимал Стронский... Теперь об этом, наверное, можно сказать. Ох! — вдруг спохватилась она. — Я совсем забыла!.. Слушай, ты сейчас же отпустишь меня, потому что иначе может произойти непоправимое.

— Что именно? — насторожился Блескунов.

— Скажу, если отпустишь. Впрочем, я, наверное, могу и сама уйти. Ведь не станешь же ты стрелять в меня в столь людном месте?

— Стрелять, может быть, и не стану, но не отпущу. — Блескунов снова взял Зою за руку.

— А если я вырвусь?

— Попробуй.

Зоя дернула руку, но не так сильно, чтобы вырваться по-настоящему.

— А если я закричу? Увижу полицейского и закричу, скажу, что ты насильник.

— Тогда нас поведут в полицию, а оттуда позвонят в посольство, где и разберутся, кто мы на самом деле.

— Да. Я тебя поняла. Мне ведь нельзя попадать в полицию — там находится твое предупреждение о группе террористов. Так?

— Так, — ответил Блескунов, полагая, что такое предупреждение действительно уже находится в соответствующем отделе римской полиции, хотя и не им сделанное.

— И какой же у меня есть путь к бегству? Допустим, ты отпускаешь меня, что я должна буду предпринять?

— Подсказать?

— Да, миленький Блескунов, подскажи, пожалуйста. Очень прошу!

— Тебе придется скрываться, раздобыть новый паспорт и с этим паспортом попытаться выбраться из Италии.

— Отлично, спасибо, — поблагодарила Зоя. — А теперь отпусти меня. Отпусти — и ты не пожалеешь! Если отпустишь, вы получите все, кроме меня. Если нет — ничего, кроме меня, не получите.

— И ты готова продать все ради того, чтобы уйти?

— Готова! Это плохо?!

— Плохо, конечно. Но я тебя понимаю. У нас с тобой, наверное, разные принципы...

— Мы теряем время. Итак, если ты меня не отпустишь, случится следующее: на теплоходе произойдет взрыв страшной силы, погибнут люди, много людей. И это может случиться теперь в любую минуту. Ты очень пожалеешь, если не отпустишь меня.

— Врешь, Зоя!

— Я, конечно, католичка, но клянусь Божьей Матерью, что... — с мольбой взглянула майору в глаза Зоя. — Пообещай, что отпустишь, и я сразу же тебе скажу, что и как может произойти на теплоходе. Достаточно одного твоего обещания. Я знаю, что ты все равно не выстрелишь в меня, если я побегу, поскольку в душе еще любишь меня, Сашенька. Но все-таки... Это очень-очень серьезно. Итак?

— Перекрестись, — потребовал Блескунов.

Зоя перекрестилась по католическому обряду. Потом поцеловала Блескунова в щеку, прошептала:

— Это на память о нашей любви.

— Ладно, я отпущу тебя, — после некоторого раздумья произнес Блескунов. — Обещаю. Давай говори!

— Портфель находится в каюте Стронского. Он подсоединен к взрывному устройству большой мощности. Только Стронский знает,

как отсоединить портфель от взрывчатки. Всякий раз, покидая каюту, он включает механизм взрывчатки. Поэтому не трогайте портфель, не взяв Стронского... Прости меня, Боже, я, кажется, всех предала, — с грустью произнесла Зоя, когда Блескунов отпустил ее руку. — Но я хочу жить на свободе, Саша! Я боюсь тюрьмы пуще смерти!

— Иди, — сказал ей Блескунов. — Пусть Бог тебе поможет!

Что-то недоброе мелькнуло в глазах Зои, когда она вдруг спросила:

— Скажи, ты по-прежнему считаешь, что твоя гречанка красивее меня?

— Да. Она красивее.

— И ты ее любишь?

— Сильно.

— Ладно, — сказала она, роясь в сумочке. — Вот тебе телефон, — протянула она майору клочок бумажки. — Это телефон дежурного в порту. Он может вызвать капитана теплохода по экстренному звонку. Позвонить можешь вот оттуда, — показала она на тесную улочку за площадью. — Там есть кафе, пройти метров пятьдесят. Называется «У старого грека». В кафе бармен говорит по-русски. И по-английски. Между прочим, в этом кафе любил бывать сам Гоголь. Он спускался по этой лестнице и торчал там часами. Над одним из столиков в кафе висит его портрет. Посети историческое место, — усмехнулась женщина и медленно пошла вверх по лестнице. — Чао, бамбино, дорогой!

От бумажки с номером телефона пахло знакомыми духами «Киприда».

Майор сбежал вниз, пересек площадь и сразу же наткнулся на кафе «У старого грека».

— Телефон! Телефон! — крикнул он бармену. — А'эм рашн! Ио руссо! Я русский. Срочно нужен телефон!

— Вот он, — ответил ему бармен по-русски и подвинул к нему телефонный аппарат. — Звони, пожалуйста. Но зачем же шуметь?

— Извини, брат, — смутился Блескунов. — Понимаю, что спешка нужна лишь при ловле блох, но так получается, черт побери!

— Как ты сказал? При ловле блох?! — обрадовался бармен. — Я запишу эту поговорку. Первый раз слышу: спешка нужна лишь при ловле блох! Отлично! Это хорошая плата за телефонный звонок. Спасибо! — Он тут же стал записывать поговорку в толстый блокнот, качая головой от удовольствия.

Блескунов набрал номер, однако никто трубку не снял.

— Бездельники! — выругался Блескунов и набрал номер дежурного в порту Чивитавеккья еще раз. Результат оказался аналогичным.

— Слушай, друг, — обратился к бармену Блескунов. — Ты можешь вызвать для меня такси? Я тебе заплачу.

— Не стоит, — ответил бармен. — Проще пройти сотню метров и остановить такси, которых на площади навалом. Навалом — это хо-

рошо сказано?! — засмеялся он. — Понятно сказано? У Гоголя этого слова нет, верно?

— Ты читал Гоголя?

— Я выучил русский по Гоголю! — с гордостью ответил бармен. — И ты, как настоящий русский, сейчас куда-то торопишься. Ты любишь быструю езду, правильно?

— Очень правильно. Будь здоров, старый грек!

— Я итальянец! — закричал ему вслед бармен. — Я не старый грек! Я молодой итальянец!

— Чао, молодой итальянец!

Все это время в голове майора вертелась одна и та же навязчивая мысль: «Я напрасно отпустил Зою».

Пройдя несколько шагов, Блескунов вернулся.

Молодой веселый бармен, увидев его снова, радостно хлопал в ладоши:

— Русский не может уйти отсюда, не выпив рюмки хорошей водки, правда? Надо выпить за Гоголя, за других великих русских, которые были здесь.

— Кто здесь бывал еще? — спросил Блескунов, придвигая к себе телефон.

— Горький был! Михалков заходил! И еще много других великих... Налить?

— Налей, — ответил Блескунов и снова набрал номер порта.

И снова на звонок никто не ответил.

— Боюсь, брат, что я пропал, — сказал он бармену, беря водку. — Свалял большого дурака.

— Я не понял, что ты сказал, но думаю, что ты прав, — посочувствовал ему бармен. — По лицу вижу. А? Как я выразился? По лицу вижу! Хорошо?!

— Хорошо, хорошо. — Блескунов залпом выпил водку и в расстроенных чувствах вышел на улицу.

Он остановил такси на площади и, садясь в машину, сказал только одно слово:

— Чивитавеккья!

Таксист понимающе кивнул головой и, сделав крутой разворот на сто восемьдесят градусов, едва не врезался в машину, стремительно шедшую навстречу.

— Стой! — заорал благим матом Блескунов. — Стой, тебе говорят! — Он отнюдь не испугался за свою жизнь, а просто увидел во встречной резко затормозившей машине рыженькую Нору.

Женщина тоже заметила майора и, высунувшись из окошка, закричала:

— Ты куда, Блескунов?

Мужчина первым выскочил из машины и побежал навстречу Норе.

— Какого черта?! — спросила она. — Я же должна была найти тебя на площади Испании! Тебя и эту сучку Зою! Кстати, где она?

— У тебя чья машина? — схватил ее за руку Блескунов и потащил к черному «вольво», на котором приехала Нора.

— Посольская.

— Надо срочно в Чивитавеккью. Каюта, в которой лежат документы, заминирована. Могут пострадать люди. Много людей. Это проделки Стронского.

— А где Зоя?!

— Я отпустил ее. В обмен на информацию! — закричал он. — Иначе погибнут наши люди. Надо срочно в Чивитавеккью! Или в посольство, чтоб позвонить и предупредить об опасности!

— Мать честная! — воскликнула Нора и схватилась за голову. — Ой, не успеем!

Как только сели в машину, Нора стала трясти водителя за плечо, требуя немедленно и как можно быстрее ехать в посольство.

— Не трясите меня, словно грушу, синьора! — возмутился водитель. — От этого я все равно быстрее не поеду.

— Какая я тебе синьора?! — закричала на водителя Нора. — Ты слушай, что тебе говорят, и верти свой руль!

Минут за двадцать они добрались до посольства. Полицейский, стоявший у ворот, пропустил их вместе с машиной во двор посольства беспрепятственно. К подъезду и Блескунов и Нора мчались сломя голову.

Еще никого не видя, Блескунов закричал:

— Срочно! Телефон! Возможен взрыв на теплоходе!

— Вот, — сунул ему в руку телефонный аппарат какой-то служащий посольства. — Номер знаете?

— Знаю!

Блескунов вынул из кармана пахнущую духами бумажку с записанным номером телефона дежурного порта и стал звонить.

— Ну что? — пританцовывала перед ним от нетерпения Нора. — Что?! Что?!

— Никто не отвечает, — буркнул растерянно Блескунов, кладя трубку. — Наверное, не тот телефон.

— Не тот? — вытаращила глаза Нора. — Откуда же он у тебя?!

— Зоя дала.

— Зоя?! Дурак, идиот! Она же подсунула тебе... Ну-ка дай сюда! — Женщина вырвала у Блескунова из руки бумажку с номером телефона. — Конечно! Разве это римский номер! Это телефон какого-нибудь Бердичева! Телефон Чивитавеккьи, немедленно! — потребовала Нора от сбежавшихся к ним посольских служащих. — Немедленно!

Пока его искали, импульсивная Нора успела высказать Блескунову с досадой:

— И взрыва там никакого не будет! И Зою ты отпустил! И телефон у тебя неправильный! И сам ты болван!

Командарм очень торопился. Почти бежал, хотя для настоящего бега у него, видимо, уже не было сил — выдохся.

Кусков наблюдал за ним издали, стоя за трапом, и успел предупредить стоящих наверху молодых служащих погранконтроля:

— Этого, что в белой кепке, — пропустим! Пусть возьмет что хочет. Задержим уже на выходе. Следить, в какие каюты станет входить. Поняли?

Сверху согласно закивали: поняли.

Командарм тяжело загромыхал по металлическому трапу, хватаясь за поручни.

Кускова так и подмывало спросить его: «А где сообщники?» В самом деле, где же остальные? Разбежались кто куда? Или, затаившись поблизости, ждут возвращения Командарма? Что ему понадобилось на теплоходе? Возвращаться сюда — это огромный риск. Значит, есть из-за чего рисковать. Из-за чего? Неужели попытается вынести документы?

Все на самом деле оказалось проще — тем, кто послал Командарма на теплоход, позарез нужны были деньги. А деньги спрятаны в каюте Зои. И потому-то Командарм, оказавшись на борту теплохода, сразу же устремился туда. Ключи от каюты искать не стал, вышиб дверь плечом. Опустившись на колени, Командарм пошарил под кроватью рукой и достал кейс. Денег в кейсе оказалось не так много, как хотелось бы, — всего десять тысяч долларов. На такую ораву — Стронский, Кирилл, Лепицкий, Григорий Петрович и он, Луценко-Командарм, — просто мало: по две тысячи на человека. Куда можно удрать за две тысячи долларов?

Командарм рассовал пачки банкнот по карманам.

В свою каюту он заходить опасался — излишний риск. Стронский так и сказал: «Возьмешь деньги — и сразу же мотай с теплохода!» Однако там у него оставалась одна симпатичная вещичка — здоровенный «Колыт», который скоро может очень и очень понадобиться. А еще деньги — около двух кусков зеленых, заработанных Командармом в Стамбуле — он там удачно кое-что «толкнул». Эти деньги тоже ему нелишние, особенно теперь, когда не на кого положиться. Так что хочешь не хочешь, а идти придется.

До своей каюты Командарм добрался совершенно беспрепятственно: никто за ним, как ему показалось, не наблюдал. Деньги и пистолет лежали в целлофановом мешке на верхней полке шкафа под спасательным жилетом. Командарм достал пакет, заглянул в него и, убедившись, что все на месте, сунул за пазуху.

Увидев на столе початую бутылку виски, Командарм налил полстакана и, не закусывая, выпил, занюхав рукавом.

— А ты, приятель, трухач! — сказал он вслух, обращаясь к отсутствующему Стронскому. — Видишь: все спокойно. Можно было бы и портфельчик прихватить. С ним не пропали бы. С портфелем нас любили бы, берегли пуще глаза и всячески одаривали... Трухач ты, Стронский.

Он знал, что портфель с документами находится в каюте Стронского. И не просто в каюте, а в тайнике, о котором знают немногие. Но и те, кто знает про тайник, не посвящены в главную тайну: всякий раз, покидая теплоход, Стронский включает подсоединенную к портфелю адскую машину, а возвратившись, выключает! Кодом этой адской машины владеют только двое: Стронский и еще один человек... Но Командарм код взрывного устройства никогда не знал.

Стронский не рискнул подняться на теплоход. Трухач! Да и другие тоже не лучше: этот белокрысый официантишка, толстомордый Григорий Петрович, хитрый, как лиса, Лепицкий. Все — трухачи. Сидят на выезде из Чивитавеккьи в такси и ждут его, Луценко, у которого деньги. Без денег им с места не сдвинуться. Командарм подумал, что хорошо бы вообще к ним не возвращаться — взять себе доллары и смыться. И смылся бы, конечно, но не знает ни одного языка — куда ему податься, не владея иностранным?

Придется все же возвращаться. И посоветовать Стронскому взять документы из тайника. И хрен с ним, с Боссом! Босс без документов обойдется, он шишка важная, его и так примут там, где надо. Да и никауда документы не денутся, попадут по назначению. Босс приедет на все готовенькое, чтоб поставить на документах свою историческую закорючку, зато все другие будут окружены, как говорится, вниманием и комфортом. Удирать с теплохода надо обязательно с документами! И пусть Стронский за ними придет, этот трухач, размазня, обалдуй и болтун...

Командарма задержали у выхода на трап. Просто взяли с двух сторон под руки и остановили.

— Вы что, мужики?! — рванулся он было к трапу. — Что за шутки?

— Сейчас вам все объяснят, — ответил один из парней, державших его под руки. — И не надо дергаться.

Кусков поднялся по трапу и подошел к Командарму.

— Здравствуйте, Луценко, — сказал он ему. — Хочу с вами побеседовать.

— Пошел ты! — теряя от страха голос, захрипел Луценко. — Ты же москаль! Ты не имеешь права!

— Имею, имею, — ответил ему Кусков. — Вот эти ребята — твои соотечественники. И они предъявят тебе свидетелей, которые видели тебя в одном грязном, очень мокром деле. А я лишь побеседую с тобой. Разумеется, в их присутствии.

Втроем отвели Командарма в пустую каюту, предусмотрительно надели на него наручники и усадили на диван.

— По какому праву?! — Луценко продолжал сопротивляться. — Не имеете оснований! Противозаконно, произвол...

— Помолчи, — попросил его Кусков. — И послушай, что я тебе сейчас скажу. Скоро вся ваша шайка-лейка будет обезврежена. И для всех наступят очень тяжелые времена: придется всерьез отвечать не только за преступления, которые вы уже совершили, и за преступные деяния, которые вы задумали. Знаешь, за такое запросто и шлепнуть могут. Поверь моему опыту.

— Плевал я на все твои угрозы, москаль вонючий! Плевал и буду плевать.

— Увидим, — внешне спокойно отреагировал Кусков на оскорбление, хотя в душе очень хотелось «врезать» Командарму за «вонючего москаля». Однако сдержал себя, спросил, закуривая: — Где портфель с документами?

— Какой портфель? Какие документы? Первый раз слышу.

— И, может быть, последний, — начал по-настоящему злиться Кусков, видя, что Командарм — изрядная сволочь. — Выйдите, ребята, — попросил он парней. — Я хочу потолковать с этим типом тет-а-тет.

Парни послушно вышли. Кусков, погасив в пепельнице сигарету, вплотную подошел к Командарму.

— Я тебя обыщу, — объяснил полковник. — А чтоб ты не сопротивлялся, ненадолго вырублю тебя. Я это умею. Не веришь?

— Да ты просто гад, козел паршивый...

Кусков, помассировав правую руку, нанес Командарму резкий удар в челюсть. Командарм, как и обещал Кусков, тут же «вырубился», повалившись боком на диван.

Полковник тотчас позвал парней и попросил их обыскать Луценко. Когда деньги и пистолет лежали уже на столе, Командарм шумно задышал и открыл глаза.

— Сволочь, — начал было он, пытаясь подняться, — козел...

— Не испытывай мое терпение и дальше, — предупредил его Кусков. — Лучше посмотри на стол и объясни, что ты видишь...

В каюту вбежал взволнованный дежурный из бюро информации и сказал, что Кускова срочно вызывают из Рима по радиосвязи.

— Кто? — спросил Кусков.

— Какой-то мужик. Говорит, что из посольства.

— Задрайте иллюминатор, — сказал парням Кусков, — чтоб эта скотина ненароком не выпал за борт, заprite его и поставьте перед дверями надежную охрану. А сами займите свой пост.

Полковника вызывал Блескунов.

— Прими к сведению, — закричал он так, будто говорил не по радиосвязи, а просто пытался докричаться из Рима до Чивитавеккьи. — Срочно прими к сведению: к документам в каюте Стронского подклю-

чено взрывное устройство большой мощности! Не прикасайся! Код знает только хозяин каюты.

— Откуда такая информация? — удивленно спросил Кусков.

— От Зои.

— А где Зоя?

— Я отпустил ее. За эту информацию, — ответил Блескунов и замолчал.

— Алло! — позвал его Кусков. — Саша! Алло! Ты слышишь меня?

— Да, слышу, — ответил Блескунов.

— Твою информацию мы проверим. А Зою необходимо срочно найти. И знаешь почему?

— Почему?

— Елена, думаю, уже в Риме, в гостинице. Можешь позвонить ей и проверить.

— Да, я это сделаю.

— Ты просто обязан это сделать. И как можно скорее. Сейчас же.

— Не понял, объясни — зачем?

— Ты ведь отпустил Зою! А по некоторым данным, которыми я располагаю, она знает, где остановилась Елена.

— По каким данным? — снова закричал Блескунов. — Что ты такое говоришь?

— Какая-то женщина звонила сегодня утром в пресс-агентство, в котором работает твоя Елена, и там ей назвали гостиницу и номер. Мне сказали об этом в пресс-агентстве. Она, конечно, не назвалась, когда звонила, но я думаю, что это была Зоя. Если Зоя на свободе, а Елена в Риме, то из этого может получиться что-нибудь весьма скверное.

— Да, ты прав. Я позвоню...

— Позвони и сразу же мчись к ней. Нора поблизости?

— Да.

— Пусть она поедет с тобой. На посольской машине! Не теряйте ни минуты!

— Ты — настоящий друг, — поблагодарил полковника Блескунов. — Спасибо.

— На здоровье, — ответил Кусков. — Не мешкай!

В римское отделение пресс-агентства «World» утром позвонила Зоя. Эта идея ей в голову пришла еще в Каире. Только так можно было выяснить, здесь ли Елена Цивари, и, значит, выйти на поиск информации о Блескунове. Расчет был до крайности прост: если гречанка прилетела в Рим, то, следовательно, и Блескунов непременно будет здесь. Если же Елены в Риме не окажется — Блескунова тоже не будет. Тогда можно с уверенностью предполагать, что дела майора плохи: в том, что он ранен, не было сомнения — это видели Командарм да и

сама Зоя. А вот насколько тяжело, никто толком не знал. Командарму здорово влетело от Босса и Стронского, когда выяснилось, что он не добил Блескунова на школьной спортплощадке в Каире, а перепоручил это Сутулову. Командарм, правда, пытался оправдываться тем, что нужно, мол, было повязать кровью и Сутулова, потому, дескать, и заставил его прикончить Блескунова. А вот почему ушел раньше, чем Сутулов сделал это, толковых объяснений у Луценко не оказалось. В общем-то они были, но никто ему не поверил, логично предположив, что Командарм просто струсил.

Зато героиней во всей этой истории предстала перед всеми Зоя: она и застрелила Сутулова, который готов был предать всех, и добила несчастного эсбэушника Блескунова, который до чертиков надоел. Конечно, женщина просто обязана была застрелить Блескунова раньше, в пустыне, но сплеховала. Тогда ее сильно пожурили. Но теперь Зоя не только полностью оправдалась в глазах соратников, но и заслужила похвалу. Разумеется, благодаря вранью: она не собиралась добивать Блескунова, корчившегося от боли во дворе одной из школ Каира, она лишь убила Сутулова, как и возможного свидетеля того, что она не выполнила задание... Почему не стала стрелять в Блескунова? Она и сама не могла точно ответить на этот вопрос. Может быть, просто пожалела майора или вспомнила их шальную ночь на теплоходе... Враг-то он враг, но и отличный мужик, рискованный, сильный. И, конечно, не быдло, как, скажем, Командарм или Сутулов, и не кровожадная пиявка, как Лепицкий или Стронский, и уж, конечно, не такой напыщенный болван и ворюга, как розовощекий Григорий Петрович или Босс... Она сразу это поняла и сказала себе: «Блескунов — классный мужик». Будь другие обстоятельства, она бы непременно окрутила его, хотя он и москаль по происхождению, россиянин, будь они неладны... Впрочем, эта ненависть к россиянам у нее, кажется, не столь основательная, как, скажем, у Босса, Командарма, Лепицкого или Стронского. Послабее. Она в этом не раз убеждалась, ловя себя на том, что говорить и писать с ненавистью о русских она умеет, а вот ощущать в себе эту ненависть ей удастся не всегда. Тут, наверное, сказывается то, что она, как ни крути, не стопроцентная украинка, потому что украинцем был только ее отец, а мама, мир ее праху, была полькой. Поляки тоже не питают особой любви к русским, но все-таки... Хотя все это, конечно, чистейшая ерунда: происхождение, кровь, язык, история. Чепуха. Разум — вот кто враг истинной национальности. Разум разрушает национальность, он пробивает скорлупу национальной ограниченности, вылупляясь из которой человек становится интернационалистом. А пока он в этой скорлупе, он еще не совсем человек.

Да, она увлекающаяся натура, натура страстная, ее прельщает роль лидера, роль национальной героини. Но к чему все это привело? Зоя лишь вляпалась в этот грязный и мерзкий заговор. Теперь поздно сдавать позиции, поворачивать вспять — позади целая гора статей,

всевозможных речей на митингах, просто глупых поступков, которые и вознесли ее на вершину национального движения, если это только вершина, а не глубокая яма. Зоя в некотором роде стала, как, случилось, представлял ее Босс, символом национального возрождения. Правда, иногда он говорил, что она «один из символов». Громкие и, в сущности, пустые слова: не к этому надо было ей стремиться. Национальное возрождение — это всего лишь блеф, задача, которой не существует. Это оправдание «хуторянской» идеологии, которая не столь безобидна, как это кажется на первый взгляд, потому как в ее основе, если копать глубоко, лежит примитивная страсть завладеть всем, что лежит по эту сторону границы, впиться во все, да так, чтоб никому не удалось оторвать, чтоб ни капли, ни крохи не досталось другому. Если уж становится символом чего-то, то надо было бы возглавить какое-нибудь общедемократическое движение — это и почетнее и безопаснее. Все, что замешено на ненависти, лживо. А порою и преступно. Да, да, преступно! Но она избрала этот путь добровольно. Зое так много аплодировали, ее так часто расхваливали на все лады, называя неистовой, смелой, отчаянной. Женщине это очень нравилось. До той поры, пока она вдруг с ужасом не осознала, что влипла в грязное дело, словно муха в мед. Главное она поняла здесь, уже находясь на теплоходе, когда редактировала и перепечатывала документы операции «Бегство». Эти документы — уже не идеологическая пропаганда в виде газетных опусов. Они — сценарий ужасного дела. За каждым их словом — если не кровь, то страдания миллионов людей, на которые их обрекут заговорщики и их покровители. Пострадают не только русские, но и украинцы, татары, доведенные лживыми посулами, подкупами и тайно спланированными провокациями до братоубийственной бойни.

Конечно, если бы она, Зоя Максимовна Кравченко, была дьяволицей или вампиром, змеей подколодной, то только приветствовала бы гнусный замысел заговорщиков. Кажется, именно так и воспринимали ее и думают, что ей нравится все, что они замышляют.

Только это не так: она прежде всего боится Божьего наказания, той несмыслимой позорной печати, которой будет отмечена ее грешная душа за гробом и навеки вечные. А еще она, как и любой смертный, боится боли, тюрьмы, грязи, бессмысленного прозябания за решеткой, куда непременно в конце концов угодит, если только ее не пристрелят раньше, например Блескунов.

Ох, судьба-судьбинушка, уже занесшая над нею топор, когда Зоя влюбилась в Блескунова. И как влюбилась! Как похотливая и ревнивая тварь! Вот ведь что за наказание. А еще наказание в том — и это ужаснее, чем ее любовь, — что она вынудит Блескунова найти и прикончить ее, потому как она — теперь это уже окончательно решено — непременно убьет Елену Цивари, его гречанку... И вот ведь какая насмешка судьбы: Елена тоже журналистка, с мировым именем, но с противоположным знаком. У нее знак «плюс», потому что она пишет

о том, как предотвратить и погасить межнациональные конфликты, а Зоя пишет и печется о том, как их разжечь. Враги, но обе любят Блескунова...

Майор сам ей подсказал, как выбраться из Рима и вообще из Италии: надо раздобыть другой паспорт. Им для Зои может стать паспорт Елены. Как ни странно, они даже немного похожи друг на друга. Если на границе не станут внимательно всматриваться в фотографию в паспорте, то Зоин план осуществится как нельзя лучше... И точно — все образуется: когда перед пограничником, особенно перед итальянским, красивая женщина, то он обычно смотрит не на фотографию в паспорте, а на женщину — это так естественно для южных мужчин. Правда, Зоя не владеет греческим, но это не важно, зато она хорошо говорит по-английски и по-французски. Все образуется! Только бы Елена оказалась в гостинице.

Бог есть. Но и черт, кажется, тоже. Трудно сказать, по чьей воле она не застрелила в Каире Блескунова. Еще труднее объяснить, по чьей воле она наврала Боссу и Стронскому, будто убила его. Но именно потому, что она не застрелила Блескунова и наврала об этом руководству, ей и пришлось разыскивать в Риме Елену. А тут и Блескунов вдруг объявился у фонтана Треви как гром среди ясного неба.

Да, она сразу же, ни секунды не сопротивляясь, ушла с майором, поскольку открылась ее бессовестная ложь... Ах, какие лица были у этих кретинов — будто их в дерьмо окунули и не сразу вынули! Она оказалась вынужденной уйти с Блескуновым, потому что с ними, с этими крестинами, после того как они увидели майора живым и невредимым, ей нельзя было оставаться: придя в себя, эти шакалы наверняка растерзали бы ее.

Теперь они, вероятно, считают, что Зоя все знала о Блескунове заранее и ждала его появления у фонтана. И значит? Значит, в сговоре с Блескуновым и предательница. Из этого следует, что она больше не должна встречаться с ними ни при каких условиях, так как ей надо бежать не только от Блескунова и его друзей, но и от своих бывших соратников. Если все это не называется вляпаться по уши, то как это тогда называется?

Да, Зоя и в самом деле предала своих бывших друзей — выдала Блескунову тайну портфеля с документами. Большого предательства придумать нельзя. Ценою этого она, возможно, спаслась и купила себе свободу. Впрочем, предательство может ведь и не состояться: Блескунов, пожалуй, не успеет предупредить кого нужно о том, что портфель в каюте Стронского заминирован, — Зоя дала майору всего-навсего номер телефона, принадлежащий, кажется, ее львовской подружке, а на то, чтобы добраться до Чивитавеккьи на такси, понадобится не меньше часа. За этот час каюта Стронского вместе с документами может взлететь на воздух. Но и в этом случае следует как можно скорее бежать из Рима: взрыв на пассажирском теплоходе — это дело серьез-

ное, акт терроризма. О том, кто его совершил, станет немедленно известно итальянской полиции...

Только паспорт Елены Цивари может теперь ее спасти. Другой паспорт ей просто не удастся раздобыть так быстро. Но даже если предположить, что существует другая возможность, Зоя все равно воспользовалась бы первой, потому что Елена не просто владелица нужного паспорта, она еще и любимая женщина майора, которая, если раскусить, стала на пути Зои к сердцу Блескунова. А за это ее необходимо сурово наказать...

Зоя взяла такси и объяснила, куда ехать: via Villafranca, 1, отель «San Marco». Боже, какая она умница, что запомнила из телефонного разговора, где остановилась Елена. Впрочем, для журналиста — это профессиональное качество: сразу же запоминать адреса, номера телефонов, фамилии и прочую чепуху, без которой не обойтись. Она, конечно, записала и название улицы, и название отеля, и даже номер комнаты Елены, но записную книжку впопыхах оставила на теплоходе. И вот, когда бы не профессиональная память, ей сегодня здорово не повезло бы. В самом деле, куда бы она теперь подалась? А никуда!

До отеля «San Marco» оказалось не так уж и далеко. Портье — круглоголовый, лысый и улыбчивый коротышка — встретил ее так, словно она была по меньшей мере принцессой из какого-нибудь арабского эмирата. Уж он и кланялся, и ворковал, как голубь, и строил глазки, и все: «Прэго, прэго, синьора, прэго, пер фаворэ...»

Зоя объяснила ему по-французски, что хочет пройти к подруге, и назвала номер комнаты. Портье вызвал лифт и, пока тот спускался, успел несколько раз сказать, что итальянцы так любят французов, как никто никого больше не любит на этой грешной земле.

Когда дверцы лифта распахнулись и женщина вошла внутрь, портье приветливо попрощался и сам нажал кнопку четвертого этажа, где находился номер гречанки.

У каюты Стронского, по приказанию капитана, была выставлена охрана. Через какое-то время Кусков вернулся к Командарму, который все еще продолжал буйствовать.

— Отпусти, гад! — захрипел он на вошедшего в каюту Кускова, — Отпусти, вонючая московская свинья! Ты понимаешь, что это настоящий международный скандал: ты, русский козел, арестовал гражданку независимой Украины!

— Заткнись, — предложил ему Кусков. — Не забывай, что ты обыкновенный убийца. Так, именно ты убил Сутулова — гражданина Украины, между прочим. Ты также стрелял в майора СБУ и ранил его. К тому же при тебе оказалось оружие и большие деньги... Выходит, что ты просто уголовник, Луценко! А для того чтобы ловить всяких бандитов — и русских и украинцев, — между Россией и Украиной под-

писан соответствующий договор. Поэтому успокойся. Кстати, когда здесь появится Блескунов, ваш украинский майор, ты еще здорово пожалеешь... И вообще — оставь всякую надежду на то, что тебя кто-то отпустит на волю. Конец тебе теперь, Луценко, позорный конец. Пришла пора думать и о душе. Скажи, это ты тюкнул меня тогда ночью по башке и сбросил за борт?

— Плохо я тебя тюкнул, гада...

— Плохо, это верно. А теперь ответь мне, где сейчас твои дружки?

— Вот! — Командарм дернулся, желая, вероятно, показать полковнику кукиш, забыв, однако, что руки у него были скованы за спиной наручниками.

— Я тебя понял, — усмехнулся Кусков. — Еще один вопрос: кто, кроме Стронского, знает код взрывного устройства, подсоединенного к портфелю с документами?

— Я ничего не знаю ни о портфеле, ни о взрывном устройстве.

— Хорошо. В таком случае я прикажу сейчас перевести тебя в каюту Стронского.

— Зачем?

— А затем, чтоб ты взорвался вместе с тем, кто будет разминировать портфель. Словом, если нам не повезет, то и тебе тоже.

— Веди, — сказал Командарм. — Меня на пушку не возьмешь.

— Что ж, увидим.

Лифт остановился, и Зоя вышла. В коридоре было совсем безлюдно и приятно пахло лавандой. Найти комнату Елены не составило большого труда — она оказалась в нескольких шагах от лифта. Зоя остановилась у двери, прислушалась. Предстояло выяснить, по меньшей мере, две вещи: в номере ли сейчас Елена и заперта ли дверь. Как Зоя ни напрягала слух, стараясь уловить хоть какой-то шорох за дверью, все было напрасно. Она прикоснулась к дверной ручке и осторожно нажала на нее. Дверь бесшумно приоткрылась, и из номера потянуло сквознячком — должно быть, окно было открыто. Что-то звякнуло, упало на пол — по-видимому, качнулась от сквозняка занавеска и столкнула какой-то предмет с подоконника, маленький, легкий — то ли спичечный коробок, то ли пачку сигарет. Скрипнул диван, и послышались шаги. Елена была здесь.

«Пресвятая Дева Мария, — одними губами прошептала Зоя. — Помоги мне! Это мой единственный шанс! Пусть гречанка подойдет к двери, чтобы закрыть ее, а уж я постараюсь...»

Легкие шаги — Елена была без туфель — приблизились к двери. И когда они послышались уже совсем рядом, Зоя со всей силой толкнула дверь ей навстречу.

— Ой! — выкрикнула Елена и свалилась на пол. Падая, она ударилась об пол затылком и потеряла сознание.

Зоя вошла в номер и закрыла за собой дверь.

Не стоило оставлять Елену лежащей на полу — к ней могло вернуться сознание и тогда пришлось бы предпринимать новые усилия, чтобы обезвредить ее. Поэтому Зоя первым делом перетасила Елену на кровать, связала чулками руки и ноги, вставила в рот импровизированный кляп, скомкав салфетку со стола, а в довершение всего туго подвязала челюсть Елены полотенцем, как это проделывают обычно с мертвецами.

Полюбовавшись на творение своих рук, Зоя похвалила себя. И впервые как следует разглядела Елену. Слов нет, гречанка была прехорошенькая: ладная телом, красивая лицом. У нее были богатые темные волосы, сочные губы, а пальчики на ногах как лесные орешки — один к одному. Груды упругие, высокие. И бедра что надо...

— Но и я не хуже, — произнесла вслух Зоя и посмотрела на себя в зеркало.

Однако сейчас не до самолюбования, нужно торопиться. Поэтому Зоя прежде всего заглянула в сумочку Елены и сразу же нашла то, что искала, и даже больше: паспорт и деньги, несколько сот долларов. И еще пистолет.

— Прости, — сказала она, адресуя свои слова пребывающей в бессознательном состоянии Елене, — но все это я возьму. Мне нужнее, не так ли? Все, кроме пистолета. С пистолетом мне теперь опаснее, чем без него.

И все же она не удержалась и взяла пистолет в руку, черный, увесистый. Это было хорошее, надежное оружие — русский ПМ. Наставив пистолет на гречанку, Зоя сказала:

— Нет, стрелять я не стану: кто-нибудь да услышит выстрелы, прибежит... Нет, не стану. Я сделаю иначе. Ты, пожалуйста, даже не почувствуешь, как я тебя убью, — настолько все будет тихо.

Конечно, Зоя могла бы сейчас и уйти, но тогда в этом поступке не было бы логики, причем логики сатанинской. Сатана вывел ее на Елену не только для того, чтобы заполучить паспорт и деньги, хотя и за это ему большое спасибо. Кстати, вот интересно: можно ли сатану благодарить, говоря ему спасибо, если в слове «спасибо» заключена просьба к Богу: «Спаси, Бог!» Пожалуй, нельзя. И благо дарить ему, очевидно, не следует: какое благо нужно сатане? Сатане нужна лишь душа человеческая, и это, кажется, все. Хотя зачем ему эта душа?

Но сатанинская логика именно в этом и состоит: надо отдать душу, совершить смертный грех. И, значит, необходимо сейчас же убить гречанку.

Зоя открыла шкаф и среди вещей Елены нашла целлофановый пакет и прочную бечевку, которой была перевязана большая картонная коробка с обувью. Две эти вещи и составляли искомое орудие смерти...

Блескунов молчал, хотя ему о многом надо было спросить у Норы: и о том, кто она, и как она оказалась в одной связке с Кусковым, и почему не проявила себя раньше, скажем, уже в Греции или в Египте, и что она знает о группе «Бегство». Он отлично помнил, как танцевал с нею в каирском ресторане «La Ross», как рыженькая красавица обольщала его, вдруг позабыв о своем «женихе», как отговаривала от мыслей о Елене. Тогда майору и в голову не могло прийти, что Нора может иметь хоть какое-то отношение к СВР или ФСБ... Поистине, в каждой женщине таится черт: она так кричала на него за то, что он отпустил Зою, будто всю жизнь только тем лишь и занималась, что орала на мужчин, а не обольщала их.

Они миновали на «вольво» Термини и чуть не проскочили отель «San Marco», вернее, даже проскочили его, но влетели в какие-то заросли, огороженные ржавой стальной решеткой. Дальше ехать было некуда.

— Куда ты завез нас? — закричала Нора на посольского водителя. — Ты что, первый день в Риме?

Водитель, очень благообразный, при костюме и при галстукe, покраснел до корней волос, но в ответ не произнес ни слова, а лишь вышел из машины и, остановив какого-то прохожего, узнал у него, как проехать к отелю «San Marco». Тут, оказывается, совсем рядом — стоило лишь проехать один квартал в обратном направлении и свернуть налево.

— Dove? Dove? — закричал портье, когда Нора и Блескунов вбежали в холл. — Куда? Куда?

— Dove, dove, — передразнила его Нора и сказала портье на итальянском что-то такое, отчего тот остолбенел — замер и больше не произнес ни одного слова.

— Ты его куда-то послала? — осторожно поинтересовался Блескунов, когда они уже были в лифте.

— Конечно, — охотно пояснила Нора. — Туда, куда обычно посылают русских и куда русские никогда не идут.

Зоя уже надела Елене на голову целлофановый пакет и стянула его на шее бечевкой, когда дверь в номер с грохотом распахнулась и в нее один за другим влетели двое с пистолетами в руках: Блескунов и Нора.

Блескунов сразу же бросился к Елене, а Нора, приблизившись к Зое, ударила вдруг ее ногою в живот.

— Ах, тварь! — застонала Зоя и очень пожалела, что в руках у нее в этот момент не оказалось пистолета, хотя ПМ гречанки и лежал от нее не далее чем в двух шагах. Нора ударила ее еще раз, а потом, схватив за волосы, буквально воткнула ее в кресло и пригрозила, приставив пистолет к щеке: — Пискнешь — убью!

Блескунов тем временем освободил Елену — снял с ее головы пакет, вынул изо рта кляп и развязал ей руки и ноги.

— Живая? — оглядываясь через плечо, спросила его Нора.

— Да, живая, — ответил Блескунов, подложив Елене под голову подушку. — Но смотри, какие ссадины на лбу и на коленях... Чем это она ее?

— Дверью, — ответила Зоя и криво усмехнулась. — Дура, не надо было близко подходить...

— А ведь тебе теперь конец, — сказала ей Нора. — Я тебя пристрелю. Так и знай, ты отсюда живой не уйдешь.

— Ну и стреляй, — ответила Зоя. — Меньше хлопот...

Блескунов намочил под краном полотенце и положил его Елене на лоб. Расстегнул на груди кофточку, растер ей ладонями ноги.

— Элени, — позвал он тихо. — Элени, это я...

— Смотрите, какой заботливый и нежный петушок, — съехидничала Зоя. — Так и порхает над курочкой...

Блескунов выпрямился и посмотрел на Зою, которая, скорчившись, сидела в кресле и показалась ему сейчас жалкой, подурневшей.

— Что будем делать с ней? — спросил он Нору.

— Сейчас решим. — Нора, загадочно улыбаясь, направилась к раскрытому окну. Перегнувшись через подоконник, глянула вниз. — Четвертый этаж, высоко, — покачала головой женщина и выразительно посмотрела на Блескунова. — Вот давай и посмотрим, какая она суперменка. Предложим ей сделать выбор: либо она сиганет добровольно в окно, либо через какое-то время окажется, скажем, в харьковской тюрьме...

— Ты грозилась пристрелить меня, — напомнила Зоя.

— Могу и пристрелить. Но не здесь. Не хочется связываться с итальянской полицией. Так что выбирай: либо полет из окна во двор, либо железная тюремная решетка.

— А ты? — обратилась Зоя к Блескунову. — Ты что предлагаешь?..

Блескунов не ответил, так как в это время слабо застонала Елена.

— Она приходит в себя! — бросился к Елене Блескунов. — Элени! Элени!

Елена, открыв глаза и не мигая, долго всматривалась в лицо Блескунова, словно не узнавая. Майор замер в нервном ожидании.

— Саша?! — наконец спросила Елена.

Блескунов склонился над ней и поцеловал.

— Ах, ах, — сказала Зоя, — какие телячьи нежности... Елена повернула голову и увидела Зою и Нору.

— Мы успели, — объяснил Елене Блескунов. — Она хотела убить тебя.

— Которая? — не поняла женщина.

— Та, что в кресле. Зоя!

— Конечно.

Кто-то постучал в дверь.

— Спроси, что надо, — сказала Блескунову Нора, не отходя от Зои. — Не пускай в комнату.

Блескунов приблизился к двери и спросил, кто там. Ответили по-итальянски.

— Это наш портье, — успокоилась Нора. — Он спрашивает, все ли у нас в порядке. — И сама ответила громко: — Si, si, Tutto e in ordine! Mille grazie!

Со словами «Molto bene, molto bene» портье удалился.

— Когда итальянец говорит «Очень хорошо», значит, он ничему не верит. Надо уходить, — сказала Нора. — И немедленно. Впрочем, успеем, — вспомнила она о Зое. — Нужно что-то делать с этой... Возьмем ее с собой или вышвырнем в окно? Послушаем, что нам посоветует Елена.

— Как ты посоветуешь поступить нам с этой женщиной? — спросил Елену Блескунов.

Елена села, сняла со лба мокрое полотенце.

— Нам всем надо уехать в Чивитавеккью, — сказала она. — Моя машина стоит во дворе.

— Вставай, — приказала Зое Нора. — И приведи себя в порядок. Причешись, сделай нормальное лицо, а то оно у тебя как у бабы-яги! И запомни: я тебя прибую, как только ты закричишь или попытаешься бежать. Причем сделаю это с удовольствием, можешь даже не сомневаться! Будешь идти рядом со мной и улыбаться, словно мы с тобой лучшие подруги, поняла?!

— Как же, подруги! — фыркнула Зоя, поднимаясь из кресла. — Я тебя недооценила. Думала: так, красуля, ладная телочка. А ты, оказывается, фараонша.

— Без болтовни, — остановила ее Нора. — Поболтаем на тепलोходе.

Всех задерживала Елена: ей надо было не только привести себя в порядок, но и одеться, собрать вещи. Она припудрила ссадину на лбу, переоделась в ванной.

— Поторопи ее, — несколько раз просила Блескунова Нора, явно нервничая. — Как бы этот болванчик портье не вызвал полицию.

— Не вызовет, — отвечал ей Блескунов.

И оказался прав. Они спустились без проблем в холл, Елена уплатила за номер, попрощалась с портье. Они вышли из гостиницы, свернули за угол, где стоял посольский «вольво».

— Ты, пожалуй, отпусти его, — сказал Норе Блескунов. — Поедем вон на том «фиате» — это машина Елены. Думаю, что нам нечего делать в посольстве: с гражданкой Украины Зоей Кравченко разберемся как-нибудь сами.

— Ладно, я согласна, — ответила Нора, бросив на Зою взгляд, полный ненависти.

Нора и Зоя сели на заднее сиденье, Елена рядом с Блескуновым.

— Не гони, — попросила майора Нора. — Теперь нам, кажется, не-зачем торопиться.

— Можно полюбопытствовать, — спросила Зоя, когда они пересекали площадь у храма Санта Мария Маджоре, — где теперь остальные?

— Думаю, ты скоро встретишься с ними, — ухмыльнулась Нора. — Во время очной ставки. Соскучилась, небось?

Зоя не ответила.

Они ждали Командарма вдали от трассы Чивитавеккья—Рим, на проселке, у старого придорожного креста с распятием. Чуть поодаль от креста, среди камней и кустарника, журчал родничок, возле которого и устроились, прихватив с собой таксиста — боялись, как бы тот не удрал. Угрюмо молчали, часто поглядывая на часы. Первым занервничал Лепицкий.

— А, черт! — не выдержал он. — Сколько же еще ждать? Мы, считай, довели его до самого порта, а чтоб добраться сюда — надо не больше часа. Прошло уже целых два! Два часа! Где он пропадает, черт бы его побрал! И вообще!.. — Лепицкий стал взволнованно ходить туда-сюда, чертыхаясь и пиная попадающиеся ему под ноги камешки.

— Да, почему выбрали Луценко? Почему вы его послали? — вслед за Лепицким обратился к Стронскому Григорий Петрович. — Я никогда не доверял этому кретину. Думаю, что он взял деньги и смылся. Так что мы зря его здесь ждем! Он уже давно в Риме. Чихал он теперь на нас при таких деньгах. Но это была ваша идея, Николай Афанасьевич! Ваша!

— И почему мы все вдруг драпанули? — заговорил самый неразговорчивый из всех официант Кирилл. — Ну, появился Блескунов — и что? Ну, увел Зою — и что? У них свои счеты. Думаю, что Зойка просто вторглась в майора, отпустив его в Каире, теперь вот они и договорились встретиться. Всех обвела вокруг пальца, плутовка, и выбыла из игры. А мы-то почему драпанули? Чего испугались? Ерунда какая-то!

Получалось, что высказались все, кроме Стронского. И что все вопросы и обвинения достались ему одному. Ведь именно Стронский у фонтана, увидев Блескунова, дал команду: «Смываемся!» — а также отправил на теплоход за деньгами Луценко... И вообще, все без исключения решения, которые принимались сегодня, принадлежат ему. Впрочем, и обязан был принимать их, поскольку вторым после Босса по рангу шел именно Стронский, когда-то советский офицер, бывший ракетчик, затем инженер «Южмаша», а теперь вот советник Босса по военным вопросам и его личный друг.

Видя, что подчиненные ему люди занервничали, Стронский тоже почувствовал себя скверно. Хотя неуверенность в собственных силах впервые появилась у него еще у фонтана, когда, увидев воскресшего Блескунова, он интуитивно почувствовал, что они провалились окончательно

и на все сто. И провалились совсем не вдруг. Этот Блескунов начал загонять их в угол уже в первый день круиза.

И происходило это не потому, что майор СБУ такой умный, а потому, что они — дураки: дружно провоцировали его своими бестолковыми действиями, допуская одну ошибку за другой. Сначала всучили ему портфель с бумагами — это была непростительная оплошность! Потом вывели его в караван-сарай и не смогли попасть в него, а татарчонок Нузет взял и рассказал майору, как все было. Рудь не смог прикончить Блескунова в Микенах, за что сам поплатился жизнью, болван. Эти кретины в Порт-Саиде умудрились выпустить его из верной ловушки. А Зоя... Ах, Зоя, Зоя! О Зое он теперь не мог думать спокойно, и вообще не мог думать, потому что, едва вспомнив о ней, загорался неистовым желанием растерзать ее в клочья...

Но неужели и Луценко — продажная шкура? О Боже! Всюду мерзавец на мерзавце! Что за люди! Что за времена?! Он должен был окружить себя более надежными людьми и более решительными. Блескунова следовало убрать в первую же ночь. А всех остальных — по первому же подозрению, не затевая с ними никаких игр. Он предупредил Босса, что за ними возможна слежка, что отнюдь не исключены предательства и просто случайные проколы. Главное же его предупреждение заключалось в том, что не следует торопиться с отправкой документов, тем более таким способом — на теплоходе, где сотни людей, среди которых легко могут затесаться фараоны... Но Боссу очень, видите ли, хотелось «видпочиты», прокатиться по теплым странам и морям и как можно скорее заручиться поддержкой и деньгами своих зарубежных вдохновителей. Деньги, деньги... Боссу нравятся деньги. А это большой порок в таком деле, какое они задумали.

Может ли Зоя выдать Босса? Может. Он приставал к ней, он ей противен. И жаден, как Кащей. А Командарм-Луценко? Этот, пожалуй, тоже выдаст Босса, если его схватят и как следует прижмут... Неужели победил Блескунов? Но благодаря чему? Разумеется, благодаря своему уму, ловкости и профессиональной подготовке! А они — дилетанты. Дилетанты решили состязаться с профессионалом... Он же не раз говорил Боссу: нужны настоящие профи, а не эти болтуны, истеричные поэты, защитники нации, мовы и шаровар...

Не провались сейчас, они все равно провалились бы потом, потому что болтуны объявили бы уже первый выстрел окончательной победой и ринулись бы к дележу славы и орденов...

И что же, оказывается, всех предала Зоя?! Умная, красивая, смелая, честолюбивая украинка Зоя?!

Или же еще раньше предал всех Сутулов, стопроцентный русский?!

Боже, что откроется, если документы попадут в руки врагов?! Это будет гигантский провал, катастрофа... Но и эти, милые зарубежные покровители, тоже хороши! Подавай им все секреты, все списки и пла-

ны, а иначе они не рискнут раскошелиться: боязно потерять деньги. А главное, не получив документы, не получают власть — а это уж совсем не в их характере...

Стронский предупреждал Босса: нельзя продаваться до последнего волоска, надо обходиться без зарубежных покровителей. Не послушался. Да и как он мог послушаться, если вокруг него, кроме болтунов, вьется еще орава хищников, которые без наживы и шага не сделают.

Хорошо, если адская машина в каюте все же сработает...

— Николай Афанасьевич, почему ты сам не пошел на теплоход? — по второму кругу пошли вопросы и обвинения. — Ты бы мог и деньги взять, и документы. Или испугался?

— Не твое дело! — грубо ответил Лепицкому Стронский. Этот Лепицкий — та еще штучка. Ему и Сутулову принадлежал план под кодовым наименованием «Детонатор», который они оценили в пять миллионов долларов. Следовало бы, конечно, проверить все, что они там накрапали: действительно ли существуют татарские (и татарские ли?) боевики, которые берутся устроить Варфоломеевскую ночь русским, из-за чего потом разгорится весь сыр-бор, и есть ли в действительности в Крыму украинская боевая организация, способная поддержать татарских боевиков, так ли уж обеспечена широкая пропагандистская кампания в России в поддержку крымских русских... Чтобы пройти с проверкой по всей этой цепочке, нужно было время. Но Босс заявил: «Будут деньги — план обязательно сработает». Может быть, может быть...

— Как это — не мое дело? — вдруг повысил голос Лепицкий, чего прежде никогда себе не позволял. — Если мой план станет достоянием спецслужб Украины и России, полетят сотни голов...

— Одна голова в Каире уже полетела, — напомнил Стронский Гене о Сутулове. — Осталась еще одна — твоя. Думаю, что этим все и закончится.

Григорий Петрович, этот плешистый розовощекий толстячок в золоченых очках, «идеолог операции», как говорил о нем Босс, «знаток народной души и исследователь народного менталитета», а по мнению Стронского «один из болтунов», сейчас заявил с апломбом:

— Если мои разработки попадут в руки спецслужб, будет большой скандал: я там цитирую всех наших вождей, которые в минуты откровенности высказывали мысли похлеще гитлеровских. Надо изъять документы из тайника и спрятать их в более надежном месте.

— Вы это сами сделаете? — скептически поинтересовался Стронский.

— Ну я же не знаю, как там и чего, какие циферки набирать, какие проволоочки отключать...

— А я вам скажу.

— Вы сами могли бы...

— Не мог! — рявкнул на него Стронский. — И вообще заткнитесь! Без вас тошно!

Минут десять они молчали, а потом Лепицкий снова принялся за старое:

— Нам надо поближе к теплоходу, чтоб разобраться, что там происходит, если там вообще что-то происходит.

— Я согласен, — поддержал его Кирилл. — В конце концов, у нас есть оружие. Пассажиров сейчас на теплоходе нет — они все в Риме и останутся там, как нам известно. Для всех заказаны гостиницы...

— Вот! — взвился Григорий Петрович. — А мы на теплоход попасть не можем и в гостиницу не попадем! Только кретин мог принять такое решение!

При слове «кретин» вдруг ожил итальянец-таксист, сидевший все это время понуро у придорожного креста.

— Sì, sì, cretino! — замахал он руками. — Tutto cretino!

— Итальянец прав, — сказал Стронский. — Он говорит, что мы все кретины. Требую прекратить подобные разговоры. Дождемся Луценко. Если на теплоходе спокойно, поедем туда и возьмем что надо. Документы, вещи, деньги. Но прежде необходимо дождаться возвращения Луценко. Если мы покинем это место, он нас не найдет.

— А если он нас выдаст? — предположил Григорий Петрович. — То тут нас всех и найдут...

— Все глупо, все глупо! — схватился за голову Лепицкий. — Ясно же, что Командарм либо схвачен, либо смылся. Надо что-то делать!

— Вот и делай! — предложил ему вконец обозлившийся Стронский. — Пойди за кусты и сделай там что-нибудь...

Командарма перевели в каюту Стронского, привязали к стулу.

— Ну вот, — сказал ему Кусков — как обещал. Теперь мы в твоём присутствии извлечем из тайника злополучный портфель и откроем его. Как ты понимаешь, это сделаю не я. Тут есть человек из службы охраны судна, он кое-что смыслит во взрывных устройствах. Мы оставим тебя с ним. Если его постигнет неудача, то не повезет не только ему, но, как ты догадываешься, и тебе. А ждать мы не можем. Сейчас этот человек придет, и мы с тобой распрощаемся. Да вот он уже идет, — слышав в коридоре приближающиеся шаги, сказал Кусков и не ошибся: капитан теплохода Макорин лично привел обещанного человека из службы судна.

— Горохов, — представил он полковнику специалиста по взрывным устройствам, высокого и худого, средних лет, с тонкими длинными руками. — Горохов Николай.

Вынуждены были завести на теплоходе новую должность в связи с участвовавшими терактами.

Кусков и Горохов обменялись рукопожатиями.

— Что искать? — спросил Горохов, оглядывая каюту.

— Портфель, — ответил Кусков. — Толстый, набитый бумагами портфель. По нашим сведениям, он заминирован. Портфель надо извлечь из тайника и открыть. В присутствии этого человека, — указал он на привязанного к стулу Командарма. — Это все.

— Понятно, — ответил Горохов. — Посторонних, как говорится, прошу удалиться.

Капитан и Кусков вышли из каюты.

— Думаете, сработает? — спросил капитан.

— Сработает, — ответил Кусков.

— Вы хорошо проинструктировали Горохова?

— Да. Горохов не станет открывать портфель. И провода, которые он будет перерезать, вовсе не провода взрывного устройства — он специально прихватил их с собой, чтобы резать на глазах у Командарма. Думаю, что нервы у Командарма не выдержат, не такой он крутой, каким хочет казаться.

— Что ж, подождем.

— И все-таки давайте отойдем подальше, — предложил Кусков. — Чем черт не шутит.

— Вы думаете?

— Береженого Бог бережет.

Полковник был уверен, что ничего такого не произойдет — и Горохов справится с порученным делом. В том, что Горохов отличный специалист, Кусков убедился сразу же, как только привел его в каюту Стронского и сказал, что нужно найти. Это было за полчаса до того, как туда привели Командарма. Горохов, стоя посередине каюты и слегка покачиваясь с пятки на носок и обратно, внимательно в течение нескольких минут осмотрел потолок, стены и пол. Пожевав губами и помяв мочку левого уха, он, наконец, протяжно вздохнул и указал рукой на правый угол:

— По-моему, эта штука там. Над шкафом, за облицовочной панелью. Можно проверить?

— Конечно, — ответил Кусков.

Горохов взял стул, забрался на него, вытащил из своей сумки отвертку, нож, еще какой-то инструмент, похожий на вязальный крючок, и принялся за дело, напевая: «Я встретил вас, и все былое...»

Минут через пять он вынул из ниши под потолком искомый портфель с привязанной к нему красной лентой пластмассовой коробочкой. Спустившись со стула, Горохов бережно перенес портфель на диван, уложив его на подушку, попыхивая:

— Фу, фу, фу...

Какое-то время стоял, склонившись над портфелем, потом дернул за конец ленты, узел развязался, и пластмассовая коробочка отделилась, но не совсем, поскольку была соединена с целой дюжиной белых

проводов. Все они одним концом были подсоединены к клеммам на внутренней стороне коробочки, а другой их конец уходил под крышку портфеля.

— Хорошая штучка! — присвистнул Горохов. — Отсоединить нельзя. То есть в принципе можно, конечно, но надо знать, какой провод отсоединить или перерезать первым. А им может оказаться любой из двенадцати. Но существует огромный риск, поскольку мы не знаем, какой из проводов, будучи потревоженным, вызовет немедленный взрыв. Взрывчатка в портфеле. Она может быть достаточно мощной — портфель-то тяжеленький.

— А если взять и открыть?

— Мысль правильная, — засмеялся Горохов. — Если мы его откроем, сразу же сработает контакт, цепь замкнется — и...

— Ясно, — вздохнул Кусков.

— Тут все очень просто — приподнимем крышку, там разжимается пружинка, эдакий чертик, который где-то здесь. — Горохов осторожно сунул палец под крышку портфеля. — Нет, — сказал он, вынимая палец, — не здесь.

— Значит, никаких способов?

— Почему же — способы есть. Но все они, разумеется, связаны с риском. Вот, например, первый: надо осторожно разрезать крышку портфеля, миллиметр за миллиметром, обнаружить контактное устройство и вынуть его, не дав ему сработать. Второй способ — разрезать коробочку, как бы вскрыть ее, и определить, где ложные клеммы, а где настоящие. Вот эта клемма, — Горохов показал на одну из двенадцати, — более всего похожа на настоящую, она потерта, проводок здесь захватан пальцами, но это может быть и ловушкой.

— А как же хозяин отсоединял?

— Он знает свой проводок. Например, это четвертый, или седьмой, или одиннадцатый, или некоторая последовательность проводков. Он-то знает, не сомневайтесь! Но мы-то с вами не знаем — вот в чем проблема.

— Что вы сделаете для того, чтоб напугать пациента? — спросил Кусков, подразумевая под пациентом Командарма.

— Подсоединю к этой штучке еще несколько проводов, скажем, вот этих, зеленых и красных, — Горохов вынул из сумки связку проводов, — и стану их перерезать, обливаясь потом.

— А пот откуда возьмете?

— Так ведь жарко здесь, — ответил Горохов. — Думаю, что это произведет нужное впечатление.

— А если пациент догадается?

— В его-то состоянии? Не догадается. Правда, если он самоубийца, тогда ничего не выйдет.

— Позовите меня, как только он потребует. Сразу же. Договорились?

— Что ж, договорились, — сказал Горохов и снова склонился над портфелем, шмыгая носом...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Командарм сидел, уронив на грудь голову, и стонал.

— Ты звал меня, в чем дело? — спросил Кусков, приподнимая его голову за подбородок.

— Я скажу, — ответил Командарм, отводя взгляд.

— Что скажешь?

— Кто знает код этой адской машинки.

— И кто же?

— При всех говорить?

— Можно при всех, — ответил Кусков.

— Стронский, — сказал Командарм. — Стронский знает.

— Охо-хо, — вздохнул Кусков и подошел к иллюминатору. — Про Стронского мог бы и не упоминать. И дураку ясно, что раз каюта Стронского, то и портфель его. А следовательно, он знает код взрывного устройства. А кто еще? — резко повернулся он к Командарму.

— Не знаю, — ответил Командарм.

— В таком случае продолжайте, — сказал Кусков Горохову. — Время не терпит.

Кусков и капитан Макорин снова вышли из каюты.

— А ты упрямый осел, — сказал Горохов Командарму. — Если ты думаешь, что я намерен тут погибнуть вместе с тобой, то глубоко ошибаешься. Меня в худшем случае эта штука немного контузит или ранит, потому что, когда она рванет, я буду далеко. А вот тебя точно разнесет на куски — поверь моему опыту. Это хреновая штука. Угадать, как ее обезвредить, почти не представляется возможным. Шанс, кажется, есть, но очень маленький. И, значит, вот что я сейчас сделаю? Ты слышишь?

— Слышу, — отозвался Командарм, который не только слышал, что говорил Горохов, но и имел возможность наблюдать за его действиями.

— Так вот что я сейчас сделаю: я привяжу вот к этому проводку длинную веревку — у меня есть такая, — выйду за дверь и дерну. Понимаешь? Ты — здесь, а я за дверью и даже дальше. Если эта штука шарахнет, все достанется тебе.

— А теплоход? Повредишь ведь, — сказал Командарм и потребовал: — Вытри мне лицо, а то пот, черт бы его побрал, глаза заливают.

— Теплоход починим, не переживай. Ну, разнесет взрывом эту каюту, две-три соседние... Мало приятного, конечно... А вытирать тебе лицо не стану — много чести. Да и терпеть тебе, милоч, осталось, ду-

маю, не так уж долго: сейчас вот выйду и дерну за веревку. Если этот проводок ничего не даст, привяжу веревку к другому. И так буду держать до тех пор, пока не останется только два. Если, конечно, эта штука не взорвется раньше. А когда останется только два, начнется самое интересное... Ладно, хватит ласы точить, — сказал Горохов, разматывая веревку и медленно продвигаясь к двери. — Приготовься к встрече со Всевышним...

— Подожди, — попросил его Командарм. — Давай обсудим. У меня есть предложение.

— Хорошо, — остановился Горохов. — Давай обсудим, говори!

— Предложение простое: ты меня развяжешь, я вылезу через иллюминатор и плюхнусь в воду.

— Нет, — ответил Горохов. — У тебя наручники. А в наручниках ты утонешь. Продолжим обсуждение?

— Не утону. Доплыву на спине, как-нибудь выберусь на берег...

— Очень мало шансов, что на тебя не обратят внимания. Совсем мало. Да и куда ты с наручниками пойдешь?

— Это уже мои проблемы, — сказал Командарм. — Твое же дело — развязать меня.

— Развязать?

— Да, развязать.

— И ради какой корысти? — усмехнулся Горохов. — Что я от этого буду иметь, как говорится?

— Вот настоящий деловой разговор! Ты получишь деньги. Я скажу тебе, где они лежат. Это здесь же, в этой каюте. Доллары.

— Сколько?

— Думаю, тысяч пять.

— Мало, — сказал Горохов. — Двадцать тысяч — я еще подумал бы... А за пять и мараться о тебя не стану.

— Почему мараться?

— Потому что меня схватят...

— Не схватят. Когда эта хреновина взорвется и все разлетится вдребезги, кто тут что отыщет. Скажешь, что меня тут разнесло в пух и прах. Вот и все! И никто тебя ни в чем не заподозрит.

— Может быть. Но у меня существует принцип, — сказал Горохов.

— Какой принцип?

— Не помогать говнюкам. Ладно, я пошел. Приготовься.

— Стой! — закричал Командарм. — Стой!

— Ну, стою, стою. Что еще?

— Позови этих, — устало сказал Командарм. — Я скажу, кто знает код.

— Давно бы так. И мне легче — не надо чикаться с этой игрушкой. — Горохов открыл дверь и позвал Кускова и капитана.

— Ну? — спросил Кусков, подойдя к Командарму. — Кого вспомнил?

— Это Босс, — ответил Командарм. — Руководитель круиза, мать его так! — выкрикнул он и задергался в нервном припадке.

— Он сошел на берег вместе со всеми? — поинтересовался Кусков у капитана.

— Нет, он еще здесь, оформляет с итальянцами какие-то документы. Не ожидал...

— Я тоже.

— И что будем делать? — спросил капитан.

— Пойдем к нему, — ответил Кусков.

— А с этим? — кивнул капитан в сторону Командарма.

— Пусть ваши люди спустят его в трюм, чтоб без всяких там окон и щелей, и обязательно железная дверь и вооруженная охрана.

— Да, хорошо, я сейчас же распоряжусь.

Минули все разумные сроки, и Стронский понял, что Командарм уже не вернется. Как бы плохо Стронский ни думал о нем, но предположить, что Командарм просто удрал с деньгами, все же не мог. Да и деньги были не ахти-какие. Оставалось одно: Командарм попался. И, значит, его, Стронского, решение было правильным. Это означало также, что соваться на теплоход больше нельзя. Да и в гостиницу, где для них заказаны места, тоже.

Сосчитал всю наличность, которая была в карманах.

Набралось чуть меньше тысячи долларов.

— На поезде можем убежать из Италии, — предложил Стронский, — сохранив при себе оружие. О самолете и мечтать нечего — далеко не улетим, да и с оружием придется расстаться. Если не сядем сразу же в поезд, заночуем в Риме на вокзале.

— Хреновые перспективы, — не согласился Лепицкий. — Я предлагаю следующее: выйти на Босса. Пусть он нам поможет. Ему ничто не грозит, он не засвечен, хорошо законспирирован. Нужно только суметь выйти на него — и он что-нибудь сделает для нас. В крайнем случае — придется пригрозить.

— И как же ты на него выйдешь?

— Будем дежурить у теплохода — возможно, что он еще там, — или искать в Риме, если уже уехал. Я знаю, в какой гостинице он должен остановиться. Это возле Ватикана, гостиница для богатых паломников.

— И как ему объяснить наш провал?

— Так и объясним: доигрались, лопухнулись; стали жертвой предательства.

— Кого назовем предателями?

— Зою, Луценко. Еще раньше — Сутулов.

— Много предателей получается. А ведь Григорий Петрович лично отвечал за подбор команды, — усмехнулся Стронский.

— Прошу без намеков, — надулся, как индюк, толстомордый Григорий Петрович.

— Никаких намеков и нет. Есть простая констатация фактов: три предателя — едва ли не половина команды.

— Почему три? Скажем, что Зоя. Она, наверное, и есть первая. А Зою выбрал сам Босс — говорил, что, мол, она красивая, умная, обольстительная. Рассчитывал, наверное, что Зоя понравится нашим зарубежным друзьям.

— И кто Боссу об этом скажет?

— Вы, Николай Афанасьевич, потому что вашими стараниями провалены все наши планы по ликвидации Блескунова, Кускова, Норы, Нузета... Кстати, о Нузете: мы как-то совсем про него забыли, а ведь это он рассказал Блескунову о том, что наши друзья охотились на него в Стамбуле. Вот, зврика! — лицо Лепицкого просияло от неожиданного найденного решения. — Скажем, что предатель — Нузет. И его подсунил нам Сутулов, который все равно уже ничего не подтвердит. Логично?!

— Все это — детали. Главное в другом: мы, провалив дело, убегаем. Вот о чем придется говорить. И после этого станем просить Босса о помощи? Только дурак, — Стронский при слове «дурак» выразительно посмотрел на Лепицкого, — только дурак может в такой ситуации надеяться на помощь. Скажу больше: если у Босса есть еще люди, они нас перещелкают как орехи. По приказу Босса, разумеется.

— Но стоит хотя бы предупредить его об опасности, — не сдавался Лепицкий. — Сказать, что Зоя и Луценко в руках спецслужб — разве это не наш долг?

— Я пойду на теплоход, — вдруг сказал Кирилл. — Я официант, меня все знают, я ни в чем не замешан, мне легче будет все разведать и поведаться с Боссом.

— Тебя же видели с нами Кусков и Нора, — усомнился Стронский.

— Мало ли с кем меня видели — я официант ресторана, обслуживаю всех, кто пожелает.

— В этом что-то есть, — сказал Лепицкий. — Что-то обнадеживающее.

— Ничего хорошего, — возразил Стронский. — Ведь Кирилл не вернется к нам, верно?

— Да, не вернусь, — ответил Кирилл. — Зачем?

— Пусть идет, — вступился за него Григорий Петрович. — Чем нас меньше останется, тем легче будет исчезнуть.

— Нет, не легче. — Стронский вынул пистолет и повертел его в руке. — Никто никуда не уйдет. Просто так — никто. Только с пользой для нас! А чтоб нам реально помочь, необходимо вернуться с деньгами, документами и информацией о происходящем на теплоходе. Кирилл не пойдет, потому что не вернется, что бы мы ему сейчас ни приказали: он либо не захочет этого сделать, либо его схватят. И это

«либо-либо» не продвинет нас вперед ни на шаг. Нам нужно обязательно знать точно: ждет ли нас на теплоходе капкан или нет. Хотя лично я уверен, на теплоходе для нас уже приготовлена ловушка.

— Давайте условимся о сигнале, — предложил Кирилл. — Если его не будет, значит, меня схватили. Если не схватят, то я непременно подам сигнал. Только надо условиться. Клянусь!

— Ты либо очень смелый, либо совсем дурак, — сказал Стронский. — От фонтана ты бежал вместе с нами. Этого довольно, чтоб тебя схватить за жабры. Никуда ты не пойдешь! Я не верю тебе! Ты выдашь все, как только тебя прижмут. А если попытаешься сбежать — пристрелю. Хватит нам и того, что там уже Зоя и Командарм.

Никто Стронскому больше не возразил.

— Мой план с учетом ваших пожеланий будет таков, — заговорил он после долгого молчания. — Сначала едем в Чивитавеккью, находим удобную позицию и наблюдаем за теплоходом. Цель: убедиться, что Босс действительно находится вне опасности. Если это на самом деле так и есть, то он непременно сойдет с теплохода на берег и направится в Рим. Другая ситуация: он уже уехал и мы его у теплохода не увидим. Ждем тогда до вечера и тоже отправляемся в Рим. Лепицкий идет в гостиницу к Боссу рассказывает ему о случившемся. Наше требование: босс извлекает из тайника в моей каюте документы и передает нам. Объяснение: так будет обеспечена полная сохранность документов. В дополнение он передает нам денежную сумму, необходимую для того, чтобы спокойно можно было добраться до наших зарубежных друзей, где мы и станем ждать нашего дорогого Босса. А если вдруг станет артачиться, то надо его припугнуть. Он не из больших храбрецов.

— План принимаю, — первым подал голос Лепицкий.

— Я тоже, — кивнул головой Григорий Петрович, и оправа его очков сверкнула в лучах закатного солнца.

— А ты? — поинтересовался Стронский у Кирилла.

— Ладно, — нехотя ответил тот. — Как большинство, так и я.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Блескунов Елену, когда они выбрались на трассу Рим—Чивитавеккья.

— Так себе, — ответила Елена и, оглянувшись назад, внимательно посмотрела на Зою.

Глаза у Зои были закрыты, и казалось, что женщина дремлет.

— Нет, она не спит, — сказала о ней Нора. — Она думает. И я даже знаю о чем.

— Интересно, о чем же? — открыла глаза Зоя. — Покажи, как ты умеешь читать чужие мысли.

— Ты думаешь о том, удастся ли тебе удрать. И прикидываешь в уме варианты возможного побега.

— Например?

— Хорошо, я скажу. Тебе очень хочется, чтобы «фиат» остановила полиция. И тогда ты станешь кричать, что тебя захватили насильно, что мы вооружены и так далее.

— Допустим, — согласилась Зоя. — И что мне это даст?

— У нас действительно имеется оружие. А, следовательно, всех, кто сидит в «фиате», задержат и повезут в Рим, в полицейский участок, для разбирательства. При этом ты будешь выглядеть лучше всех: у тебя нет оружия, ты привлекла внимание полиции.

— И меня сразу отпустят?

— Ну нет! Будет вызван представитель посольства, и начнутся долгие расспросы. Но дело, однако, не в этом.

— А в чем же?

— А в том, что полиция нас не остановит: итальянская машина, с итальянскими номерами... На кой черт им нас останавливать? Ты, вероятно, об этом уже подумала. А потому приготовила другой вариант: тебе сейчас очень хочется выхватить у меня пистолет. Ты дремлешь, трасса спокойная, нас не трясет, можно расслабиться. Дремота одного из нас навевает ее и другому. Словом, ты только и ждешь, чтобы я задремала. Оттого и сидишь с закрытыми глазами, время от времени подглядывая за мной. Как только я задремлю, ты схватишь мой пистолет. Один выстрел в меня, второй в Елену, а Блескунову пуля достанется тогда, когда он остановит по твоему требованию машину, не так ли?! Потом ты сама сядешь за руль. Но успокойся — я не задремлю. А если тебе что-то там покажется, и ты дернешься, я сразу пристрелю тебя.

— Спасибо за откровенность.

— Третий вариант, — продолжила Нора. — У тебя лопнул ремешок на юбке, верно?

— Да, лопнул.

— И ты стала потихоньку вытаскивать его из-за спины. Знаешь — зачем?

Зоя не ответила.

— Тогда я тебе скажу: ты хочешь набросить ремешок Блескунову на шею и придушить его так, чтоб он выпустил руль... Когда машина перевернется, появится вероятность, что тебе повезет, а нам нет. Ведь ты будешь к этому готова и попытаешься разделаться с нами. Но такой вариант очень плохой, поскольку связан с несколькими неизвестными: ты не знаешь, отпустит ли Блескунов руль, а если отпустит, то перевернется ли машина, а если даже перевернется, то кому достанется больше всех. А главное, ты до конца не уверена, удастся ли тебе вынуть из-за спины ремешок и набросить его на шею Блескунову. Теперь же можешь быть абсолютно уверена, что не удастся. — Нора выдернула из-за спины Зои ремешок и, прижав женщину плечом к спинке сиденья, ловким движением им же связала ей руки. — Вот так-то лучше, —

сказала она, поправляя прическу. — Теперь ты не станешь отвлекаться на всякие пустяки, а ответишь на несколько моих вопросов.

— А кто ты такая?! — морщась от злости и бессилия, выкрикнула Зоя. — Откуда ты взялась?

— Да все оттуда же, — весело улыбнулась Нора. — Из Киева.

— Ты хочешь сказать, что ты украинка?

— А как же, привычно украинка. Так что ты в руках законного представителя державы. И можешь по этому поводу больше не пыхтеть. Итак, вопрос первый: кто еще, кроме Стронского, знает про код адской машинки?

Зоя повернула голову и плонула Норе в лицо.

— Хорошее начало, — сказала Нора, утерев лицо платочком. — И вот тебе ответный подарок, — она переложила пистолет в левую руку и правой ударила Зою в живот. — Нравится?

Зоя ответила не сразу, стонала, ругалась, потом обратилась к Блескунову:

— Скажи этой суке, чтоб не дралась, если начальник — ты.

— Теперь получай за «суку»! — Нора не на шутку разозлилась.

Второй удар был посильнее первого, и Зоя замолчала на несколько минут.

— Нора, — попросил Блескунов, — все-таки вы женщины...

— Она не женщина, — ответила Нора. — И я тоже... От такой работы можно вообще озвереть. А когда попадается подобная тварь, о женственности забываешь. Но я больше не буду, — пообещала она. — Будем считать, что это я ей за Елену... Ты бы ударила ее, отомстила бы за издевательства, если бы довелось? — поинтересовалась Нора у гречанки.

— Конечно, — ответила Елена. — И мне думается, что такая возможность у меня еще появится.

— Ну, даете! — покачал головой Блескунов. — Три такие красивые... Словом, пожалуйста, без драк. Очень прошу.

— Один джентльмен среди трех мегер, — засмеялась Нора.

Блескунов увидел впереди машину дорожной инспекции и начал сбавлять скорость.

— Неужели первый вариант? — недоумевала Нора. — Накаркала. Прячем подальше оружие. А ты, — стала она тормозить Зою, — если ты скажешь хоть слово или позволишь себе лишний жест, получишь то, что заслуживаешь, — она сунула свой пистолет за пояс под кофточку, развязала Зое руки. — Будешь улыбаться полицейским и говорить «Si, si, si!». Больше ничего! И улыбаться!

Полицейская машина стояла на обочине. У самой машины — автоматчик, на дороге — полицейский с поднятым высоко вверх жезлом.

Блескунов выполнил его требование и остановился.

Елена опустила стекло. Полицейский козырнул, поклонился и вежливо спросил:

— Вы можете показать ваши документы?

— Да, конечно, — ответила Елена. — Машина принадлежит моему пресс-агентству, я служащая этого агентства. Вот мое удостоверение и паспорта моих друзей.

Полицейский сразу же вернул Елене ее удостоверение, паспорта же внимательнейшим образом перелистал, после чего, повернув голову, сказал автоматчику:

— Это не те. Но ты запиши: Александр Блескунов, Зоя Кравченко и Нора Корбут. — Он повторил фамилии и имена, спросил напарника: — Записал?

— Да, — ответил автоматчик. — Очень смешные фамилии.

Полицейский вернул Елене паспорта, обошел вокруг машины, заглядывая в стекла. Вернулся к Блескунову, который тоже опустил стекло, и, козырнув, сказал:

— Очень красивые синьорины. Не отвлекайтесь во время езды. Buon viaggio!

— Mille grazie! — ответил Блескунов. Это все, что он мог сказать по-итальянски.

«Фиат» двинулся дальше. Вскоре дорога пошла вниз, и они увидели море и Чивитавеккью: крепостные стены, старинный замок, порт и свой теплоход.

— Добрались, — вздохнула с облегчением Нора. — Теперь мы, считай, дома.

Столики кафе «Вассо» стояли на террасе, откуда хорошо был виден не только причал, но и «Шота Руставели». Любого, кто поднимался или спускался по трапу теплохода, легко можно было узнать.

Компания заговорщиков села за один столик, прихватив с собой таксиста, который, едва войдя в кафе, закричал что есть мочи:

— La lista, per favore! Ci porti, per favore, la lista!

Прибежал официант и принес меню (la lista).

— Cosa ordinate? — спросил он, обращаясь к таксисту. — Что хотите заказать?

— Mangio di tutto, — ответил таксист. — Я ем все! Fai tu. На твое усмотрение.

— О чем они лопочут? — забеспокоился Лепицкий. — А если он просит вызвать полицию?

— Перекрестись, — посоветовал ему Стронский. — Мы ему платим — и, значит, никакую полицию он вызывать не станет. И вообще наблюдайте лучше за теплоходом.

Первыми, кого они заметили, были Блескунов, Зоя, Нора и гречанка. Причем майор вел Зою, держа ее под руку. Нора и Елена следовали за ними.

— Вот так, — сказал Стронский. — Одна влюбленная бабенка мо-

жет погубить дело, которое задумали сотни мужчин. Я говорил Боссу: то, что мы хотим совершить, не женское дело, женщин к нему на пушечный выстрел допускать нельзя! Но Зоя ему очень понравилась. И вот печальный финал!

Блескунов и женщины поднялись по трапу на теплоход и исчезли в его темном чреве.

Солнце садилось в море. Оно дрожало в разогретом влажном воздухе, расцветив свою посадочную полосу тысячами ярких бликов. На террасе кафе «Вассо», увитой цветущими глициниями, становилось все многолюднее. Официант прибегал еще несколько раз и спрашивал, не добавить ли чего, на что таксист, уловив желание своих пассажиров, неизменно отвечал:

— *Ci porti, per favore, una birra!* — требуя пиво.

Попав на теплоход, Блескунов сразу же встретился с Кусковым. Он нашел его в каюте Стронского в обществе капитана теплохода Макарина. Кусков и капитан сидели за столом. На столе стоял портфель, вокруг которого были разложены бумаги.

— Можно посмотреть? — спросил Блескунов, поздоровавшись за руку с каждым.

— Безусловно! — весело ответил Кусков. — Ради этого, кажется, и старались.

— С чего посоветуешь начать?

— А вот с этого. — Кусков протянул Блескунову большой желтый конверт. — Это, так сказать, самое начало операции. Очень впечатляет. Документ написан при участии нескольких лиц разных национальностей, двое из них тебе известны — это Сутулов и Лепицкий.

Документ оказался отпечатанным на отличной мелованной бумаге, старательно, без помарок, украшен номером и грифом, а также фамилиями составителей на последней странице и двумя фамилиями на первой — эти двое должны были, видимо, документ заверить, но подписей их пока не было.

— Да, — сказал Кусков, заметив, что Блескунов обратил внимание на отсутствие подписей. — Это усложнит дело. То ли мы поторопились, то ли черт его знает... Но ты пока прочти.

Документ имел кодовое наименование «Детонатор».

«Наиболее уязвимым местом на Украине, по мнению ряда компетентных экспертов, — стал читать Блескунов, — является Крым, где межэтнические отношения давно накалены и продолжают накаляться благодаря неуклюжим и бестолковым действиям властей всех уровней, а также в результате умелых действий наших сторонников в различного рода движениях и партиях. Достаточно искры, чтобы вспыхнул пожар, произошел взрыв. Но нам необходим не взрыв вообще, а, так сказать, взрыв направленного действия.

В соответствии с задачей, поставленной перед нами как с украинской, так и с российской стороны и отвечающей общему плану развития операции «Бегство», мы разработали и довели до практической реализации следующее:

1. Вооруженная группа № 1 в составе тридцати человек, подерживаемая по идейным соображениям рядом групп и лиц, которые примкнули к нашей группе (добровольная солидарность) в течение трех-четырёх дней с начала действий, атакует окраинные кварталы города N, заселённые главным образом русскими. Нападение нашей группы будет спровоцировано антитатарским актом со стороны русских на этой же городской окраине (стрельба по свадьбе, мечети, сходке в близлежащем поселении — исполнитель № 6). В результате действий нашей группы (исполнитель № 1) будет убито около тридцати человек и около шестидесяти ранено.

2. Вооруженная группа № 2, состоящая из русских (исполнитель № 2), в ответ на действия группы № 1 следующей ночью атакует татарское поселение. Возможные жертвы — в тех же пропорциях.

3. Украинская группа № 3 (исполнитель № 3), присоединившись к группе № 1 на третьи сутки, атакует пригород. Расширение боевых действий — не только из-за гибели русских, но и из-за гибели милицеских кордонов.

4. Радио- и телестанции и газеты (работа по определению средств массовой информации будет завершена к моменту начала операции) выходят с обращениями как к русским, так и к татарам и украинцам о вооруженной защите своего населения и призывают их к активному вооруженному отпору.

5. Вооруженная часть (группа № 4, расположенная вблизи города) с использованием техники атакует город (исполнитель № 4).

6. Вооруженная флотская часть (группа № 5) выступает на стороне горожан (исполнитель № 5).

7. Одиночные боевики с обеих сторон (подготовлено и вооружено восемнадцать боевиков) терроризируют город.

8. Бегство русских в Севастополь (под защиту флота), через Керченский пролив в Россию. Пропагандистская операция «Паника» подготовлена и расписана (исполнитель № 6).

9. Лидеры русских общин, партий и движений (в силу необходимости и по инициативе исполнителей № 7 и № 8) обращаются с просьбой к России о вооруженной защите русского населения Крыма.

10. Лидеры крымскотатарского населения (в силу необходимости и по инициативе исполнителя № 9) обращаются с просьбой к Турции о вооруженной защите татарского населения, что вызовет переориентировку группы № 3. Нападение боевиков на украинское население.

11. Лидеры украинских общин, партий и движений (в силу возникшей ситуации и по инициативе исполнителей № 10–16) обра-

щаются с просьбой о вооруженной защите украинского населения Крыма — к Киеву. Бегство украинского населения через Перекоп.

12. Россия предпринимает шаги согласно документу № 1-Б. Турция предпринимает шаги согласно документу № II-Б. Украина предпринимает шаги согласно документу № II 1-Б».

— И что в тех документах? — спросил Блескунов.

— Там — ужас! — ответил полковник.

— Все исполнители обозначены номерами. Это ничего не даст.

— А тут есть расшифровка на нескольких страницах. — Кусков взял в руки черный конверт из-под фотобумаги. — Против каждого номера — фамилия, способ конспиративной связи.

— Можно взглянуть?

— Взгляни.

Блескунов вынул листки из черного конверта.

— Да, — сказал он, пробежав по тексту глазами. — Это уже кое-что. И даже больше. Такое ощущение, что мы не зря все-таки старались.

— Не зря, — согласился Кусков. — Совсем не зря.

— Оставшихся надо срочно брать, пока они не передали весть о провале.

— Соображаешь, — похвалил Блескунова Кусков. — Я кое-что уже предпринял. За Стронским, Лепицким, Григорием Петровичем и официантом установлена слежка итальянской полиции. Командарм, как ты знаешь, уже здесь.

— И Зоя.

— Понятно. Там все обошлось?

— Да. Кстати, — вдруг спохватился Блескунов. — А как тебе удалось это разминировать? — спросил он о портфеле. — Командарм знал код?

— Да ты не знаешь самого главного, — засмеялся Кусков, подмигнув капитану теплохода Макорину. — Скажите ему, капитан, кто нас дожидается в своей каюте.

— Кто?

— Михаил Васильевич, — ответил капитан, — руководитель круиза.

— Почему?

— Потому что главное лицо во всей этой истории — он, наш любезный Михаил Васильевич. Мы должны будем к десяти ноль-ноль доставить его в посольство. Там им очень и очень интересуются. И документами, разумеется. И, значит, нам надо поторопиться. Сопроводить Босса будем вдвоем. За нами прибудет посольская машина. Думаю, — Кусков взглянул на часы, — минут через тридцать — сорок. Как Елена? — спросил он, вставая.

— Потом, — неопределенно махнул рукой Блескунов.

— Как знаешь, потом так потом. Да, вот что еще, — полковник взял в руки другой желтый конверт. — Здесь — нечто совершенно чудовищное. План взрыва стратегической ракетной установки. Взрыв сплани-

рован таким образом, что вся вина за него будет возложена на Россию. Подготовлены безупречные показания свидетелей и сами свидетели, разумеется. Погибнет много людей. Среди них какие-то очень высокопоставленные особы. Цель всей этой гигантской провокации — остановить демонтаж и вывоз стратегического ядерного оружия, а также оправдать свои действия в глазах мировой общественности. Смысл всей шумихи вокруг этого: Россия, мол, разоружает Украину не ради мира, а ради ослабления своего врага перед предстоящим вторжением и захватом. Автор плана — Николай Афанасьевич Стронский, бывший ракетчик и так далее, то есть весьма компетентный человек. К плану приложена подробная схема осуществления взрыва, очень внушительная, скажу я тебе.

— И кому они все это везли? — спросил Блескунов. — Для кого эти планы?

Кусков пожал плечами:

— Страна не названа, люди не обозначены. Тайна. Но Михаил Васильевич, надеюсь, назовет и страну и людей, как он уже назвал код адской машины, которая была здесь. — Кусков похлопал по портфелю. — Назовет, обязательно назовет. Но об этом позаботятся другие. Наше дело теперь — доставить руководителя всей этой мерзкой шайки в посольство, передав его в надежные руки.

— В какое посольство? — поинтересовался Блескунов.

— В твое, в украинское: Михаил Васильевич, как и ты, гражданин Украины.

— Хорошо. А есть какой-нибудь обобщающий документ, — спросил Блескунов, — из которого было бы понятно, ради чего все это задумано?

— А вот. — Кусков взял листок бумаги, который все это время лежал перед ним на столе, и прочел вслух:

«Операция «Бегство» ставит перед собой цель обострить отношения между Украиной и Россией до такой степени, чтобы стало возможным военное столкновение между этими государствами. Способы достижения этой цели: разжигание межэтнических конфликтов в Крыму, доведение их до крайних форм, в результате чего русское население Крыма обратится с просьбой о вооруженной защите к России, украинское население — к Киеву, татарское — к Турции. Предполагаемый результат этих действий: массовое бегство русских с Украины в Россию, дискредитация крымских татар и их вынужденное бегство в Турцию, уход украинцев из Таврии. Украина становится полностью мононациональным государством, сохраняет на своей территории стратегическое ядерное оружие, к власти на длительный срок приходит национальное военное правительство, создается Новое Украинское государство.

Из-за того, что открытое и масштабное столкновение между Украиной и Россией опасно по своим разрушительным последстви-

ям как для Украины, так и для России, существует настоятельная необходимость заручиться поддержкой Третьей стороны — в скобках: поддержкой Запада, который вмешается в столкновение между Украиной и Россией и остановит его на стадии объявления войны. При этом будут широко учтены интересы. Третьей стороны как на Украине, так и в России.

Исполнительный Центр операции «Бегство» располагает разветвленной сетью агентов, работающих в русских, украинских и татарских организациях. Российский интерес: возвращение всех русских на историческую родину, радикальный пересмотр всех нынешних границ со странами СНГ, в частности возвращение Крыма в состав России. Приток многих миллионов русских беженцев в Россию поднимет на гребень популярности сотрудничающие с нами в плане осуществления операции «Бегство» организации и откроет им путь к власти.

Срок начала операции «Бегство» — по согласованию с Третьей стороной, которая берет на себя ряд обязательств по финансовому и политическому обеспечению операции».

— Все? — спросил Блескунов.

— Все, — полковник согнул листок вдвое и вложил его в конверт.

— А интересы татар? Ничего не сказано о том, как будут учтены интересы татар, — заметил Блескунов.

— Правильно, ничего. Судя по всему, их просто используют в своих целях. Впрочем, тут есть более точное слово: дискредитируют. Очевидно, как в глазах русских, так и в глазах украинцев. Коварный план.

— Да, коварный. Мы успеем перекусить до отъезда в Рим? — спросил Блескунов. — Очень хочется есть.

— По чашке кофе, — взглянул на часы Кусков, — не больше. В посольстве, надеюсь, нас угостят.

— Надежды юношей питают, — вздохнул Блескунов.

Солнце уже окунулось за морской горизонт, когда к трапу теплохода подкатил черный «мерседес» с посольским желто-синим украинским флажком. Из «мерседеса» вышел человек в строгом сером костюме, поднялся по трапу, переговорил о чем-то с дежурными у входа и сразу же спустился обратно к машине.

— Это серьезно, — сказал явно обеспокоенный Стронский. — Приехали за важной шишкой. Интересно, за кем?

— Думаю, что за Боссом, — предположил Лепицкий. Он не ошибся: через несколько минут на трапе появились трое: Босс, Блескунов и Кусков.

— Хана, — произнес Стронский, — они его взяли. И документы с ними: обратите внимание на портфель в руках Кускова. Это наш портфель. Босс раскололся.

— Что же делать? — испуганно воскликнул Лепиций.

— Что делать... — Стронский грязно выругался. — Ничего не делать! Разбежаться на все четыре стороны. Ух! — Он ударил кулаком по столу. — Я это предвидел! Болтуны, недоноски! Трепачи!

— Остановись, — попросил его Лепицкий. — Давай подумаем, что еще можно предпринять.

— Я знаю, — сказал тихий Григорий Петрович. — Мы поедем следом за «мерседесом» и в безлюдном месте расстреляем его. Я сидел здесь и поглядывал на трассу. Трасса, считай, пустынная. В порту лишь один теплоход, наш, к тому же все уехали, уже вечер...

— Из чего же мы их расстреляем? Из наших хлопущек? — уставился на Григория Петровича Стронский.

— Авось повезет, — ответил Григорий Петрович.

— У меня пушка мощная, — сказал Лепицкий. — Скат прошьет. Да и у Кирилла тоже. А когда остановятся, тогда мы окажемся на равных.

— В машину! — скомандовал Стронский, приняв решение. — Быстро! И объясни, пожалуйста, таксисту, — сказал он Григорию Петровичу, — что от него требуется: сесть на хвост «мерседесу». Напрягись, ты ведь референт по странам Средиземноморья, должен был выучить итальянский.

— Постараюсь, — нервно дернул плечами Григорий Петрович и принялся объяснять таксисту с помощью жестов, чего от него хотят.

— Sì, — кивал головой таксист, — sì, sì, sì!

По гулкой деревянной лестнице они сбегали с террасы кафе «Вассо» к стоянке, сели в такси.

— Ну, гони! — сказал таксисту Стронский, достав пистолет. — Быстро!

— Rapidamente, — подсказал ему Григорий Петрович.

— Да, rapidamente, черт возьми! Но чтоб без самодеятельности, — он оглянулся на сидящих сзади Лепицкого, Кирилла и Григория Петровича. — Стрелять только по моему приказу.

Они не заметили, как незаметно, выскользнув из тихой улочки, за такси увязался синий полицейский «джип». Впрочем, он сразу же отстал: полицейские, должно быть, догадались, что такси начало преследовать посольский «мерседес».

— Куда вы меня? — обреченно спросил Михаил Васильевич, зажатый с боков Блескуновым и Кусковым.

— Все дороги ведут в Рим, — усмехнулся полковник. — Вас ждет Вечный Город, уважаемый. А в нем — посол Украины. А также — кое-кто еще. Приготовьтесь отвечать на самые неприятные вопросы. Кстати, я тоже хочу задать вам несколько вопросов.

— Задавайте, — ответил Михаил Васильевич.

— Кому вы везли документы?

— На этот вопрос я отвечать не стану, — сразу же заартачился руководитель круиза. — Ни здесь, ни там.

— Ладно, — продолжил полковник, — существуют ли копии этих документов?

— Нет, — коротко ответил Михаил Васильевич.

— Уже лучше. Вопрос третий: кто вас уполномочил на подписание и передачу этих документов, где так называемый Центр и кто его возглавляет?

— На этот вопрос я также отвечать не буду.

— Тогда позвольте полюбопытствовать — в случае вашего провала кто и кого должен был предупредить об этом?

— О провале речи не было.

— Плохо. Всегда надо думать о худшем, — назидательно сказал Кусков. — Что же, продолжим: в какой стране вы должны были передать документы?

— Не отвечаю.

— В преамбуле сказано: «Будут широко учтены интересы Третьей стороны». Каковы эти интересы?

— Не знаю.

— Опять врете! — возмутился Кусков. — Можете, конечно, не отвечать, но врать-то стыдно. Итак, что это за интересы такие, которые будут широко учтены?

— Отвечать не собираюсь.

— Это территории, собственность, политическая ориентация государств, другие выгоды?

— Поскольку вы перечислили весь круг возможных интересов, то, как говорится, все же попали пальцем в небо, — усмехнулся руководитель круиза.

— Станем сужать круг?

— Нет. Больше я ничего не скажу.

— Ладно. Предположительные сроки начала операции?

— Не знаю.

— В документах сказано: «По согласованию с Третьей стороной».

— Значит, по согласованию.

— А взрыв на шахте стратегической ракеты? Это когда? Там о согласовании ничего не сказано.

— Не знаю. Ей-богу, не знаю.

— Допустим. Руководить взрывом Стронский будет лично?

— Вы его еще не поймали?

— Нет, — ответил Кусков.

— И не поймаете: он калач тертый.

— Увидим. Какова сумма, которую вы ожидали получить от Третьей стороны? Сколько миллионов долларов?

— Не согласовано.

— Плохо. Продаете такой важности документы и не обуславливаете определенной суммой? Не верю.

— Как вам будет угодно.

— Но вы же прекрасно понимаете, что решились продаться, как говорится, с потрохами? Вы обеспечивали таким образом возможность полного шантажа со стороны ваших покровителей. Так унижаться... Или очень нужны были деньги?

— Да, нужны. Деньги в любом деле нужны.

— Но не такой же ценой?

— Может быть.

— Может быть, может быть, — повторил полковник и спросил: — А может быть, только это и нужно было — деньги? Деньги, одни только деньги, ничего, кроме денег?

— Это хорошая мысль, — усмехнулся руководитель круиза. — Жульничество, афера, мошенничество... Это хорошая мысль.

— Мысль отличная, но она вам не поможет.

— Почему?

— Потому что будут проверены все ваши связи, документы и так далее. Словом, проведем тщательную экспертизу, насколько ваши планы соответствуют реальной подготовке операции.

— Много работы, — посочувствовал Михаил Васильевич.

— Много. Но согласитесь, Михаил Васильевич, что лучше работа, чем война.

— Работа дураков любит, — ответил тот. — А война — это лишь наиболее быстрый способ решения затянувшихся споров. Войну можно и полюбить. Кстати, про любовь... Зоя у вас?

— Да, — не стал скрывать Кусков.

— Обращайтесь с ней повежливее, — попросил Михаил Васильевич. — Зоя — славное, но нервное существо. Она вам нравилась, правда? — повернулся он к Блескунову. — Согласитесь, майор, что она красивая женщина.

— Вы правы, — ответил Блескунов.

— Да-а, — вздохнул руководитель круиза. — Сказочная женщина... Есть еще вопросы? — Михаил Васильевич вновь обратился к Кускову.

— И вы думали, что вся эта операция вам удастся?

— Тут и думать не надо — просто неизбежна! Она заложена в самой сути нынешней ситуации. Ее продублируют те, о ком вы и не догадываетесь. Мы лишь оформили идею, которая уже вовсю овладевает массами и становится материальной силой. Марксистскую теорию штудировали?

— Было дело.

— Так вот: в ней не все чепуха. Идея всегда находит своих исполнителей. Так что если не мы, так другие. И народ же хочет показать себя. Русским надоели евреи, украинцам — русские. Евреи убежали в Израиль, русские с Украины убегут в Россию, татары — к туркам. И все

будет нормально. Не понимаю, почему вы всполошились. Идет нормальный процесс очищения наций. И ничего больше.

— А как быть с арифметикой: столько-то убитых, столько-то раненых, что делать с миллионами беженцев, обездоленных, ограбленных, обманутых?

— Это судьба, — неприятно осклабился Михаил Васильевич. — Жизнь человеческая наполняется судьбой. Без нее нет жизни. Судьбу надо безропотно принимать — вот и все.

— И вы стоически примете все, что с вам произойдет? Отныне, как мне думается, доля ваша будет незавидной: ведь вас ждет тюрьма, она плачет по вам.

— Ошибаетесь, — сказал руководитель круиза, — тюрьма скорее плачет по вам.

— Увидим...

Между тем Блескунов уже несколько раз тревожно оглядывался назад, заметив неотступно следующее за ними такси. Наконец сказал полковнику:

— Глянь, не то ли это самое такси, что было у фонтана Треви?

Кусков долго смотрел через заднее стекло, потом вынул из кармана пистолет, проверил обойму и спросил у сидевшего за рулем человека из посольства:

— У тебя есть оружие?

— Имеется, — односложно ответил тот.

— Думаю, что это они, — сказал Кусков, указав рукой через плечо. — Очень похоже. Выходит, однако, что итальянская полиция их потеряла. Или просто решила не связываться.

— Как это — решила не связываться?! — возмутился Блескунов. — Была же договоренность, как ты утверждал.

— Да, была. Но, как видишь... А что, собственно, полиция могла с ними сделать? Задержать? На каком основании? Документы при них, порядок они не нарушают, катаются себе на такси, водитель на них не жалуется... И все же хреново, конечно: договаривались, что будут все время держать в поле зрения. Но в чужой монастырь со своим уставом, как известно, лучше не соваться.

— Прибавь скорость, — попросил Кусков водителя.

Такси сначала отстало, но потом вновь вышло на устойчивую дистанцию.

— Какая у них машина? — поинтересовался у водителя Блескунов.

— А черт ее знает, — пожал плечами человек за рулем. — С виду она может быть одной, а внутри совсем другой: итальянские таксисты большие мастера переделывать свои авто. Думайте лучше, что будем делать, когда эти типы нас догонят, — посоветовал он. — Хорошо бы обойтись без стрельбы. Жалко «мерседес» — всего лишь неделю назад купили...

— Придется все-таки стрелять, — вздохнул Кусков. — Если те первыми начнут, разумеется.

Уже вечерело, но видимость на дороге оставалась еще хорошей, хотя встречные автомобили и проносились с включенными фарами.

— Сейчас выскочим на прямую, — пояснил водитель. — Там отличный обзор. Если встречных машин не будет в пределах видимости, то мы сделаем запас в три-четыре минуты.

— Спасибо, — ответил ему Кусков. — Убегать не станем. Пусть догоняют.

— Я против, — беспокоился Михаил Васильевич. — Если станут стрелять...

— Станут, станут. Можете пригнуться, — посоветовал ему Кусков и опустил боковое стекло.

Блескунов, сделав то же самое, высунулся из окна и сказал:

— Догоняют. А впереди, по-моему, пусто. Но что-то маячит за ними, хотя я не уверен, нет огней.

— Щит маячит, — пояснил водитель. — Он тут долго маячит, штука знакомая.

Первая пуля преследователей попала в багажник, вторая прошила кузов сантиметрах в пяти от кромки заднего стекла.

— Достают, сволочи, — выругался майор и выстрелил в стремительно приближающееся такси.

Кускову пришлось стрелять с левой руки.

Трудно было судить, попали они или не попали в машину преследователей, но там что-то, видимо, случилось, потому что дистанция между такси и «мерседесом» стала заметно увеличиваться.

— Все-таки что-то маячит, — сказал Блескунов. — И это не щит.

— Да, не щит, — согласился водитель. — За ними — авто, но почему-то без огней.

Когда идущая следом за такси машина включила фары, оказалось, что она уже почти рядом с такси. Послышался звук сирены.

— Это полиция, — сказал Кусков. — Выходит, они все время вели их.

Полицейский «джип» обогнал такси и затормозил. Послышалась пальба. Прежде чем полковник и майор успели принять какое-либо решение, ситуация изменилась: такси выскочило из-за неподвижно застывшего полицейского «джипа» и опять стало настигать посольский «мерседес».

— Дело дрянь, — констатировал Кусков. — Попробуем оторваться.

— Слушаюсь, — прибавил газу водитель и стал беспокойно поглядывать в зеркало заднего вида. — Эти типы выключили фары, — сказал он, — их почти не видно.

— Жми, родной! — попросил его Кусков. — Твое дело — точно исполнять команды. Итак, Саша и ты, как тебя, кстати, зовут?..

— Сергей, — ответил человек из посольства.

— Саня и Серега, вот мое решение: отрываемся еще метров на че-

тыреста и резко тормозим, затем вы... Серега, у тебя есть оружие? — спросил он у водителя, забыв, что задает этот вопрос уже во второй раз.

— Найдется, — ответил он.

— Отлично. Блескунов выскакивает влево, я и Сергей — вправо, ложимся и душим по такси, не жалея патронов, как только оно окажется в пределах досягаемости. Там их четверо. Будем щадить таксиста... Это все. Остальных можно ликвидировать.

— А я? — напомнил о себе Михаил Васильевич.

— Вы останетесь в машине, — ответил Кусков. — Попытайтесь бежать, пристрелю. Ложитесь вниз, чтоб не схлопотать случайную пулю.

— По-моему, пора, — сказал Сергей.

— Давай!

«Мерседес» затормозил так резко, что всех находящихся в машине едва не выбросило наружу.

— Теперь делаем, как я сказал! — во весь голос крикнул Кусков и, распахнув дверцу, первым выпрыгнул из машины.

Стрельбу открыли сразу же, как только такси оказалось в зоне досягаемости.

Автомобиль проскочил мимо «мерседеса» и метров через сто внезапно потерял управление и, перевернувшись несколько раз, слетел с трассы на обочину.

— А что? — сказал Кусков, поднимаясь. — Кажется, попали. Проверим, кто там остался?

Они не успели добежать до лежащего вверх брюхом такси, как оттуда раздались выстрелы.

— А, мать твою! — крикнул Блескунов, падая и увлекая за собой Кускова. — Не добились!

Он сделал три или четыре выстрела в ответ, когда такси вдруг запылало ярким пламенем.

— Бак, — взволнованно прошептал Кусков. — У них было слишком много бензина. — И добавил, отворачиваясь: — Я туда не пойду.

— Я тоже. — Блескунов вытер рукавом лицо и сунул пистолет в карман. — По-моему, нам надо удирать.

— Я тоже так считаю, — сказал Кусков. — Таксиста жалко, лихой был парень...

Внезапно ночную тишину разорвал эмоциональный возглас. Человек кричал на итальянском:

— La prego di aiutarmi! Russo, russo, la prego di aiutarmi!

— По-моему, таксист жив и просит нас о помощи, — сказал ошарашенный Блескунов.

— Да, он просит о помощи, — сказал подбежавший к майору и полковнику Сергей. — Необходимо помочь.

Они нашли таксиста метрах в десяти от горящей машины. Оттащили его подальше. Сергей на итальянском обратился к таксисту:

— Вы ранены?

Тот утвердительно кивнул головой и попросил отвезти его домой.

— Я полицейский, — сказал о себе таксист, усаживаясь рядом с Михаилом Васильевичем. — Надо посмотреть, что случилось с «джипом», который меня обогнал.

Они вернулись к полицейскому «джипу».

— Здесь никого нет! — сказал Блескунов, первым заглянувший в салон машины.

— Спроси у итальянца, сколько было полицейских, — попросил Кусков Сергея.

Тот перевел. Итальянец ответил, что полицейских было два.

— Куда же они подевались? — спросил Кусков.

Поговорив с итальянцем, Сергей сказал полковнику, что тот не знает, где полицейские, но предполагает, что их могла взять проходившая в сторону Чивитавеккьи машина, если, скажем, оба они были ранены.

— Но не было ведь никакой машины! — воскликнул Кусков. — Ты разве видел, чтоб в сторону Чивитавеккьи прошла машина? — обратился он к Блескунову.

Ни Блескунов, ни Сергей не видели.

Немного помолчав, итальянец предположил, что машина могла выйти на трассу сбоку, поскольку поблизости есть перекресток.

Блескунов попросил Сергея сесть в «мерседес» и осветить полицейский «джип» фарами.

Правый бок его в нескольких местах оказался пробитым пулями. Две пробоины были в лобовом стекле, на водительском сиденье остались следы крови.

— Пожалуй, итальянец прав, — сказал Блескунов. — Что будем делать?

— А что делать? Поедем в Рим, — ответил Кусков.

Они перевязали итальянцу плечо, стянули ремнем, подложив вместо шины гаечный ключ, поврежденную ногу. Сергей угостил итальянца коньяком из фляжки, спросил, как его зовут.

— *Mi chiamo Giovanni.*

— Его зовут Джованни, — перевел Сергей. — По-русски значит Иван.

— Спроси Ваню, что происходило в такси, — попросил Сергея Кусков. — Отчего они перевернулись?

Рассказ Джованни был кратким. Он исправно исполнял роль таксиста до той самой поры, пока «русские» (так он называл своих пассажиров) не стали преследовать посольский «мерседес». После этого он снова стал полицейским. У него было задание: пресечь любое нападение, которое «русские» попытаются предпринять. Стрельба по «мерседесу» была именно таким нападением. Не говоря уже о стрельбе по полицейскому «джипу». Но он не все сделал: ему удалось произвести

только два выстрела. Произнося это, Джованни выставил вперед два пальца и несколько раз повторил: «Due! Due!»

— Он очень извиняется, — продолжал переводить его рассказ Сергей, — очень-очень извиняется за то, что ему пришлось стрелять в русских. Но они, говорит он, были бандитами. Есть русские хорошие, а есть плохие русские...

— Попроси его, чтоб он не растекался мыслью по древу. Пусть говорит короче. О плохих и хороших русских мы поговорим в другой раз, — пообещал Кусков. — В кого конкретно он стрелял?

Оказалось, что Джованни выстрелил сначала в Стронского, который сидел с ним рядом, затем в сидевшего за ним Кирилла. После этого Лепицкий выстрелил в Джованни. Лепицкий целился ему в голову, но итальянец резко тормознул, и пуля Лепицкого попала ему в правое плечо. В этот момент полицейский «джип» оказался впереди них. Джованни не мог больше управлять машиной. Кто-то навалился на него сзади и перехватил руль. Стрельбу по полицейским вели Лепицкий, Григорий Петрович и Кирилл, которого Джованни только ранил. Стронский к тому моменту был мертв. Лепицкий отпустил руль лишь тогда, когда пуля, выпущенная либо майором, либо полковником, попала ему в голову. Что было с Кириллом и Григорием Петровичем, Джованни не видел. Свалив с себя Лепицкого, он пытался еще какое-то время удерживать руль, но не смог. Такси, проскочив мимо «мерседеса», перевернулось. За мгновение до этого Джованни успел открыть дверцу и вывалиться из машины.

— Молодцом! — похвалил итальянца Кусков. — Переведи ему это слово.

— In gamba! — перевел Сергей.

— In gamba! — повторил Кусков.

«Мерседес», выхватывая фарами из тьмы белесую ленту пустынного шоссе, с бешеной скоростью мчался к Риму.

Несколько человек в штатском увели Михаила Васильевича сразу же, как только он вышел из машины. А Блескунова и Кускова пригласили в офис. Сергей сказал, что посол встретится с ними примерно через полчаса, а пока они могут отдохнуть, выпить кофе, который им сейчас принесут, и выкурить по сигаре — коробку с сигарами принес им сам Сергей.

— Не знаю, как ты, Саша, — сказал Кусков, раскуривая сигару, — а я чертовски устал.

— Мне этот круиз тоже уже вот здесь. — Блескунов провел ребром ладони по горлу. — Думал, отдохну, встречусь с любимой женщиной. А тут такая катавасия, даже пулю схлопотал, — он потрогал раненое плечо. — И вообще...

— Но дело мы сделали важное! За такое, думаю, можно и орден получить.

— Я за, — сказал Блескунов. — Он того стоит — ты чуть не утонул, меня едва не убили. Но не это главное! Теперь, надеюсь, нам дадут отдохнуть спокойно. Слушай, а что, если Елена поплывет дальше со мной? Это можно устроить?

— Спроси у посла.

— И спрошу. А что?

— Вот и действуй. Кстати, как она там?

— Ничего. Хотя, знаешь, Зоя ее едва не придушила. Вот стерва!

— А Нора?

— Знаешь, я страшно удивился, когда узнал про Нору. Все-таки бабы мастера притворяться! Никогда не знаешь, что выкинут в следующий момент. Настоящие трансформеры. Хорошее сравнение?

— Отличное сравнение. Думаю, очень лестное для женщин.

Они встретились сразу с двумя послами: украинским и российским. Украинского посла Блескунов видел раньше: это был известный писатель, он однажды встречался с солдатами и офицерами воинской части, в которой когда-то служил Блескунов. С той поры, конечно, он заметно изменился: постарел, пополнил, стал совсем седым, но Блескунов сразу же узнал его. И сказал об этом послу.

— Было дело, было, — вздохнул посол. — Теперь вот — Рим, Вечный город, и тьма проблем. Я, конечно, вас не помню — все-таки сотни людей были тогда на плацу... Но отныне запомню вас, как говорится, до гробовой доски. Документы, что вы добыли и в которые мы успели заглянуть, — не каждый день попадают на глаза. Считайте, что вы предотвратили огромную катастрофу. Так думает и мой коллега, посол России.

Российский посол оказался так молод, что поначалу Блескунов и Кусков приняли его за помощника, секретаря, референта — словом, за кого угодно, только не за посла великой державы. И очень удивились, когда украинский посол назвал его своим российским коллегой.

— В одном из документов идет речь о взрыве стратегического объекта на территории Украины, — сказал российский посол. — По нашим сведениям, в день взрыва этот объект намеревались посетить три военных министра — украинский, российский и американский. Думаю, что министры найдут способ поблагодарить вас за то, что вы для них сделали.

— Не только военные министры, но и правительство Украины, — дополнил украинский посол.

— И правительство России тоже, — заулыбался российский посол. — Спасибо вам сердечное. Теперь хотелось бы послушать вас. Может быть, имеются какие-нибудь просьбы. Сделаем все, что в наших силах.

— Я хотел бы продолжить круиз, — попросил Кусков. — Никогда не бывал ни во Франции, ни в Испании.

— Заметано! — рассмеялся молодой российский посол: просьба полковника была легковывполнимой.

— А вы? — спросил у Блескунова посол Украины. — У вас тоже есть просьба?

— На теплоходе сейчас находится одна женщина. — Блескунов бросил взгляд на Кускова, и тот поддержал его кивком головы. — Она гражданка Греции. Мне не хотелось бы расставаться с ней...

— Я кое-что уже знаю об этом, — добродушно усмехнулся посол, — гречанку зовут Еленой, не так ли?

— Так точно.

— И вы решительно не хотите с ней расставаться?

— Не хочу.

— И не надо. Мы оформим ей соответствующие бумаги. Пусть плывет вместе с вами. Если захочет. Как вы считаете?

— Думаю, что да. Обязательно захочет.

— Благодарим вас за службу, — подытожил беседу украинский посол. — И чтоб уже совсем избавить вас от всяких хлопот на теплоходе, мы заберем Луценко и Зою. Отправим их на родину самолетом. Так что счастливого вам и, главное, спокойного плавания!

Майор и полковник вернулись на теплоход в Чивитавеккью на том же «мерседесе», на котором приехали в Рим. И за рулем по-прежнему сидел Сергей.

— А что ты тут вообще делаешь? — спросил его Кусков.

— А ничего не делаю, — улыбнулся тот. — Катаюсь себе на машине. Вместе с гостями посольства. Вот сегодня пострелял немного.

— Хорошая жизнь, — позавидовал ему Блескунов. — Итальянский коньяк небось пьешь. Угостил бы...

— Конечно! — обрадовался Сергей и протянул майору фляжку. — И я с вами заодно! Приятно иметь дело с настоящими мужиками. А то, случается, попадутся какие-нибудь интеллигенты, не пьют, не курят, только разговаривают без конца о красотах и развалинах Рима.

— Нравится тебе здесь, Сережа? — спросил Кусков, отхлебнув из фляжки.

— Не очень. Деньжата, правда, неплохие идут. А так — суета все это...

— А что все-таки с теми полицейскими? — поинтересовался Блескунов.

— Как и говорил Джованни: оба оказались ранены и сейчас находятся в Чивитавеккьи.

— А Джованни?

— Пока вы разговаривали с послами, ему сделали операцию — вынули пули и вправили сломанную ногу. Впрочем, завтра прочтете обо всем в газетах. Попросите Нору — она неплохо знает итальянский.

— Елена тоже знает, — мечтательно произнес Блескунов и стал думать о скорой встрече с любимой женщиной.

...На теплоходе было на удивление тихо и малоллюдно. Туристы все съехали на берег, остались ночевать в римских гостиницах. Обслуживающий персонал и матросы получили заслуженный отдых, кроме тех, разумеется, кому положено всегда оставаться на рабочих местах. По палубам, едва освещенным, можно было бродить и час и два, не встретив ни души. А ночь была на редкость теплая, звездная и лунная. И тихая, если не считать редких автомобильных гудков, доносившихся из города, да приятной музыки, которая звучала в кафе «Вассо», стоящем на террасе вблизи причала.

— «Вассо» — это Вакх, — сказала Елена, — бог вина. И раз уж он явился нам в виде названия кафе, то надо, думаю, выпить. И не здесь, на корме, а в каюте.

— Вот прекрасная мысль! — похвалила Елену рыженькая Нора. — Принесем все, что у нас есть.

— Разве у нас что-нибудь есть? — грустно усмехнулся Кусков. — У нас ничего нет.

— Постучимся в ресторан или в какое-нибудь кафе.

— Бесполезно, — вздохнул Кусков. — Я уже пробовал.

— Тогда следует обратиться к капитану корабля, чтобы он распорядился, — предложила Нора.

— А кто это сделает? — спросил Кусков. — Мы и так целый день, считай, морочили ему голову своими проблемами. Я не пойду. Да и рассказывать ему о том, что с нами было, сегодня не хочется.

— Ладно, я схожу, — сказала Нора. — Надену прозрачную кофточку, — подмигнула она Кускову, — накрашу губы, обольюсь дорогими духами — и пойду. Сейчас же и пойду. А вы ждите меня в каюте. Кстати, — остановилась она, — а кто нас завтра повезет в Рим? Не торчать же нам все эти дни на теплоходе!

— Я повезу, — сказала Елена. — Ведь мой «фиат» здесь. Забыли?

— Точно, забыли! — хлопнул себя по лбу Блескунов. — Надо же — замотались и про машину забыли!

Нора раздобыла все, что требовалось для хорошего ужина: вино, закуску, кофе, сигареты. Целую корзину этого добра, следуя за Норой, занес в каюту Блескунова молодой матрос.

— А кофточка на тебе не та, что была обещана, — заметил Норе Кусков.

— А вы хотели, чтобы я была в той? Это легко исправить.

— Нет, нет, — остановил ее полковник. — Эта тоже прекрасна. Особенно если знаешь, что под ней скрывается.

Они уже сидели за столом, когда в дверь каюты кто-то осторожно постучал.

— Интересно, — направляясь к двери, удивился Блескунов. — Кто бы это мог быть?

— Капитан, — предположил Кусков.

— Матрос со второй корзиной, — сказала Нора.

Ни Кусков, ни Нора не угадали. Открыв дверь, Блескунов увидел Нузета.

— Я узнал, что вы здесь, и доктор разрешил мне навестить вас, — сказал Нузет.

— Вечный нам позор, — сказал Блескунов, ведя Нузета к столу. — Мы совсем забыли об этом человеке. А он — наш друг.

— Я ваш друг, — поклонился дамам Нузет. — Даже больше чем друг: я ваш брат.

— Брату — бокал, тарелку и все что требуется! — приказал Блескунов.

Его приказание было тотчас выполнено: Нора поставила перед Нузетом прибор и спросила:

— Можно ли мусульманину выпить немного вина?

— Можно, — ответил Нузет, — доктор разрешил.

Блескунов представил Нузета Елене. О Елене же сказал:

— Прекрасная гречанка, моя жена.

— Вот как, — покачал головой Нузет. — Выходит, мы и сегодня не поговорим о пирамидах.

ЭПИЛОГ

Автобус вез их в Париж. Блескунов сидел рядом с Еленой и читал газету. Это была русская газета, которую он купил в портовом киоске в Марселе, где на несколько дней остановился их теплоход.

— Брось ты эту газету, — посоветовала Блескунову Елена. — Лучше смотри в окошко. Ведь за окошком — Франция!

— Конечно, — пошутил Блескунов, — за окошком — Франция. А за газетными статьями — весь мир.

— Ну, это не так. Мир интереснее и лучше, чем пишет о нем пресса. Впрочем, что же ты прочел о мире?

— Да вот. — Блескунов щелкнул по газетной странице пальцем. — Военные министры трех стран — России, США и Украины встретились в Киеве, потом посетили подлежащий демонтажу стратегический объект и договорились о совместных военных учениях.

— Это важно?

— Это очень важно.

— Что еще?

— А еще вот: на выборах в Турции победила партия исламских фундаменталистов, в Крыму разрушен памятник татарскому просветителю, увеличивается число русских, покидающих Украину, госу-

дарственность Крыма — под вопросом, националистически настроенная интеллигенция требует запретить в Крыму русские партии и организации, севастопольцы требуют вернуть их город России, Румыния предъявляет территориальные претензии Украине...

— Конечно, это серьезно, — согласилась Елена. — Взрывчатка осталась, но детонатора уже нет. Верно?

— Правильно: детонатор обезврежен. Но когда есть взрывчатка, появляется искушение найти для нее детонатор. — Блескунов сложил газету и сунул ее в карман куртки. — Пригодится, — сказал он о газете, — что-нибудь завернуть...

Елена склонила ему голову на плечо. Теперь они оба смотрели в окно — на проплывающую мимо них Францию. Еще совсем недавно эта страна представлялась Блескунову как что-то необыкновенное, невиданное. А теперь он видел селения, лесочки, озера, зеленые холмы, висящие в небе белые облака, коров на речном лугу, работающих в поле людей, виноградники, сады, корпуса заводов... Все — как везде, где живут люди. Как на Украине, как в России, как в Молдавии... Он вздохнул, вспомнив о Молдавии: там похоронены его жена и сын. На душе стало так больно, что он закрыл глаза, чтобы не выдать эту боль. Рядом с ним Елена, он любит ее, он очень любит ее. Но было бы справедливо, Господи, чтобы рядом с ним сейчас были его жена и сын... Так много в мире зла, и как оно сильно. Но есть и благо, и нежность, и невыразимая любовь... Он крепче прижал к себе Елену.

— Ты что, милый? — спросила она.

— Люблю тебя, солнышко, — прошептал он с нежностью. — Как только приедем в Крым, поженимся. Если захочешь, обвенчаемся в церкви. Ведь мы одной веры.

— Хочу. Мы одной веры.

В Париж попали только на третий день, потому что останавливались в разных городах, о которых полковник Кусков сказал, что они очень хороши, но лучше бы их между Марселем и Парижем было меньше.

В Париже, в отеле, в котором туристы с «Шота Руставели» остановились, портье вручил Блескунову пакет. Майор тут же распечатал его. В пакете оказалось письмо из посольства и два билета. Письмо было несколько неожиданным. «Здесь два билета на самолет, — говорилось в нем, — для Вас и Вашей спутницы Елены Цивари. Ваш рейс завтра, в 17.00. У гостиницы в 15.30 Вас будет ждать машина. Счастливого возвращения домой! Вас с нетерпением ждут Ваши сослуживцы».

Блескунов не особенно огорчился, хотя жаль, конечно, было покидать Париж, толком так и не разглядев его. То, что он успел увидеть, — прекрасно, а что не успел, — наверное, еще прекраснее. И не будет ужина в ресторане на Эйфелевой башне... «Зато, — подумал он, — будут вареники с картошкой, которые приготовит мама. Для меня и для Елены».

По программе у пятнадцатой группы до обеда было свободное время, когда каждый был волен делать все, что ему заблагорассудится. Правда, на деле это означало, что все разбредутся по магазинам в поисках парижских сувениров. Во всяком случае, те люди, которых майору удалось повидать, стоя в холле отеля в ожидании Елены, Норы и Кускова, решили распорядиться свободным временем именно так. Сильвия Аскольдовна увела профессора Кайданова, который, кажется, уже и не сопротивлялся — привык исполнять роль ее постоянного спутника. Сильвия Аскольдовна между тем хорошела с каждым днем и становилась настоящей дамой, усовершенствовав благодаря заграничным приобретениям свой наряд до такой степени, что ее уже даже в Париже принимали за иностранку, не из России, разумеется, а, скажем, из Бразилии или Аргентины. Увидев эту парочку, пересекающую холл гостиницы, Блескунов заинтересовался:

— Вы куда?

— А, — неопределенно махнул рукой профессор Кайданов, — все туда же.

Сильвия Аскольдовна лишь искоса взглянула на Блескунова и не удостоила его своим ответом: с той поры как рядом с Блескуновым появилась Елена, он для Сильвии Аскольдовны как бы и вовсе перестал существовать.

Электрик Хижняк отправился за покупками вместе с отставным милиционером Исидором Исидоровичем и молодым филологом Агеевым.

— Чего-нибудь из дешевой выпивки на вашу долю приобрести? — остановившись, спросил Хижняк майора.

Блескунов в ответ лишь покачал головой.

А пан Романив пролетел реактивной ракетой мимо Блескунова, даже не взглянув на него, и не оттого, что не заметил, а потому что не хотел его видеть: вероятно, из-за Зои да и отчасти из-за Сутулова, которые исчезли по вине майора — опасного и коварного человека. Такого рода отзывы пана Романива о себе Блескунов не раз получал через Агнию Петровну и Анну Ивановну, за которыми тот поневоле начал ухаживать, поскольку другие женщины не обращали на него внимания.

Первым подошел Кусков, и Блескунов показал ему письмо из посольства.

— Ясенько, — сказал полковник, возвращая письмо. — Сослуживцы, видите ли, соскучились. Так соскучились, сукины дети, что не дождутся, когда же смогут занарядить тебя на новые подвиги. Мне это известно. Поздравляю. Но ты держись и помни, что после официальной женитьбы тебе непременно положено несколько дней отпуска. Впрочем, я уже и не знаю, как у вас сейчас с этим делом на Украине. Елена не расстроится?

— А что ей? Она уже бывала и во Франции и в Испании. Это мне надо расстраиваться: когда-то еще доведется погулять по Европе?

— Ух ты! — оглянувшись, восхитился Кусков, увидев спускающихся в холл по лестнице Елену и Нору. — Царевны, а? Ты гляди, гляди! — толкнул он плечом Блескунова. — Все на них таращатся. Царевны, ей-богу, царевны! Прямо оторопь берет.

— Да ведь и мы ничего мужики, а?

До Люксембургского сада было рукой подать — всего три квартала. Погода была прекрасная. И все было так замечательно. Они оживленно болтали, смеялись, вертели головами по сторонам, отражаясь в зеркальных витринах, и чувствовали себя почти что настоящими парижанами: такими же раскованными и чуточку хмельными от изобилия солнца, приятных лиц, праздной суеты.

Вчетвером переходили улицу. Кусков и Нора шли впереди, а Блескунов и Елена немного отстали — что-то попало Елене в туфлю, и это что-то пришлось вытряхнуть — и теперь догоняли полковника и его рыженькую спутницу. Их разделяло всего несколько шагов, когда одна из стоявших у перехода машин — это был черный «пежо» — вдруг рванулась с ревом вперед...

Блескунов лишь потом смог разложить по кадрам, что произошло: как полковник толкнул вперед Нору, а та упала, зацепившись ногой за бордюр тротуара; затем Кусков качнулся в противоположную сторону, а «пежо» налетел на него; следом глухой удар погасил все вокруг, дико закричала Нора; после чего Елена потащила его за руку назад, но майор вырвался и бросился к Кускову, голова которого была страшно разmozжена... А до того, как все это произошло, Блескунов смотрел на черный «пежо», стоявший у перехода, и сился вспомнить человека, сидевшего за рулем, которого он уже где-то встречал.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.И. Домбровский намеревался написать продолжение романа «Бегство», но, к сожалению, болезнь не позволила осуществиться его планам. Однако сохранилось его письмо-заявка в Московское издательство «Армада», в которой он конспективно изложил предполагаемую сюжетную линию будущей книги с теми же героями...

Заявка на издание романа «ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ ЛУНЫ» (25 а.л.)

Предлагаемый издательству роман связан с предыдущим («Бегство») главным действующим лицом — майором СБУ Александром

Блескуновым и отчасти другими лицами — гречанкой Еленой (женой Блескунова) и сотрудницей СВР России Норой. Все они, тем не менее, будут представлены читателю вновь, поэтому у него не будет необходимости возвращаться к роману «Бегство».

«Последняя четверть луны» — детектив, фабула которого накладывается на стремление некоторых экстремистских сил Украины и Запада разорвать и без того не очень прочные отношения Украины и России и вовлечь Украину в орбиту военных, политических и экономических отношений, ущемляющих интересы России. Поводом к разрыву связей между Украиной и Россией должна послужить крупная диверсия на Российском Черноморском флоте, базирующемся в Севастополе — взрыв авианосца. Эта диверсия приурочивается ко времени приезда Президента России на Украину для подписания совместного союзного договора. Взрыв авианосца и ряд других диверсионных актов на ЧФ сами по себе должны будут стать также причиной ухода Российского ЧФ из Севастополя, что открыло бы свободный доступ для военно-морских сил Турции и Запада в Черное море и обеспечило бы их господство в этом регионе. Разрабатываются также сопутствующие диверсионные операции для резкого возбуждения антироссийских настроений, а также план возможного покушения на президентов Украины и России во время их предстоящей встречи.

Разоблачение этих преступных планов и выявление их участников — основа фабулы предлагаемого романа. Название «Последняя четверть луны» обыгрывается в романе как некое время готовности к диверсионным актам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бывший майор армейской разведки, а ныне сотрудник Службы Безопасности Украины (СБУ) Александр Блескунов возвращается на поезде из Москвы в Крым (здесь он служит). Вместе с ним — его молодая жена, гречанка Елена, сотрудница международной информационной службы. Майор Блескунов находился в Москве по просьбе СВР России (Службы внешней разведки), где давал показания по делу об убийстве в Париже полковника СВР Кускова, с которым был во Франции. Полковника Кускова сбила машина после того, как он и Блескунов успешно завершили операцию по разоблачению и аресту группы радикал-националистов, намеревавшихся спровоцировать вооруженный конфликт между Россией и Украиной. В этом им помогала сотрудница СВР Нора Корбут, а также отчасти гречанка Елена, нынешняя жена Блескунова.

В купе поезда Москва–Симферополь сидят майор Блескунов, его жена Елена и еще двое пассажиров — пожилой мужчина с орденой колодкой на груди и крымский писатель-фантаст. Писатель только что

возвратился из вагона-ресторана и вступил в ничего не значащий разговор, какие часто возникают в поездах: о ценах, о политике, о нравах нынешней молодежи и т.п.

— Вот! — говорит писатель-фантаст, хлопая рукой по газете, которую вынул из-под подушки. — Наконец-то!

— А что такое? — интересуется майор Блескунов (он в гражданском костюме, о своей профессии, естественно, умолчал, назвавшись банковским служащим — не столько ради конспирации, сколько ради того, чтобы любопытные спутники не засыпали его бесконечными вопросами).

— Российский президент встретится с украинским. Встреча состоится в последних числах августа. Подпишут договор — и русские с украинцами заживут мирно и дружно, как прежде, как триста с лишним лет назад.

— Не будет этого, — сказал человек с орденской колодкой.

Общий вопрос:

— Почему?

— Потому что украинцы хотят самоутвердиться как молодой и сильный народ. Утвердиться во что бы то ни стало. Им легко это сделать в глазах молдаван и, например, прибалтов, англичан, французов и прочих всяких шведов. Труднее всего — в глазах русских. Русские — ближайшая нация, едва ли не брат-близнец. Тут, чтобы самоутвердиться, украинцам надо любыми способами отделиться от русских, противопоставить себя им во всем, доказать свое несходство с ними, самобытность. Отсюда — неискоренимая вражда. Вражда до той поры, пока в украинцах не останется ничего от русского — ни в языке, ни в культуре, ни в государственном устройстве, ни в политике.

— Не думаю, что дело обстоит именно так, — возразил ему писатель. — Есть другой путь — путь истинно братского сближения.

— Он уже испробован. Это путь гибели национального самосознания.

— Странная теория, — пожал плечами писатель,

— Странная, но единственная, к сожалению, которая реализуется. На пути её реализации нас ждут удивительные и, может быть, ужасные события.

— Что именно?

— Например, что встреча президентов не состоится или закончится плохо.

— Вы — прорицатель, крымский Нострадамус?

— Нет, — махнул рукой, обидевшись, и замолчал, уткнувшись в журнал сосед с орденской колодкой.

— Кстати, об ужасных событиях, — заговорил после некоторого молчания писатель. — Поскольку камнем преткновения в российско-украинских отношениях ныне является Черноморский флот и Крым вообще, то почему бы тут не устроить какую-нибудь грандиозную зава-

рушку. Ради самоутверждения, — съязвил он. — Будь я на месте врагов сближения Украины и России, я здесь бы её и устроил, эту заварушку.

— Например? — поинтересовалась Елена.

Писателю Елена явно нравилась, ему очень хотелось поговорить именно с ней и поэтому он, напрягая весь свой талант фантаста и рассказчика, стал излагать самые невероятные варианты «заварушки».

— Например, взорвать какой-нибудь самый большой корабль. Российский, конечно. Только самый-самый большой. Чтоб как бабахнуло!

— Авианосец, — неожиданно подсказал сосед с орденой колодой.

— Почему авианосец?

— Потому что это и есть самый-самый большой корабль.

— Спасибо, — поблагодарил соседа писатель. — Авианосец — это даже очень хорошо. Поскольку его легче, думаю, взорвать...

— Это почему же? — спросила Елена, вовлеченная писателем в эту игру.

— Самолетики ведь взлетают с него и садятся обратно, взлетают и садятся, взлетают и садятся... Правильно? Так вот — и это самый гениальный ход: надо посадить где-нибудь взлетевший с авианосца самолетик, начинить его взрывчаткой и вернуть на корабль. А потом нажать где-нибудь на кнопку, послать нужный сигнал — бабах! Конечно, я предвижу всякого рода технические трудности на пути осуществления этого плана, но технические трудности всегда преодолимы.

Сосед с орденой планкой скептически улыбнулся, не отрывая глаз от журнала.

— Очень интересная идея, — похвалила писателя Елена. — Для романа, разумеется, или для рассказа. Хотя и в романе было бы читать об этом страшно — ведь погибнут сотни людей... Как вы относитесь к гибели невинных людей? — спросила она писателя.

— Невинных людей нет, — ответил тот.

— Разве?!

— А вот есть другая точка зрения: никто из людей ни в чем не виноват, а виноват только Бог, что создал людей смертными, допустил в мир дьявола и приготовил к тому же конец света. Все человеческие преступления меркнут перед этим. И как ничтожно малое перед бесконечно большим равно нулю, так и человеческая вина перед виной Бога — ничто, — заговорил снова пожилой сосед.

— Это ваша точка зрения? — спросила его Елена. — Вы такой ужасный атеист?

— Нет, — ответил тот. — Эту точку зрения я вычитал полчаса назад, вот в этом журнале. И это не точка зрения атеиста, как вы сказали, а точка зрения богоборца. Он предлагает фантастическую идею, как предотвратить конец света.

— Не покурить ли нам? — предложил писателю Блескунов, которому разговор начал надоедать.

— И я с вами, — сказала Елена.

После перекура в тамбуре вагона писатель предложил Блескунову и Елене снова побывать в ресторане. Те согласились.

Разговор в ресторане снова вернулся к взрыву авианосца, к возможному плану такого взрыва.

— Если нас кто-нибудь подслушает, подумает, что мы ужасные заговорщики, — сказал Блескунов, поглядывая на человека за соседним столиком, который, кажется, именно этим и занимался — подслушивал. Этого человека Блескунов уже видел — в соседнем купе своего вагона: долговязый, смуглый, с очками в золотой оправе на длинном носу.

— Давайте оставим эту тему, — предложил Блескунов. — Но если вы, уважаемый писатель, напишете рассказ или повесть о таком взрыве, я с интересом прочту ваше сочинение.

— Обязательно напишу, — пообещал писатель. — И позвоню вам, чтобы вы прочли, если вы оставите мне номер вашего телефона.

Вернулись из ресторана в купе. Рассказывали анекдоты, много смеялись. Потом снова заговорили об авианосце — первым начал писатель, поскольку, как он сказал, уже продумал некоторые детали плана взрыва авианосца и даже, как ему казалось, решил ряд технических задач: как вывести самолет из поля зрения радара, но ввести туда другой, аналогичный; как первый посадить на ближайший аэродром или на авианосец другого государства, как потом вернуть его с взрывчаткой, летчику сойти на берег, а потом произвести взрыв...

— Напишу! — загорелся писатель. — Обо всем этом напишу и опубликую рассказ в газете. Или даже в нескольких газетах. Ждите сообщений!..

Предстояло провести в поезде ночь. Писателю не спалось. Он познакомился с пассажирами из соседнего купе, когда Блескунов и Елена объявили о своем намерении лечь спать да и пожилой сосед — тоже. Писатель перебрался в соседнее купе, купив для складчины бутылку водки у проводника. Обещал, что вернется тихо и никого не потревожит, даже своего нижнего соседа, поскольку легко заскакивает на верхнюю полку с помощью одних лишь рук, не пользуясь лесенкой. Показал на прощание свои бицепсы и удалился. Сон в поезде всегда беспокойный, Блескунов слышал, как вставал и выходил из купе пожилой сосед, но так и не услышал, когда вернулся писатель. Утром же оказалось, что писатель вообще не возвращался, что он исчез. Как это произошло, никто не мог объяснить — ни пассажиры соседнего купе, с которыми он выпивал, ни проводник.

О случившемся сообщили бригадир поезда, дали телеграммы в пункты линейной милиции, которые миновали ночью. Служба охраны поезда унесла вещи писателя — его пиджак и дорожную сумку. Блескунов, Елена и пожилой сосед по купе изложили свои показания письменно. Впрочем, ничего существенного, как и пассажиры соседнего купе, они сообщить не смогли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На четвертый или пятый день после возвращения Блескунова из Москвы его пригласили в следственный отдел МВД по делу о смерти писателя Косматова, наступившей, как сказал ему следователь, в результате несовместимых с жизнью травм, полученных при падении с поезда.

— В нетрезвом виде, — добавил следователь. — На вопрос в том, как он открыл дверь вагона и кто её потом закрыл, проводник свою причастность к этому начисто отрицал. — А что скажете вы? — спросил он Блескунова и взял ручку, приготовившись писать.

О том, кто такой Блескунов, где он служит, следователь уже знал. Естественно, тот ничего не мог ответить на вопрос, как Косматов открыл дверь вагона и кто её после падения Косматова закрыл, — у него не было даже никаких предположений на этот счет. Следователь задал Блескунову еще несколько вопросов, которые едва не вывели его из равновесия — о том, не приставал ли писатель к его жене, например, и прочее. А когда речь зашла — о чем они разговаривали в купе и ресторане, — Блескунов, обозленный на следователя, ответил, что разговор велся о пустяках, о которых он не помнит, кроме одного анекдота, который рассказал Косматов.

— Что за анекдот?

Блескунов пересказал анекдот, который он действительно запомнил: о том, как муж вернулся после работы домой, увидел любовника в постели жены и, встревоженный, тут же бросился на кухню, испугавшись, что случилось нечто ужасное. Его опасения подтвердились: он открыл холодильник и увидел, что водки, которую он купил накануне, в холодильнике нет.

Следователь старательно записал под диктовку Блескунова анекдот, после чего протянул Блескунову на подпись протокол и выписал пропуск, объявив с радостью и облегчением:

— Вы свободны, майор. Ваши показания и показания вашей жены совпадают почти дословно, кроме анекдота. Она запомнила другой.

— Какой? — поинтересовался Блескунов.

— Это следственная тайна, — ответил следователь, весело улыбаясь.

— А третий пассажир, наш сосед по купе? — спросил Блескунов, стоя уже у двери. — Он какой анекдот запомнил?

— Он не запомнил ни одного, — ответил следователь. — Он назвал писателя пустым болтуном.

— Жаль. Всё-таки о мертвых либо хорошо, либо ничего... Верно?

— Так точно, товарищ майор. Или надо говорить: пан майор?

Пришла телеграмма из Москвы от Норы Корбут. Блескунов ждал эту телеграмму. Нора сообщала, каким поездом и когда будет в Сим-

ферополе. Она намеревалась провести в Крыму, в Ялте, часть своего отпуска «дикарем», дней 10–12. Блескунов встречался с Норой в Москве и пообещал ей, что отвезет в Ялту и поможет там найти для неё подходящее жильё.

Нора сообщила, что приедет завтра.

Блескунов рассказал Елене о разговоре со следователем.

— Странно, что ни ты, ни я, ни тот третий не рассказали следователю о дикой фантазии Косматова: как он намеревался — в рассказе, разумеется: взорвать авианосец.

— Так ведь на самом деле дикая фантазия: начнешь рассказы — до конца не доберешься.

— А хочешь я напишу об этом рассказ, про взрыв? — спросила Елена.

— Зачем?! — удивился Блескунов.

— А в память о Косматове. Так и напишу, что в память о Косматове и с его слов. И напечатаю.

— Опять же — зачем?

— Не знаю, — пожала плечами Елена. — Так мне хочется: давно ничего не писала.

— Понятно, — сказал Блескунов. — Ты думаешь, что фантазии Косматова как-то связаны с его смертью? Признайся.

— Может быть, — ответила Елена.

Они встретили поезд, на котором приехала Нора. Привезли Нору к себе домой — в Ялту собирались только на следующий (в воскресенье) день. Разговорились о том, как Елена чувствует себя в новой стране, чем занимается, как ей удастся поддерживать связь со своим информационным агентством и т.д. Вспомнили о плавании на теплоходе «Шота Руставели» по Средиземному морю, опасные, печальные и смешные страницы этого плавания.

Нора рассказывает Блескунову, что в поезде, как ей показалось, она встретила в спальном вагоне (проходила через него, направляясь в буфет) человека, похожего на того, чей фоторобот был составлен с помощью Блескунова — человека, сидевшего за рулем автомобиля, сбившего полковника Кускова в Париже.

— Сначала я подумала, что просто встречала этого человека раньше — поэтому он мне показался знакомым. И только позже вспомнила о парижском водителе. Но было уже поздно — человек сошел с поезда, как сказал мне проводник, в Харькове. Теперь буду долго мучиться.

— Возможно, что это всего лишь случайное сходство с фотороботом.

— Конечно.

Поездка в Ялту, поиски жилья для Норы. Блескунов и Елена, простившись с Норой, возвращаются домой. Дома — запись на автоответчике: «Александр Николаевич, зайти в отдел, как только вернешься. Полковник Лысенко.»

Полковник Лысенко сообщил Блескунову, что на давно заброшенном запасном аэродроме близ поселка Лунино вчера при попытке совершить ночную посадку разбился самолет с российского авианосца и что происшествие нуждается в расследовании: во время тренировочных полетов авиазвена, базирующегося на авианосце, никакие посадки не были предусмотрены, а если бы и намечались, — то не на этом забытом людьми и Богом аэродроме. Летчик погиб, самолет сгорел.

— Детали узнаешь на месте. Ты включен в состав комиссии по расследованию происшествия. Выедешь в Лунино завтра рано утром. Будет наша машина. Обрати внимание на личность летчика. Его фамилия Лавриненко, российский гражданин, хотя фамилия украинская.

— Да ведь и самолет российский.

— Правильно. Но разбился на нашей земле. Посмотри, не было ли там попытки угона... Хотя смешно, ей-богу, на хрена бы нам сдался этот самолет, у нас таких навалом. Итак, поедешь. Завтра в шесть утра. Не опаздывай. И не усердствуй там: нам лишние хлопоты не нужны.

— Слушаюсь, — ответил Блескунов.

Дома ворчал, ругался, жаловался на судьбу:

— Могли бы посочувствовать, молодого все же, еще и медовый месяц не кончился. Да и вставать чуть свет...

С украинской стороны были трое: Блескунов и два технических эксперта. С российской — пятеро: двое флотских, с авианосца, один человек из Москвы и двое экспертов. Аэродром, на котором разбился самолет, — взлетно-посадочная полоса среди поросшего высоким бурьяном поля. Железобетонное покрытие лишь местами потрескалось и покрошилось.

— Хороший аэродром, — сказал один из технических экспертов. — Здесь любой самолет можно посадить без риска.

Прямой разговор с одним из флотских о погибшем летчике. Да, родом из Одессы, украинец, но давно российский гражданин, ни в чем предосудительном не замешан, капитан ВВС, семья в Селятино — под Москвой (жена и дети), отец живет в Севастополе с дочерью и ее детьми, пенсионер, тоже бывший флотский летчик. Тренировочный полет был обыкновенный, плановый, все самолеты вернулись и лишь самолет Лавриненко вдруг вышел из поля видимости радаров, это произошло в 4 ч. 15 мин. по московскому времени. Далее — неизвестность. Зашел на посадку с восточной стороны. Как нашел в полной темноте посадочную полосу — неизвестно; никаких огней и, разумеется, диспетчерской службы на заброшенном аэродроме нет, ночь же была практически безлунная — последняя четверть луны на закате. Единственный надежный ориентир со стороны залета — высокая труба консервного завода в поселке Лунино, на которой красный сигнальный фонарь.

— Для низколетящих самолетов?

— Если хотите, да, — засмеялся флотский.

Измерения и расчеты технических экспертов: ошибка захода на

полосу в два градуса — слетел с полосы на большой скорости, пошел кувырком, разбился и загорелся. Вывод, разумеется, предварительный.

Опрос жителей поселка Лунино ничего не дал: да, некоторые слышали взрыв, видели огонь — ничего больше, и только сторож бензозаправки утверждал, что сразу же после взрыва видел, как с аэродрома поднялся самолет и ушел на запад. Следы этого самолета на полосе обнаружены не были, к тому же накануне прошел дождь.

— Примерецилось, — говорили о стороже его односельчане. — С бодуна чего ни примерецишься?

Если посадка Лавриненко была аварийной, то для доказательства этого понадобится тщательное исследование обломков самолета, радиоразговоров и проч. Предумышленная попытка угона самолета исключается — зачем угонять самолет на заброшенный и необорудованный аэродром? Впрочем, и этот вывод нуждается в проверке.

Блескунов договорился с российскими флотскими офицерами о посещении авианосца, где он намеревался поговорить с летчиками и посмотреть личное дело Лавриненко. Вскоре он возвратился домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Елена опубликовала в двух газетах — русской и украинской — рассказ «Гибель авианосца». Под псевдонимом. Воспользовалась сюжетом и деталями, которые запомнила из разговоров с Косматовым в поезде. Через несколько дней редакция украинской газеты получила отклик на рассказ. Суть этого отклика: рассказ является провокационным, а его автор — полным профан в том, что касается флотской и авиационной техники. В конце письма была приписка: «Требую опубликовать письмо в ближайшем номере вашей газеты, иначе подам на газету в суд за разжигание межнациональной вражды». Обратного адреса на конверте и письме не было, хотя по штемпельному оттиску было видно, что оно опущено в почтовый ящик в Одессе. Фамилия отправителя хоть и походила на подлинную (Кулик), но, видимо, была вымышленной.

— Ты думала, что ты писатель, — смеялся над Еленой Блескунов, — оказалось же, что ты провокатор и профан.

Закончился отпуск у Норы Корбут. Ужин с вином. Разговоры. Нора прочла рассказ Елены, знает о происшествии на аэродроме в Лунино. Подсказывает Елене новый сюжет — как благодаря проницательности и мужеству сотрудников госбезопасности (Службы безопасности Украины) был предотвращен тщательно спланированный взрыв российского авианосца.

— Снимешь таким образом с себя обвинение в провокаторстве, — сказала Елене Нора, — прославишь коллег Блескунова, избавишь газету от необходимости печатать письмо Кулика, а редактора — от риска оказаться на скамье подсудимых.

Суть сюжета для нового рассказа, подсказанного Елене Норой: самолет с мощным взрывным зарядом возвращается на авианосец, но его сбивают над морем.

— «Взрыв на рассвете», — предлагает название для рассказа Нора. Потом еще несколько названий — смешных. Само её предложение — кажется, не более чем шутка.

Проводив Нору на поезд, Блескунов остается на вокзале — его электричка в Севастополь через полчаса.

Севастополь. Посещение авианосца. Беседа с летчиками эскадрильи. Блескунов пересказывает им содержание рассказа Елены. Летчики смеются, говорят, что подобное неосуществимо. Блескунов знакомится с личным делом Лавриненко. Никакой зацепки. Решает навестить отца Лавриненко, который живет в Севастополе. Дома — только сестра погибшего летчика, отца нет дома, уехал в Одессу на встречу с однополчанами. Дочь не знает, когда отец вернется.

— И пусть побудет там подольше, — говорит она, — развеется, а то смерть Васи подкосила его здоровье.

Блескунов возвращается в Симферополь. Его вывод: расследование по делу Лавриненко надо прекратить, т.к. украинской стороны оно совершенно не касается.

Полковник Лысенко доволен:

— Добро, на том и порешим. Тут главное — что проблема не наша, не украинская. Это и надо было установить. А всё, что касается российской стороны, то это не должно нас волновать, пусть сами разбираются, — спросил, когда Блескунов уже уходил: — А что это за история с греческими фантазиями на украинские темы, с рассказом твоей жены? Зачем это?

Рассказ Елены напечатан под псевдонимом. Стало быть, Лысенко специально (или кто-то по его заданию) выяснял в редакции газеты, кем на самом деле написан рассказ.

Блескунов подумал об этом прежде, чем ответил Лысенко:

— Так, баловство. Скучает. Привыкла носиться по свету, печататься там и сям. А теперь сидит на одном месте, писать, в сущности, не о чем. Вот и сочинила,

— А ты отпусти её, пусть покатается, — посоветовал Лысенко. — Нельзя быть таким эгоистом. А про рассказ скажи ей, что не стоит фантазировать на такую болезненную тему. И вообще эти фантазеры обнаглели: ни одного президента еще не убили у нас, а в романах уже куча президентских трупов. Нас, видишь ли, забросали требованиями и письменными, и по телефонам, чтоб мы установили автора рассказа про авианосец и привлекли его к ответственности за разжигание национальной розни.

— Вот как! А нельзя ли взглянуть на какое-нибудь письменное заявление?

— Нельзя, — ответил Лысенко. — Не положено, поскольку речь

идет о твоей жене. Одно скажу: и письменные заявления, и телефонные звонки — анонимные. И не крымские по преимуществу. Большинство — из Одессы.

«Опять из Одессы», — подумал Блескунов, но ничего не сказал.

— Жене, конечно, ничего не говори о нашем разговоре. Посоветуй бросить это занятие — фантазирование. Но только от своего имени. И отпусти — пусть поедит по свету, нельзя зарывать талант в землю, даже в украинскую.

— Ладно, — Блескунов направился к двери, но полковник снова остановил его вопросом: — А Нора Корбут зачем к тебе приезжала?

— Не ко мне, а к морю...

— Сказки будешь рассказывать жене. Эта Нора так просто не приезжает, штучка известная в наших кругах. Так можешь мне сказать, что ей было надо? Знаешь, чужое государство, чужая разведка, такая известная особа... Так что ей понадобилось здесь? Ну, по-дружески.

— Ничего. Только покупаться в море и загореть.

— Значит, не хочешь рассказывать?

— Не о чем.

На этом, наконец, разошлись.

Лысенко возглавил отдел СБУ после того, как уехал полковник Захарченко, взявший Блескунова на работу. Полковника Захарченко перевели в Киев. А Лысенко, который прежде был его заместителем, занял место начальника отдела. Блескунову Лысенко не нравился: любовь Лысенко к своему народу — чрезмерна, если она оборачивается нелюбовью к другому народу. Открыто Лысенко себя не проявлял, но из разных его суждений, шуток, намеков Блескунов сделал для себя печальный вывод: Лысенко не нравится, что Блескунов — русский. «Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит», — говорил Лысенко о других, но Блескунов понимал, что это касается также и его.

Елена встретила Блескунова сообщением о том, что ей позвонил редактор газеты и сказал, что её рассказом интересовались «люди из конторы мужа»:

— Извинялся, что не смог скрыть, кто настоящий автор рассказа, потому что боится ваших людей — у него это старый страх, оставшийся со времен КГБ.

— Больше с ним не связывайся, — посоветовал Елене Блескунов. — И вообще забудь про всё это: мало ли кто чем интересуется.

— Но всё это не по-европейски.

— Кстати, о Европе. Мне почему-то подумалось, что тебе следует оживить связи с твоим информационным агентством.

— Я тоже об этом думаю, — призналась Елена. — У меня остались незаконченные дела, которые обозначены в договоре с агентством. Находясь здесь, я не смогу их выполнить. Но еще есть время: в агентстве, если помнишь, узнав, что я выхожу замуж, разрешили мне прогулять два месяца... Но как же я расстанусь с тобой?

— А я с тобой?

Блескунов рассказал Елене, что сдал отчет «по самолету», что дело это закрыто — и он не будет больше заниматься им.

— И я не буду, — сказала Елена. — Не стану писать новый рассказ — ну его к черту! И вообще было бы здорово, если бы мы уехали в Европу вместе.

— Если бы да кабы во рту выросли грибы, — вздохнул Блескунов.

— А что слышно о писателе Косматове? — спросила Елена.

— Да, о Косматове, мы о нем как-то совсем забыли. А следовало бы поинтересоваться: он был славным малым, как мне показалось. Кстати, — спросил он, — ты не запомнила ли случайно фамилию того пассажира с орденскими планками на кителе, наводившего Косматова на мысль об авианосце?

— Нет. Но в УВД, думаю, есть его показания. Ты мог бы узнать, если надо.

На следующий день Блескунов отправился к следователю УВД, занимавшемуся делом Косматова, и выяснил, что фамилия того пассажира — Лавриненко, что живет он в Севастополе. Лавриненко — это также и фамилия погибшего летчика с авианосца. Севастопольский адрес пассажира — адрес отца Лавриненко-летчика.

— Зачем вам фамилия свидетеля? — спросил следователь УВД.

— Я взял у него зажигалку, очень дорогую зажигалку, и в суматохе забыл вернуть. Теперь совесть мучает.

Блескунов не соврал: эту зажигалку в кармане его спортивных брюк, в которых он ехал в поезде, случайно, при стирке, обнаружила Елена. Но Блескунов интересовался фамилией и адресом пассажира не только поэтому.

Первые невольные выводы Блескунова: пассажир сказал Косматову об авианосце потому, во-первых, что его сын Василий служил на авианосце, а во-вторых, фантастическая идея взорвать авианосец, чтобы помешать президентам Украины и России подписать союзный договор, тоже, кажется, принадлежит ему. А идея напичкать самолет взрывчаткой? Кому она пришла в голову? И кто такой этот Косматов? Почему он так страстно ухватился за бредовую идею?

И вот летчик Лавриненко, сын пассажира Лавриненко, в прошлом также флотского летчика, не вернулся на авианосец, разбился на заброшенном аэродроме.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Другие срочные дела отвлекли Блескунова от разгадки тайны гибели писателя Косматова и от встречи с отцом погибшего летчика Лавриненко. Блескунов занимался исследованием истории с взрывчаткой, случайно обнаруженной в Мамайских катакомбах близ Евпатории. Мальчишки, спускавшиеся в катакомбы, обнаружили там пять ящиков

с мощной современной взрывчаткой и дистанционные взрыватели. Различные версии. Одна из них: пастух из близлежащего села видел, как в котлован каменоломни перед входом в катакомбы спускался военный грузовик с двумя солдатами в кузове.

Блескунов настаивает на том, чтобы взрывчатку оставить в катакомбах и установить за ней наблюдение. Лысенко требует немедленно вывезти взрывчатку. Блескунов подчиняется этому решению. При вывозе взрывчатки — нападение на машину, водитель и один из солдат убит, другой солдат тяжело ранен. Взрывчатка и взрыватели вновь похищены. Один взрыватель ИДВ-12 (импульсный дистанционный взрыватель с двенадцатью наведениями) остался у полковника Лысенко в сейфе: этот взрыватель утащили из катакомб мальчишки, обнаружившие взрывчатку, у которых он и был отнят.

Елена собирается к отъезду в Германию, где находится главное управление ее информангентства. Блескунов провожает ее в аэропорт. После взлета самолета Елена покупает газету и узнает, что произведено покушение на главного редактора газеты, в которой был опубликован рассказ Елены. Редактор тяжело ранен, находится в реанимации. Сработало взрывное устройство у двери его квартиры, когда он выходил из дому, чтобы отправиться в редакцию.

«Хорошо, что улетела Елена, — подумал Блескунов, — иначе она стала бы вникать в это дело, а это небезопасно.»

Полковник Лысенко откровенно пытается свалить вину за провал операции, связанной с вывозом взрывчатки из Мамайских катакомб, на Блескунова: не обеспечил надежную охрану и т.д.

Стычка Блескунова с Лысенко. Лысенко угрожает Блескунову: Блескунов настаивал на том, чтобы взрывчатку не вывозили из катакомб и, вероятно, заранее находился в сговоре с преступниками, оставлял для них возможность вывезти взрывчатку, а когда вынужден был подчиниться приказу Лысенко о немедленном вывозе взрывчатки, предупредил об этом преступников.

— Если будешь и дальше переть на меня, — сказал Блескунову Лысенко, — я найду доказательства твоего преступного сговора с бандитами. А пока займись вот этим и исчезни с моих глаз.

Лысенко передал Блескунову письмо от отца летчика Лавриненко, погибшего на запасном аэродроме близ Лунино, в котором тот сообщил, что вернулся из Одессы, узнал, что им интересовался человек из СБУ и теперь готов встретиться с ним, если в этом есть необходимость. Блескунов уезжает в Севастополь и встречается с Лавриненко-отцом. Оказалось (что, впрочем, не очень удивило Блескунова), что они уже знакомы: вместе возвращались в поезде из Москвы, когда погиб писатель Косматов.

Долгий разговор с Лавриненко убеждает Блескунова в том, что, во-первых, намерения его погибшего сына-летчика не могли быть преступными, и причина, почему он попытался посадить самолет на за-

брошенный аэродром близ Лунино, весьма загадочна. Лавриненко-отец пытается разгадать эту загадку — у него есть несколько версий. Но пока его старания безуспешны. Во-вторых, Блескунов убеждается в том, что Лавриненко-отец хоть и подал Косматову мысль о взрыве миноносца (у него в связи с поведением сына появлялись тревожные мысли), но к смерти его не причастен.

Мнение Лавриненко о гибели Косматова — несчастный случай. Что это за случай, знает, наверное, проводник, но молчит. Или кто-то из пассажиров, ехавших в соседнем купе, с которыми Косматов познакомился и выпивал.

Прогуливаясь по набережной, Блескунов встретил знакомого флотского офицера с авианосца. Обмен вопросами по поводу инцидента с самолетом: кому и что удалось дополнительно выяснить. Блескунов узнает об одной весьма незначительной (с точки зрения флотского офицера) детали: в ту ночь не участвовала в тренировочном полете «девятка» (истребитель под № 9), пилот которой был болен. Все остальные истребители взлетели. У погибшего летчика Лавриненко с пилотом «девятки» были натянутые отношения по причине, о которой мало кто знает: пилот «девятки» капитан Гусицкий некогда пытался отбить жену у Лавриненко. Блескунов решает встретиться с Гусицким, просит об этом офицера с авианосца (капитана второго ранга Бубнова). Причина просьбы: старик Лавриненко, рассказывая Блескунову о своем погибшем сыне, вспомнил, как тот однажды, сидя за столом над тетрадкой с какими-то цифрами, несколько раз сказал: «Я тебя, мерзавца, разоблачу. Я теперь знаю, кто ты». Старик Лавриненко уверял Блескунова, что мерзавцем и никак иначе его сын называл только одного человека — капитана Гусицкого.

— Я разговаривал с Гусицким о Лавриненко, — сказал Блескунову кавторанг Бубнов, — он самым лестным образом отзывается о Лавриненко и очень жалеет о том, что нанес ему некогда предательский удар — ведь они были друзьями. Он признает свою вину перед ним и глубоко раскаивается: «Я, конечно, мерзавец», — сказал он мне несколько раз при этом.

Блескунов встретился с капитаном Гусицким вечером в российском офицерском клубе. Красивый, собранный, решительный, ироничный. О Лавриненко сказал:

— Почему Василий решил сесть на тот аэродром? Мы все об этом аэродроме знали, часто пролетали над ним. Помню, как-то поспорили: смог бы ли кто-либо из нас ночью, без специального наведения — скажем, в случае аварии — сесть на этот аэродром. Одни уверяли, что смогли бы, другие — что нет. Василий был в числе тех, кто сказал, что смог бы. Я тоже. Кстати, перед этим вылетом разговоров о заброшенном аэродроме, насколько мне известно, я спрашивал об этом ребят — не было. Очень жаль Василия...

— И его жену, надеюсь, — добавил Блескунов.

Гусицкий взглянул на него, как выстрелил, но ничего не сказал.

Утром Блескунов снова навестил старика Лавриненко, очень просил его найти тетрадку сына с цифрами. Тетрадку и на этот раз найти не удалось.

Умер в больнице, не приходя в сознание, редактор газеты, на которого было совершено покушение. Об этом — сообщение в газете, которую Блескунов купил в электричке, возвращаясь из Севастополя домой. В этой газете сообщение агентства «Укринформ» о согласованном времени встречи президентов России и Украины — вторая половина сентября.

Дома его ждали два письма: одно от Елены из Бонна, другое — от Норы Корбут из Москвы. Письмо Елены: о любви, о том, что очень скучает, что долетела хорошо, что в агентстве встретили с радостью. Вопрос к Блескунову: не может ли он попроситься в связи с каким-нибудь делом в Европу? Письмо от Норы: о том, что скоро, наверное, поедет в Париж (знает, что Елена в Бонне — Елена звонила ей из аэропорта «Домодедово», когда пересаживалась в Москве на германский самолет), и что был в ее конторе разговор, не пригласить ли в Париж для решения общих вопросов и его, Блескунова. Если у него есть желание побывать в Париже (и в Бонне, если захочет), она поможет ему в этом.

— Конечно же, есть такое желание! — Блескунов торопится на почту и шлет Норе телеграмму.

Беседа с Лысенко — отчет о поездке в Севастополь по письму старика Лавриненко. Весь смысл отчета Блескунова: старик Лавриненко — хороший человек, ничего нового не прибавил к делу о гибели своего сына.

— И очень хорошо! И тут наша украинская сторона (старик Лавриненко гражданин Украины) чиста! И слава Богу.

О редакторе газеты, умершем в реанимации, Лысенко говорит, что это — уголовное дело, подчеркивает: «не политическое убийство!», совершенное из мести за разоблачительную статью по поводу плохого качества товаров одной местной фирмы. МВД вышло на этот след.

— Не думаю, — говорит Блескунов и вызывает этим новую вспышку гнева полковника Лысенко.

Полковник оставляет Блескунова после совещания в кабинете и говорит:

— Предупреждаю: ты мне надоел. Ищи себе работу, лучше — в Москве!

ГЛАВА ПЯТАЯ

У Блескунова нет никаких дел. Каждый день является на работу, но лишь для того, чтобы привести в идеальный порядок свои бумаги. Намеревается подать рапорт об увольнении, если в ближайшие дни не

будет вызова из Москвы и если его начальство, главным образом, конечно, полковник Лысенко не даст согласия на этот вызов.

Возвращаясь после работы домой, встречает профессора Кайданова, с которым был в круизе по Средиземноморью. Обрадовался встрече. Они заходят в ближайшее кафе, предаются приятным воспоминаниям. Прибегает посыльный от Лысенко:

— Звонили, искали, едва вас здесь нашли — начальство срочно вызывает к себе!

Лысенко (весёлый):

— Вот тебе удобный случай — тебя затребовала Москва, наш генерал тебя отпускает — я поспособствовал. Если не вернешься из Москвы — все равно по какой причине — буду только рад. А если тебя пристукнут в Париже — не дай Бог, конечно, и если после Парижа ты останешься в своей Москве, тоже буду рад. Сдай все дела Коломийцу — у тебя на это есть десять дней, и катись. Командировочные тебе оплатят в Москве, так что бери пока билет за свой счет. Кстати, я нашел-таки доказательство твоей преступной связи с бандитами, похитившими взрывчатку. Не дам этим доказательствам хода, заклинаю, если не вернешься. А вернешься — не отвертись...

Блескунов позвонил в Москву Норе и договорился, что приедет не через десять дней, а через пятнадцать, на что получил согласие Норы. Объяснил свою просьбу:

— Не закончил одно дельце.

Нора:

— Успеха тебе! И до встречи.

Блескунов снова едет в Севастополь к старику Лавриненко. На этот раз поиски тетрадки погибшего сына Василия увенчались успехом. Из тетради стало ясно: Василий пытался разгадать какой-то шифр. И разгадал его. Вот расшифрованная им фраза: «Труба — последняя четверть луны, 2 часа 17 минут, 27 августа, 1 градус норд, время снижения со 150 метров над трубой 12 секунд».

— И что это значит? — спросил Блескунов старика Лавриненко, бывшего флотского летчика, хотя сам уже догадался, о чем идет речь в шифровке.

— Думаю, что это время и условия посадки на запасной аэродром близ Лунино, — ответил старик Лавриненко.

— А чья шифровка и для чего?

Лавриненко пожал плечами.

Далее события в романе развиваются следующим образом (еще пять глав):

Выясняется, что никакой уголовной подоплеки в покушении на редактора газеты нет. Блескунов находит свидетеля одного разговора редактора с незнакомым человеком в кафе, где Блескунов недавно был с профессором Кайдановым. Из этого разговора свидетель запомнил фразу: «Тебе доверились, а ты, предатель, чуть не провалил всё дело!».

Блескунов знает, как найти человека, от которого исходила эта угроза.

Разыскивает в Ялте вдову писателя Косматова, которая снимает там частную квартиру со своим новым любовником. Блескунов убеждается, что видел её любовника в поезде, которым возвращался из Москвы с Косматовым: сначала за соседним столиком в вагоне-ресторане, а затем — в соседнем купе вагона. Находит мальчишек, обнаруживших первыми в каменоломне ящики с взрывчаткой и взявших оттуда один взрыватель ИДВ-12. Мальчишки рассказали ему, будто к ним приезжали какие-то дяденьки и требовали вернуть взрыватель, но они сказали им, что бросили взрыватель в уборную возле клуба. Те уехали и больше не появлялись.

Лысенко обнаруживает, что Блескунов по-прежнему занимается делами, которые ему никто не поручал. Рапорт Лысенко генералу. Генерал вызывает Блескунова, тот рассказывает ему о своих отношениях с Лысенко. Генерал разрешает Блескунову продолжать расследования.

В Севастополе взрывается торпедный катер российского ЧФ во время боевых учений.

На другой день группа российских матросов избивала украинских. Среди украинских матросов — один убит, несколько человек ранены. Проверка показала, что русские матросы в драке не участвовали. Об этом же заявление командующего ЧФ.

Митинг украинских матросов, требующих, чтобы им выдавали оружие на время увольнения на берег (или сопровождающего с оружием).

Приближается дата встречи президентов России и Украины. Газета, редактор которой погиб, предрекает провал этой встречи и требует, чтобы президенту России президент Украины предъявил новые (явно невыполнимые) требования. Об этом же затрубили и другие частные газеты националистического толка.

Блескунов выходит на след убийцы редактора, но убийца обнаруживает преследование и едва не убивает Блескунова. В этой схватке убийца всё же погибает.

Взломана дверь квартиры Блескунова, в квартире всё разгромлено. В фотографию Елены, стоящую в рамке на письменном столе, воткнул кухонный нож.

Обстрелян с берега личный катер командующего российским ЧФ. Командующего на катере не было; незначительные повреждения, пулевые пробоины в обшивке.

Блескунов приходит к Лысенко и требует, чтобы тот выдал ему из своего сейфа импульсный взрыватель из Мамайских катакомб.

Лысенко показывает ему кукиш. Говорит:

— А генерал уехал в Киев. Так что пожаловаться тебе некому.

Блескунов задерживается в Управлении допоздна и похищает взрыватель из сейфа в кабинете Лысенко.

Ночью телефонный звонок в квартире Блескунова. Незнакомый

голос требует: «Остановись, иначе твоя жена будет убита в Бонне». Блескунов: «Значит, я на верном пути».

Утром полковник Лысенко вызывает Блескунова к себе и объявляет ему, что тот арестован («Ты украл импульсный взрыватель, проник в мой сейф...» и т.д.). Требуется, чтобы Блескунов сдал личное оружие. Блескунова отводят в камеру для подсудимых, затем перевозят в «Бокс» — бывший следственный изолятор КГБ.

На машину, в которой везут Блескунова в «Бокс», нападают вооруженные люди, но не с тем, как выясняется, чтобы освободить Блескунова, а чтобы убить его. Блескунову удается бежать, прихватив оружие нападавших.

Наступает утро 26 августа. Блескунов успел побывать дома, переоделся в свою армейскую полевую форму, прихватил из тайника похищенный накануне из сейфа Лысенко импульсный взрыватель. Задача: добраться к ночи до заброшенного запасного аэродрома близ Лунино.

Обнаруживает, что в автобусе, следующем до Лунино, едет любовник жены Косматова — Полозюк. Короткая остановка автобуса в Феодосии. Блескунов направляется в туалет. Следом за ним идет (не замеченный Блескуновым) Полозюк. Блескунов обнаруживает его лишь в туалете, Полозюк стреляет в Блескунова, ранит в плечо, убегает. Пока Блескунов перевязывает рану — ему помогают, автобус уходит. Кто-то привел милиционера. Милиционер требует, чтобы Блескунов предъявил документы и проследовал вместе с ним в военную комендатуру, откуда его отвезут в больницу. У милиционера мотоцикл с коляской, Блескунов завладевает мотоциклом, оглушив милиционера, которого усаживает в коляску. За городом связывает его и относит к скирде соломы. Мчится на мотоцикле в Лунино. Еще несколько приключений — и он у цели. Покупает в аптеке бинты, йод, за селом в лесополосе делает себе перевязку. Дождается ночи. Ночью выходит из лесополосы и направляется к аэродрому. Видит силуэт стоящего в конце полосы самолета. Подкрадывается к нему. Ни голоса, ни огонька. Но вдруг — удар сзади по голове. На мгновение теряет сознание, но тут же приходит в себя и наносит ответный удар напавшему на него. Бьет пистолетом. Напавший безжизненно валится на бетон. Блескунов оттаскивает его в бурьян, щелкает зажигалкой, чтобы разглядеть лицо напавшего на него человека. Это — Полозюк. У него на груди в кармане сотовый телефон.

Последняя четверть луны. Огрызок лунного диска над горизонтом — прямо на линии взлетно-посадочной полосы. На восточном ее конце — огонек на трубе консервного завода. Блескунов смотрит на часы — приближается ожидаемое время — минутная и часовая стрелки стоят на цифре 2. В распоряжении Блескунова семь минут. Он обнаруживает в стоящем самолете взрывчатку и взрыватель, настроенный на импульс «7». Переводит на этот импульс свой дистанционный взрыватель.

Звук снижающегося самолета. Самолет без огней заходит на посадку со стороны заводской трубы. Касается колесами бетона, приближается к Блескунову, метрах в пятидесяти от него останавливается, прижимаясь к краю полосы. Наступает тишина.

Далее — всё, как предугадал Блескунов: из приземлившегося истребителя кто-то спрыгивает на землю, бежит к ранее оставленному на аэродроме самолету, начиненному взрывчаткой.

Блескунов, выныривая из темноты, сбивает бегущего с ног.

— Здравствуйте, Гусицкий!

Гусицкий, изловчившись, стреляет в Блескунова, попадает ему всё в то же плечо (в это же плечо Блескунов был ранен в Гизе, в Египте), потом бьет пистолетом по голове, вскакивает, бежит к самолету, запускает двигатели, разворачивает машину на взлет.

— Гусицкий! — кричит Блескунов. — Остановись! Там твоя смерть!

Гусицкий не слышит. Самолет пробегает мимо Блескунова.

Блескунов сдавливает импульсный взрыватель, прижимаясь к земле. Мощный оглушительный взрыв потрясает окрестности.

ЭПИЛОГ

Блескунов в Париже. Нора сообщает ему, что обнаружен человек, убивший полковника Кускова. Их задача — схватить его.

Разговор происходит в номере гостиницы. Звонок в дверь. Нора открывает. Входит Елена.

Такова основная сюжетная канва предлагаемого романа. Рукопись будет предложена издательству в конце мая 1997 г.

А. Домбровский (подпись)

Алевтина ЕВСЮКОВА

ЧЕМОДАН

Рассказ

На заре постхрущёвской эпохи группа туристов из Алма-Аты отправилась в братскую страну. Главной особенностью в пути трёхнедельного турне было сервисное обслуживание. Туристам не нужно было тащиться с поклажей — от этих хлопот их избавляла туристическая система обслуживания. Были и другие приятные стороны сервисного обслуживания туристов в ту пору. Жаль только, что для конвертирования валюты разрешалось брать с собой не более семидесяти рублей. Понятно — на такие денежные средства не разбежишься. Но вместо денег в ту пору разрешалось брать с собой ликвидные товары для обмена с коммерсантами на таможне. Список этих товаров был обусловлен в перечне, предусмотренном квотой. Какие вещи? Да, обыкновенные. Это были: хлопчатобумажные ткани, фарфоровая и эмалированная посуда, фразе и... водка. Столичная или Особая — не больше пяти бутылок. И, разумеется, значки, открытки.

По прибытии на таможню туристов уже ожидали толпы коммерсантов, где и происходили операции по заполнению таможенных деклараций и по обмену конвертируемых товаров. Наверное, невозможно не сказать, что цены на идентичные товары в этой стране были значительно ниже, нежели в нашей стране. Например, у нас болоньевый или иной плащ стоил семьдесят рублей, модельные из натуральной кожи туфли — от тридцати рублей и выше, а шерстяной джемпер или пуловер также от тридцати рублей до шестидесяти. У них за семьдесят конвертируемых рублей можно было купить все три товара: такие же плащ, туфли и джемпер, или пуловер. Да ещё и оставалось кое-что на приобретение всякой мелочёвки (дешёвой, но привлекательной бижутерии), или на прохладительные напитки. А пить хотелось особенно — период путешествия пришёлся на конец мая — начало июня.

Удивительно, но задекларированных товаров вполне хватило на приобретение добротной одежды и обуви (при умеренных аппетитах). А деньги туристами тратились на напитки, фрукты и на приобретение понравившихся сувениров для дарения родным и близким. Женщины могли себе позволить приобрести что-то из бижутерии и из товаров парфюмерии и галантереи.

После удачных сделок по обмену товарами, наши туристы, получив заряд бодрости и оптимизма, чувствовали себя несказанно счастливыми владельцами красивых добротных вещей. Ещё бы! Постой-ка за ними у себя на родине в жутких очередях, да ещё и неизвестно, не попусту ли! Да и когда-то там «выбросят» в продажу качественные товары, ставшие острым дефицитом?! Ну, а если желаешь приобрести такой товар без изнурительных отстаиваний в километровых очередях, плати кому-то через кого-то в полтора, а то и в два раза дороже и получай обновку в своё удовольствие... Да, но при этом, ещё и знать бы — к кому обращаться...

И вот, пройдя первый этап благополучного обмена товаров с расторопными коммерсантами, туристы прибыли через пару часов в первую точку маршрута — назовём её под литерой «А». Первое, что всеми ощущалось в зарубежье, — это напряжение всех чувств и, конечно же, глазных орбит. Бесконечные ряды всевозможных объектов обслуживания, а именно: всяческих магазинов (с множеством названий), питейных, общепитовских и развлекательных заведений, занимавших чуть ли не все первые этажи всевозможных зданий, тянулись практически на всех улицах всех населённых пунктов страны. Это ныне наших граждан этим уже не удивить — сейчас едва ли невозможно столкнуться с этим даже в сёлах, деревнях, и дачных посёлках. Были бы деньги... А в ту пору всё это туристам представлялось неким нечто, из ряда вон выходящим(!) Можете себе представить, как разбегались глаза, как блестели они огнём восхищения? Звучит, может быть смешно, но наш народ, — почти как дети(!) Причём, на протяжении всех эпох, — далеко не избалованный житейскими и бытовыми благами(!) И в силу этого, он искренне восторгается всем тем красивым вещам, которые, как правило, ему малодоступны, или не доступны вовсе. Он верит во все сказки, придуманные для него в целях оболванивая! Да, что там!? Он верит даже в то, что придумал себе сам!..

Стоит ли удивляться, когда, очутившись на так называемом Поле Чудес, наши туристы растерялись, увидев блеск роскоши в витражах столь многочисленных заведений, расположенных по всей протяжённости проспектов и улиц всех городов и весей? Какие, там, этика поведения, правила хорошего тона, проявление чувства такта и прочее, уроки которых были предварительно преподаны представителями особых органов, где каждый из туристов оставил свою подпись под обязательствами выполнять вышеназванные предписания?! А потому, конфузы и прочие парадоксы у отдельных лиц тургруппы на-

чались с первого же дня приезда. У работницы торговли, неизвестно какими путями попавшей в тургруппу медработников, таможенники изъяли непомерное количество золотых украшений. Найдены они были частью в её причёске «а ля — Вавилонская башня» — в недрах начёса шиньона, а частью — там, где и представить-то невозможно(!) Разумеется, её задержали.

По прибытии по маршруту в пункт «А», туристы получили «добро» на посещение торговых заведений, в сопровождении экскурсовода. Посетить успели несколько магазинов, заглянув и в кафе, заодно прослушав и экскурс в историю возникновения архитектурных сооружений, расположенных в лабиринтах старинной части города. Неожиданно для всех две дамы (тоже работницы торговли...) на одном из красивейших небольших проспектов безоглядно ринулись через проезжую часть в неполюбованном для пешеходов месте. «Как?!» и «Почему?!» — спрашивать излишне. Именно, в этой части города, напротив — через дорогу, громоздко возвышалось великолепное здание, название которому в нашей стране ГУМ или ЦУМ.

Всё просто! Им непременно надо было попасть в него и, именно, мгновенно! Даже ковра-самолёта не потребовалось... Чуть далее, справа, видна была площадь, в центре которой возвышалось двухъярусное сооружение милицейского дорожного поста, в обрамлении ограды, состоящей из низких чугунных столбиков, соединённых между собой тяжёлыми чугунными цепями. У порога постовой будки стояли два чёрных мотоцикла с коляской, похожие на «Урал» советского производства. За движением автотранспорта (всевозможного вида и назначения), велосипедов (их было немало) и пешеходов следил с высоты своего поста регулировщик. Не успели эти дамы пересечь дорожное полотно одностороннего движения, как оба мотоцикла уже оказались возле них. От досады ли, непонимания или шока обе стали, громко возмущаясь, нести несуразные для служителей порядка этой страны угрозы.

— Как вы смете?!

— Мы будем жаловаться!

— Чёрт бы вас забрал!

— Да не хватайте меня своими лапами!

— Да, я...

Дальше их монологи вряд ли стоит продолжать... В нашей памяти ещё не стёрлись запасы лексики советских работников так называемого культурного обслуживания рядовых граждан, как не забыты и словарные запасы, рассыпаемые ими же перед высокопоставленными лицами из всех сфер лестничной структуры госуправления. Видимо, не добившись от этих дам должного понимания и разгневанные такой обескураживающей лексикой и крайней их экспрессией, стражи порядка, надев на них наручники, с трудом усадили бурно сопротивляю-

щихся мегер в коляски и тут же увезли нарушительниц порядка, установленного в этой стране. Туристы только и успели всё это увидеть.

— Инна Сергеевна, и что теперь?

— Результат один — отправят их на родину, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— И почему же поставые не обратились к Вам за объяснениями или с претензиями?

Пожав плечами и, она слабо улыбнулась.

— Это выяснение обстоятельств произойдёт там, куда их отвезут. Да и меня ждут не лучшие последствия — я же за всех вас отвечаю перед вышестоящими инстанциями...

А теперь, наверное, будет не безынтересным для читателя самый любопытный эпизод из всех, какие произошли во время поездок по стране. Одна из экскурсанток — Ирина Георгиевна — купила себе чемодан, роскошный по тем временам и привлекающий к себе завистливые взгляды отдельных дам. Свой старый пообшарпанный чемодан перед отъездом в следующий город она спрятала за шезлонгом на лоджии. Но по прибытии к месту назначения она обнаружила рядом с новеньким и свой старый чемодан. Её чувства выражали её слова:

— Б...дь, какого чёрта?! Я же ясно дала им понять, что он мне не нужен! Эти венгры явно без мозгов...

И снова перед отъездом она постаралась избавиться от него, затолкав его под ванну. Но и в следующем городе в номере рядом с новеньким стоял и старый чемодан. И где бы она ни прятала его, он прибывал вновь и вновь, возникая перед её ошалелым взглядом, как «чёртик из табакерки». Не выдержав такого прессинга высококлассного сервиса, разъяренная женщина (а была эта дама не в меру гневливая), сорвала ключи от ручки чемодана, резким движением открыла замки, откинула крышку и, наступив ногой в нижнюю полость его, в порыве бешенства оторвала крышку. Нижнюю часть чемодана она задвинула на антресоли, а крышку его поместила в узком просвете между стеной и шкафом для одежды, на всякий случай плотнее придвинув его к стене.

Параллельно с алма-атинской тургруппой соседствовали ленинградская, и две группы из ГДР. Всех размещали в тех же гостиницах, и питались все четыре группы при тех же гостиничных ресторанах. Оживлённые толки и смех привлекали внимание представителей этих групп, и они, желая знать, что происходит, получали исчерпывающую информацию. В обеих русских группах находились знатоки немецкого языка. В итоге, где бы они ни встречались, поводом до всяческих шуток, экспромтов и смеха были «чемоданные известия».

Но на время позволим себе прервать повествование этого эпизода, чтобы рассказать о следующем, возможно, менее ярком, но также отображающем суть нашей простецкой русской души. Как говорили сами венгры, май и июнь в том году были особенно жаркими. Вентиляторы,

которые были во всех помещениях, не спасали от изнуряющего зноя. Особенно страдали мужчины — им по этикету в ту пору полагалось присутствовать в общественных местах в костюмах, белых рубашках и при галстуках. Вот и представьте, каково им было.... В первый же день, едва всех туристов препроводили к обеденным столам, как двое из них поспешили осушить содержимое пиал с розовой ароматной жидкостью, стоявших возле каждого столового прибора.

— Фу, какая гадость! Как можно пить такое?! Однако наши братья страдают оригинальным вкусом...

— Что за пойло подсунули нам?!

— Товарищи, мужчины! — поспешили вмешаться в их диалог соседки по столу, — это туалетная вода, предназначенная для полоскания пальцев рук после употребления в еду мяса курицы или кролика.

— А салфетки служат нагрудниками, чтобы ненароком не запачкаться от нечаянно обронённой пищи или пролитого напитка.

— Сопливчики, стало быть? Здесь, что, младенцев кормят?

— Товарищи, товарищи, пожалуйста, говорите тише, на нас немцы смотрят!

— Ну, и что! Пусть смотрят! Мы им что-то должны?! Это они у нас в долгу...

— Ну, нельзя же так вот, товарищ...

— Товарищи, приятного всем аппетита! Советую приступить к салату, пока подадут горячее. А вот из кувшина под салфеткой, будьте так добры, налейте, пожалуйста, дамам и себе холодного напитка.

— Нет проблем, пожалуйста! Всё для вас, дорогие женщины!

— Мы вам признательны, спасибо. И давайте, будем культурными и впредь.

— Ладно, уж, вразумили Ванек, исправимся... Не безнадёжные.

Это, так сказать, были «пробы» на представление этикета... Понятно, что касалось это не всех. Здесь ведь речь идёт об эпизоде.

Волей-неволей приходилось туристам из страны советов оглядываться на столики немцев, наблюдая за их манерами, и невольно брать примеры с них. Балагуры попритихли, но если что-то и говорили соседкам по столу, то так тихо, чтобы неслышно было за соседними столами. Но... произносили они такие комичные вещи, явно провоцируя взрывы смеха, что остальным соседям по столу трудно было подавить в себе порывы неудержимых приступов смеха, отчего спазматически болезненно ныли лицевые мышцы. Вряд ли можно воспроизвести комичность тех экспромтов, но как это выглядело — нетрудно догадаться, вспомнив, при желании, подобные эскапады, пережитые любым из нас то ли в роли свидетелей, то ли в роли зачинщиков. Но, собираясь в местах ожидания (в вестибюле или на улице), представители мужской половины после столь «застойного» обеденного периода позволяли себе разрядиться такими тирадами или анекдотическими монологами, что хоть уши закрывай тем, кто их слышал.

Теперь пора вернуться к прерванной истории о злополучном для хозяйки чемодане. Именно, его существование способствовало тому, что Ирина Георгиевна стала главной героиней не только эпизода, но и по возвращении в Талды-Курган — в медицинских кругах — она оставалась в центре всеобщего внимания. Да и сама эта история, связанная с её чемоданом превратилась в незабываемую притчу. Но не будем забегать вперёд.

Наступил момент, когда, прибыв в следующий по назначению город, Ирина Георгиевна, не обнаружила старого чемодана рядом с новым. Злорадно усмехнувшись и манерно вздохнув, она бросила едкую тираду:

— Слава Богу, избавили меня от моего «сокровища»! Отвязались, наконец. Ненормальные...

К слову сказать, эта история с чемоданом и все разговоры вокруг него и его хозяйки получили среди всех четырёх тургрупп большой резонанс. А главное, действующие персонажи — сама героиня и её чемодан — стали не то, что бы «притчей во языцах», но некими генераторами возникновения всё новых и новых комичных интерпретаций текущих новостей, и бесчисленных шуток, стоило лишь всем четырём группам оказаться вместе: за обедом или ужином, или в часы вечерне-ночного досуга. А сам чемодан между тем, казалось, застрял в недрах страны, в которой прежде к нему была проявлена столь чрезвычайная забота. Прибыв в предпоследний пункт туристического маршрута, туристы всех четырех групп, в ожидании размещения их по номерам, разбившись на группы в просторном холле, что-то оживлённо обсуждали, перебрасываясь, как всегда, шутками или приветствиями или впечатлениями об увиденном и услышанном во время экскурсий.

Вдруг раздался щелчок, словно некто стукнул по мембране аппарата. Несмотря на гул голосов в холле, щелчок был услышан, и люди приумолкли в нетерпеливом ожидании объявления (им хотелось скорее устроиться в номерах после утомительной от жары поездки). Щелчок повторился и вслед раздался голос диктора:

— Уважаемая Ирина Георгиевна Гайворонская! Администрация гостиницы просит Вас подойти к администратору для разрешения необходимых формальностей на получение вашего чемодана.

Что последовало вслед за этим, читатель, наверное, догадался... Возможно ли передать словами то, что почувствовала толпа народа? На какое-то мгновение над пространством холла повисла тишина. Кажется, все обмерли. Даже туристы из ГДР, с недоумением оглядываясь на умолкнувших граждан из СССР (всегда таких шумных), тоже приумолкли. А когда радиообъявление прозвучало вторично, грянул взрыв неудержимого хохота. Немцы, изумлённо глядя на хохочущих русских, попросили объяснить, что происходит. Когда же, получив пояснения от переводчиков, задышающих от смеха, они, понимающие и, улыбаясь, закивали:

— Я-я, *фортштейн!*

Когда же объявление прозвучало в третий раз (вероятно, в администрации забеспокоились, что сообщение могло быть не услышано из-за шума), то волна гомерического смеха, ещё не затихшая, рванула с новой силой. Смеялись на все лады: закатываясь от истеричного хохота, поскуливая, подвывая, а то и захлёбываясь от слёз. Да и сами жесты, и громкие возгласы невольно подогревали смеющихся людей. Едва поуспокоившись, они принимались смеяться вновь и вновь.

Сама же виновница смехотворной ситуации, побледнев, дрожала от ярости.

— На кой чёрт нужен мне этот чемодан! Они, что, больные на голову?! Они чокнулись! Я их просила?!

— Ирина Георгиевна! Пожалуйста, подойдите и получите свой чемодан. Иначе я напишу докладную и передам её по назначению. Я не хочу, чтобы у меня и у Вас, в первую очередь, возникли неприятности. Нарушать правила и условия, предусмотренные международными договорённостями, я Вам не позволю, как не и позволю Вам впредь нарушать правила хорошего тона в общении с окружающими. С меня довольно. Я сыта Вашими форталями.

На самом деле, Инна Сергеевна, напряжённо сжимала челюсти, чтобы самой не разразиться от смеха. Поблёскивая искорками смеющихся глаз, она пыталась придать своему лицу строгое выражение. А в это время вновь щёлкнула мембрана. Люди, напрягаясь от едва сдерживаемого смеха, притихли, дабы не пропустить ни единого слова диктора.

— Уважаемая Инна Сергеевна Соколова! Администрация гостиницы просит Вас с Ириной Георгиевной Гайворонской подойти к администратору. Просим вас поспешить безотлагательно.

Раздались какие-то шумы с пробивающимися сквозь них приглушёнными голосами, и, спустя мгновение, объявление огласили вновь.

— Я же говорила Вам, Ирина Георгиевна... Теперь и мне придётся объясняться. Прежде чем ехать в зарубежье, Вы подписали обязательства вести себя соответственно условиям в рамках культурных международных отношений. Идёмте и немедленно получите Ваш чемодан! Не заставляйте меня идти на крайние меры по отношению к Вам. И обязательно извинитесь перед ними и поблагодарите их за заботу и услуги! Это не обсуждается.

Обе женщины, в сопровождении всеобщего гомона и нескончаемых всплесков весёлых шуток и смеха, направились к стеклянному боксу. Администратор, натянуто улыбаясь, кивнула им в знак приветствия, и, пожелав доброго дня, спросила, кто из них Ирина Георгиевна. Тут кстати можно сказать, что обслуживающий персонал гостиниц и ресторанов разговаривал с русскими туристами на русском языке и порой на чистейшем.

— Я, Ирина Георгиевна. Что Вы хотели? — с гордо поднятой головой она не без снобизма окинула взглядом администратора.

— Знаете, у нас принято разговаривать доброжелательным тоном, подбирая вежливые слова, и я хочу разговаривать с вами, Ирина Георгиевна, именно так. И от Вас я ожидаю того же.

— Хорошо, приношу свои извинения. Что от меня требуется?

— Вот, пожалуйста, — она положила перед Ириной Георгиевной два бланка, — заполните оба бланка и распишитесь. Ваша руководитель — тут она любезно улыбнулась Инне Сергеевне, — если понадобится, подскажет Вам, а затем также распишется под Вашей подписью.

Это оказались: квитанция по оплате предоставленных услуг по ремонту и транспортировке чемодана; а другой бланк предназначался для заполнения граф с предполагаемыми ответами на вопросы, связанные с сервисным обслуживанием по ремонту. То есть, она должна была ответить: понравились ли ей качество ремонта, услуг и имеет ли она какие-либо замечания, претензии и предложения.

Быстро заполнив оба бланка и оплатив счёт, Ирина Георгиевна, отказавшись осматривать чемодан, поспешила забрать его, и, не обращая ни на кого внимания, словно забыв о существовании Инны Сергеевны и туристов, гордо продефилировала с чемоданом в конец холла. А её фибровый чемодан, теперь блестел лаковой поверхностью, яркость которого подчёркивали сверкающие никелем уголки, петли, рамка и замки. Он был так роскошен, что на нём невольно задерживались взгляды всех присутствующих в холле. И лишь сама Ирина Георгиевна замечать и тем более оценивать превосходное качество чемодана не желала. Но зато теперь, люди, учитывая все перипетии самого чемодана, в полной уверенности полагали, что эта странная женщина не оставит его, как прежде, в номере.

Но едва переступив порог номера, Ирина Георгиевна, дрожа от ярости, разразилась гневными тирадами.

— И что мне делать с этим дурацким чемоданом?! На кой ляд он мне нужен?! Ведь я всё равно его выброшу где-нибудь по дороге. Да меня куры засмеют, если я вернусь с ним в Талды-Курган! Тоже мне, старатели, благодетели, сервис мне устроили!

Возможно, чтобы как-то остановить поток тирад фурии, соседка по номеру решила поделиться идеей, неожиданно возникшей в её голове, и она поспешила её высказать.

— Ирина Георгиевна, вы видели внутри жилых кварталов — во дворах — сооружения, похожие раскраской на детсадовские домики?

— И что?!

— Это контейнеры для бытовых отходов. На верхней части их устроены решётки, похожие на багажники на крышах наших легковушек. Я заметила, что в решётке были большие картонные коробки и старый приёмник. К чему же куда-то тащиться с чемоданом? Один

из таких контейнеров стоит прямо по дороге на автостоянку, где припаркованы наши Икарусы.

— И когда это Вы успели заметить? А что!? Идея... Хорошо, что сказали. Спасибо, учту.

По направлению к автостоянке двигались вереницы туристов. В центре её собралось уже немало людей, весело что-то обсуждающих. Без сомнения, все с нетерпением ожидали появления Ирины Георгиевны. Грузчики (служащие гостиницы) уже подвозили на автокарах багаж туристов и упаковывали его в недрах автобусов.

Наконец, в радиусе обзора появилась и сама виновница их оживлённых пересудов. С гордо поднятой головой, она с независимым видом выплывала словно пава. На плече её красовалась дамская кожаная сумка белого цвета с фиолетовым акантом, под стать её летнему комбинированному костюму, а в руке её сиял новизной чемодан. Поравнявшись с площадкой, в глубине которой виднелся контейнер, она, приблизившись, но, не доходя метра два до него, неожиданно резко размахнувшись, кинула чемодан на решётку. Чемодан упал на леерную часть её и, качнувшись пару раз, упал на дно решётки. Мимо изумлённых туристов она прошла так, словно бы ничего и не произошло, и поспешила устроиться в салоне автобуса, хотя до его отхода оставалось минут сорок.

А в это время внимание толпы привлёк мужчина зрелого возраста, который несколько торопливо приближался к контейнеру. Остановившись возле него, он сначала расфасовал по секциям принесённый в бумажных пакетах мусор. Затем, вытащив из нагрудного кармана очки, и, нацепив их, приступил к пристальному осмотру чемодана, повертев его со всех сторон, то и дело поглаживая его, как бы любуясь им. Высвободив из петли ручки чемодана ключи, открыл замки и так же тщательно осмотрел его полость. Покачав головой, словно недоумевая, защёлкнул замки его, и, взяв новую поклажу, направился в сторону толпы, заинтригованной столь неожиданным поворотом бурно развернувшихся событий. И тут началось...

— Ирина Георгиевна, к вам спешит мужчина. Видно желает вас поблагодарить за столь щедрый подарок для него.

— Ирочка-а, а к Вам мужчина, вероятно, хочет познакомиться...

— Да, нет, не слушайте их, Ирина Георгиевна! Он собирается вернуть Вам Ваш чемодан. Какие здесь всё-таки честные люди!... Все-все желают Вам угодить своим особенным вниманием к Вам...

Реплик было множество. Охотников пошутить, словно несло на бурных волнах юмора и сатиры. Люди, заражённые атмосферой комизма ситуаций, смеялись до слёз, до стона. Но когда мужчина приблизился, гомон и смех поутихли. Все с любопытством ожидали — что же будет дальше, пытаясь предугадать исход события.

Приблизившись, мужчина приподнял шляпу, поклонился несколько раз, поворачиваясь направо и налево, затем обратился с вопросом:

— Э-э... Подскажите, пожалуйста — где Ваш руководитель и как его зовут?

Обратился он на русском языке, хотя и с жутким акцентом, напоминающим цыганский. Следуя в указанном направлении, подошёл к Инне Сергеевне и, приподняв шляпу, вновь чопорно склонил голову в знак приветствия. Опустив чемодан на землю, улыбаясь, протянул Инне Сергеевне руку, и, трепетно сжав кисть руки, протянутую навстречу, поцеловал её. Продолжая улыбаться, забавно играя ямочками, спросил:

— Могу ли я познакомиться с женщиной, оставившей этот чемодан там, где ему не место, да ещё и столь нетрадиционным способом?

— Ирочка, Вас хотят видеть

— Ирина Георгиевна, подойдите, пожалуйста, Вас просят...

— Заткнитесь! Вам не надоело?

Инна Сергеевна любезно, но сочувственно произнесла:

— Вряд ли это возможно. У этой женщины болит голова.

— Жаль, жаль... Я хотел посмотреть на неё вблизи. Понимаете, — он прокашлялся — в нашей стране не принято бросать такие вещи. И вы, и мы пережили такую страшную войну, что бережливости она должна была бы научить всех. Но, как я понял, не все русские люди научились этому. Хотя и наши люди — не лучше, если умудрились испортить эту вещь. А ведь этому чемодану цены нет. Правда, его слегка излишне ярко покрасили, явно перестаравшись с ремонтом. Его бы следовало отреставрировать. Эта вещь производства знаменитой в Европе австрийской фирмы. А изготовлена она, если не ошибаюсь, в середине или в конце сороковых годов прошлого столетия. Возможно, и чуть позже — сейчас, после такого ущербного для него ремонта, трудно определить дату его изготовления.

На время умолкнув, и потирая подбородок, он задумчиво окинул всех взглядом и, снова повернувшись к Инне Сергеевне, заговорил снова.

— Дело в том, что передать этой женщине сумму, приблизительно равную стоимости этого чемодана даже после подобного ремонта, я не имею возможности. Но примите для передачи ей хотя бы то, что у меня есть.

Вытащив из внутреннего кармана портмоне, он достал все имеющиеся в нём деньги. Подхватив ладонь Инны Сергеевны, вложил их в неё, и, сжав её пальцы в кулак, задержал руку в своих ладонях, умоляюще глядя в глаза. Затем, осторожно поцеловав её руку, по-прежнему удерживая её в своих ладонях, опустил вниз, и, грустно улыбаясь, произнёс:

— Пожалуйста, передайте это той женщине.

— Но какой смысл в этом, ведь нам их не обменяют на таможне?

— Дорогая, деньги этой женщине обменяют, в конце концов, коммерсанты ещё до таможни на нужные ей вещи. Не отказывайтесь принять их, прошу Вас.

Новый знакомец, снова приподняв шляпу, улыбаясь и раскланиваясь направо и налево, подхватил чемодан, и попятился, прощально помахивая свободной рукой.

— До свидания, друзья! Рад был встрече с вами. Приезжайте к нам ещё, — удаляясь, он неожиданно изогнулся и, показывая на чемодан свободной рукой, воскликнул: — Берегите свои вещи — это память о нашей жизни.

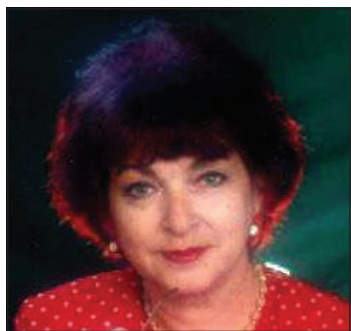
Он ещё несколько раз оборачивался и что-то произносил по мере удаления. Но шум разогревающихся моторов автобусов уже перекрывал его приветливые восклицания. Хотя и неслышно было его слов, зато забавно было наблюдать, как, улыбаясь и раскланиваясь, он всякий раз приподнимал шляпу и дружелюбно помахивал ею уже издалека. Туристы, поглядывая ему вслед, улыбаясь, и понимающе переглядываясь друг с другом, тоже приветливо отвечали ему прощальными жестами. Да сама Инна Сергеевна, улыбаясь, изредка помахивала рукой новому знакомцу. Затем, обернувшись к подопечным ей туристам, поспешила сообщить:

— Товарищи, прощайтесь со своими друзьями — приближается время отбытия.

Нужно ли говорить, сколь бурно продолжалось веселье в самом салоне автобуса в продолжение не менее двух часов пути, пока, наконец, туристов не сморило плавное покачивание автомобильных рессор.

Вернувшись на родину, медики ещё долго возвращались к воспоминаниям об эпизодах, случившихся в том турне. Но главной темой воспоминаний служила весёлая история с чемоданом и его бывшей хозяйкой. Разве возможно было, рассказывая эту историю, не вызвать у слушателей заразительный смех?

Севастополь

МАЯ РОШИНА (Стотланд) родилась в Симферополе. Волею судеб оказалась на Крайнем Севере. В недавнем прошлом — известная крымская журналистка: автор многочисленных публикаций в газетах и редактор на телевидении. Ныне живет в Израиле, в маленьком поселке Бней Айш. Литератор, драматург. В 1990 году ее пьеса «Век свободы не видать!» была поставлена в городе Кирове (Вятка).

Мая РОШИНА

МИРАЖ

Рассказ

Суровая зима в Заполярье... Особенно достается рукам. Ноги, туловище, голова — все спрятано, согрето. А руки... Не мешало бы носить варежки. Но я их постоянно теряю, где-то оставляю... Короче, они мне мешают. И поэтому моим бедным рукам достается на всю катушку.

Хорошо, хоть в бухгалтерии тепло. Можно погреться возле горячей батареи, попить чаю, поболтать с девчонками. Снимаю тулупчик, разматываю платок...

— Ишь, раскатала губки... Тонечка приехала, у Галины документы подписывает.

Все ясно. Заматываю голову платком, надеваю тулупчик и топаю на свое рабочее место, то есть, на склад. А что делать? На Севере женщине трудно найти работу. Выбор ограничен: продавцы, кладовщицы, уборщицы. Если есть намерение на цивилизацию, то и парикмахеры. И все занято на много лет вперед.

Как быстро человек ко всему привыкает. Помню свое состояние, когда я впервые увидела на бескрайнем северном небе два солнца. Два совершенно одинаковых солнца! И никто, ну совершенно никто не обращал внимания на это чудо! Может, мне мерещится? Да нет же! Два огромных солнца в разных концах небосвода. Я стояла, не шевелясь,

и смотрела на ясное морозное небо. Какой-то прохожий, обойдя меня, стоящую посреди тротуара, бросил: «Мираж. Одно не настоящее». Пока до меня дошел смысл сказанного, пока я поняла, что эти слова адресованы именно мне, человек прошел еще несколько метров.

— Пойдите! А какое не настоящее?

Мужчина, не замедляя шага, пожал плечами и пошел дальше. А я стояла и смотрела. Так какое же не настоящее?

Но это было больше года назад. А теперь я тоже вроде привыкла к запоярным чудесам, но все равно нигде, никогда я не видела более высокого, холодного, далекого и бескрайнего неба.

А вот и Тонечка. При виде ее испытываю зависть всех цветов — от белого до фиолетового. Кто скажет, что это почти пожилая женщина? Белокурые локоны, небрежно выбивающиеся из-под шапки, мех голубого песка оттеняет синеву глаз, по-молодому выразительных. Веселое щебетанье, ровная спина и в любое время года обувь на высоком каблучке.

Станным, непонятным было выражение ее ясных глаз: немного заискивающее, вопрошающее и одновременно дерзкое, вызывающее, чуть-чуть надменное. И живут эти громадные глаза, не обращая внимания на другие черты ее так здорово сохранившегося лица, независимо от того, о чем ведет речь их хозяйка. Как вспышки: вопрос — испуг, презрение; вопрос — испуг, презрение. Только ритм меняется. Удивительные глаза.

— Аннушка, вот накладные. Галина Александровна пошла к начальнику с моим письмом, но там совещание. Он подпишет, по телефону договорились... Я посижу у тебя?

— Пожалуйста. А чтоб не терять время (уже темнеет), рабочие вам все загрузят. Вы с машиной?

— Да, да. У тебя опять осужденные работают?

— Как всегда (а то она не знает!). Не бойтесь, не обманут, все точно по накладной загрузят... Если не верите, можно сразу проверить. Идите с ними, они при вас загрузят, — (Никогда она с ними не пойдет). — А впрочем, как хотите.

— Нет-нет. Пусть грузят. Раз ты им доверяешь...

Отдаю рабочим документы, ключи от складов, быстро решаем, откуда что взять, как загрузить, чтоб можно было проверить. И бегом назад, в «теплый» склад. Здесь хоть пар изо рта не идет.

— Сколько ты с ними уже работаешь?

— Полтора года. — Какая ты смелая. Неужели никогда не было страшно? Это ведь рецидивисты. Особо опасные. Не боишься?

— Они работают, я работаю. Каждый делает свое дело. У меня ничего не пропадает... Не, не боюсь.

— Бр-р-р... Я бы не смогла. Умираю от страха при виде этого контингента....

Дался, он ей этот контингент. И вот так в каждый свой приезд.

Ну и глаза! Как будто кто-то включает. Переключает... Поправила кудри. Отточенный профиль. А руки!.. Как я раньше не замечала? Да, это женщина с какой-нибудь графской родословной... Не могу оторвать взгляд от ее рук. Смотрю и люблюсь.

— ...Что?

— Я бы очень боялась. Ведь здесь и убийцы сидят. Вот возьмут и тюкнут тебя. Им это ничего не стоит.

— За что?

— Не знаю... Просто...

— Ну, так не бывает.

А еще говорят, что руки выдают возраст женщины. Эти больше тридцати ни за что не выдадут. А вот мои еще и прибавят.

— Все погрузили? Идите, отдыхайте. Сегодня больше ничего не предвидится.

— Побегу. Галина Александровна уже, наверное, подписала.

— Приветик! А я к тебе покурить.

Это Зиночка. У нее нет «теплого» склада, только «холодные». Поэтому покурить она бежит ко мне.

— Тонечка приехала?

— Да.

— Когда загружать будешь?

— Уже.

— Не проверяла?

— Нет.

— Ох, надуют они тебя когда-нибудь, наплачешься. Может, тогда поумнеешь. — Обойдется... Слушай, а, сколько Тонечке лет?

— Шестьдесят — это точно. А может, и больше.

— Не может быть! Я думала, чуть за сорок. Ну, пятьдесят... Но чтоб шестьдесят!.. Может, меньше?

— Нет, не меньше.

— Ты что, паспорт ее видела?

— Не видела.

— Ну вот! Может, и меньше. А руки? Сравни со своими с моими. А я ведь моложе ее на двадцать с лишним. А глаза, волосы, походка. Нет, ей шестидесяти не может быть. Да и не на пенсии. Если бы ей было столько, как ты говоришь, она давно бы на Большой земле жила. Зачем мерзнуть? Да еще и работать?

— Она оказалась здесь во время войны... И ни разу отсюда не выезжала. Никогда. И отпуск здесь проводит. Живет безвылазно в этом медвежьем углу. И будет жить до самой смерти.

— Почему?

— Да ладно! Пойдем лучше к девчонкам чай пить. От Лили письмо вчера получила, тебе привет. Глебушка большой, уже почти год. Да, он пошел! Представляешь. Не ползал, сразу пошел. Обещают в год сфотографировать, сразу же пришлют.

Я ее знаю. Как начинает стрекотать, значит уходит от разговора. Вернее, убегает. Как в игре «тепло-холодно». Доходит до «жарко» — она в кусты.

— Почему же она никогда отсюда не уезжает?

— Да ну ее... Ты в магазине была сегодня? Хочу Глебушке подарок купить. Зайдем после работы?

— Почему она не выезжает?

— ...Здесь раньше четыре колонии были. Одна из них женская. Тонечка оттуда.

— Тонечка?!

— Да. Тонечка.

— Ты знаешь, за что?

— Она во время войны совсем молоденькая (представляешь, как она тогда выглядела) была в оккупации, встречалась с немцем, жила с ним. Родился ребенок. А фашист отказался взять ее с собой в Германию. Как ей оставаться? Она с малышом — к нему. Требуется, просит, плачет. А он — ни в какую. Вещи его уже в машине, он уехать не может, Тонечка в него вцепилась. Ну, оторвал он ее от себя, оттолкнул. И к машине. Вот тут это и случилось... Размахнулась она ребенком, ударила его головой о дерево, возле которого стояла, да в машину ему и закинула. «Забери, — говорит, — в свою Германию и свое отродье». Люди наши это видели. Как город освободили, ее под суд. С тех пор и живет здесь. Сначала в зоне, а теперь на воле. Никогда никуда не выезжает.

— Ну и Тонечка! За что же она тогда всех осужденных ненавидит? Такую дамочку из себя строит.

— За что ей их ненавидеть? Она их боится.

Как ярко светится Зиновкина «беломорина» на фоне потемневшего за окном зимнего неба. Яркая теплая звездочка. Может, и мне закурить? Так вдруг захотелось заглотнуть этот горький дым, почувствовать тепло этого маленького огонька... Я обязательно пойду с ней после работы в магазин, и мы выберем Глебушке самый красивый подарок. А потом пойдем ко мне в гости. Или к ней. Или по очереди... До ночи еще далеко. И ни о чем мы сегодня говорить уже не будем.

— Аннушка, вот письмо. Все в порядке, подписали. Спасибо большое. Зиновка, здравствуй. На днях к тебе приеду. До свидания.

Глаза ее мигают, оставаясь раскрытыми, как будто включилось реле времени. Красивые руки кладут на мой стол документы...

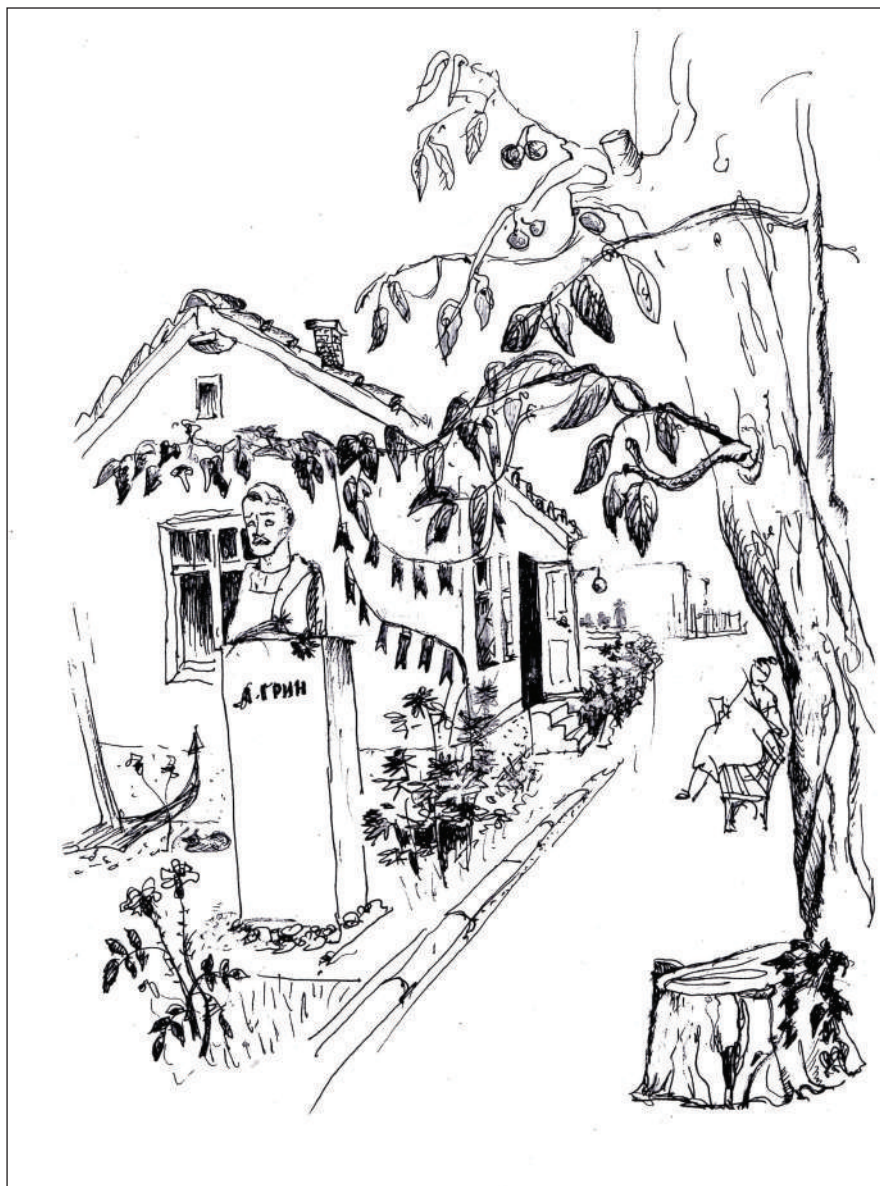

Рисунок еваторийской художницы,
члена Союза русских, украинских и белорусских писателей РК,
ЛАРИСЫ МАРИЧЕВОЙ

Руфина МАКСИМОВА,
Феодосия

**ВЕТЕРАНАМ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Они дошли, из дальней дали,
туда, где сын, и дочь, и внук...
На площади, под звон медалей,
плывёт Победы майский звук.

Затихли музыка и речи,
идут войны герои в ряд.
Друзей сердца, как будто свечи,
незримо в воздухе горят.

Ещё вчера несли знамёна —
привычный для весны наряд.
Ещё вчера вы шли колонной,
сегодня вас всего лишь ряд.

Для ветеранов званый ужин,
и музыка из прошлых лет...
Им этот день, как память, нужен,
как свет души, как жизни свет.

Из окон радио выносит
на улицу забытый вальс.
Он словно за погибших просит:
«Не забывайте, люди, нас!»

ПОГИБШИМ У СЕЛА КОРПЕЧ

От взрывов, криков, канонады боя
спасаясь, там, где тихо и светло,
судьбу былую заслонив собою,
шагнуло в вечность крымское село.

Ни тёрён, ни шиповник, ни калина
не буйствуют, лишь чахлая трава.
Здесь помнит обожжённая долина,
как не права война, как не права.

Как до неё здесь вольно птицы пели,
гудели пчёлы в розовых садах,
как плакали над крышами в апреле
всех облаков натруженных стада.

Собачий брёх — обычной жизни голос,
ухоженной земли довольный вид,
и вселюдская трудовая гордость,
как главное признание в любви.

Пуста долина, здесь на каждом метре
могила безымянная бойца.
Из года в год в холодном зимнем ветре
гудит набат — десантников сердца.

ОБЕЛИСКИ

Наполнили весну лесные трели,
был белым пух, как крылья лебедей...
В кострах обезображено горели
альбомы, фотографии людей.

Расправиться пыталось время с прошлым,
перечеркнув простых домов уют.
В огонь войны людские судьбы брошены
в том времени, где силы тьмы встают.

И колокольный звон летит по свету...
Вновь ветер обелиски обласкал:
той, вечной боли рукотворный слепок,
тот, вечный крик сквозь времени оскал.

ЛЮДИ, КАК ПТИЦЫ

Люди, как птицы: во сне — в поднебесье,
и выют свои гнёзда, чтоб жили в них дети.
Уходят, приходят, и всё повторится
на этом безумном и праведном свете,
где люди, как птицы...И, жизнь постигая,
былинною памятью истины помнят,
и, новые строки о жизни слагая,
в них строки наследия верою полнят
те люди, как птицы. И в их ожиданиях,
земных и небесных, такое таится,
что вдосталь хватает тем, кто не летает,
но знает и верит: есть люди, как птицы.

Анатолий АВРУТИН,
Минск

АНАТОЛИЙ ЮРЬЕВИЧ АВРУТИН — поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор 20 поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, 2-томника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Симеона Полоцкого, «Литературный европеец» (Германия), им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Бориса Корнилова «Дорога жизни», всероссийских премий им. А.Чехова, «Белуха» им. Г.Д. Гребеншикова, «Герой нашего времени», годовых премий журналов «Аврора», «Молодая Гвардия» и др. Член редакционных коллегий семи литературных журналов разных стран. На звание «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011г. присвоено звание в созвездии Рака.

Публиковался в литературных изданиях Москвы, Петербурга, в Австрии, Австралии, Болгарии, Германии, США, Чехии, и др. странах.

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал — кроха в два вершка, —
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.

Мне мама Пушкина читала —
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвездно,
Что сказка — это не всерьез,
Мы знали — папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принес.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд...

* * *

Всё смешалось, запуталось и не поймешь,
Где тут правда, где попросту наглая ложь —
Часть худого навета.
И, гляди, о металл заскрежещет металл,
Чтобы новый божок занял весь пьедестал,
Занял здесь, а не где-то...

Плачет небо... Наполнены страхом глаза.
С пьедестала велят: «Затянуть пояса!..
Стали влажными дали.
И уже наверху не верхи, а вершки...
Опустели чуланы... Разбиты горшки
От тоски и печали.

Закрома позабудут, как пахнет овес,
Позабудет дорога про шелест колес,
Ляжет грязной тропею.
А по ней, понимая, что скоро конец,
Оборванцы с прорехами вместо сердец
Побредут к водопою.

Налакаются жижи из сточных канав,
Отрепленно людское нелюдским поправ —

Без волнений и шума.
А когда и рассвет не коснется земли,
Только сиплое эхо в холодной дали
Захохочет угрюмо...

* * *

Взьерошенный ветер к осине приник...
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

На бой не зывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка...
Лишь тополь печаль вытирает со лба
Да птицы воркуют сторожко.

Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

О смерд, погибающий в час роковой, —
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землей,
И голубь взлетал сизокрылый,

Когда он предсмертный выдавливал рык,
И падал... Всё с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

Заброшено поле... Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто всё в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полета —

Туда, где лебяжий предутренный крик,
Где сплет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

* * *

Мы вновь остались с Родиной одни...
Пожалуй, нет решительнее часа,
Чем этот... Монотонно и безгласо
Дрожат-мерцают вещие огни.

Они — страшны в мерцании, — зовут
Туда, где снова сечь на поле хлебном,
Туда, где ни молением, ни молебном
Не изменить напрасный ход минут.

Куда ты, конный?.. Господи, не злись
За то, что ошалел сегодня конный.
Ему скакать сквозь сумрак многотонный,
Растапывая головы и слизь.

Ему спиною пулю целовать,
Ему сползть с коня, шинель роняя...
И будет дотлевать страна родная,
И будет умирать от жажды рать.

Всего глоток, чтоб вялая рука
Вновь обратилась в мощную десницу,
Чтоб, ворогу ломая поясницу,
Встал Пересвет... Но нет ему глотка...

Бессилен он... Напрасно не кляни,
Потомок мой, проигранную сечу.
Всё — божья воля... Богу не перечу...
Но мы остались с Родиной одни...

Она мне и палач, и свет в окне,
Я — часть ее искромсанного тела.
И нету в мире лучшего удела,
Чем с Родиной страдать наедине.

* * *

Если вдруг на чужбину
заставит собратья беда,
запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
томик Блока, Ахматову...

Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объемист багаж,
и что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пестрый галстук, простой карандаш,
томик Блока и Библию —
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...»
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

* * *

Спешите медленнее жить...
Александр Темников

Спешите медленнее жить —
Пока глаза глядят лукаво,
Пока походка величава...
Спешите медленнее жить.

Спешите медленнее жить,
Еще в себе не сомневаясь,
В зрачках любимых отражаясь...
Спешите медленнее жить.

Спешите медленнее жить,
Покуда под ногами тропка,
Пока идетя не торопко —
Спешите медленнее жить.

Спешите медленнее жить,
Пока гнездо под крышей вьется,
Покуда жизнь не оборвется —
Спешите медленнее жить.

* * *

Блажен, кто посетил сей мир...
Федор Тютчев

Пронзило, помню: «Вот кумир!»,
Когда юнцом прочел впервые:
«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...»

Плел рок суровейшую нить
Годов, лишенных совершенства.
Я понял: просто посетить
Сей мир — великое блаженство.

И если ты еще не тлен,
Когда сверкнет над головою,
Успей шепнуть себе: «Блажен...»
И рок нашепчет роковое.

* * *

*И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.*
Александр Блок

Снега или снега? Теней вереницы..
Неузнанной птицы медлительный лёт..
В такие часы — лишь рыдать да молиться,
Но губы не шепчут, слеза не течет.

Неровная стёжка... То кочка, то яма.
И томик под мышкою... В брэнности дней
Я тоже придумал Прекрасную Даму, —
Еще неизвестно, какая чудней.

Как долго до этого строчки молчали,
Душа обмелела до самого дна..
Я тоже послал бы ей розу в бокале,
Но роза моя ей совсем не нужна.

Бокал разобью... Отложу полотенце,
Не помня — родился какого числа?..
Я тоже бы принял чужого младенца,
Когда бы младенца она принесла.

А приняв бы — понял, что время не лечит,
Изранит, а после — кричи не кричи,
Хоть кто-то всё носит мне бледные свечи,
А после до хрипа рыдает в ночи...

* * *

В Россию можно только верить.
Федор Тютчев

Хмур проводник... В одеяле прореха...
Старой любви не зову.
Кто-то в истории, помнится, ехал
Из Петербурга в Москву.

Кучер был хмур... Дребезжала карета.
Лошади хмуро плелись.
Хмуро вливалось тягучее лето
В хмурую русскую высь...

Тысячи раз отрыдала валторна, —
Мир без концов и начал.
Помнится, памятник нерукотворный
Кто-то уже воздвигал.

Нету концов... Позабыты начала.
Прежний отвергнут кумир.
Вспомнишь с трудом две строки про мочало,
Что нам твердил «Мойдодыр»...

Вспомнишь... Под визг тормозов на уклоне
Вытащишь хлеб и вино.
Снова умом ты Россию не понял,
Снова лишь верить дано...

ПУТЬ В РОССИЮ

Есть на земле места,
куда влечёт, как в Мекку.
Какой-то смутный зов
всегда волнует дух.
И, отложив дела,
как вечную помеху,
на север подаюсь,
родной покинув юг.

К вагонному стеклу
прильнула спозаранку.
Под перестук колёс
я взглядом прикоснусь
к заснеженным полям,
церквушкам, полустанкам,
и словно обрету
утраченную Русь.

Неизречима грусть,
ведь никуда не деться,
когда осознаёшь
значение утрат.
Когда на сердце блажь,
дорога не приестся —
для сердца нет границ,
шлагбаумов, преград.

Россия для меня
не стала заграницей.
Здесь родина души,
здесь сердца ренессанс.
И я спешу туда,
чтоб русским зарядиться
и вновь приобрести
забытый резонанс.

Как превозмочь юдоль,
дойти до самой сути?
Ведь тяга к естеству

сильнее всяких пут.
И знаю наперёд,
меня не обессудьте, —
все тропы и пути
к России приведут.

* * *

Запали в душу мне, Россия,
Твои леса, твои поля.
Богатырей не зря растила
Твоя священная земля.

Я душу русскую узнаю,
Шальная удадь в ней и грусть.
С тобой, Россия, я страдаю,
С тобой, Россия, веселюсь.

Когда наступит час проститься,
Возьму с собою навсегда
Звон колокольный над столицей
И шёпот ивы у пруда.

* * *

Мой голос, просоленный
Морскою стихией,
Томится, надломленный,
В тоске по России.

Зову своей родиной
Просторы глубинки,
Где сетью не пройденной
Петляют тропинки.

Там будет калужница
Цвести за низиной,
Мой голос подружится
С тоской журавлиной.

Дождём мою улицу
Заморосило.
Я верю, что сбудется
Мечта о России.

ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Я забуду едва ли
Проплывающий снежный настил —
Это в русские дали
Скорый поезд меня уносил.

Будто хмель эликсира
Я отведала. Бросив дела,
От бездомности сирой
Я на миг оторваться смогла.

Здесь и время, и ритмы
По ускоренным схемам живут.
Не забыть всю палитру
Ощущений, нахлынувших тут.

Как неона сияньем
Ослепил небоскрёбов каскад,
Как морозным дыханьем
Опалил меня Старый Арбат.

После долгой разлуки
От Ордынки легко охмелеть.
Стынут щёки и руки,
И снежинок вокруг круговерть.

Огибая сугробы,
Среди стен монастырских и плит
Замирала я, чтобы
Почувствовать сердца магнит.

И с бездонностью синей,
Ощущая, как в детстве, родство,
Погружаюсь в Россию,
Как в потерянное естество.

РУСЬ

Ещё недавно ты, как монолит,
Была единой, мощной, многоликой.
Сегодня сердце за тебя болит,
Но свято верю — станешь ты Великой.

Я детище твоё, и только ты
Меня по жизни за руку водила,
Учила не бояться темноты
Душой гореть, а не чадить уныло.

Я не сужу покинувших тебя
В тяжёлый час, кто с вызовом, кто тайно.
Пусть их рассудит собственный судья:
Душа — она дана ведь не случайно.

С тобою до конца я буду, Русь.
Вся боль твоя во мне болеть осталась.
Я — русская, и этим я горжусь,
Ведь без тебя бы я не состоялась.

Михаил БОРОВСКИЙ,
Ялта

БУРЯ

Туча с тучей, волна с волною,
Все сошлось среди бела дня.
Снизу — море и сверху море
Нескончаемого дождя.

Вниз гляжу, и становится страшно.
Черным сумраком бездна полна.
Я бурлящую моря чашу
От волнения выпью до дна.

Растворюсь я весь в этой стихии,
Стану пеной на гребне волны,
Искупая грехи людские,
Разобьюсь у подножья скалы.

Миллионами брызг рассыплюсь,
Посреди отступивших туч
В небе радугую раскинусь,
Многоцветием разложусь.

И над всеми семью морями
Неустанно семь дней подряд
Буду с неба семью цветами
Согревать одинокий взгляд.

* * *

На этот берег выброшен мечтою,
Напился горя и не закусил,
В последний раз подхваченный судьбою,
Молю, чтобы хватило сил.

Не выдержу! Сам на себя доносчик,
Сам я себе судья, палач. Судьба –
Единственный и верный Возчик
Везет меня не ведомо куда.

Постой-ка, Возчик, придержи поводья.
Я, кажется, увидел милый взгляд.
Осталась там любимая сегодня.
Нет, не сегодня, — двадцать лет назад.

ЗИМНЕЕ УТРО

Я приду ранним утром к морю
И, спустившись к нему, не спеша
В спящих волнах свой взор умою,
От прохлады едва дыша.
Крикну сонному морю: «Здравствуй!»
И откликнется тотчас вдали
Еще робкий, но очень радостный
Первый луч долгожданной зари.
И с востока, наполнившись светом,
Как легенда о будущем дне,
Устремятся, несомы рассветом
Над светлеющей гладью ко мне
Устремятся, друг с другом споря,
Шеи вытянув, тысячи лебедей...
Свежим ветром и запахом моря
Начинается солнечный день.

Геннадий ВОЛНОХОДЕЦ,
Евпатория

БОНДАРЕНКО ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ (псевд. Геннадий Волноходец) родился в в Киве. После окончания спецшколы-интерната для детей с парализован опорно-двигательного аппарата в 1983 году поступил на филфак КГУ им. Т.Г. Шевченко, который окончил с отличием. Работал внештатным корреспондентом в газетах. В 1989 году создал первый в СССР экспериментальный центр эстетического воспитания детей-инвалидов «Данко». В 1993 году переехал в Санкт-Петербург. Автор 4 сборников поэзии: «Включите, пожалуйста, солнце», «Крещенская молитва», «Эмигрантский вальс», «Седые паруса» и компакт-диска с тем же названием в исполнении народного артиста России Валерия Ивченко и заслуженного артиста России Сергея Бехтерева.

В 2003 основал и возглавил театр «Антреприза им. Екатерины Орловой», в котором играют инвалиды и профессиональные актеры. Театр — лауреат Московского и Киевского фестивалей интеграционных театров.

СЫНОВНЯЯ САГА

Семь лет разлуки — это ли не срок,
Чтоб осознать,
Где дом,
А где чужбина...
Позволь же легким плачущего сына
Морским простором надышаться впрок.
Здесь детство —
Свод болезней и потерь,
Крестила Женщина в просоленной купели.
Не мамы нам над колыбелью пели,
А милосердые рук
В мир открывало дверь.
Томился по кроватям пленный дух,
Настойчивых врачей звучали речи,
А у икон потрескивали свечи
В домах непокорившихся старух.
Они нас отмолили от смертей,
Крестили тайно в трудную дорогу,
Чтоб совесть исповедовалась Богу,
А сердце сохранило смех детей.
Молитвы их вдохнули в нас запас
Святой мечты,

терпенья,

жажды жизни,

Любовь к литературе

и Отчизне —

Как творчества изысканный экстаз!

ДОРОГА ДОМОЙ

Я шел вослед за миражами славы
Тревожить стоном петербургский сон...
Гордыней сцены соблазнил лукавый,
Поставив жизнь на социальный кон...

Я доказал себе, здоровым, инвалидам,
Насколько безграничен человек —
Сердечный зритель, восхищенным видом,
Труды и дни преображал в успех!

Но жечь идеи в домне вдохновенья
Невыносимей с каждою зимой.
Одним держусь, дорогою терпенья
Приду к прибою как к себе домой,

Где с ностальгией любящего сына
Неувядаемой палитрою искусств
Скажу, что земли, севернее Крыма, —
Чужбина тайных замыслов и чувств.

Вернусь в молитве выстраданным словом
И с длинным свитком совершенных дел,
Виной, что не под санаторским кровом
Полвека милосердием болел...

Вернусь сквозь дебри жилистых секретов,
Чтоб сердцем рваться в солнечную высь,
За всех проплакавших о родине поэтов,
Чьи строки после смерти не сбылись.

* * *

Разверстою раной закат над заливом.
А долгую память долги теребят...
И все-таки стыдно прожить несчастливым,
Когда в раннем детстве любили тебя.

Сестра милосердия металась над койкой
Охрипшего чада в туманном жару,
А после к спасенью дрожащею сойкой
Несла в нежном клюве на лютот ветру.

Седой военврач в перемятом халате
Бессонно выхаживал робкий росток,
Чтоб к дате рождения в душевной палате
Сквозь рамы к отцу прорывался сынок...

Лишь этой любовью с морскою закалкой
Полвека вырастаешь в людей и в дела...
Однако грозит бесполезностью жалкой
На каждом подъеме старуха-хула.

Вновь меряешь путь лучезарной работой,
Усталой душою сквозь боль дорожа,
На грани бессилья возвышенной нотой
Бессонно свергаешь всевластье ножа.

МЕДСЕСТРА ТАРГАЯ

Бредешь тайгой,
Морозец щеки метит,
Усталым думам хочется вздремнуть,
Прикованные к гипсовым кроваткам дети
Встающим солнцем озаряют путь.

В смолистом храме благостно молиться,
Всех некрещеных и крещеных имена
Шептать и видеть
Ангельские лица,
Что обошла проклятая война.

Их увезли из Евпатории,
От моря
В туберкулезную сибирскую пургу,
Когда Россия,
Снова с рабством споря,
Шинель надела
На беду врагу!

Войска ослабевают с каждым боем.
У тыла уменьшается паек.
А сын
Другой сестрой
Улыбкою настроен
На сытый день
И театральный слог.

Не разрешают
Даже мимоходом
К сердечным ранам
Дитяtko прижать...
Воспетая
Страдальческим народом,
Для каждого
Ты в лихолетье — Мать!

СЕРЕБРЯНАЯ БОЛЬ

Секрет души саднит
Серебряная боль
В разбитых зеркалах
Снежистого асфальта,
Как хочется сыграть
Лирическую роль
Влюбленного в судьбу
Жуана иль Тибальта.

Оставить снег с дождем
И убежать тайком,
Где просеки спешат
К амурному прибою,
Животворящий бриз
Волшебным колесом
Вращается весь день
С мальчишеской гурьбою!

Возможно, в этот час
Рождается Икар
И буйствует сирень
У праздного курзала!
Невоплощённых снов
Животворящий дар,
И замирает пульс
В преддверии финала.

* * *

Властно волосы вьются
Велением вольного моря,
Их волнующий веер
Скрывает суровый вираж
Гулливеров-событий
На фоне фантомного горя,
На поруки прибоя
Возьми бесприютный кураж.

Вновь поверю — сумею
Уйти от погони кручины
И в прогретом порыве
Вращаться моторным винтом,
Над грохочущей грязью
Воскреснуть всеильным мужчиной,
Чтоб вальяжной походкой,
Как прежде,
Идти напролом...

Татьяна ЗЫКОВА, *Симферополь*

Зыкова Татьяна Константиновна выпускница музыкального факультет Кубанского государственного университета. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей, Ассоциации композиторов Крыма, журналист, автор поэтических книг: «Листья», «Элегия», «Блюз», «От весны до весны», «Сентябрь в Крыму», «Просинь» и автор-исполнитель песен и музыкально-поэтических альбомов. Лауреат Премии АР Крым.

* * *

Среди грозой омытых площадей,
Среди усталых и святых распятий
Я предаюсь привычному занятию:
Ищу высокий смысл
в бессмысленности дней.

Хочу понять причину тех страданий,
Что людям достаются на земле,
И почему, как листьям и звезде,
Дано нам пасть в утробу Мироздания?

За что своих детей карает Бог,
Терзает карма и гнетут болезни?
Быть может, станем мы и лучше, и полезней,
Но для чего? — наш разум не сберёг.

И судьбы — судьи не помилуют людей,
Искать суть жизни — грустное занятие ...
И, помолившись у святых распятий,
Идти в ладони мокрых площадей.

* * *

Вот опять звездопад,
и опять листопад
Сон осенний
в туманы уронит.
И польются дожди,
как всегда, невпопад,
А цветы
свои головы склонят.

Долго ветер летал
в предрассветной глуши,
И сказал мне,
устав от погони:
Что стихи — это как
отпечаток души,
Как прочерченный
путь на ладони.

РОМАНС

Отчего, я не знаю, печаль
Поселилась навечно в груди.
То уснёт, то нагрянет опять,
Как её от себя ни гони.

Сколько волка с руки не корми,
Он всё смотрит на волю и в лес.
Так и сердце поэта: манит
В ту страну, где заря до небес.

Где несбыточно-ярко цветы,
Никогда не увянув, горят.
Где сбываются сердца мечты,
А глаза о любви говорят.

Но страны этой нет на Земле,
В Мирозданье, попробуй, найди...
Оттого, затерявшись во мгле,
Спит печальная тайна в груди.

ЗАЦВЕТУТ БЕРЕГА

Зацветут берега у реки нашей жизни,
И появится свет от далёкой звезды.
Он осветит твой путь от рожденья до тризны,
И захочешь бежать по траве без узды.

Убежать, улететь, утонуть в Поднебесье,
И касаясь слегка белоснежных вершин,
Подпевать всем ветрам их бессмертную песню,
Что дана нам на миг безо всяких причин.

И захочется жить, как цветы и деревья:
Очень мудро и просто: так и дождь моросит...
И тогда оживут старых сказок поверья,
Берега зацветут... если Бог нас простит.

Зацветут берега...

Лиана ПЯТАК,
Харьков

СИМФЕРОПОЛЬ

Город детства — Симферополь —
В снах моих всегда со мной.
Ив семейка, старый тополь
Мне укажут путь домой.

Вот он, двор... Вхожу несмело —
Не была здесь много лет.
Весь асфальт в квадратах белых.
У стены — велосипед.

Тех, кто жил в пятидесятых,
В этом доме больше нет...
И лишь время виновато,
Что иных потерян след.

За скамейку у Салгира,
Чтоб о прошлом не страдать,
Я могла б отдать полмира —
Только некому отдать...

ЕВПАТОРИЙСКАЯ ВЕСНА

Евпаторийская весна
Умыта ясными дождями.
И так торжественна она:
Вся — как букет Прекрасной Даме!

Она — из детских голосов,
Как колокольчики, звенящих.
Здесь будто чаша двух весов,
Где древность — вместе с настоящим.

Евпаторийская весна
В сиянии акварельных красок,
И в хмеле крымского вина,
И в танце разноцветных масок.

И все печали — до одной! —
Здесь исчезают, как ни странно.
Евпаторийскою весной
Больной души лечите раны.

В ЯЛТЕ

Бульвар приморский сразу не отпустит Вас,
Дают собой налюбоваться яхты, —
Как будто сели бабочки-капустницы
На гладь морскую оживлённой Ялты.

Здесь шагом не спешащим, а прогулочным —
До темноты мы все бродить готовы
По ялтинским, в стихах воспетых, улочкам —
По узким и кривым, по длинным — новым.

Скучал здесь Чехов, мёрз зимой отчаянно,
А Лев Толстой сумел воспрянуть духом.
У Ялты есть история печальная:
Её земля для многих стала пухом...
Я думаю, склоняясь над крымской картою,
Что путь морской и пеший не случайно
Лишь тех приводит на свиданье с Ялтою,
Кто страстно любит солнце, море, чаек.

ЕВПАТОРИЯ

С друзьями часто спорю я
(Азартен спор, как спорт!),
Что город Евпатория —

Не только лишь курорт.
Соседствуют религии:
Мечеть и рядом — храм.
И улиц чётки линии —
Не заблудиться нам.

Такая вот история. —
Простая, без затей,
Ведь город Евпатория —
Спасенье для детей.

Болезни всевозможные
Лечить умеют здесь,
На сто забот помножено,
Всё под руками есть.

Лекарство — море Чёрное
И воздух — слаще нет!
А солнце евпаторное —
Как золотой ранет!

Люблю с рожденья море я —
В нём для души простор!
И город Евпатория
Мне дорог до сих пор.

*Подборку подготовила
Тамара Егорова*

Игорь КЛОССОВСКИЙ,
писатель

«О ЧЕМ ШУМЯТ НАРОДНЫЕ ВИТИИ...»

....Лакеи вечные Европы,
Её духовные рабы,
Вы извратили отчий опыт
И предков предали гробы,
По прихоти дурной холопы,
Прислужники чужих затей,
Вы быдлом сделались Европы,
Вы полюбили свист плетей.
Вы предавали Русь стократно,
Чужому - вверившись - уму.
Вас Русь прощала, но обратно
Тянули шею вы к ярму.
Вам Родины милей - чужбина.
И суждено вам потому
Знать волю... только господина
И вечно кланяться ему.....(А.С.Пушкин)

Считаю, что мне в жизни крупно повезло: патриотизм я впитал с генами родителей, которые укрепили его во мне своим жизненным примером. Мой отец до 1917 года работал присяжным поверенным в Сенате Российской империи, чудом не был репрессирован при Сталине, однако в годы гитлеровского нашествия не захотел оставаться на оккупированной территории и под бомбёжками перевёз семью в Дагестан. Когда фашистские войска подошли к Грозному и в сторону нашего аула потянуло дымом горящих нефтепромыслов, отец отправился в Махачкалу, чтобы взять билеты на пароход до Красноводска. К счастью, наши перешли в контрнаступление, и уезжать не пришлось. Мама всю жизнь проработала учительницей русского языка и литературы, получила за свой труд несколько орденов и медалей и была удостоена звания заслуженного учителя Белорусской ССР.

Мне повезло и в том, что после школы я поехал к старшему брату в Ленинград, учился, служил в армии, снова учился и работал. Семь лет я прожил в Пушкине, в том самом Царском селе, где Лицей, дворцы, парки и пруды, где юному поэту стала являться муза. Я часто бродил по тем же аллеям, мимо воспетого Пушкиным фонтана «Девушка с кувшином» («Дева над вечной струей, вечно печальна сидит»)... С той поры для меня по-особенному звучат стихи:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Я понял тогда, что у человека, кроме большой и малой Родины, может быть и духовная Родина, где родилось его призвание.

А эти потрясающие строки:
Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
.....
Без них наш отчий край — пустыня.
Душа — алтарь без божества.

Нежелание гордиться славой своих предков Пушкин считал постыдным малодушием. Высокое предназначение России он видел в исторической жертве, принесённой ею ради спасения европейской цивилизации. Он завещал нам не оглядываться на Запад, идти своим путём, так как «Россия никогда ничего не имела общего с Европой», которая по отношению к нам «всегда была столь же невежественна, как и благодарна».

Гордился поэт и родным языком и вслед за Ломоносовым считал, что русский язык «имеет несомненное преимущество перед европейскими». Спросите у писателей, которые живут на чужбине и вынуждены писать на языке страны проживания, какое место в их жизни занимает родной язык. Многие признаются, что русский не забывают, постоянно к нему обращаются, потому что избавиться от его аромата невозможно.

Современные оппозиционеры не могут простить Пушкину его стихотворение «Клеветникам России». Понятное дело: на воре шапка горит. Сегодня они шумят о том, что Россия, вернув Крым, снова попирает права соседнего государства. Они жалеют крымчан, забывая о том, что многонациональный народ полуострова тоже имеет право выбора. И он его сделал. Доходит до абсурда. Ведущая «Эха Москвы» посочувствовала крымчанам, выстаивающим очереди за... российскими паспортами. Как будто их заставляют это делать под дулами автоматов.

А по-настоящему несчастных жителей Одессы, Луганской и Донецкой областей почему-то не жалко. Объяснить это можно только одним: отработывают проплаченный заказ.

Вспомним, какими вопросами задавался Пушкин, обращаясь к клеветникам:

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

Вы совершенно правы, Александр Сергеевич, нам не ново спорить с Европой и, как теперь принято говорить, с заокеанским партнёром заодно, который с помощью разбросанных по всему миру военных баз, хочет заставить все страны быть «свободными и демократичными». И от побед мы не отвыкли. Блестящим подтверждением тому является бескровное возвращение Крыма на родину. Это наша общая победа. Спасибо Вам, Александр Сергеевич, что Вы были и остаётесь с нами.

Так давайте любить нашу великую Родину, как завещал нам Пушкин, искренне и беззаветно, и тогда, несмотря на истерику клеветников, во всех праведных делах победа будет за нами.

Симферополь

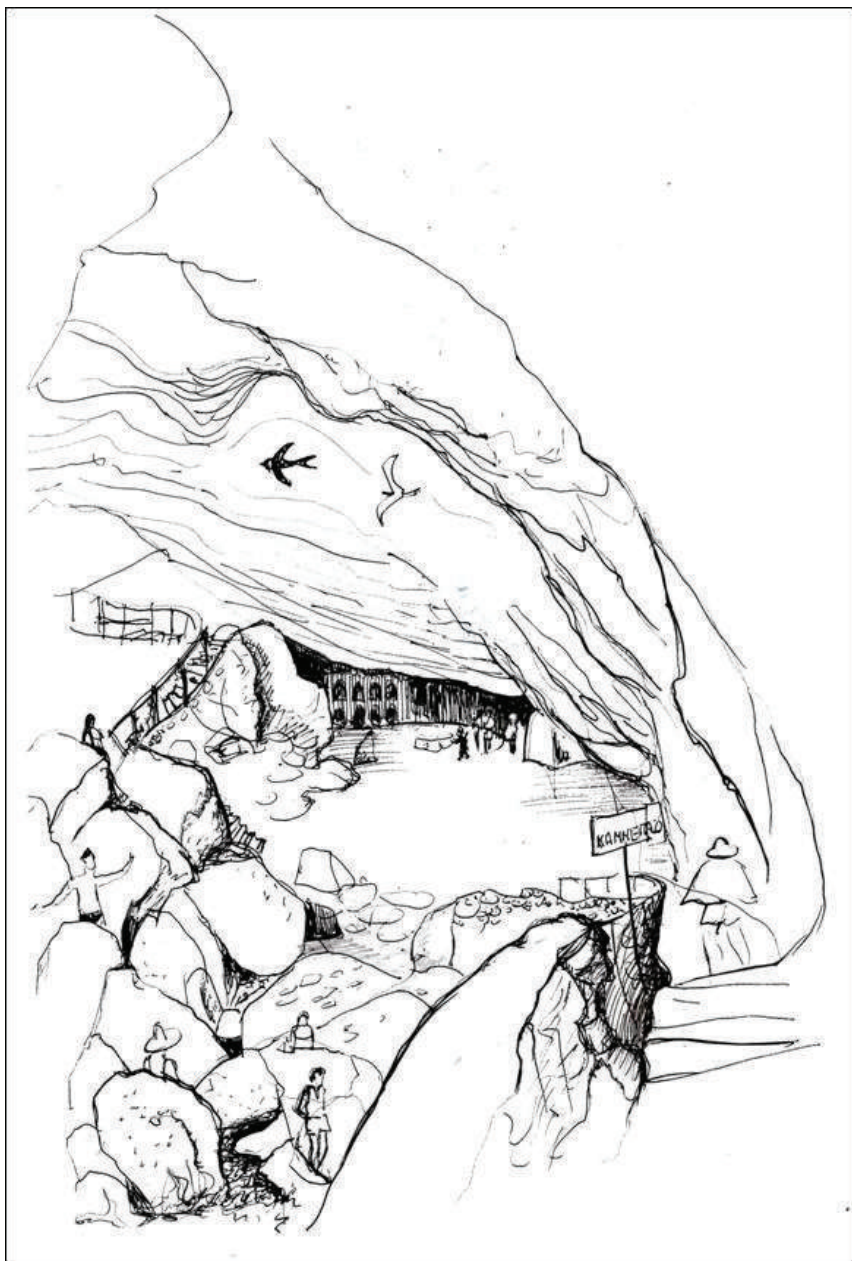

Рисунок евпаторийской художницы,
члена Союза русских, украинских и белорусских писателей РК,
ЛАРИСЫ МАРИЧЕВОЙ

С ноября 2012 года в Крыму активно действует творческий проект «Web-притяжение крымской поэзии и Бардовский видеомост» — онлайн видеообщение между поэтами Крыма и самых разных точек мира. За это время прошло более 20 мостов, в которых приняло участие огромное число поэтов и бардов из более чем 50-ти городов.

Все видеомосты можно увидеть на сайте проекта videomost.org

Предлагаем вашему вниманию подборку поэтов — участников видеомостов. Как крымских, так и удаленных — самых ярких, активных и колоритных. С продолжением.

М. МАТВЕЕВА,
зав. редакцией поэзии

* * *

Евгения БАРАНОВА
Ялта

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭЗИИ

Не покидай меня! Не пробуй!
Не пей, не ройся, не взыщи.
Метафизический Чернобыль
необитаемой души.
Моя поэзия!
Хотя бы
не проходи. Не привечай
дороги-дроги, мысли-крабы
и городов чужих печаль.
И лица лишние, и скатерть
в слезах от кофе с эскимо.
Любимец музыки, певчий катет!
Смотреть и больно, и смешно.
Моя поэзия! Трамвай ли,
от солнышка ли ржавый пёс.
Ты-дух, ты-дым. И осень валит.
И жизнь летит из-под колёс.

НОЯБРЬ В КРЫМУ

Лишь горы позвоночником Земли.
Лишь оттепель, пристёгнутая к лужам.
Никто не свят. И пустота внутри
куда больней, чем пустота снаружи.

Лишь акварель. И сосен корабли.
И крыши, обветшалые некстати.
И что бы ты кому ни говорил,
одной души по-прежнему не хватит.

Один замолк, соседний занемог,
одна бутылка выжата об стену.
Ноябрь в Крыму не то чтобы замок:
он ключник и замок одновременно.

Какая тишь! Хоть ласточкой об лёд.
Размыло дни на стареньком планшете.
Никто не свят. У осени пройдёт.
И ты пройдёшь — как не было на свете.

IN EXILE

Душа моя, душа моя, душист
последний вечер, пахнувший игристым.
Мы так давно не виделись, что лист
стал выглядеть не Ференцем, но Листом.

Мы так давно не виделись, mon cher,
что здесь сменилось несколько прелюдий.
То памятник расколют, то торшер.
То флаги изменяются, то люди.

Мне кажется, я дряхлая швея —
усталость рук, осколок Эрмитажа —
трещит костюм на несколько, а я
его пытаюсь пластырем и сажей,

улыбкой, уговором — сколько бит! —
а за спиной лишь сплетенки да зависть.
Душа моя! душа моя — болит.
И кажется: я больше не справляюсь.

НЕТ ДОРОГИ

Нет дороги длинней, чем дорога назад.
Паруса
обвисают, как кожа на брюхе голодной собаки.
Нет дороги длинней, чем дорога.
Любая.
Ты сам —
порождение слуха, и слухов, и лишней бумаги.

Засыхающий тополь рассказывал сказки корням,
грелся вечер в желе подозрительно чистого солнца.
Нет дороги длинней,
чем дорога по брошенным дням.
Нет дороги родней,
потому что ты памятью сросся

с каждым рейсом,
обилой, плацкартой,
немытой рукой,
с каждой девушкой в тамбуре,
с каждым кондуктором строгим.
Нет дороги длинней, чем дорога назад, дорогой.
Нет дороги длинней, чем дороги, дороги, дороги.

* * *

На миру и жизнь не страшна.
На миру и мира не жаль.
Оплывает сквером луна,
оплывает даром фонарь.

Тишина — священный телок:
разухабил вдребезги грусть.
На миру и день — недалёк.
На миру и смерть — наизусть.

Всех бессонных телом и ртом
укрывает неба калач.
На миру и мёртвый — ведом.
На миру и август — палач.

НОЧНАЯ ПЕСЕНКА ДЛЯ ПРИНЦА

Тает картонный замок в руках рабочих,
Вянут огни, знамёна спадают ниц.
Кто тебе скажет: Гамлет, спокойной ночи.
Кто улыбнётся: доброе утро, принц.
Дания дней и ночное её подобье —
Две стороны шекспирова ремесла.
Славно выходит — днём мастерить надгробье,
Чтобы под ним избежать ночного зла.
Предошущенье: каждый второй — предатель.
Верную птицу рад бы принять на грудь.
Сколько их, пёстрых, выпустил в мир создатель?
С белой под сердцем не умереть — уснуть.
Тронная зала, звери в овечьих шкурах.
Нежное сердце навеки замкнёт броня.
Пару волков моих — серых и вечно хмурых —
Завтра убьют на празднике в честь меня.
Даром дубы сплетают сухие кроны.
Милая мать, поймите, моя тоска
Не оттого, что мне не добыть короны,
А оттого, что вышли за дурака...
Флейта играет тише, волна короче.
Правда для принца нищих всегда одна.
Песня для принца — счастье спокойной ночи
Да на подушке локоны цвета льна.

ЧАЙНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Примета осени — живое упорно тянется к теплу:
Коричным плюшкам в сладкой корке, такой коричневой на вид,
Молочным плошкам, мягким кошкам, шарфам и шалиям шерстяным,
Верблюжьим пледам, берегущим полупустынную жару.
Старухи лезут в кладовые — будить меха унылых шуб.
На книжной полке царский Диккенс ворча смыкает переплёт.
В пруду скандал у стаи уток: одни спешат к чужой стране,
Другие щиплют эмигранток, патриотически шипя.
У ос и бабочек затишье, у малышни сезон потерь,
А бабы-дуры манят лето на огурцы и конфитюр —

Несут тропой из магазина отяжелевшие кульки
И чешут ложками о днища больших прадедовских тазов.
Коты ложатся на капоты, а псы — на трубы теплотрасс.
В негромком солнце искупаться любой прохожий норовит.
Худые дворники сгребают обронзовелую листву
И тщетно жгут — в аллеях парков гуляет только горький дым.
...Так славно — греть о чашку руки, дышать редееющим паркОм
Китайских маленьких жасминов, июльской липовой жары,
Потом прижать к щеке пустую фарфоровую синеву
И кожей снять тепло до капли, чтоб ничего не упустить.

* * *

Перелётные женщины — пленницы октябрей.
В день, когда из Сибири стартуют стаи,
Женщины прячут ключи под коврики у дверей
И улетают в сторону Лимы или Паттайи,
Некоторых мне случалось встречать в Крыму,
Двух или трёх недавно снимали в Риме —
Прыгают по платанам, клюют хурму,
Даже снежинки тают на ярком гриме.
Им не сидится в клетках пустых квартир,
Им не живётся вместе — места свободны.
В сердце у каждой — маленький тёмный тир:
Выбил мишени — больно, промазал — потно.
Их привлекает набережность морей,
Гулкая гладь проспектов, дворов и арок,
Финский бетон развалин, густой кипрей,
Пестрая неизбежность почтовых марок.
Им хорошо на крышах чужих дворцов,
Крылья мешают жить, но мешают падать.
Женщины ненавидят своих отцов
И подбирают гальку в волнах на память.
И не умеют плакать... И ты не плачь.
Буквы от слёз не сдвинутся ни на йоту.
Куклу на полку, книжку в пакет и в плащ —
Время готовиться к новому перелёту

ИЗМОРОЗЬ

Не было печали — пришла зима,
Подарила шубы взамен серёг,
Распихала платья, да в закрома,
Попросила хлеба — а кто сберёг?
Век живём, как птицы — Господь, одень!
Малых, неприкаянных накорми!
Делу лень до вечера. Длится день,
Домовые прячутся за дверьми.
Дурачок на печке, сверчок молчит.
Ставишь богу свечку — и чёрту ставь.
Выйду на крылечко, снежок мельчить.
Выйду босиком, да по следу ржавь.
На лице свинец, по бровям сурьма,
И на шее белые янтари.
Затвори руду, госпожа зима,
Кровь мою горячую утоли.
Упокой до света, а там, глядишь, —
Оттепель несмелая, белый пух.
По ветвям, по крышам Господня тишь...
И её — на части — кнутом — петух!

БАЛЛАДА 14 ДЕКАБРЯ

Зима случилась, господа, такое дело.
Труба сыграла первый снег, толпа редела.
Блестели хмурые штыки, играли кони,
Зима сидела вопреки всему на троне.
Стояли мальчишки, юнцы, князья лица.
Летали птицами гонцы от цели к цели.
Надежда билась на снегу и умирала.
Смотрели пристально отцы и генералы,
Смотрели в мутные зрачки дворцовых окон,
Как собираются войска в тяжелый кокон,
Как царь ведёт свои полки, высок и бледен,
Как вянут красные цветки на пёстром пледе.
...Сколь были искренни мечты, отважны речи...
Толпу подняло на дыбы плевком картечи.
Каре распалось. Каждый сам. Не сном единым —
До Петроградской пять минут пешком по льдинам.
Остались конские следы, штыки и трупы.
В морозном воздухе светло звенели трубы.
Рыдали женщины. Их слёз надолго хватит.

Эпоха вымыслов и грёз в холодной вате
Осталась ёлочной звездой на память детям.
Сказали: небо не коптить — вот мы и светим.
Таким вот искренним юнцам немного надо —
Успеть бы выбраться и стать у стен Сената,
В парадной форме, как один, под знаменАми,
И ждать — кто выйдет из толпы и станет с нами.

Екатерина ТИШЕНКО
Симферополь

НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Саблезубо смеющийся город, точи
когти многоэтажек о купол воздушный.
Старый бог позабыл от квартиры ключи
и заснул под дверьми, ко всему равнодушный.
Он мечтал отдохнуть и — пускай на часок —
перебраться в страну к безлимитному лету,
ощутить под ногами приятный песок,
докурить до конца хоть одну сигарету...
Не положено — должность превыше всего.
Под будильник зари просыпаются краски,
а очнувшийся бог — недовольно и зло —
надевает на город реальные маски.
Люди тратят года, на работу спеша —
планомерных случайностей вечные гости...
За их мир не отдал бы старик ни гроша,
но однажды он мир этот выиграл в кости.

НАВЕДЕНИЕ

Размыт вдали столичный силуэт.
Скамейка. Парк. Повсюду ни души —
Вселенная закрылась на обед.
Колдунья судеб молча ворожит
правдоподобно нереальный день:
не разобрать, во сне ли, наяву
моя очеловеченная тень

впивается в засохшую траву,
и видится, что чёрное бело,
а призраки естественней людей...
Настырный ветер, раненный в крыло,
спешит за стаей диких лебедей.
Не обогнать рождённого летать —
казалось раньше мне, хотя сейчас...
Скамейка. Парк. 12:25
И одиночество, застывшее анфас.

РОЛИ

Кто-то привносит в жизнь постоянный праздник,
щедро делясь избытками позитива.
Хмурые дни беззаботной улыбкой дразнит,
переживая горести молчаливо.

Кто-то привносит пагубную тоскливость,
ворох листвой опавших, осенних жалоб,
злобу на субъективно несправедливость,
тайных обид ядовито-складное жало.

Кто-то кичится знаниями, кто-то — рангом,
оба привносят нечто, вот только что же?
кто-то живёт по принципу бумеранга,
кто-то, подобно змеям, меняет кожу...

Вечно расходятся тропки земного сада,
чтоб пересечься в точке из двух однажды.
Кто-то кому-то будет служить наградой...
Миру, осмелюсь думать, полезен каждый.

ИЗМЕНЕНИЕ

Пятница. Вечер. Огонь в кабинете.
Тени покорно забились под строчки.
Книга читает вас, юная леди.
Самозабвенно. От точки до точки.

Ваши надежды, секреты, ошибки,
страхи, проблемы, бывлые победы
отражены многозначно и гибко
в правдоподобно-зеркальном сюжете.

Без сожалений и без церемоний,
лишних эмоций и местоимений —
книга ведёт по бумажной ладони
чёткие линии из наблюдений.

Не удивляйтесь, прелестная леди,
воспринимайте всё это как данность,
помните, что в беспорядочном свете
мнится действительной каждая странность...

Утро. Суббота. Финал эпопеи.
Сонные лампы, погаснув, остыли.
В обществе книг незаметно мудреют —
вас дочитали и преобразили.

ГЕННАДИЙ ШАЛЮГИН

Ялта

*Вдохновившись современной молодой поэзией,
автор представил свои юношеские стихи
в стилистике, отходящей от
традиционности.*

ТЕОДИЦЕЯ

Игла анализа и вена
Подтекста: прятки в темноте.
Известно, слаще нет утех
Искания иголки в сене.

Находка истинно странна.
Вина — увы — первоначальна:
Была измята до вечанья
Фаты и шёлка целина.

Смешно, но мир устроен так,
Что правды нет, а есть дорога,
Где отпечаток пятки Бога
Мудрец целует и простак.

Что ж, нарисует просто «минус»
В графе, где смысла семена...
Невинность, в сущности, — вина
Того, кто изобрёл невинность.

«ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ» ВАН ГОГА

Ядовито-зелёная ненависть...
Душит злобная, красная ярость...
Господи, смилуйся! Что за сны!
Мокрый волос ко лбу прилип
И свербит под повязкой остаток уха.
Арль беззвучен, бесцветен, бес...
Даже пыль прибита мещанством.
Доктор Рей — он так молод, так чист...
Но в искусстве наивен, бедняга.
Из лечебницы вышел вчера я,
Унося три этюда под мышкой.
Что за серость! Как будто шприцем
Выдавливал краски на ржавый поднос.
Боль ушла, отступила.
А чувство бессмысленной жизни —
Со мною навечно...
Город спит. Или умер.
Однако знобит.
А веранда, смотри, покачнулась...
В мёртвом свете луны
Оживают холмы, оплывают...
А холодные кущи садов
Закипают, как пена прибоя.
Всё замедленно, но беззвучно.
Верно, сон... Или бред?
Или ужас?
Может, вправду небесная темь
Закружилась в мальстреме?
Словно сор городской,
В темной заводи звёзды кружатся.
Или кружится голова?
Гляну в зеркало:
Не стою ли я вниз головою?
Нет, щетина рыжа, как прежде...
Зато
Вдруг зрачок у звезды загорелся.
Как пульсирует свет!

Словно сердце звезды
Бьется в горле на грани разрыва.
Ослепительна вспышка безумья...
Синий шорох плывущих холмов...
Кто там водит нетрезвой рукой
Кистью старого кипариса?
Что за ночь!
Ну, хоть пару мазков
Звонкой охры! Хотя бы подсолнух!
Где же золото зрелых хлебов
Под оранжевым маревом жатвы?!
Нет, ночная палитра ужасна:
Только чёрная сажа холмов,
Только мутная зелень прилива,
Только кобальт озябшего неба...
Зародилась в груди — и растёт,
И пульсирует, и мерцает
Эта звездная боль...
Мысли, мысли болят!
Утопаю во мраке припадка!
Черная, черная птица безумья
Вьёт гнездо в голове!!!
Доктор Рей!
Это ваш отрезвляющий шприц
В небо целит? Ах, нет...
Это шпиль городской колокольни
Колет новые дыры для звёзд
В обезумевшем небосводе...

АДАМ XXI

Я — Адам
Двадцать первого века,
Торжество очищающих глин.
Я один
Из-за спин и столетий
Прозреваю грядущую синь.
Может быть,
У меня на запястье
Немигающий третий глаз...
Я — коллектор,
Хватающий пастью
Дурнопахнущее «сейчас».

Я хватаю
Закисший без счастья
Человекообразный навоз,
Карту зла
Окровавленной масти
Бью тузом освежающих гроз.
Я творю —
Уподобленный Богу
Совершенной души человек, —
Образ озера,
Пьющего воду
Родников и замедленных рек.
Я творю
Обновленное небо —
Ограниченный алмазами свод,
Образ хлеба,
Поправшего голод,
Образ рыб,
Напитавших народ.

Я — Адам
Двадцать первого века,
Демиург и Поэт — говорю:
Совлекая с себя человека
Обветшалою — Я творю!

СОСТОЯНИЕ ПЛЮС 12

Тело,
Не надо входить в раж:
Мир — мираж, ты — экипаж.
Даже любя —
Нечем, увы, описать себя.
Я — здесь.
Микроскопический слой существ,
Плесень Вселенной.
Меж пустотой
И известным твореньем —
Стихотворенье:
Олово слов, варено чувств,
Мистерия уст,
Проговоривших: «Пусть!»
Я простираюсь
В тонкой сфере ума,

Где повышена концентрация
Моего Я.
Пустота порождает
Мираж многоточия,
На которое ныне спрос.
Далее — сброс.

Я был одним из мальчиков
В машинном отделении насоса;
Перекачивая
Из незнаемого в никуда,
Я наблюдал,
Как из «Ничто»
Рождается «Все»,
Вплоть до цикады ада —
Слова «Надо».
Долгое, долгое
Я-а-а-а-а-а-а-а-а-а...
Соло поля лаванды
В разливе лиловой силы
Перпендикулярно
Состоянию
 самадхи ананда
 Джона Лилли.

ТЕОРИЯ ПУСТОТ

Мефистофель: *Достаточно ль знаком ты
с пустотой?*

Фауст: *Дух пустоты, надеюсь, схвачен
мною...*

Гёте «Фауст»

Постель постылая пуста.
Рассвет в застиранной одежде.
Но тихо теплится надежда,
Что загремит рояль в кустах,
Что грянет хор, и величаво
К корыту спустятся орлы,
И эти пошлые углы
Мы обозначим: Берег славы...
Но выйдет все наоборот:
У музыканта съедет крыша,
И убоится кошка мыши,
Познав теорию пустот.

Зыбка завеса бытия,
И скоро гаснет конус света...
Так обессиленному лету
Сентябрь — палач и судия...

КАМЕРА ВИЛЬСОНА

Осень, Алушта и камера Вильсона.
Краткие треки машин.
Мажется море о мол — и двусмысленна
В море соленая синь.

Улиц фиорды покинули гордые
Орды наклеек «турист».
Волны, как панки с чумазыми мордами,
Пляшут насмешливый твист.

Холоден битый бетон. Обесточенный
Город укутан в туман.
Утро фальшиво, как вексель просроченный,
Не обращённый в металл.

В камере Вильсона игры бессмысленны:
Чёт или нечет — распад...
Истины нет. Нарисуем же мысленно
Иноем тронутый сад...

Юлия БАТКИЛИНА
Харьков

РУИНЫ ХРАМОВ

После смерти уходят в объятия белых рек,
В обветшалые капища, полные трын-травы.
Признавайся, что ты беспамятный древний грек,
Вот и хочется то ли выпить, а то ли выть.
После смерти плывут на лодке по темноте,
После смерти успевай вычерпывать темноту,

А которые возвращаются рано — те
Вот как ты — над полынной крепостью на посту.
Только ветер — ладони лёгкие на виски,
Только ветер — уже ни горечи, ни тоски.
Что мешает идти по свету — ему отдай.
Вечно живы такие тленные города...

URBAN

Вот и шкура сменяется, и броня,
Возрастает октановое число.
Постарайся теперь поскорей понять:
Ничего в этих случаях не хранят,
Ничего для памяти, всё на слом,
И добро, и зло.

Невозможно твёрже, нельзя ровней,
Чем стоят подошвы твоих сапог.
И зима приходит, и что-то в ней —
То ли тени злы, то ли нет теней,
То ли белый рок, то ли чёрный смог,
Ничего не впрок.

И щиты работают на износ
И металл блестит, и дымы-дымы.
И ещё чуть-чуть — ни ветров, ни роз.
Так что гибель — мягкий тебе прогноз,
Оступись — и будешь таким, как мы.
Ничего не смыть.

Так иди на север, иди на юг,
Никаких дорог не желай врагу.
Со своими встретишься на краю.
Там своих по ярости узнают.
Но дорога темная. Карты лгут.
Нарисуй свою.

СНЫ О СЕВЕРЕ

Выключи музыку. Панику — пересиль,
Это непросто, но...
Белка бежит по дереву Иггдрасиль,
Небо черным-черно.
Не отводя глаза, на него гляди,
Может быть, ты не Один — но не один.

Видеть и знать — вот это ли не судьба,
Прочее — ерунда.
Полнится шумом бешеный автобан,
Сумерками — вода.
Дышит во мраке море, а в море — змей.
Он замыкает кольца, и ты — посмей.

Смейся, смелей, а большего — не проси.
Большее — до поры.
Ветви полощет дерево Иггдрасиль,
Нижет свои миры.
Тянется ночь длинней, города — темней.
Белка бежит — от веток и до корней.
И ничего из этого, просто так.
Стёкла морозит белая пустота...

О СТРАННОМ ПАРНЕ

Он говорил и смеялся, мол, главное — сметь,
Пускай и в царстве теней.
Он был такой — он заговаривал белую смерть
И становился черней.
Кто с ней поёт, умирает — хотя бы на треть,
И тяжелеет их шаг.
Он был такой, что выходили мы посмотреть
И забывали дышать.
И ничего — эта муть, белесоватый овал
Да под глазами круги.
Он заговаривал гибель, он с ней танцевал,
Освобождая других.
Он говорил, мол, придут — не открывайте окон,
Он нарушал же, наверно, какой-то закон...
Он был и пел — неспроста,
И нам осталось, оста...
А он теперь далеко.

ALT-ТРЮИЗМ

Нам всем — одна дорога — в монастырь.
Нам всем один концлагерь — Валаам.
Из наших черепов растут кресты
Прижизненно. Такое амплуа.

Нас всех — одна богиня — уморит.
Нас всех — один Создатель — погребёт.
Отмучиться спеша, мы входим в скит,
Как в роковую женщину — любовь.

Привыкшие её боготворить
Не знают, как отчистить дух её,
Как душу излечить от чёрных риз —
Грехов, которыми и сам ты упоён.

У нас один лишь бункер — монастырь,
Убежище одно нам — Валаам.
Мы слишком для богинь своих чисты.
От них уберёмся только там.

КАМЕРА ПЫТОК

Браво! Замучила! Честь и хвала!
В камере пыток твоей совершенной
Не было бесчеловечнее сцены
Прежде, чем проклятый твой Валаам!

Сердце своё у тебя я забыл..
Ни сторожей, ни подкожного сейфа.
Только лишь — айсбергов сонные дрейфы,
Только — обугленный лёгочный пыл.

Браво, царица! Сожгла все мосты!
Вам — лучезарный букет фейерверков!
Вам — опустевшая будущим церковь!
Всё, как положено, сделала ты!

Сердце твоё я с собой заберу.
Пусть его споры несут катаклизмы,
Бомба — оно — с часовым механизмом! —
Пусть от него я скорее умру!

Ласточки — бисером, смерти питьё,
Чёрная звёздочка, всё — иже с нею!
Не было камеры пыток роднее! —
Тем восхищённей моё небытьё!

Что прячет чёрная эта звезда?
Что в черноте её нимба сокрыто?
Светлое Прошлое двух инвалидов,
Невоплотимое здесь никогда!

* * *

Автомобиль — бирюлька тоже,
Сверкающий металлолом,
Для обезьянок — Аваллон,
Но для людей — себе дороже.

Что с человечеством — ответствуй! —
Чтоб, страсть к бирюлькам воплотив,
Себя в гробы затиснуть с детства,
От их ослепнув красоты,

И всем рискнуть, в кайф окунув жизнь,
Несясь в заоблачную даль,
К магнитам кладбищ пристегнувшись,
От боли нас с ума сводя?

* * *

Всё небо — мишеней сияющий пазл,
Пустырь, за которым — каверны.
Спешат на расстрел долговязые расы,
Народы поют под фанеру.
На ниточке — смерть, кристаллических радуг
Аркады — слепое цунами.
Народы свои маршируют парады
Убийц, окольцованных нами.
Всё — блудные дщери, все — стервы, все — ведьмы!
В том мире, в котором живу я,
Неужто тебя, моя близкая, Свет мой,
Родимая, не существует?

* * *

Жизнь состоит из радостей,
если в ней разобраться как следует.
Я, к примеру, испытываю счастье,
выезжая на воздух, между Текстильщиками
и Волгоградским проспектом
(на котором никто не выходит,
да и заходят не часто, такая уж станция).
А тут, поглядите, — осень,
листья так и просятся стать гербарием,
а гербарий стоять на моём подоконнике
(«между прочим, вносит нечто...», —
щёлкает пальцами, — «некое...», — улыбается).
Да, я знаю, знаю... но, Вы понимаете, — дети,
они рождаются в мае, а листья желтеют — осенью...
Главное, ждать их обоих. Что же Вы мне ответите
на мою откровенность, которой — не переносите?
Спросите, где меня черти носили? куда и как?
Сколько их было? молоды ли? красивы?
Я покажу инжир Вам, на то и дана рука,
и удалюсь подчёркнуто строго, маша курсивом.

* * *

Поцелуй меня в слёзы, в их пахнущий морем ручей,
в пересолённых капель апрель на январском морозе,
в рыбу их тишины, робким всхлипом вспорхнувшую в чей-
то аквариум песен, которые что? * как ни слёзы.

Поцелуй и прильни, и помедли, забудься, забудь,
что * мы думаем * «всё», а на самом-то деле лишь зримость,
посмотри, что за мёд эта соль в самой впадине губ,
что за дивный алмаз * ведь глаза не напрасно возились!

Поцелуй меня в глубь, в самый солнечный душ переплёт,
в середину раскрытой тетради, чтоб буквы, подтаяв,
объяснились мне в смысле. Целуй же, а муза допьёт
то, что ты не вцелуешь в свой медленный, медленный танец.

* * *

Слабость? Это снег в Ростове
падает, двоясь со стоном
стёклами, беля все стены
лёгкой длящеюся тенью

света. Веток хрупкий остов
кажется ребёнком, взрослым
кажется, что время снегом
вверх плывёт, душою в небо —

смотрит со стола котёнок
вертикалинками тёмных
суженных зрачков, как в волны
чайкой, вороном на войны.

Слабость? Кто-то обескровлен,
крыша сорвана, пол пойман
зайцем снега за лежаньем
досками. Жестянкой ржавой

черпая воды напиться,
пьёшь не ртом, а клювом птицы,
пойманной, как в клетку, в слабость:
где ты, друг мой, да, — когда ты?..

* * *

Я бросаю тебя, как бросают курить,
И последней затяжки всегда не хватает.
Я бросаю тебя, как обычно бросают
Неспособные бросить. Но ты не кори

За подобную низость меня и кого-то,
Кто вот так же не может задачу решить
На деление тел, потому что души.
Потому что он — ты. Потому что ты вот он,

Под рукою, под самой её наготой
Беспощадной ладони — и трогать и гладить —
Потому что нельзя тебя больше. Не надо.
Я бросаю тебя. Три — четыре, готов?

* * *

Папа у тебя граммофон,
мама у тебя графоман,
если спросят, так и скажи,
дескать, граммофон, графоман.

Никогда не ври. Говори
только правду, так, мол, и так,
ничего не сделать, увы,
вот ведь, графоман, граммофон.

А начнут тебя попрекать,
Граммофоныч, тем, кто ты есть,
графомамой всякой дразнить,
граммофазером обзывать,

ты сыграй им, детка, и спой,
отчебучь им степ и галоп,
ай-яй-яй, скажи, ну-ну-ну,
пальцем погрози им и съешь.

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО
Новосибирск

РАЗЛУКА

Я ищу тебя везде — в лабиринтах страсти,
В закоулках ревности, в тупиках обиды...
Знаю, никогда не врут дамы красной масти!
Карты на сукно кладу, как на сердце плиты...

Где-то ищешь ты меня — или забываешь,
Или же ночей не спишь, всё в окошко смотришь...
Носит молнии и гром туча грозовая,
А ты ждёшь то облачко, где одно письмо лишь...

Но я тоже писем жду, от тебя — ни строчки!
Одиночество своё мы тоскою лечим...
Между мною и тобой — лунные клубочки,
Между мною и тобой — ожиданье встречи.

РАЗГОВОР С ДЕВУШКОЙ ИЗ КОТТЕДЖНОГО ПОСЕЛКА

Вы, наверно, «Мисс предместье»?
Добрый вечер! Рад знакомству.
А давайте-ка жить вместе —
Вместе с ранним Маяковским!

«Скрипка и немножко нервно» —
Словно бомба с кулаками...
Богом брошенное небо
Зарастает облаками.

Грех очерепичит крыши,
Дым — очеловечит следом...
Хлопнет дверь, откры-закрывшись —
Подытожит бабье лето.

Восприми-ка, Вероника,
Мой неологизм как данность —
Вспомни, женщина возникла
Из ребрэндинга Адама!

И под взглядами косыми
Я нырну в стихов трущобы,
Где ненастье ненасытно,
Где несчастьям нету счета...

Сохнет в тучах звёздный невод,
С нетерпеньем ждёт заката...
«Скрипка и немножко нервно» —
Сказка языком плаката.

ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ

В субботу закончились деньги и лето.
А где-то тепло, премиальные где-то...

Царапает зеркало ливень осенний.
И нету желающих на воскресение.

В блокноте зачёркнута Галя Сизова.
Уложены брошки на бархат сезона.

Вагоны закрыты. Толпа на перроне.
Хоронят панаму. Купальник хоронят.

В пижаме ли, в тройке — достойно потеем,
Враждуя с находкой, смиряясь с потерей.

Стараются тучи — с утра при параде —
Частицу себя разглядеть в листопаде.

* * *

И вновь, и вновь твой номер занят,
Пьянит, дурманит зуммер-шоу...
Слеза наполнится глазами,
Чтоб в малом разглядеть большое,
И схватишь с полки наугад
Какой-нибудь роман Бальзака,
И вспомнишь, что пять лет назад
Читал его при свете брака.

* * *

У проводов учиться прямоте.
Впитать в себя радушие колодца.
И облака всегда на высоте,
Не знаю, как — им это удаётся.

У муравья учусь смотреть вперёд,
Всё находить блестящим — у сороки.
Уменья жить мне так недостаёт,
Но не беда — мне все дают уроки.

Костер горит желаньем помолчать —
Как глотку драть, когда такой наставник...
Меня рассвет учил рубить сплеча,
Мне пить до дна наказывал «Титаник».

Я по камням скорей спущусь к воде,
Что не спеша научит торопиться.
Учусь всему... И только правоте
Мне не к кому, увы, пойти учиться.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Проопятились пни на полянах,
Закорзинились рынки с утра,
Дом в потухших душистых гирляндах —
Вот и праздновать осень пора...
Мы пройдемся по просеке людной,
Обогнем муравьиный затор.

Где-то будничным редким салютом
С электричкой флиртует костер.
Взмыть, не взмыть —
Лист желтеет в сомненьях,
На решительный шаг не готов...
Вот и осень. Весь погреб в соленьях.
Лето — время червивых грибов.

АВГУСТ

Вдаль струится реченька-река,
Тёплый бережок волной обласкан.
Выставит рябинка напоказ
Красные заплаканные глазки.

Звёзды легче сосчитать вдвоем,
Рыбки друг за дружкой ныряют,
И сердцебиение твоё
Гнезда сновидений разоряет.

Ландышем меня ты назовёшь,
Я тебя — ромашкой полевою.
Для любви — необходимы двое.
В одиночку — только слёзы льёшь.

От терзаний, от сердечных мук
Мне ни днем, ни ночью нет покоя!
Для любви — необходимы двое.
Ненавидят лишь по одному.

Есть мои ошибки, есть твои...
Тропка к речке поросла травой.
Для любви — необходимы двое.
Трое — для возвышенной любви.

* * *

Само в себе не существуя,
ни трат не зная, ни обид,
горит, как след от поцелуя,
тихонько что-то говорит.

Не облако, а полустанок.
Не призрак, а упрямый взгляд.
Воспоминанье — как подарок,
всё ждет, когда его вручат.

Сорвешь шуршащую обёртку,
заглянешь внутрь не дыша...
И вдруг найдёшь себя ребёнком
в зеленых джунглях камыша.

И жизнь летит, как приключенье,
цветное, яркое кино,
и ты летишь, как на качелях,
в слепое будущее, но...

Пусть говорят, что всё проходит,
но не исчезнет никогда
пустая музыка истории,
живая ржавая вода.

* * *

Е.Б.

ходишь с людьми ходишь
каждому что-то скажешь
с каждым поговоришь
так и время проходит
даже время проходит
земля тебя поцелует
вот ты и замолчишь
ты говорил не знаю
многое неизвестно

станет собой пустыня
лес породит туман
клады свои не сыщешь
золота не обнимешь
только грибы и рыбы
лягут к твоим ногам
корень растёт и плачет
камень лежит и верит
воздух стоит и дышит
ходит вокруг вода
ты меня не узнаешь
время пройдёт неслышно
вот растёт земляника
вот растёт лебеда.

* * *

Кривая сумерек уткнулась в темноту.
И лес молчит задумчиво и страшно.
Луна мне говорит: я не приду.
Собака с волком спят обнявшись.

Нет ничего, что здесь могло бы быть.
Крадется время там, по перелеску.
Ночь думает: настало время выть,
и в темноте натягивает леску.

Ты спотыкаешься и падаешь во тьму —
тебя уже не сыщут, не обрящут.
Не вспомнить имени, не сосчитать минут,
ты упакован в тихий тёмный ящик.

Так ночь голодная приходит за тобой.
Она тебя обнимет, не отпустит.
В нее нырнёшь, как в омут, — с головой —
и растворишься в слове «пусто».

Мария МАЛИНОВСКАЯ
Гомель, Беларусь

* * *

Был дом на свете. Есть он и сейчас.
Я под его стеной стояла долго.
К ней мчалась годы — и стояла, мчась,
Летя в оцепенении осколка.

И я стояла под его стеной
Осколком, не умеющим вонзиться
В звонок дверной, в простой звонок дверной,
На остриё глядящий, как зеница.

Был дом... И есть... Завещанный не мне.
Но знала, равнодушно уезжая,
Что жизнь моя стоит в его стене,
А за стеной, а в доме — жизнь чужая.

А за стеной... Что было там? Бог весть...
Дань прошлому — одно из суеверий.
Ведь что бы ни было — оно уже не есть...
И нет меня у отпертой мне двери.

* * *

Принеси попить — и не надо звёзд.
В чудеса твои безоглядно верю.
Принеси попить. Молчалив и прост,
В комнату войди, робко скрипни дверью.

Не являйся мне — чуда не твори,
Просто подойди с неказистой чашкой.
Просто поверни ручку на двери,
Легче чудеса — ручка будет тяжкой.

Обними меня, посмотри, как пью,
Посмотри, как зло... посмотри, как худо...
Просто прикоснись к бабьему тряпью,
К смятым волосам — это будет чудо...

И тогда уйди. Нечего беречь.
Чашку уберу в прочую посуду.
На Земле легко — тяжче после встреч
Дорогих, земных радоваться чуду...

* * *

Страшно быть ребёнком, даже хуже,
Чем в тюрьме — оттуда хоть бегут.
Годы беспросветнее и туже
Самых тяжких, самых крепких пут.

Жутко быть ребёнком, просто дико,
Если бьётся женщина внутри...
Ты не хочешь, ты не слышишь крика —
Ну тогда хотя бы посмотри...

Посмотри, с какой бессильной силой
Рвётся из невыросшей груди!..
Ну прошу, прошу тебя, помилуй,
Страшно быть ребёнком, пощади...

Выпусти безумную, святую!
Что ж ты издеваешься над ней?
Страшно умолять вот так, впусую.
А ребёнком быть ещё страшней.

Почему, скажи мне, почему же
Ты не хочешь, хоть на пять минут?..
Страшно быть ребёнком, даже хуже,
Чем в тюрьме — оттуда хоть бегут.

* * *

Не мешкай же, смелее, жизнь! Иди!
Беги, как девочка, — никто и не узнает...
Не всё ведь оставаться взаперти,
Твой дом лишь там, где он тобой не занят.

Беги, как вор, как лютый зверь, беги,
Беги солдатом на потеху строю —
Когда лишь в отдалении враги.
Чтоб не смущалась, я глаза закрою...

Закрыв глаза, увижу всё равно,
Как пробегаешь... в детском... помню... это ж...
Но нет — во взрослом... помню... и оно —
Уже не платье: миг — и только ветошь...

Увижу всё: от неоткрытых сфер
И брошенных распахнутыми высей —
До тех шальных, блистательных афер,
Что делала из данных Богом миссий...

Не медли, жизнь! Отбывшее — в отбой!
Ступай-ка лучше к моему герою,
К тому зайди, кто был мне всей тобой...
Ступай скорей, а я... глаза закрою.

*Подборку подготовила
поэт Марина МАТВЕЕВА*

Ирина ОБУХОВА,
поэт, психолог Крымского
государственного медицинского
университета им. Георгиевского

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ У А.П. ЧЕХОВА

Психология творчества писателя

Врач, знаток души человеческой, путешественник и чудесный юморист, Чехов так описывал русскую действительность, что до сих пор очаровывает своей недосказанностью, неподвластной пространству и времени.

В 1897 году А.П. Чехов пишет из Ниццы, где получал журнал «Новое время»: «...зачем, зачем Жан Щеглов пишет эти фельетоны? Он увяз, совершенно увяз» (из письма Суворину от 14.12.97). Такое резюме из многолетнего опыта пребывания в высмеивающем жанре автор делает на основе целого списка чувств, пережитых им в 80-е годы. Начав с безобидных шуток, он педантично подмечает пороки общества, но и живёт уже по законам жанра: осторожность, самокритика и более сложное вплетение бытийных мотивов в ткань произведений, обращение к псевдонимам. Природная экономность и скромность в быту проявлялись в использовании языка телеграфных «шифровок»: «вторник дачным Алексея» вместо «приеду во вторник, с дачным поездом, прошу прислать Алексея» (из письма к М.П. Чеховой 11.05.87).

Концентрированность языка — один из секретов чеховской полифоничности: обыватель и литератор, философ и драматург, критик и почитатель — каждый найдёт у автора свой голос для размышлений. Психологическое пространство творчества Антона Павловича — также один из сильных аттракторов: ведь в его рассказах можно легко разглядеть дневник психолога.

О тайном и явном эта сильная личность, мастер подтекста, тончайший психолог писал в «Даме с собачкой», так страстно, что можно говорить и о приоритете этого приёма в стилистике автора.

«...Всё, что было для него (Гурова) важно, интересно, необходимо, происходило *тайно* от других, всё же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался,.. — всё это было *явно*, ...у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существование держится в тайне». Свою любовь к драматургической таинственности, внезапности «инсайта» — озарения — Антон Павлович подтверждает в письме словами: «Каждое действие я оканчиваю, как рассказы: всё действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде. ...Но я всё-таки рад; как ни плоха пьеса, но я создал тип, имеющий литературное значение...» (Письмо Ал. Чехову 12.10.87). Это постоянное удерживание зрителя и читателя в напряжении, этот тип особой — чеховской — психологической миниатюры имеет под собой подводную часть айсберга: его романтизм и поэтичность, возвращённые на сказках с их системой намёков и эзоповым языком. Снаружи — лишь обыденность хмурых людей или комедийность бытовых сценок. Немногим удаётся быть столь зрелым уже в ранних сочинениях: от довольно взрослого обобщения «Что чаще всего встречается в пьесах...» в 1880 до смелой сатиры «Шведской спички» в 1884. И несмотря ни на что, ему так и «...хочется учинить какое-нибудь тру-ла-ла»

Это чеховское «...лучше не досказать, чем пересказать» (в письме Щеглову-Леонтьеву от 22.01.88) и «...кариатура резче и потому понятнее, но лучше не дорисовать, чем замарать» (письмо Суворину от 30.12.88) выглядит не как забота о славе, а о социальной полезности литературы. Но его назидательность редко бывает явной: « ...И если хоть один из слегка и сухо намеченных мною мотивов даст какому-нибудь поэтику случай призадуматься, то и на этом спасибо» — пишет Чехов 12.01.88 г. Д.В. Григоровичу..

Ещё витающий в воздухе романтический дух со своей «вуалью» идей, медленный сход общества к апатии из-за повседневной разочарованности — тоже один плюс в пользу закрытости смысла. «Возбуждение — тот же социализм, где он, либерализм?» — пишет Чехов о неуклонном движении русского дворянства к депрессии, приведшей Россию к революциям и войнам (в письме к Суворину, 30.12.88). Как и сам писатель, испытывавший то чувство вины, то страх, русская интеллигенция ощущала в воздухе трагизм несоответствия устремлений, раскола общества, удалённость свою от национальных первоисточков.

Тайное привлекало писателя сочетанием психологического исследования характеров с недосказанностью, игрой ценностной социальной значимости для героев. «Именины» — рассказ и о праздничном засто-

лье, и о тяжёлом психологическом стрессе, полученном в результате вспыхнувшего чувства ревности. «Страх» — рассказ о боязни перед кем-то и об унижительном раболепии и власти любви. «Чёрный монах» — рассказ не только о мании величия, но и о раздвоении личности, бесполезности корыстной любви.

Понятно, что «так просто человек, по каплям выдавливая из себя раба, проснувшись рано утром, не ощутит, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая» (из письма Суворину от 7.01.89). Чехов показал это в переписке с родными. Здесь он открыт, явно расшифровывает, например, психологию высших евангельских истин брату Николаю. Фактически это художественное предвосхищение *метода биполярных шкал, основанного на применении антонимов*. Такая форма диагностики появилась в начале XX века в психологии. Например, такой шкалой антонимов показана суть выдвигаемых в XX-м веке различных теорий личности (Фрейда, Юнга, Эриксона, Маслоу и др.):

рационализм	3	2	1	0	1	2	3	иррационализм,
свобода	3	2	1	0	1	2	3	детерминизм,
субъективность	3	2	1	0	1	2	3	объективность и т.д.*

Обладая природным чувством меры, Чехов в известном письме в марте 1886года противопоставляет греховность брата семи Добродетелям. Грех и Добродетель — два полюса, по которым каждый тестирует себя в течение всей жизни. А цифрами обозначают в таких шкалах антонимов степень выраженности соответствующего признака в ваших поступках. И чеховская биполярная шкала «Чувство меры, воспитанность» выглядела бы так:

1. *Гордыня* 3 2 1 0 1 2 3 *Смирение:*

«...воспитанные люди «не говорят: меня не понимают, я разменялся на мелкую монету. Это бьёт на дешёвый эффект, пошло, старо, фальшиво..., истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше от выставок. Даже Крылов говорил, что пустую бочку слышнее, чем полную» .

2. *Блуд* 3 2 1 0 1 2 3 *Целомудрие:*

«...Воспитанным людям нужны от женщины не постель, им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не ..., а матерью».

3. *Сребролюбие* 3 2 1 0 1 2 3 *Нелюбостязание:*

«...они уважают чужую собственность, а потому и платят долги».

* Из книги Хъела и Зиглера «Теории личности», изд-во «Питер», 2004.

4. *Чревоугодие* 3 2 1 0 1 2 3 *Воздержание:*

«не трескают походя водку, пьют они, только когда свободны, при случае...Ибо им нужна *mens sana in corpore sano* — здоровый дух в здоровом теле».

5. *Зависть* 3 2 1 0 1 2 3 *Доброжелательность:*

«...они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой за седеющих мать и отца, они ночей не спят, чтобы помогать, платить, одевать близких».

6. *Гнев* 3 2 1 0 1 2 3 *Кротость:*

«...воспитанные люди уважают человеческую личность, и потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя. Они прощают».

7. *Уныние* 3 2 1 0 1 2 3 *Упование:*

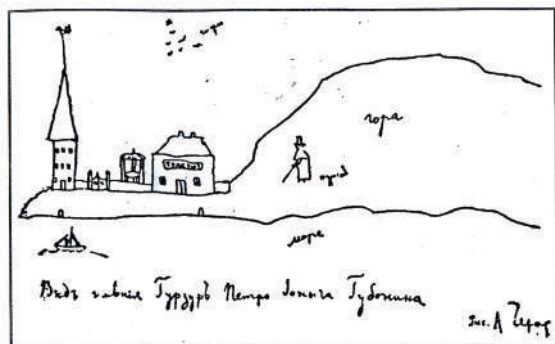
«...они воспитывают эстетику». Здесь Чехов психолог и врач призывает к искусству как мощному средству борьбы с состоянием депрессии, схему которой он даже приводил в письмах.

Таков чеховский пример расшифровки свода законов бытия, а также и предвосхищение появления в психологии метода биполярных шкал.

Многогранность чеховского творчества продолжает открывать в ретроспекции всё новые интересные факты. Пример такого рода исследования относительно личности и творчества Чехова использован в статье д.м.н., члена СП России В.А. Логинова «А.П. Чехов и ретроспективная диагностика». Речь идёт о работе Чехова «От какой болезни умер царь Ирод» (1892), которую В.А. Логинов рассматривает как пример именной диагностики посмертной консультации («Чеховиана. Из века 20 в век 21. Итоги и ожидания». М., Наука, 2007).

Психологические формы исследования личности, ставшие приметой нашего времени в изучении тайного в поведении человека, сейчас всё больше пополняются проективными методами, к которым относятся рисунки. В процессе рисования, также как и в сновидении, испытуемый находится один на один со своим «Я», изображая на бумаге пейзаж из детства. Рисунок даёт беспристрастную оценку мотиваций личности и её скрытых возможностей. Созданный в 50-х годах XX-го века рисуночный тест «Дом, дерево, человек» выявляет основные черты характера, эмоционально-волевую сферу субъекта и его экспектации, ожидания во взаимодействии с социумом. Приведём рисунок Антона Павловича 1884 года, изображавшего в гостях у Гиляровского в Москве «Имение Петра Ионыча Губонина Гурзуф» как схему и поучительное баловство в сторону Левитана: вот, мол, как надо рисовать (в книге А. Головачёвой «Крымская утопия Чехова». Доля, Симферополь,

2007). Представив этот рисунок в качестве теста, получаем следующие результаты:

«Вид имения Гурзуф Петра Ионыча Губонина». Рис. А.П.Чехова. 1884 г.

Отверженность (дом вдали), изоляция (рисунок изображён вдали, перспектива, а также не обрывающийся, подчёркнутый контур, обрамляющий фигуру); незащищённость, субъект в состоянии приспособиться в интерперсональных отношениях (ставни закрыты). Плохая ориентация во времени, доминирование прошлого и будущего,

субъект чувствителен к давлению среды (стена с акцентированным горизонтальным измерением); угроза катастрофы (боковой контур стены слишком тонок и неадекватен); поиск наслаждений в фантазиях (стена с акцентированным вертикальным измерением), мелочность (подписи в рисунке); готовность к контактам; мнительность (карниз крыши продлен за стены), субъект чувствует тяжесть борьбы и недостижимость цели) размещение предметов над центром листа); уныние, отчаяние, чувство вины (руки в карманах), недостаток жизненности (плечи в фигуре человека покатые); чувство малоценности и униженности (очень маленькая фигура с тонким контуром). Сентиментальность (пейзаж), потребность в поддержке (название рисунка), недостаточность стремлений (земля опускается к правому краю рисунка). Обаяние (использование в рисунке линий-петелек).

По темпераменту — флегматичный, уравновешенный, инертный (количество баллов по эмоциональному признаку «замкнутость»), по характеру — педант. Способности, направленность, возможные профессии — *администратор, ювелир, врач, юрист, инженер, научный исследователь*. Способность к групповому взаимодействию — накопитель знаний.

Для сравнения — анализ рисунка А.С. Пушкина 1830 года к трагедии «Каменный гость» из книги «Пушкин в портретах и иллюстрациях» под общей редакцией Д.Благого: высокий интеллект. Ощущение старости (дом старый, развалившийся), отверженность, трудности в стремлении раскрыться (шляпа). Озабоченность взаимодействием со средой (дом без окон). Предчувствие катастрофы (контур боковой стены неуверенный). Колебания в поведении, подозрительность. Плохая личностная организация. Усиленно защитная установка (карниз

крыши выступает над стеной). Мнительность. Акцентирование будущего (большая часть рисунка — на правой стороне листа). Уступки своим слабостям, желаниям, неподдавленный импульс. Мысли о непреодолимости препятствий. Озабоченность силой и властью, откровенное пренебрежение, неподчинение, игнорирование, презрительные установки, тенденция мыслить ироничными социальными стереотипами. Неповоротливость, ригидность. Чувство неадекватности, грубость, чёрствость (штриховка). Задор, энтузиазм, большое любопытство (линия земли приподнимается к правому краю).

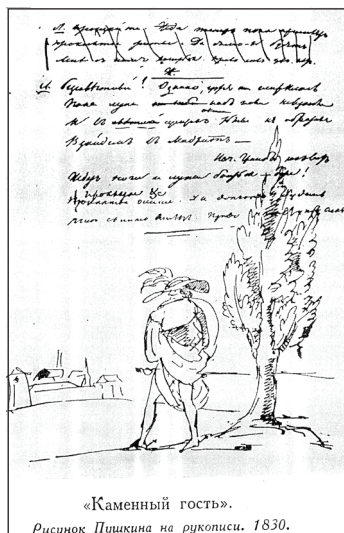
По темпераменту — больше холерик, неуравновешенный, подвижный (большое количество баллов по эмоциональному признаку «склонность к агрессивности и доминированию»), по характеру — демонстративный. Способности, направленность, возможные профессии: *управляющий, режиссёр, писатель, социальный работник, педагог*. Способность к групповому взаимодействию — лидер.

А теперь приведём в баллах сравнительные характеристики некоторых качеств обоих писателей:

	Чехов	Пушкин
Фантазийность —	2	9
Замкнутость —	7	4
Нерешительность —	2	6
Тревожность, тенденция к депрессивности —	4	9
Доминирование, властность, тенденция к агрессивности —	5	11

Немногословность и неторопливость, чувство вины и долга перед родителями у Чехова подтверждаются его автобиографическими документами. Мелочность, экономность, щепетильность были присущи выходцу из мещанской семьи. Предчувствие катастрофы, отверженность, изоляция, недостижимость цели — это смена образа жизни, профессии, поздняя женитьба, постоянная материальная недостаточность, болезнь.

Совершенно другой — сверхподвижный, темпераментный, лидер — А.Пушкин. Его роковая смелость в гениальных высказываниях то по поводу царя, то по поводу архангелов, то в сторону графа Воронцова и других — предопределена его набором личностных качеств. Отсюда

и подозрительность по поводу ожидаемых врагов. Его целеустремлённость и пытливый ум просто читаются в анализе рисунка-теста. Несоглашательство и расчёт только на себя — подтверждают заложенные в нем качества писателя, режиссёра, руководителя. Поэтому самооценка — адекватная, ориентация на будущее в сочетании с текущим моментом, задор и энтузиазм.

Несмотря на то, что оба тестируемые — писатели, их характеристики весьма разнятся. Ведь нет у А. Чехова пушкинского откровенного игнорирования некоторых условностей общества, с которыми сталкивался гений, как нет у Пушкина чувства вины, малоценности, депрессивности, присущих Чехову.

Ещё одну таинственную область человеческой психики — *сновидений* — также раскрывает Антон Павлович историей создания своего рассказа «Чёрный монах». Сновидения способны восстанавливать поисковую активность, они — прямой путь в бессознательное — область хранения наших страхов, тревожностей, неврозов и т.п. Абсолютно каждый человек получает в детстве страхи и самый сильный страх, переживаемый человеком, — это страх рождения.

В письме к Д. Григоровичу по поводу «Сна Карелина» А.П. Чехов пишет о своих ощущениях во время сна, как влияет на него и холод, и разговоры на разные темы перед сном. Чёрный монах явился в коротком дневном сне в июле 1893 года после споров об отражении миражей в пустыне, о смысле жизни.

Весь мир — иллюзия, игра света и тени, наложение порядка и хаоса, истина где-то посередине. И, как утверждал бельгийский учёный-физик И. Пригожин, наша солнечная система есть наложение 2-х галактик, поэтому уместно говорить и о существовании на Земле одновременно и порядка, и хаоса. Не отсюда ли высказывания Чехова, что на этом свете ничего не разберёшь, как когда-то сознался Сократ? О чеховском переживании явления монаха Михаил Чехов пишет: «Антон долго не мог успокоиться, пока, наконец, не написал о нём известный рассказ» — пишет М. Чехов в книге «Вокруг Чехова». Сон Чехова — пример так называемого быстрого, или парадоксального сна с быстрым движением глаз, подёргиванием мышц лица, всегда с элементами страха и кратким списком символов. И чёрный цвет в парадоксальном сне у Чехова-медика мог обозначать нечто неофициальное, неразрешённое («чёрная» аптека, «чёрный» доктор, «чёрный» ход и др.). Сам монах — сплав древних ценностей, желания определённости в жизни Чехова. Писатель изучал психиатрию, и его знания о происхождении страха и неврозов помогли ему стать редким писателем-психологом. Кроме того, «...это желание личностной свободы», вскормленное его общением с цензорами, критикой его обличительных рассказов, Чехов заронил в подсознание как задачу избавиться от своей всеобъемлющей тревожности.

И поэтому в период от сна в июле до написания рассказа в сентя-

бре 1893 года — уникальная личность Чехова прибегает к трём видам психологической защиты: вытеснению, сублимации и проекции.

Вытеснение в сновидении — это маскировка истинного содержания ложной яркостью второстепенных образов. Страхи, полученные в детстве каждым из нас, могут быть в качестве защиты сознания вытеснены в бессознательное, образуя почву для невротического поведения, комплексов и различного рода вопросов. У Чехова это любовь и знание. «Любовь. Или это остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьётся в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, даёт гораздо меньше, чем ждешь», — пишет автор в Записной книжке (по книге «Крымская утопия Чехова»).

И чёрный монах, в нарушение всех физических и оптических законов, уменьшается с приближением, а увеличивается с удалением. Второй вопрос, волновавший Чехова — о смысле жизни и знании, о котором в итоге почему-то говорят: знаю, что ничего не знаю. Любовь и знание как два полушария: правое, сфера эмоционального и левое, сфера интеллектуального. Они предполагают иметь между собой гармонию-истину: чрезмерность ведёт либо к Богу, либо к стадности. Истину же писатель предлагает поискать «майевтикой» Сократа — в самопознании собственного незнания каждого из нас. Либо у Диогена, проповедовавшего упразднение брака, или в этике Марка Аврелия — в нравственном совершенствовании, в познании мира, счастье в бескорыстной любви к ближнему — таковы их характеристики в «Словаре античности» («Прогресс», М., 1989). И собственную *ментальность* на брак, очевидно, больше склоняющуюся к позиции Диогена, автор не случайно проводит в рассказе перед важным событием в жизни героя — созданием семьи.

Сублимация — самый адекватный механизм защиты, процесс преобразования энергии влечения области бессознательного в энергию социально ценную. Юношеский страх, появившийся после критики рассказов, Чехов сублимировал в своём сне, сделав уникальное волевое усилие — выведение страха из бессознательного в область предсознательного. И затем — *проекция* атрибутивная — третий механизм защиты — приписывание собственных мотивов, чувств, черт характера и поступков другим людям.

Так, Чехов избавляется от мешающих комплексов, сформированных юношескими страхами, с помощью 3-х защитных механизмов, обеспечив себе расчищенный катарсисом путь для создания новых шедевров. В этом сложном психологическом процессе психика автора во сне прибегает к приёму «клин клином» — «приснился страшный сон». Преобразованному исцелению способствовало общение с прекрасным: предшествующие сну писателя и героя рассказа божественные звуки романа и ароматы цветов, создавшие почву для самого возникновения сна. Это ещё один намёк, что красота и величие музыки и природы есть средство для релаксации и достижения личностной свободы.

Купив участок в Ялте, Чехов тщательно изучал свойства растений и их ароматы. Посадки свои Антон Павлович делал и как эстет, и как доктор, зная о пользе фитонцидов — природных антибиотиков растений.

Запахи, виды... — кто знает, может, именно они и являются вдохновителями и соавторами чеховских произведений, названных позже шедеврами. К тому же, нет ничего сильнее психологической ассоциации, рождённой ароматом, — так мы устроены. Об обонянии писал Чехов в одном из своих писем как об органе, до сих пор до конца не изученном, и имеющем «непонятную связь с половой сферой», хотя и до сих пор обоняние остаётся не изученным до конца. А.П. Чехов очень любил описывать запахи и, работая над «Степью», чувствовал, «что есть места, которые пахнут сеном, летом и степью. Хорошо бы туда поехать!»

«Пачулями пахнет» в 1-м акте «Вишнёвого сада» — это не просто травой семейства яснотковых, которую впервые ввели в мир парижанки XVIII-го века. Их целью было противопоставить ноту замшелости дорогой древесины в пачули — сладким цветочным ароматам XVII века, изрядно надоевшим к тому времени. Ароматы тогда использовались только ради пропитки кожаных будуаров французской знати. Антон Павлович, побывавший во Франции, изучил вкусы и модные пристрастия французов, русской эмиграции и, возможно, вложил в эти слова Гаева большой подтекст. В этих словах — и прошлое героев и пророческое будущее. Кажется странной очерёдность слов «*Лопахин*: Время, говорю, идёт. *Гаев*: А здесь пачулями пахнет». Пачули — противовес времени, идущему вперёд, здесь оно остановилось и тянет назад. Этот разговор в детской, которая должна быть наполнена больше сказочными словами «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», вдруг делает поворот, «дуплет в угол», в сторону французских образов и вообще-то не слишком симпатичных автору пачулей. И не раз в пьесе этим «а» Чехов противопоставляет направление движения: Лопахину — в одну, а Варе — в другую сторону в 4-м действии. Чеховские наблюдения за праздными барынями из «*Pansion de Russe*» в Ницце приводят его благородную натуру к чувству вины перед Родиной: «...я боюсь походить на них, и лечиться, как лечимся здесь мы (т.е. я и эти барыни), — это препротивный эгоизм». Не там ли подсмотрен образ другой русской барыни, доброй, чувственной и печальщейся о своём прошлом: «Ах, если бы я могла забыть своё прошлое...» — говорит Раневская на фоне всё более пустеющего дома перед отъездом снова в Париж, «...натура честная и прямая, как большинство образованных дворян. Определённое *чувство вины* — это чувство русское. Русский человек... Всегда чувствует себя виноватым». Оно является основой для развития глубокой психологической депрессии, которую Чехов описывает в письмах графически — движение по наклонной, но с периодами возбуждений. Преклонение перед всем иностранным, вставки французского не только не характерны для Чехова. Об отданной на «посмеяние французам

«Грозе» Островского» он пишет как о возможности посудачить: «Я бы всех этих господ переводчиков сослал в Сибирь за непатриотизм и легкомыслие».

Восхищённость в словах Гаева «многоуважаемым» 100-летним шкафом, олицетворением книжных знаний, только кажется нарочитой. Из всех героев пьесы они пригодились лишь ему — с продажей имени только целившийся «в дулет и круазет» получил место в банке. Остальные же персонажи — предположительно, либо споткнувшись о лестницы великих мечтаний, как Трофимов, либо, вернувшись из-за границы, как плут Яша, ступят не только на край сцены, но во весь свой мужицкий сапог — на землю Вишнёвого сада — России.

В *семантике* аромата пачулей, противопоставленного автором всему русскому, проявилось эстетическое кредо автора — чеховское оттягивание наступления катарсиса у зрителя: только что приехавшая из Парижа Раневская привезла с собой не только духи, но и *дух* Парижа. Возникает образ-связка: город шансона, парфюма, любви и моды, этот «праздник, который всегда с тобой», требующий денег вчера, сегодня и всегда. Выстраивается *синонимично-логическая цепочка*: «пачулями пахнет» — значит Парижем — праздником — тратой денег — растратой — продажей недвижимости — вырубкой Сада пахнет. В предполагаемом эпилоге спектакля вполне уместен был бы запах пачули как *сема* и психологическая связка первого действия с финалом, своеобразная *арка «пролог-эпилог»* пьесы. Соответствующая интонация «целеустремлённого» ясновидящего Гаева в первом акте логически была бы также оправдана.

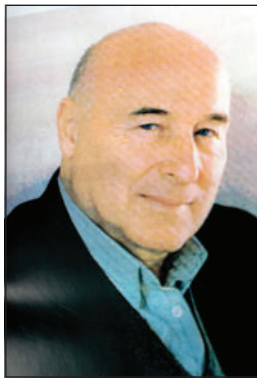
Таким образом, мастер *тайного* и *явного* предоставил возможность читателю и создать пролог из информационного ядра «пачули», и предположить о дальнейшем развитии пьесы. Эстетическое кредо Чехова-пророка, открывшего через мир обычного человека психологические сложности общества в целом, проявилось в «Вишнёвом саду» в шифровке незримого, но весомого знака — аромата. *Сема* запах пачулей является тем якорем, который оставляет в памяти читателя источник для размышлений о разбросанности русской интеллигенции и лакейского преклонения перед иностранщиной вместо деятельной сплочённости общества на благо Родины. Актуальность этого тезиса остаётся острой и в наши *непростые времена...*

Врач, знаток души человеческой, путешественник и чудесный юморист, Чехов так описывал русскую действительность, что до сих пор очаровывает всех своей недосказанностью, неподвластной ни *про- странству*, ни *времени*.

Симферополь

Два отзыва о книге Николая Северного «Дороги романтиков»

СОМОВ ЛЕОНИД АРКАДЬЕВИЧ — севастопольский журналист, писатель-эссеист, литературовед. Заместитель главного редактора газеты «Слава Севастополя». Выпускник Уральского госуниверситета, журналист с 40-летним стажем. Автор книг и публикаций по истории и краеведению, исследований и эссе о выдающихся деятелях литературы и искусства. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Лауреат литературной премии им. Л.Н. Толстого и Большой золотой юбилейной Пушкинской медали (Россия).

Леонид СОМОВ

ОБНЯТЬ ВСЬ МИР...

Сугубо своими, дарованными Провидением путями трепетного служения флотскому братству, с осознанием незыблемости высокого нравственного закона в душе идут по жизни главные герои Николая Северного (это псевдоним талантливого севастопольского прозаика **Николая Маслова**), издавшего в 2012 году венок повестей «Дороги романтиков».

...В предисловии к знаменитым «Поющим в терновнике» К. Маккалоу идет рассказ о птице, которая поет лишь раз в жизни. В «момент истины» — на полете к терновнику, она, не щадя себя, выбирает самый длинный и самый острый шип, который, даже не дрогнув, пронзает ее сердечко насквозь. И в этот миг птица исторгает в предсмертных муках несравненную песнь... Главный тезис притчи: все прекрасное в подлунном мире покупается ценою жизни через великие страдания...

Николай Северный в повестях «Романтики», «Честь имею...», в фантастической новелле «Последний полет штурмана Горна» и в рассказе «Лунная соната» наделяет своих ведущих персонажей, сызмальства бросивших вызов гиподинамии, неистребимой жаждой полноценной, беспокойной жизни во имя достижения светлых идеалов. Его

герои стремятся хотя бы дотронуться до своей мечты и спеть главную, но отнюдь не лебединую песню, ибо хорошо осознают цену Жизни.

...Кому не взгрустнется хотя бы на миг от сопричастности к печальной мелодии, струящейся между строк новелл «Темных аллей» Ивана Бунина? Эдакая кристальная ностальгическая тоска по ушедшей юности, трогательный гимн чистой, полной романтики, но, увы, уже растаявшей любви...

Нечто подобное испытываешь, листая страницу за страницей исповедальных повестей Николая Северного.

Но начнем с рассказа. Несомненно, все, о чем пишет автор, сугубо автобиографично. В том числе и «страдания молодого Вертера» — зеленого голландца-новобранца выпечки середины 50-х годов прошлого века, курсанта ВВМиУ в Севастополе Николая Матвеева. Он попадает по назначению на практику — на маленький, но верткий «охотник». Чередой перед читателем проходят типажы флотских «паханов»: вездесущего, вечно насупленного боцмана, капитана корабля, «сатрапа» Хабиуллина и главстаршины Алексеева, отменного флотского спеца и вечного опекуна салажат вроде Коли...

Развязка этого сюжета идет «нога в ногу» с нарастанием пика свирепости его величества Ветра, образ которого доминирует в повествовании по мере усиления мощи морского шторма, захватившего в ледяные тенета «скорлупку», как называет автор тот корабль, где довелось буквально вымучивать подвахту неоперенному гардемарину...

Ему, с трудом дотащившемуся с палубы в кубрик, как говорят, «на полусогнутых», к самому горлу физически подступает ужасное осознание возможной скорой гибели в морской пучине. Парень замирает, свернувшись в калачик, запутавшись в цепях страха... И тут в тесное помещение каюты как-то буднично и спокойно вливается из динамика голос московского диктора, неспешно повествующего о необыкновенной жизни Великого Глухого — Бетховена. И как бы где-то рядом, чуть ли не за перегородкой, ненавязчиво возникают первые, пока слегка декларативные, как бы приспособливающиеся к непривычной аудитории живые, трепетные, волнующие октавы «Лунной сонаты». И, радостно приняв их в свой сумрачный мир, обьятый ужасом, Николай тут же

Николай СЕВЕРНЫЙ
Дороги романтика

ощущает в душе неуклонно нарастающее, мощное, умиротворяющее, нет, не дуновение, а как бы стеною встающее чувство «Великого Противостояния», как некогда это же самое обозначил в своей повести Лев Кассиль... Противостояние тому ужасающе могучему штормовому ветру, готовому зашвырнуть «охотника» в разверстое жерло осатаневшей морской стихии.

...«Лунная соната» волшебным образом утихомирила свинцовые, злобно встающие на дыбы волны, терзающие Колькин кораблик, и, в конце концов, «стреножила» их. Разумеется, в сердце и в сознании Николая, который выходит наконец-то из оцепенения, освобождается из клещей липкого страха, окончательно уверовавши в победу лучезарной гармонии матери-Природы. И это было сдачей его первого экзамена на зрелость...

Повесть «Романтики», кажется, имеет типичный зачин и вполне узнаваемый сюжет. Молодой человек, полный сил и надежд, чей кумир — пионер Арктики Фритьоф Нансен, случайно оказывается рядом с попутчицей Наташей на теплоходе «Колхида», идущем в Севастополь...

Начало 60-х... Детям войны, которым довелось жить уже полноценной взрослой жизнью в те годы, хорошо памятна атмосфера неведомого аромата неизвестного дотоле цветка, который называется Свободой, давно раскрывшей крылья на Западе. И многие из нас, живущих тогда в СССР, уже начинали поиски своей высшей свободы, своего выстраданного закона, который оправдывал бы личную оригинальность...

Именно таково мироощущение героя повести «Романтики». Он и его спутница Наташа, отворив друг другу тайники сердца, теряют чувство времени, не замечают, как их судно ошвартовывается у севастопольского причала. Они с упоением находят в тысячах мелочей их личных жизней теперь уже радостное на двоих, такое общее начало, которое восхищает и порождает зябкую боязнь потери...

Девушка ведет своего нового знакомого по десятку улиц и закоулочков Севастополя, и читатель с удовольствием отмечает сегодняшние перемены в их порой навскидку и неуловимых для сравнения очертаниях... Кажется, вот-вот грянет финал фортепианной пьесы Дебюсси «Лунный свет» — и сердца влюбленных сольются в откровенном признании, в стремлении теперь идти по жизни вместе... Но автор неожиданно оставляет нас в раздумье на предпоследней странице открытой книги: влюбленные расстаются...

И что далее? Куда нам плыть? Что домысливать? Кто-то все-таки свернет на «Темные аллеи», а кто-то может так и остаться один на один с собой, как тот гумилевский конквистадор, который в конце концов «дерзко и спокойно» предложит Смерти «поиграть в изломанные кости». Такой вот авторский финт...

В повести «Честь имею...» мы окунаемся в атмосферу грозных

«переменчивых» 90-х, в общество, которое фатально никак не может похвастать профессиональным институтом демократии, а потому государство — не корабль, а лодка, которую раскачать ничего не стоит...

Случайная встреча героев повести выводит их на взволнованный диалог о судьбах России, о путях и путах уже бывших союзных республик, наконец о судьбе Севастополя. Им, возвращенным на излете формирования последнего советского поколения бессребреников и романтиков, жутко осознавать, как рушится на их глазах вместе с авторитетом Компартии и многое из того, что служило фундаментом общечеловеческих ценностей. У них мерзко на душе, когда они наблюдают, что все лучшие дороги в городах страны ведут ко дворцу мэра. Они не в силах что-то серьезно изменить, видя, как макиавеллево племя «кремлевских неомечтателей» цинично опускает Россию в коричневую канаву эпохи «развитого феодализма» с патетикой беспредельщиков, высиживающих свое сытое будущее на яйцах Фаберже, — новоявленных нуворишей и нуворишек... И герои Николая Северного, с ощущением пассажиров лифта, сорвавшегося «с катушек», вдруг осознают, что трансплантация совести, как и трезвости у нас, увы, невозможна!

И все же на этой, круто политизированной волне повествования, опять же с нежностью и неизменным преклонением перед ведущей жрицей Любви — Женщиной, автор поднимает на пьедестал чистые, благородные отношения людей, решивших из всего первостепенного, что находится уже на грани уничтожения, взять под защиту главное — Любовь...

«Последний полет штурмана Горна»... Невольно возникает ассоциация с «огнедышащим» мысом Горн, где издревле держат суровый экзамен на стойкость в борьбе с вечно ревущими волнами — «горгонами океана» — мореходы всех времен и народов. И автор, как мне кажется, вполне намеренно именно так назвал главного героя фантастической повести.

...Преодолев толщу восьми столетий, устремленных к концу третьего тысячелетия нашей эры, Николай Северный виртуалит читателя в своей фантастической повести на плато неведомой планеты из созвездия Северная Корона... Человечество давно уже забыло, что это такое — поднимать на Земле заоблачные цены на все, что необходимо для нормального бытия людей, что колонизировало сотни уголков Вселенной, где возможна жизнь. Однако на фоне совершенно изменившихся условий существования человека Земли, невероятно расширившихся возможностей сохранить людям молодость и не думать больше с тоской о завтрашнем дне, единственное что только не претерпело никаких метаморфоз... это, как и тысячи лет назад, — чувства: страсть, горечь разлуки, измена, радость обретения близкого человека, и, наконец, светлая, неизбывная печаль-тоска по расставшемуся с жизнью любимому. Все это никогда, по мнению автора, не уйдет от нас, и нет смысла открывать Америку...

Напоследок вспомним такую вот сентенцию автора, самого Николая Северного: «Всю жизнь мы движемся к своей заветной и труднодостижимой цели. Но когда приходит твой черед, понимаешь, что она в тебе самом. И незачем искать ее где-то вдали от родных мест...».

...Заблудился в небе — что делать? Тот, кто задавал себе этот вопрос, ответьте! Осип Мандельштам мучительно терзался этим вопросом. Очевидно, Николай Северный, оказался почти рядом с истиной, потому, видимо, призвал следовать совету бессмертного Поэта:

...Но ты иди вперед, не отступая,
Дорогой одиноких и отважных!

...И еще, мне кажется, здесь уместно вспомнить и «опереться» на слова первого «космонавта» от философии Иммануила Канта: «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас»...

Севастополь

ШУЛЬМАН ГЕОРГИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ — ученый-гидробиолог, главный научный сотрудник Института биологии южных морей НАН Украины в Севастополе, доктор наук, профессор. Член-корреспондент НАНУ.

Автор книг «На траверзе — Дакар», «Путешествие в синюю страну», «Зыбкими дорогами планеты», поэтического сборника «Миндаль зацвел», книги переводов англоязычной поэзии, а также десяти научных монографий, в том числе в зарубежных изданиях. Награжден Почетной медалью Американского Географического института.

Георгий ШУЛЬМАН

ВЕРНОСТЬ МЕЧТЕ

Невольно вздрагиваю и отворачиваюсь при виде билбордов у книжных магазинов: «Читать модно!». Эту пошлую фразу придумали «зазывалы», чтобы как-то завлечь «самую читающую (в недавнем прошлом) публику в мире» в опустевшие храмы духовного интеллекта, все равно что написать: «Быть умным модно» или «Быть честным модно». И вспоминаются слова незабвенного Владимира Высоцкого: «Значит, нужные книги ты в детстве читал».

Размышляю об этом, держа в руках недавно вышедшую книгу Николая Северного «Дороги романтиков». Как не похожа она на макулатурное чтиво, захлестнувшее прилавки книжных магазинов. Напротив, прочитав сборник, невольно вспомнил глубокие благородные кинофильмы прошлых лет, как отечественные, так и зарубежные, отнюдь не сопоставимые с иными нынешними «шедеврами», живописующими секс, убийства, драки и поножовщину. Изумительно образный, точный и яркий язык повестей Н. Северного, вошедших в эту книгу, емкая насыщенность повествования, благородный настрой автора, затрагивающий самые сокровенные духовные и душевные струны читателя, — как недостает сегодня читателям подобных художественных произведений о современности! Прошу простить меня за субъективность, но читая эту книгу, я невольно вспоминал творчество Ивана Бунина, столь тронувшего меня той щемящей болью, с какой писатель обращался к Прошлому.

На мой взгляд, в книге особняком стоит повесть «Последний полет штурмана Горна», занимающая почти половину ее объема, сам автор назвал ее научно-фантастической: и в самом деле, сюжет обращен к весьма далекому Миру, в которых, возможно, будет жить Человек с Большой буквы, вобравший в себя лучшее и из нашего Времени. Автор дерзнул футурологическим взглядом проследить возможный путь продвижения человеческой цивилизации в космос и заглянуть в духовный мир человека будущего. Повесть сконцентрировала в себе основные, должно быть, наиболее важные по замыслу писателя идеи всех включенных в книгу произведений: подвиг во имя мечты, прославление человеческого мужества, доброты и непобедимой силы настоящей любви.

В полемический противовес современной фантастике, рисующей мрачные картины гибели цивилизации, кошмары Апокалипсиса, Николай Северный выносит на суд читателя свой оптимистический прогноз будущего Человечества. Он не приемлет фатальной идеи самоубийства земной цивилизации: человеческое общество в описываемое им время уже прочно вошло в эпоху созидания и устойчивого поступательного развития. И автор в соответствии со своими убеждениями выдвигает гипотезу космического существования и развития нашей и вообще — разумной Цивилизации.

Принципиальной особенностью, отличающей произведение Н. Северного от многих образцов бытующей современной фантастики, особенно западной, является то, что ни в течении событий, ни в действии всей истории повести нет никаких «звездных» войн, никаких космических гангстеров, враждующих сторон и враждебных замыслов. На первый взгляд, космическая тема произведения позволяет автору легко сойти в банальную и широко накатанную колею сюжетного действия, столь облюбованную нынешними апологетами этого жанра литературы, и населить повесть разудалыми рыцарями больших звездных дорог

и неустрашимыми слугами закона. Однако напротив — он сознательно уходит от набивших оскомину сюжетных штампов и вводит читателя в мир гармоничного общества будущего, в мир достойных человеческих отношений и сложных, порой драматических людских судеб. Своим повествованием, всем ходом утверждаемого грядущего землян Николай Северный провозглашает веру в торжество общественного разума на Земле. В этом проявляется его принципиальная авторская позиция и в этом состоит несомненное достоинство повести, ее гуманистическое начало.

В «Последнем полете штурмана Горна» весьма органично затрагиваются философские вопросы естествознания, проблемы времени и пространства во Вселенной. Автор как бы предлагает дискуссионную тему о путях развития человеческой цивилизации, о ее праве на завоевание места в общекосмическом процессе и возможностях перехода в категорию явления космического масштаба. Н.Северный выступает со смелым предположением, что земная цивилизация, следуя по пути необывалого прогресса, при успешном развитии науки и технологий, может устремиться к достижению физического бессмертия. При этом он не принимает в качестве бесспорного утверждение Энгельса о неизбежной гибели всякой цивилизации и предполагает вероятность превращения Разума в равноправный элемент развития Вселенной. Размышляя о судьбах людей будущего, автор не обходит наиболее сложных и волнующих тем бытия, раздумий о смысле и ценности человеческой жизни, вечных вопросов жизни и смерти.

Но научная фантастика — лишь фон повествования, художественный прием, позволяющий автору выразить свою веру в грядущий приход эпохи гармонии и доброты, в победу человеческого духа, красоты и чистоты отношений, которые должны быть между мужчиной и женщиной. На наш взгляд, автору, несомненно, удалась лирическая сторона повести, волнующая и проникновенная. В образах своих героев, космонавтов и землян, Н.Северный представил живые и впечатляющие характеры людей того времени, поколения, обремененного огромным массивом научных и технических знаний, сложными профессиональными задачами и огромной ответственностью. Сумел ярко и убедительно показать их жизненные устремления, помыслы и надежды, стойкость духа в серьезных испытаниях и верность путеводной мечте, горячей и неистребимой. На примере их жизни он утверждает, что в веках сохраняются и святы человеческие чувства, и неустанные поиски жизненного счастья. Автор не побоялся поведать о беззаветном и великом чувстве людей будущей эпохи. Они предстают перед нами не как боги и не как ходульные умозрительные схемы, а как живые, зримые образы людей из плоти и крови с их характерами, страстями и заблуждениями, сомнениями и надеждами. События истории, рассказанной в повести, раскрывают движение и весь жар их пламенных душ в разных драматических обстоятельствах.

Горячие симпатии вызывает и образ главной героини повести. Читателю быстро становятся очевидными ее незаурядность и решимость, обаяние ее душевной сути и магия женской притягательности. Несмотря на тяжелую потерю, она возвращается к деятельной жизни и достойной работе, а затем, совершив серьезную ошибку, находит мужество осознать ее и продолжает целеустремленно действовать на пути подвига ради достижения мечты.

Повесть о штурмане Горне — это Гимн беззаветной, всепобеждающей Любви, которая способна преодолеть невероятные преграды на пути к истинной близости и Счастью. Трагический финал этой Любви рождает острый комок в горле, которого не стыдится читатель. Что-то я не припомню произведений научной фантастики, которые вызывали бы слезы.

От себя могу добавить, что автор книги — удивительно скромный человек, начисто лишенный амбициозного желания «выпянуть» себя на фоне окружающих его деятелей литературы. Наверное, именно таким и должен быть настоящий писатель.

Севастополь

Владимир ГРАЧЕВ,
поэт-бард, член Союза писателей России,
член Союза РУБ писателей Республики Крым,
заслуженный работник культуры Республики Крым и
заслуженный работник культуры Украины,
лауреат Премии Автономной Республики Крым

ПОЭТИЧЕСКИЕ «НАДКРЫМЬЯ» МАРИНЫ МАТВЕЕВОЙ

О книге «ТРАНС[крым]ЦИЯ»

Четвертую поэтическую книгу Марины я ожидал с большим нетерпением. Знал только одно: она будет интересной, как, собственно и вся её предыдущая поэзия. Поэзия, весьма отличная от той, которую принято называть «классической». Матвеева не создавала новый стиль, да и не пыталась этого делать. Она сама признает, что пишет «авангардную» поэзию. И это действительно так и есть. Но её «авангардизм», несомненно, понятен читателю или же слушателю её произведений. И в этом её огромный плюс, отличающий творчество Марины от творчества собратьев по цеху, творящих в этом же стиле. Поэт Матвеева если и «придумывает» новые слова или словосочетания, то делает это образно и почти естественно. Читатель «не чувствует себя дураком», приобщаясь к создаваемым ею образам — он их понимает, видит, ощущает и, в конце концов, принимает в свою душу именно в таком, обновленном виде, в котором ему их преподносит поэт. А именно это, наверное, самое важное в поэзии — «заставить» своего читателя проникнуться чужими переживаниями, как своими собственными. У Марины это получается. И получается блестяще!

Книга разделена на несколько глав, которые обозначены, на первый взгляд, необычными названиями. Открывает ее глава «Надкрымья». Тысячи других поэтов писали о крымских пейзажах и достопримечательностях. Но так, как описаны они Матвеевой, я не встречал. Выверенность образов и необычность их формирования — вот, пожалуй, то, что создаёт выпуклость и яркость географических очертаний, о которых идёт повествование: «Симферополь. Вечер», «Челтер-Коба. Вечер», «Кизил-Коба (Пещера Красная)», «Урочище Джурла. Ночь», и многие другие, такие близкие нам, крымчанам, любимые и знакомые места.

В главе «Некрымантия» представлены философские стихотворения, а также лирические произведения автора. В них повсюду присутствуют новые филологические решения передачи автором своих чувств, которые настолько не вписываются в общепринятую канву классической поэзии, что вызывают вначале удивление, потом — интерес, и, наконец — после их глубинного осмысления — чувство приобщения к ним. Это удивительно — но так оно и есть! Не стоит даже пытаться перенести их на бумагу, пытаюсь снова описать вызванные ощущения — это невозможно. Это нужно прочесть самому и попытаться уловить те чувственные вибрации, которыми пронизаны строки произведений. Не со всеми выводами поэта я лично согласен. Но не это суть важно — а то, что поэзия Матвеевой заставляет не только сопереживать ей, но ещё и задумываться над, казалось бы, простыми, повседневными, но, как оказывается, важными делами, увидеть в себе и окружающих те черты, на которые мы зачастую не обращаем внимания из-за суетной повседневности и обыденности.

И потому, наверное, произведения, написанные в ярком патриотическом ключе, так «взрывают» мозг на фоне остальных и — вызывают бурные ощущения. А ведь эти стихи писались Матвеевой ещё в те времена, когда Крым был украинской провинцией, живущей почти без всякой надежды на возвращение к своей большой Родине! Разнообразие привносит в книгу и прозаический раздел «Инокрымцам».

Марина Матвеева давно и прочно уже известна широкой литературной общественности как публицист, очеркист и литературный критик. Её отзывы, статьи, рецензии и другие произведения постоянно присутствуют на страницах литературных сайтов в Интернете, в интернет-газете «Крымское эхо», в журнале «Брега Тавриды» и «Литературной газете + Курьер культуры: Крым-Севастополь», периодически ее статьи можно прочесть в газетах «Крымские известия», «Крымское время», «Отражение» (Донецк) и др. Её мнением, как истинного профессионала, дорожат и относятся к нему с превеликим вниманием. Это, в общем, и не удивительно: ведь М. Матвеева, имеющая базовое филологическое университетское образования, ещё и член Союза писателей России с многолетним стажем, Южнорусского союза писателей, а также Союза русских, украинских и белорусских писателей Респуб-

лики Крым. Она постоянно и плодотворно общается со своими читателями и просто с любителями хорошей поэзии, организует и проводит международные видеомосты выступает с отдельными творческими вечерами, а также участвует в многочисленных поэтических, в том числе, и международных фестивалях, часто получая на них заслуженные лауреатские награды.

Симферополь

Яна ФИЛАТОВА

«Я ДАРИЮ БИБЛИОТЕКЕ ВСЕ ТЕПЛО ДУШИ МОЕЙ»

**Биобиблиографический указатель Регины Ушатов,
составленный из биографических материалов,
написанных и подготовленных Любовью Герасимовой**

«И труд, и вдохновенье» — так называется биобиблиографический указатель, посвященный библиотекарю, библиографу, общественному деятелю, заслуженному работнику культуры Украины, лауреату Литературной премии им. А. Домбровского Любови Герасимовой.

Свыше 40 лет проработала Любовь Алексеевна в библиотеках Крыма, более 30 из них — директором Республиканской юношеской. И все эти годы дружила с писателями, пропагандировала их творчество, постоянно выступала с поэтами и прозаиками перед многочисленной читательской аудиторией. Увлекает ее и журналистика — она часто публикуется: постоянно появляются в прессе ее статьи, зарисовки о ярких творческих личностях, информации о проведенных в библиотеках мероприятиях.

Известная крымская писательница Елена Криштоф наставляла ее: «Хочешь научиться писать? Садись и пиши...». И Герасимова пишет — много и плодотворно. Случайных тем для нее не существует. Если рас-

сказывает о человеке — значит, уважает и ценит. Если о библиотеке — признает работу интересной, творческой, профессиональной.

Многие годы отдала Любовь Алексеевна работе в методическом центре библиотеки. И этот ее труд тоже был замечен всеми, потому что материалы Республиканской юношеской всегда отличались содержательностью или, как сейчас принято говорить, креативностью. Потому что в каждой из работ — частица сердца директора библиотеки.

К сожалению, нынче ей пришлось оставить любимое дело — по состоянию здоровья, но дружбы с ведущими библиотеками Крыма Любовь Алексеевна не теряет: неустанно продолжает составлять она указатели по крымским изданиям, пишет статьи об известных писателях, выступает по радио. Именно поэтому **Регина Ушатая**, известный библиограф Симферопольской центральной городской библиотеки для взрослых им. А. Пушкина, решила составить биобиблиографический указатель «И труд, и вдохновение» (включив в него все **статьи и библиографические материалы, написанные и подготовленные Л.А. Герасимовой начиная с 1976 года**) — потому как нельзя оставить без внимания, не оценить эту неутомимую и столь кропотливую деятельность коллеги!

«И труд, и вдохновение» — 36-страничное издание, частично аннотированное, состоит из пяти разделов, материалы размещены в прямой хронологии. В каждом из разделов сгруппированы описания книг и сборников, а далее — материалы периодической печати. В их поиске помогают именной и предметный указатели, оглавление. Понятно, что непростая работа над библиографическим указателем требует исключительно высокой профессиональной подготовки, большого опыта и пристального внимания составителя. А создан он на основе личного архива Л. Герасимовой, а также фондов Централизованной библиотечной системы для взрослых Симферополя, КРУ «УНБ им. Ивана Франко», научной библиотеки «Таврика» Центрального музея Тавриды — и предназначен для всех, кто интересуется историей, литературой, организацией библиотечного дела в Крыму.

В разделе «Ищу слова для них я потеплей...» в указателе, сделанном Р. Ушатов, названы статьи о писателях И. Сельвинском, Я. Чапичеве, Б. Сермане, Н. Бирюкове, А. Малине, А. Милявском, А. Лесине, А. Домбровском, современных авторах.

Библиографические указатели, сделанные Герасимовой, списки, памятки, буклеты, связанные с Крымом, собраны в разделе «Ты навигатор в мире книжном». Здесь приведены издания «Общественной редколлегии «Личность» — 10 лет», «Журналу «Брега Тавриды» — 20 лет», «Литературная жизнь в крымской «Литературке» и многие другие.

«Я дарю библиотеке все тепло души моей», — раздел, где собраны статьи о библиотекарях и библиотеках Бахчисарая, Евпатории, Сим-

ферополя, Советского и Черноморского районов, о республиканских и, конечно, о ее любимой юношеской.

Раздел «И труд, и вдохновенье» наполнен статьями известных крымских журналистов и писателей Г. Вербицкой, Л. Обуховской, В. Вольновой, В. Селивановой, С. Кирьяновой, О. Ивановой и ряда писателей о самой Л. Герасимовой как личности. Ей посвятили свои стихи Б. Серман, В. Субботенко, А. Рудь, К. Фролов, В. Ложко и другие известные крымские авторы.

У Любови Алексеевны Герасимовой есть любимая фраза: «Библиотекарь не должен быть скромным. Надо рассказывать о делах и людях. Сделал — расскажи! И о своих мероприятиях, и о библиотечных нуждах». И она рассказывает!

На обложке указателя представлена фотография красивой и очень счастливой молодой женщины. Это Люба в годы работы в любимом коллективе, учебы в институте, горящая желанием творить, чтобы успеть сделать жизнь насыщенной, полной добра и любви.

Симферополь

Марина МАТВЕЕВА,
писатель

КРЫМ — ОТДЕЛЬНАЯ СТРАНА?

Краткий обзор крымской публицистики и поэзии сегодняшнего дня

Что же творишь ты, Боженька: где б ни явились русские,
всюду заплачут кровушкой и разведут поэтов.
Пишут они в Америке, пишут они в Австралии,
и на Венере первыми — с сайтом литературным
явятся.

... Братушки сингапурские,
други степей канадские знают о русском слове!

Это отрывки из стихотворения, написанного мною под впечатлением от широкого знакомства с тем, что называется Русскоязычной Вселенной: в каждой точке земли, где только ни есть русские, обязательно имеются люди, которые пишут. Не только поэты, но и прозаики, публицисты. Публицисты — сейчас — особенно. Ныне все, у кого душа — «оголенный нерв», хотят писать о происходящем в Украине и Крыму: блестяще, хорошо, плохо... правдиво, искренне, смело, лживо, трусливо... в стихах, в статьях, в письмах... Одним словом, все и ото-всюду.

Если уж из далекой Канады меня пытались учить, в каком «на самом деле» Крыму я живу, и рассказывать мне, что я «в оккупации», что они «возмущены российской агрессией на вашей территории»... А на мои письма с описанием того, что я сама вижу и слышу, реагировали странно: «Марина, я не читал ваше письмо с первых строк и читать не буду. Мне пишет множество блогеров из Крыма, они говорят правду». Это нормально: читать письма и статьи — *избирательно*? Т.е. только те, что нужны, а «ненужные» (пусть даже свидетельства очевидцев) просто отбрасывать? Однобокость — основное свойство противоположной стороны. Она буквально взращивается, лелеется, оберегается.

А ничего, что еще в начале крымских событий нашим журналистам

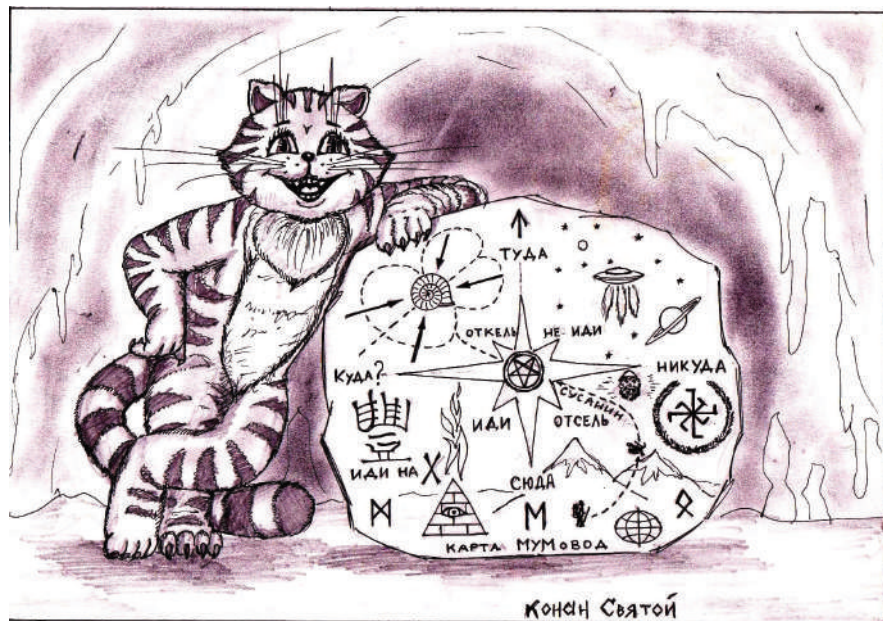
(и блогерам) Киев предлагал по 1000 гривен за 7 тыс. знаков лжи об «ужасах оккупации» в Крыму? (Эти ужасы нужно было просто выдумывать). Все, кого я знаю, отказались. Но, может, и у нас нашлись такие, кто «озолотился», а теперь еще и в Канаде пытаются найти себе применение. Нет, там об этом читать не хотят. Пришлось порвать с человеком и журналом, с которыми дружила 10 лет. Но... уже не привыкать.

7 ТЫСЯЧ ЗНАКОВ

Когда, рожденный модельером,
ты вынужден быть журналистом,
попробуй поразить премьерой,
где в тонком цвете прелых листьев
на тканях — больше откровений,
чем в скрипе сбитых мессер-СМИтов.
Найдется на тебя ответ: «НЕ-е!» —
из сотен глоток конформистов.
Себя вещающих борцами,
себя ведущих очень смело,
ведущих — как слепой Сусанин,
в озорно-облое смертело
потомков бластеры — и предков
пищали, арбалеты, луки...
Себя ведущих очень метко:
слепым везёт — им ставят руки.
А ты описывай, однако —
своим бесплатно, за идею.
А ночью — лги семь тысяч знаков
врагам, чтоб накормить детей — и
рыдать по пьяни, тыча в Яндекс —
читать, как связанный, как пленник:
фантазии твои — команды —
в мундире правды — в наступленье
своим на горло. ...А листочки —
они, как падлы, всё не преют.
У них весна. Они не точки,
а плоскости — венец творенья.

Но здесь, собственно, не о тех русскоязычных иностранцах, которые, опираясь на «новости» издалека, не ведают, что несут. Здесь — о дружественном нам, Крыму и России, русском мире. И даже не совсем русском. Недавно в сакский санаторий, где работает моя мама, приехали отдыхающие из Германии. Спрашиваем: «*Что думаете о происходящем у нас?*». Отвечают: «*Хорошо, что вы в России!*». Удивило такое мнение граждан Евросоюза. Может, они там у себя, простые обыватели, Россию вполне себе уважают, а русофобская истерия только в Украине? (Мама рассказывает, что еще в марте постоянные ее отдыхающие,

немцы, присылали ей открытки: «Поздравляем, что вы в России!»). Фейсбук отреагировал: «Бред». Нашему человеку трудно поверить, что немец может думать хорошо о России и Крыме? Но это — факт. Впрочем, нашлись и те, кто оставил в комментариях описание подобных же фактов.

Найдет ли Крым себя?

Вот уже год я сотрудничаю с британским русскоязычным сайтом Русский Альбион, на котором располагаются, в числе прочего, рубрики: «*Самоопределение Крыма*» (статьи крымских публицистов и журналистов: знаковые имена — **Л. Обуховская**, **Н. Батхен**, **С. Левантович** и др.), «*Куда идет Украина?*» (дискуссия, различные мнения, но с подавляющим большинством — против войны и за свободу самоопределения юго-востока). И конечно же, литературный альманах «Русскоязычная Вселенная» и литературно-философский журнал «Что Есть Истина» с постоянной рубрикой «Крымские узоры», которую я веду, собирая материалы крымских авторов.

В «Русскоязычной Вселенной» у Крыма — особое место. Там представлены рубрики «Русскоязычная Германия», «Русскоязычная Америка», «Русскоязычный Израиль» и т.п. Даже «Русскоязычная Россия» (не все народы в ней пишут на русском языке, есть и аутентичные писатели). Каждая страна — под знаком своего флага. Так вот, «Русскоязычный Крым» — под крымским флагом — представлен отдельно.

Будто мы — отдельное государство. То ли это — знак уважения к Крыму за проявленное им мужество в отстаивании своих интересов. То ли просто — «непонятки» по отношению к нашему самоопределению, кто мы сейчас и что... То ли... а что тут думать? В геокультурном смысле Крым всегда был не просто самостоятельной единицей, но и настолько насыщенным творчески и духовно объектом мироздания, что вмещать его в рамки какой бы то ни было страны — значит, не раскрыть его потенциала в полной мере. Крым — это Крым. И такое отношение к нему чувствуется отовсюду. Недавно был объявлен список финалистов фестиваля «Провинция у моря», в котором есть крымчане. В списках стояло: «Вася Иванов, Рязань, Россия. Аня Петрова, Херсон, Украина. Юлия Котлер, Керчь, Крым). И в общем релизе: **«В фестивале приняли участие авторы из N стран, в т.ч. России, Украины и Крыма».** Крым — отдельная культурная страна!

Рубрика «Крымские узоры» журнала «Что Есть Истина» в этот раз взорвала собственные рамки, которые в прошлых номерах представляли собой поэзию, интеллектуальную постмодернистскую прозу и арт-галерею художников. Сейчас на первый план вышла публицистика. Люди хотят высказаться о происходящем — ясно, внятно, резко. В 37-м номере — 4 крымских публициста.

О себе скромно: опубликована моя статья *«Самая абсурдная точка планеты, Патриотическая поэзия. Крымский контекст»*. Она скорее служит обрамлением к статьям других авторов, о которых подробнее. Это **Платон Беседин, Владимир Клермон-Вильямс и Андрей Маслов.**

Голос Платона Беседина в представлении не нуждается. Это известный крымский прозаик и публицист, которого называют «главным украинофобом Крыма». Его статьи, письма в Киев о прекращении кровопролития, обращения к людям — не оставляют равнодушными никого. В начале крымских событий прогремели два его материала — *«Спасибо Евромайдану за Крым»* и *«Никакой Путин вам не поможет!»* (на актуальную тему: «Кошка бросила котят — это Путин виноват»).

Первый материал опубликован в «Крымских узорах». Статья о том, что майдан попросту неправильно вел себя с точки зрения психологии, буквально подбивая людей на то, чтобы они ему ответили противостоянием. *«Три с лишним месяца на «Евромайдане» сыпали... зерна ненависти к России, завешивая площадь плакатами с карикатурами на «имперцев», распевая бандеровские песни, обещая уничтожить москалей — этакий «жовто-блакитный» джихад, — не забывая слать десант патриотичных хлопцев, шарахавших граждан, сбивавших памятники, в другие города. Для профилактики, для устрашения. Конечно же, не обошлось без восклицаний: «Эй вы, рабы! Что молчите? Чего не выходите? Валите в свою Россию!»*

И вдруг адресаты вышли. Сотни тысяч. Чтобы выразить мнение, чтобы идентифицировать себя. И это, собственно, главная неожиданность последствий «Евромайдана». Ведь думали, что, как в 2004 году,

покорятся, согласятся, сглотнут. Действительно, поведут себя как рабы. Но не на этот раз. Хватит! Слишком долго, усердно издевались над их культурой, историей, языком. Слишком нагло, безответственно вели себя по отношению к русским украинцам»... «А ведь ни о каком от-делении от Украины речи не шло. Только об уважении. Вот тогда народ разозлился по-настоящему. И заявил: «Хотели, чтобы мы валили в свою Россию? Мы свалим!» И эту жуткую, разрушительную «свою игру» в «наш — ваш» начали не на площади Нахимова, а на «Евромайдане».

«Да, Крым терпел долго — не выдержал. Украинское государство ему в этом хорошо подсобило. Насколько же сильно оно ненавидело своих граждан, что те так возненавидели его?! Крым... становится российским. И не Путина, не Аксенова, не Януковича надо благодарить за это. «Евромайдан» — ему спасибо».

Не удивительна эта «благодарность» автора. Многие из нас честно скажут, что до октября 2013 года у нас не было повода ненавидеть Украину. Нас просто заставили и действительно, о-очень старались. Меня лично крайне «достали» вопли «Рабы! Овощи!» (в среде киевских «майданутых» поэтов это особенно развито — они мнят себя пророками и пассионариями, чей священный долг — призывать и вызывать!). Может, это именно они заставили меня, человека аполитичного, «вся такая на культуре», быть на всех митингах февраля-марта в Симферополе, в т.ч. 26 февраля, носить флаги, вступить в женскую медроту самообороны (слава Богу, наша помощь — не-медиков — не понадобилась), выйти с портретом деда-ветерана в «Бессмертном полку» 9 мая, по скромным силам своим писать о мнениях людей, и по-просту укрепиться в своих позициях. *Спасибо «Евромайдану» не только за Крым, но за крымчан и крымчанок: скольким из нас довелось в этот период узнать, чего мы стоим, что можем, поверить в собственные силы, найти им достойное применение, познать себя.*

Главная благодарность — самому Крыму. Андрей Маслов буквально вторит П. Беседину: «...я хочу сказать «большое спасибо» «майдану»! Если бы мы не увидели воочию их «евроценности», их первобытную жестокость, их ненависть ко всему инакомыслящему, их IQ, то, может быть, мы бы еще очень долго верили в сказку, что «приедет барин, барин всех рассудит». Отдельное спасибо «авторам» одного из первых изданных ими законов — закона о языке! Они сделали все, чтобы мы исчезли с карты этой страны. Впрочем, нас не было де-факто все эти... 23 года. Мы были де-юре, и их это устраивало. Нас — нет. Мы молчали. И работали. На них, в том числе. Так вот, пусть зарубят себе на носу, что человека без его согласия нельзя называть другим именем. Это мерзко! Меня зовут Андрей, а не Андрій. И никакой я не «Миколайович», как они записали в моем паспорте, а Николаевич по одной простой причине, что моего отца зовут Николай». Автор пишет о Севастополе, благодарит свой город, его жителей, его городского голову: «Сегодня трудно представить ту силу, которая смогла бы вновь поставить Севастополь

на колени! ...у каждого из нас — жажда реванша за две предыдущие обороны города, и лозунг «Так отстаивайте же Севастополь!», произнесенный некогда смертельно раненым адмиралом Корниловым, — снова на слуху. Мы попросту не имели права предать... Да и нынешние наши командиры никогда бы бросили нас на произвол судьбы, улетев на последнем самолете куда-нибудь в Ростов-на-Дону...».

Аналитические, с историческими изысканиями, статьи Владимира Клермона-Вильямса «Украинский шабаш» и «Безвыходное зазеркалье, или Анатомия Конституции Украины». Он, известный иронист и пародист, при этом — глубокий философ, старается «что-то объяснить», хотя и ясно, что поймут его только свои, а противоположной стороне, загипнотизированной многолетней пропагандой, объяснить ничего невозможно. Основная идея первой статьи: «Печальна участь тех народов, кто, как героев, чтит уродов». Конечно же, речь о Бандере. Автор не использует эвфемизмов, когда пишет о склонностях этого «героя» к садизму, извращениям, нетрадиционной ориентации и т.п. Видимо, Западной Украине просто не из кого больше делать героев — ибо и страны такой никогда не было, и культуры... «Будучи интеллектуальными импотентами, галичане не дали миру великих умов и личностей, но зато навязывают всем своих ублюдочных убийц»...«Галицкий этнос помешался на мании величия и считает себя мозгом нации. Что же было великого в их истории и чем они так гордятся? С типично холопским хамством они приписывают себе историю Киевской Руси, называя ее первой украинской державой. С какой стати? Вся политическая и культурная жизнь Руси ушла на север — во Владимир и Москву, здесь же осталась территория с крестьянским населением, которое нигде и никогда не было носителем государственности. Они считают Львов своей столицей, но умалчивают, что перед тем, как его отобрали у Польши, в нем проживало 63% поляков, 24% евреев и менее 8% украинцев, которые преобладали среди прислуги, сторожей и дворников». В конце статьи безжалостно приводится история самых крупных городов Украины. Харьков, Сумы, Луганск, Донецк, Херсон, Николаев, Одесса, Мариуполь, Кировоград, и, конечно же, Симферополь и Севастополь — это русские города, они были основаны российскими императорами и императрицами — в стратегических и экономических целях. Достается в статье и татарам, претендующим на Крым как собственное государство. «На это нет никаких оснований», — пишет автор. Татары захватили многонациональный Крым в XV веке, да и то лишь для того, чтобы жить грабежом и продажей в рабство в Турцию славян с соседних территорий. Эти народы просто не умели жить ничем другим. Также автор пишет о депортации татар в XX веке, считая ее заслуженной: многие татары содействовали немецко-фашистским захватчикам. Как и бандеровцы. Читатель может вступить в дискуссию с автором: нельзя всех стричь под одну гребенку. Были среди татар и украинцев порядочные люди во все времена, есть и сейчас. Немало. Центральный музей

Тавриды сейчас интересуется татарами, которые вступили в крымскую самооборону и «имеют в виду» Меджлис. На наших глазах творится новая история. В которой все зависит от человека, от его выбора. На то и дискуссионные статьи — оттачивать свое мнение.

Несмотря на преобладание острых материалов, крымская рубрика гармонична. Есть в ней и арт-галерея художника, и проза, и поэзия, смягчающие, но, в то же время, и поддерживающие наших публицистов. Поэзию Крыма представляют два автора. **Юлия Котлер** — керчанка, а у поэтов Керчи — свой особый голос. *«Почему мужчины всегда играют в убийство?»* — вопрошает она эпиграфом из Патриции Хайсмит к своему стихотворению. И отвечает:

*Бьющие наотмашь — между делом.
Ведь и смерть для Бога — между прочим.
А в графе гуманности идеи
С мига сотворенья — жирный прочерк.*

*Тает ночи сладкая личина...
Мы подходим к призрачному краю.
Но не забываем: Бог — мужчина,
Стало быть, в убийство он играет.*

Не нуждается в комментариях позиция женщины — не только матери девятилетнего сына (**М. Цветаева**: *«Мальчиков надо баловать — им на войну идти»*), но и философа, способного задать вопрос самому Богу: *«И где в Твоих законах гуманность? Где они для человека? Для кого они вообще?»*.

Второй поэт — **Дарьяна Лемтюжникова** — автор утонченных стихов с авангардным мышлением и импрессионистическим чувствованием. С нею перекликается творчество представленного в рубрике художника школы крымского космизма **Дмитрия Филова**.

Также в журнале, в рубрике «Новые имена» представлены поэты Одессы (*Южнорусский союз писателей*): **Сергей Главацкий** и **Анна Стреминская**.

В рубрике «Дискуссионный клуб «О национальной идее» интересна статья главного редактора журнала, лондонца **Владимира Кабакова** «Западу нужен новый враг» (все о ней же, о России — главном идеологическом и политическом противнике Запада и НАТО, каковой противник им снова «понадобился» и «был создан»). Также обращает на себя внимание исследование российского философа **Александра Дугина** «О «новой формуле» Путина: президент между консерватизмом и прагматикой». Цитата: «...В. Путин решительно выступил в защиту консервативных ценностей, благодаря которым Россия сможет противостоять идущему с Запада размыванию норм морали. Для подтверждения этого постулата он цитировал философа Бердяева, который считал, что «смысл консерватизма не в том, что он препятствует

движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме» ...Это и есть сущность консерватизма: она состоит не в противопоставлении прогрессу, но в дифференциализме и избирательности; развитие здесь неотделимо от духовного и нравственного целеполагания, вопреки либеральному пониманию: прогресс ради прогресса, развитие во имя развития».

Иногда мне кажется, что авторы, особенно аналитики, пишут об одном и том же, повторяя друг друга, только разными словами (да и то не всегда). Но так нужно сейчас, людям необходимо на что-то опираться. В том числе — на слово. А ведь они не только пишут. Они действуют, делают каждый свое дело, живут, мыслят, чувствуют... Поэтому каждое их слово ценно — и ныне, и после.

Симферополь

КУЛЬТУРА: ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ

НИНА ГЕЙДЭ родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Живет в Дании с 1998 года. Была главным редактором журнала «Берег», занималась радиожурналистикой. Печаталась как поэт в журналах и альманахах «LiteraruS», «Хронометр», «Роза ветров», «Звезда», в сетевых изданиях «Самиздат», «Вечерний гондольер».

Нина ГЕЙДЭ

ОТ НЕЖНОЙ ГЕРДЫ К СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЕ

**Экзистенциальные трансформации
в датской женской поэзии последнего полувека**

Датская женская литература — явление сравнительно молодое. Во времена Андерсена, который своими сказками прославил маленькую Данию на весь мир, женщины королевства викингов если и брались за перо, то украдкой и не всерьёз.

Но время шло, и датское общество стало существенно меняться. Безусловный и неоспоримый патриархат начал потихоньку ослабевать. Женщины подняли голову от корыт и шитья и задумались: а чем мы хуже мужчин? И стали помимо всего прочего пробовать себя на литературном поприще. И пусть вначале литературным трудом всерьёз занимались лишь редкие представительницы прекрасного пола, это был уже вызов тотальному бытовому порабощению женщины и устаревшим общественным догмам. Это был прорыв к новым социальным перспективам, к признанию за женщиной права на свободу самовыражения, на занятие творчеством.

Переводами датской поэзии я занимаюсь недавно, но сразу же была удивлена тем, как глобально изменились форма и содержание женской поэзии в Дании за последние полвека. Казалось бы, не такой уж большой срок. Но именно на этот период приходится небывалые доселе в датском обществе социальные трансформации, глобально изменившие женское сознание. Литература же, как известно — зеркало общественной жизни, в котором замысловато, но узнаваемо отражается лик эпохи, ее мораль, ценности и идеалы.

В этой работе мне хотелось бы не только познакомить читателей с интересными образцами датской женской лирики, но и выявить ее глубинную взаимосвязь с теми социальными переменами, которым подверглось датское общество за последние полстолетия.

Итак, для начала перенесемся в Данию 60-х годов прошлого века. Что представляло из себя датское общество в то время? Индустриальный прогресс уже существенно облегчил жизнь женщин в бытовом плане и предоставил им новые профессиональные возможности. И всё-таки роль хранительницы семейного очага была для женщин той эпохи первостепенной. Дания опиралась на традиционные семейные ценности — крепкий брак и совместное воспитание детей. Впрочем, разводы уже случались и не так категорически порицались, как в былые времена. Женщины потихоньку отвоевывали себе право на счастливую любовь — не в первом браке, так во втором. Не в браке, так за его пределами. Но одно оставалось неизменным: женский мир был неотделим от мира мужского. Женщина не представляла себе полноценной жизни без мужской любви, защиты и заботы. Именно это мировоззрение нашло отражение в датской женской поэзии полвека назад.

Яркий тому пример — творчество известной датской писательницы и поэтессы **Тове Дитлевсен (Tove Ditlevsen, 1917–1976)**. Её лирическая героиня отдает себя, свою жизнь, своё сердце мужчине и просит мужчину быть за неё в ответе:

Возьми мое сердце в руки,
возьми осторожно, нежно —
Оно ведь теперь твое.
Как билось оно тревожно,
как будто в метели снежной,
теперь оно так спокойно,
теперь ведь оно — твое.
В любви становясь мудрее,
Сбиваясь с пути в разлуке,
к тебе одному стремится,
тобою одним живет.
Возьми мое сердце в руки,
не отпускай вовеки,
так радостно сердцу биться —
оно ведь теперь — твое.
В ладонях твоих, мой милый,
пусть сердцу легко поется,
но помни всегда отныне,
что если в бессилье слов
вдруг сердце замрет в кручине,
заплачет и разобьется —
твои не сумели руки
мою удержать любовь*

* Стихи здесь и далее — в переводе с датского Нины Гейдэ.

Тове Дитлевсен открыто говорит в стихах не только о любви, но и о ревности — эти два чувства для неё нераздельны:

Приложив ладонь к лицу,
я изваяннем нелюдым
замерла — с другой танцует
целый вечер мой любимый.

Ах какую ей улыбку
лучезарно молодую
дарит он — так юность скрипку
вновь берёт и с ней колдует.

Той мелодией забытой
я сама пьяна бывала.
Сколько в жарких танцах сбито
каблучков — а мне всё мало!

Налетел тревоги ветер:
стал совсем другим мой милый —
обо всём забыв на свете,
окрылённый и счастливый,

он с другою кружит в вальсе.
Обо мне стирая память,
взгляд ее надменно властный
приковал его цепями.

Ярких губ ее пещера
приоткрыта дерзкой тайной.
И моя разбита вера
в оберег наш обручальный.

Так любовь уходит дымом,
лишь тоски надсмотрщик вечен.
Изваяннем нелюдым
я сию одна весь вечер.

Тове Дитлевсен была для своего времени новатором, бросившим вызов устаревшим догмам — что можно, а чего нельзя в стихах. Она одной из первых осмелилась сделать свои сокровенные любовные переживания, сомнения, страдания достоянием поэзии. С обескураживающей прямоотой рассказывает она о любовных несовпадениях в стихотворении «Вечные трое»:

Один в моих запретных снах весенних
живёт желанной сутью бытия.
Другой в моё стучится робко сердце,
но не хочу его услышать я.

Один мне дарит наваждение счастья,
салютом озаряющего ночь.
Другой мне жизнь отдать готов, но часто
мне часа подарить ему не влечёт.

Один в моей крови блуждает негой
и страсти оживляет естество.
Другой тоской засыпан, будто снегом,
и невозможно мне согреть его.

О женщины! Пред вами на коленях —
не те, кого любить и вам дано.
Лишь раз в сто лет, быть может, два явления
земной Любви сливаются в одно.

Сейчас нам трудно представить, что в 60-е годы прошлого века в Дании подобные женские стихи были слишком откровенными, даже провоцирующими. Многие критики обвиняли Тове Дитлевсен в том, что она слишком выворачивает душу наизнанку, переносит в поэзию свои интимные переживания. Женщине в те времена не надлежало слишком углубляться в себя, анализировать свои чувства и предаваться рефлексии.

А Тове Дитлевсен уже тогда открыто размышляла в стихах о себе, своей человеческой сути и женской судьбе, искала разгадку своих жизненных неудач. Ей было трудно смириться с тем, что реальность взрослой жизни сурово расправилась с идеалами ее юности. Об этом пишет она в стихотворении «Бессмертие детства»:

Живет во мне и умирать не хочет
та девочка, которой я была.
В озерах глаз, в зеркальных чашах ночи
вдруг промелькнёт на миг — легка, смела:

чтобы найти пропавшую бесследно
улыбку детства, нежные слова,
вернуть обратно первозданность лета
надежд, что облетели, как листва.

И право же — кого еще спросить ей,
где юность моя звонкая парит?
Где счастье, вдохновенье, гордость, сила?
Где мой талант — он в землю не зарыт?

В ответ же — бесконечную печалью
струятся дождевые письма.
Так быстро, что сама не замечаю,
смывают годы лица, имена.

Но девочка жива во мне — тот голос,
как шум ручья, уже не заглушить.
Всё шепчет мне: о будни раскололась
твоя мечта и вся наука жить

свелась к тому, чтоб хлеб добыть насущный.
Ты обрела семью, детей, друзей,
но ты одна, и круг житейский сужен
до точки в суетливой гонке дней....

Несомненно, своим творчеством Тове Дитлевсен проложила дорогу последующим экзистенциальным поискам в датской женской поэзии. Дитя своего времени, она заглядывала в своих стихах далёко вперед.

В 70-десятые годы прошлого века женское сознание в Дании кардинальным образом изменилось — так глобально, как никогда ранее в истории. Началось бурное феминистическое движение — женщины пожелали теперь уже целиком и полностью сбросить с себя бытовые оковы и занять в обществе равное положение с мужчинами. В 80-е годы датские женщины принципиально не желали зависеть от мужчин ни материально, ни эмоционально. Это им, разумеется, не всегда удавалось, но они страстно стремились к свободе личности, что для многих из них означало также и свободу от брачных уз. Более того, многие женщины ставили перед собой цель доминировать над мужчинами — в политике, бизнесе, творчестве и в семье, если таковая всё-таки складывалась.

Подобные умонастроения не могли, разумеется, не отразиться и на женском литературном творчестве. Женской поэзии того времени свойственны самопознание, глубинный самоанализ, постижение диалектики бытия. Что касается поэтической формы — тут тоже произошли существенные изменения. Многие датские поэтессы от классического рифмованного стиха отошли к белому стиху, верлибру и даже стали изобретать собственные авангардные стихотворные конструкции, в которых сознательно разрушали привычные смысловые взаимосвязи.

Примером тому может служить творчество известной датской поэтессы **Ингер Кристенсен (Inger Christensen, 1935–2009)**. Критики единодушно называют ее родоначальницей датского поэтического модернизма и поэтического экзистенциализма.

Творчество этой поэтессы отличают самоуглубленность и смелость самоанализа в контексте общефилософских поисков. Ингер Кристенсен легко ломает устаревшие языковые конструкции в стихах, создает свои собственные стихоформы и стихосмыслы, творит собственную метафорическую реальность.

В отличие от Тове Дитлевсен лирическая героиня Ингер Кристенсен провозглашает свою независимость от мужского мира. Даже если встреча двух миров — мужского и женского — неизбежна, сразу же

возникает вопрос: приносит ли эта встреча радость или же, наоборот, разрушает и заставляет страдать?

В темноте голоса мужские.
Я стою в освещенном Храме.
В солнце — голос мужской.
Я подземным иду лабиринтом.
В парке — голос мужской.
Белой статуей я замираю.
Мое зеркало — воздуха струи.
Моя песня — безмолвие листьев.
В парке — голос мужской.
Как не хочется мне просыпаться.

Если и суждено любовным отношениям осуществиться, то лишь благодаря поддержке высших сил, ангелу, который спускается и, не смотря на все противоречия, сводит мужчину и женщину вместе. А сами они как будто не в состоянии строить полноценные отношения и отвечать за свою любовь. Почему? Потому, что всё в мире слишком относительно, иллюзорно, парадоксально. Не только незыблемые ценности семьи стали распадаться в датском обществе, весь миропорядок пошатнулся. Нет больше безусловных норм жизни и поведения — тех, в соответствии с которыми когда-то жили. Рефлексирующий человек вновь оказывается один на один с загадочной Вселенной. Лирическая героиня Ингер Кристенсен ищет себя в зыбком мире и задает вопрос: кто я? Какова моя роль в Мироздании? Но это вопрос без ответа.

А вот ещё одно стихотворение Ингер Кристенсен о том, как всё в мире неустойчиво, переменчиво, относительно:

Шатается мостик, качается речка.
Волнуется море и в нём — корабли.
Я — камень прыгучий на ветреном пляже.
Всё то, что когда-то назвали судьбой —
лишь слово-песчинка, которую гонит
дыханье Вселенной сквозь морок времён.

Наконец, интересно коснуться еще одной темы в поэзии Ингер Кристенсен — осознание творческого процесса. Ингер Кристенсен считает, что ее наивысшее предназначение — познавать мир и себя через слово. Это не просто увлечение и даже не профессия, это её экзистенциальная суть. Подобное отношение к творчеству — тоже новое явление в датском поэтическом сознании. Раньше литература и сочинение стихов были лишь дополнением к женской судьбе, браку и материнству. Поэтическое слово рождалось желанием рассказать о своей женской судьбе, выразить любовные эмоции. Для Ингер Кристенсен поэзия — не вспомогательное средство в любви или в познании окружающего мира, это и есть её настоящая жизнь. Всё остальное — если,

конечно, высшие силы пожелают — лишь прилагается к творческому процессу или служит пищей для наблюдений и творческих поисков.

Я пишу, как пишет облаками ветер,
медленно меняя на небе их очертания.
Или вдруг я пишу легкомысленным росчерком ласточки
под крышей дома, где поселилась любовь.
А еще я пишу тяжелой поступью волн,
покоряющих берег.
Я пишу мелким бисером звезд
по плотной портьере Вселенной.
Я пишу вне имён и времён —
каждый атом мой — буква.

К какому же выводу можно прийти, вчитываясь в поэтические тексты и пробуя проследить некую общую тенденцию изменения образа лирической героини в датской женской поэзии за последние десятилетия? А вывод прост. Датское женское сознание всё дальше уходит от той исконной женственности и женской жертвенности в любви, без которых, например, были бы невозможны сказки гениального Андерсена. Если, в свою очередь, воспользоваться языком символов и литературных параллелей, можно сказать, что Тове Дитлевсен — это Герда, которая жизнью готова пожертвовать ради любви, ведь без Кая она не мыслит своего существования. Главное — найти его и быть вместе с ним. И тогда всё окружающее преисполнится смыслом. Ну а Ингер Кристенсен — это, без сомнения, Снежная Королева, которая возводит свое величественное одиночество в абсолютную степень. Если и похищает она Кая, то вовсе не для того, чтобы любить его. Нет, Кай не должен испытывать чувства, не должен любить, смысл его жизни в том, чтобы сложить из льдинок слово «Вечность». Прекрасная возможность заниматься самосозерцанием и экзистенциальными поисками вдали от людей и сердечных переживаний. На этом пути, конечно же, можно достичь определенных — снежных? — вершин и успехов, но вряд ли можно постичь что-то главное в человеческих отношениях.

Впрочем, это только мое толкование переведенных мною поэтических текстов. Читатель волен выбрать своё собственное.

И наконец, что же привнесло в датскую женскую поэзию новое тысячелетие? В общем и целом традиции постмодернизма в женских стихах продолжают и ищут новые формы выражения. Рифмованный стих по-прежнему редкость, зато процветает верлибр и другие нерифмованные стихоформы.

Одна из ключевых тем в современной датской женской поэзии — тема смерти. Почему — тоже вопрос без ответа. Казалось бы, современные датчанки живут в благополучном, социально защищенном и малопроблемном обществе, где женщины уже прочно отвоевали свои пра-

ва на свободу и независимость. Тут бы и писать жизнеутверждающие стихи. Однако, не так всё просто. Кажется, что поэтическое сознание искушает себя приблизиться к запретной черте и заглянуть за неё — что же там? Ведь в жизни земной всё уже разобрано по поэтическим косточкам, и воображение устремляется еще дальше, превращая смерть в двойника жизни, в ее неотступную тень. В результате тема смерти в стихах нередко опускается почти до бытового уровня, и разговор о конечности земного бытия происходит так легко и естественно, как будто речь идет о вчерашней прочитанной газете, которую отложили в сторону за ненужностью.

Кирстен Хамманн (Kirsten Hammann, род. 1965):

Нас закутал декабрь в свою плотную шубу снега,
Наши лица — в пятнах опавших листьев,
Они были когда-то юны.
Нас хоронит декабрь, но никто не пришел проститься.
И имён уже наших нет — они тихо от нас отлетели.
Их отдали другим, положили в ладони лета.

Marianne Larsen — Марианна Ларсен (род. 1951):

Театр жизни. Ролей бесконечных смена.
Сотни масок — иди, примеряй любые.
Не понравится, что ж — поменяй амплуа и сцену.
Режиссеры не те? Так найдутся всегда другие.
Театр смерти. Ролей у неё не меньше.
Репетиций не будет.

Janina Katz — Янина Кац (1939–2013):

Наконец, я вернулась к себе самой.
Очень долг и труден был путь.
Я прошла мимо трех похорон,
поле битвы любви миновала,
замка два на песке
и загадочный карточный домик.
Мимо стайки детей пробегали — их смех
обдавал меня брызгами лета.
Преграждали мне путь буреломы и рвы
и прохожий с улыбкой картонной.
Я его отстранила, но там впереди
Рыцарь-смерть — на плече его Вечность —
белый голубь...

Хотелось бы упомянуть еще об одном интересном явлении в датской женской поэзии. Некоторые поэтессы сегодня успешно осваивают, казалось бы, столь далекий от датского сознания, японский стиль хайку — пишут короткие нерифмованные философские стихи.

Очень интересно работает в этом стиле поэтесса **Пиа Тафдруп (Pia Tafdrup, род. 1952)**. В сжатых по форме и насыщенных по содержанию текстах она размышляет о жизни и смерти, трагедиях войны и любовных противоречиях, скорбях и радостях бытия и пытается создать собственную поэтическую философию посредством метафор и ассоциативных параллелей:

Курсив зимы —
в кладбищенской траве
белеют лепестки
цветущей вишни.

Дата жизни и дата смерти.
Между ними лишь тени
от стаи диких гусей...

Мой порядок — воплощение хаоса.
В твоём хаосе — полный порядок.

Солдаты — это просто мужья,
отцы, сыновья.
Стулья стоят пустые.

Как будет развиваться датская женская поэзия — дальше — трудно предсказать. Возможен любой неожиданный поворот. Не исключено, что по закону спиралевидного развития Вселенной датские женщины однажды вновь вернуться к простым семейным радостям, поискам счастья в любви, идеалам женственности, и все эти темы с новой силой зазвучат в женской поэзии. Время покажет. Но как бы ни повернулись события и что бы ни происходило в мире, маленькая бесстрашная Герда, согретая любовью, всегда будет искать пропавшего Кая, а надменная Снежная Королева в ледяном одиночестве будет складывать из льдинок слово «Вечность».

*Публикацию подготовил
В.А. Бахревский.*

ДУША В ЗАВЕТНОЙ ЛИРЕ

Два мнения о творчестве Татьяны Алюновой

**Тамара ЕГОРОВА,
поэт, прозаик,
лауреат Литературных премий
им. А. Чехова и А. Домбровского**

МИСТИЧЕСКАЯ СИЛА ПОЭЗИИ

*... нельзя нам
уйти из жизни под названием мир,
цветные отраженья не оставив...*
Т. Алюнова

Татьяна Алюнова (1959–1998), жительница Судака, появилась на поэтическом небосклоне ярко и неожиданно и уже состоявшимся поэтом. Сразу после ухода поэта из земной жизни, стало понятно, что её творчество из того разряда «драгоценных вин», богатство вкуса которых раскрывается во времени.

Стихотворчество Татьяны Алюновой, её лексика, построение строк поражают лёгкостью, утончённостью, сжатостью, переливами цвета, удивительной ажурностью. Вникая в её стихи, видишь Личность, ощущаешь высоту её духа, но не экзальтированную авангардистку.

Если говорить о поэтической манере, то разве не стремится каждый поэт выработать собственную интонацию. Все поэты пытаются быть не просто чьими-то отголосками, а обрести собственный голос, свой акцент. У Т. Алюновой — свой стиль, своя манера, свои интона-

ции. Речь её колоритная и яркая. Плотность поэтической ткани такова, что в нескольких словах она может сказать о многом, и даже междустрочия стихов наполнены смысловым подтекстом, позволяющим читателю включать своё воображение.

Главная черта в поэзии Алюновой — это органическая неприязнь к обыденности и банальности. Её романтическое мироощущение не терпит фальши, апломба, снобизма, ортодоксальных догм, затёртых до дыр истин. Всё это представляется поэту пошлым и не актуальным. В её словотворчестве чувствуется душа, надломленная несовершенством мироустройства («Просто мир неправильно устроен»). Она чувствует неустроенность и конечность того мира, в котором живёт. Этот мир становится для неё нереальным, а мир в поэтической дымке иллюзий становится настоящим, живым и чувственным, то есть реальным. Это зрелые усилия сердца и разума, посвятивших себя идеалу.

Особенность поэтической лиры Алюновой — это обнажённость мысли, тонкое переплетение сложных эмоций, отсутствие хитросплетений зауми. Она не любит повторов и штампов, банальных рифм и заезженных метафор. В ней нет тошнотворного пафоса, надоедливой риторики «вишневики-графоманов», читать которых скучно и нудно. Её поэзия лишена занудности, воспринимается легко и органично. Отрывистый стиль поэтических строк автора делают их выразительными, интонационно окрашенными. В результате стих становится более разнообразным ритмически, значительным и не проходит мимо сознания читателя.

В целом поэзия Т. Алюновой захватывает читателя неординарной образностью, а порою парадоксальной многозначительностью и многогранностью. И в то же время всё написанное пронизано болью чутко реагирующего сердца.

Пока идут слова развёрстым горлом.
Пока сквозь сердце боль течёт тупая...

Всё это, вместе взятое, определяет характер её творчества: своеобразие, лирическую оригинальность, стилистику, выраженную языковой основательностью и самобытностью речи. Стихи завораживают какой-то мистической силой, захватывают неординарной метафоричностью, скульптурной выпуклостью образов и, вместе с тем, они пронизаны неуёмным трепетным биением чуткого неравнодушного сердца.

Мой голос — выпитый сосуд,
Который египтянки плечи
К бассейну чувственно несут...!

Или:

Свеча догорела, всхлипнув,
И дождь диктовал сонет...

А какая образность! В её мире красок и теней, где «...носились стаи у воды, теряя крики, импровизацией беды цвели гвоздики...», где «дождь идёт из сита ноября», где «под музыку Сальери мёрзли краски», где «текли ветра, разбуженные словом», — всё в этом мире, где «на ветвях мирового древа расцветают глаза метафор» — зримо, объёмно, выпукло, всё дышит, всё пульсирует.

Творческая поэтическая мысль Т. Алюновой свободно и гармонично сочетается с чувственностью художественно-одаренной натуры, а потому обладает замечательной цельностью, раскрепощенностью, свободой самовыражения.

Ассоциативное восприятие мира, его ирреальное видение позволяет поэту донести до читателя смысл и глубину, гармонию и многоплановость мироздания. Поэзия — это не только подлинность чувств — это ещё отвержение правил, ярлыков, штампов, систем, банальных истин, вечный уход, побег от предсказуемости.

Книги стихов Татьяны Алюновой — о жизни человеческого сердца, человеческой совести, исканиях истины в нашем чрезвычайно сложном мире. Потому-то в них так рельефно лирическое начало, что делает произведения живыми, неповторимыми, индивидуальными, а автора — удивительно близким и созвучным читателю. Всё, о чём пишется, глубоко осмыслено и понято с максимально ясным видением, всё пропущено через своё собственное «я»:

Вдумчиво и сосредоточенно всматриваясь в сложный и неповторимый мир поэта, приобщаясь к тайне её слова, начинаешь лучше осознавать масштаб личности поэта, которая осталась в памяти живущих художественным символом поэтического Судака.

Ялта

Людмила КОРНЕЕВА

НА ПУТИ К ТАЙНЕ ПОЭТА

**К вопросу о значении творчества Т. Алюновой
в литературном движении**

В октябрьские дни каждого года из последних пятнадцати лет судакчане, равнодушные к поэзии и вообще чуткие к художественному мировидению, организуют встречи памяти о **Татьяне Алюновой (1959–1998)**, творчество которой заслуженно признано ярчайшим яв-

лением литературного Судак. В этом году традиционная встреча памяти превратилась в событие республиканского масштаба. И не только потому, что в ней приняли участие 38 представителей писательских союзов и литературных объединений Крыма, прибывших в Судак на свой очередной Форум. А более всего потому, что литературное действо, свершившееся на нём (представлением поэзии судакской Чайки в спектакле школьного театра «Ника» (руководитель Лоскот Л.Н.) и в обсуждении особенностей творчества Татьяны Алюновой поэтами из разных городов Крыма), было столь вдохновенным, что стало эмоциональным и смысловым эпицентром всего Форума.

Обстоятельный и интересный журналистский комментарий к этому Форуму был представлен в «Судакских вестях» *Владимиром Докшиным* (№ 43 от 25 октября). И здесь, по прошествии времени, необходимого на осмысление, хотелось бы поделиться пониманием значения этого события для литературного движения, и не только в нашем городе. Одна из плодотворных возможностей развития литературного процесса как раз и видится в расширении и углублении представлений о духовном и художественно-эстетическом смысле творчества поэтов столь редкого дара, как Татьяна Алюнова.

Говоря обобщенно, можно сразу заявить, что в ходе этого Форума с творческим портретом Т. Алюновой произошла зримая метаморфоза: он наполнился новыми красками и дополнительной глубиной, а в сочетании с публикациями последних лет — об особенностях её поэтики — обрёл невиданную ранее цельность. Для убедительности приведём конкретные доводы из различных критических отзывов.

Напомним, что в коллективном размышлении о творчестве нашего поэта на Форуме приняли участие *Галина Яковлева (Феодосия)*, *Тамара Егорова (Ялта)*, *Вера Любчик (Евпатория)*, *Мария Скарабей (Евпатория)*, *Александр Ярошевский (Судак)*. Несмотря на различие подходов, все они отметили редкую силу психологического воздействия произведений Т.Алюновой. Как выразилась *Галина Яковлева*, её стихи «*оставляют прекрасное послевкусие*». Не эта ли неизгладимость впечатления от стихов является главным признаком истинного поэта? Поэта, а не версификатора, честолюбиво расцвечивающего разными красотами прозаические смыслы. Все единодушно отмечают пленяющую самобытность алюновских поэтических интонаций. А *Тамара Егорова* вообще называет «*органическую неприязнь к обыденности и банальности*» главной чертой поэзии Алюновой.

Во всех отзывах больше всего акцентов сделано на потрясающей воображение глубине её поэтической мысли, часто шествующей по опасному краю иррационального. И вообще, как отметила *Вера Любчик*, творчество Т.Алюновой являет яркий пример обретения иммунитета от непостижимости иррационального. И этим, утверждает Вера Любчик, наш поэт помогает и другим обрести «*иммунитет на неприятие простого и понятного*» и «*поднимает душу в тёмную рань*»

на непрекращающийся поиск неизведанного». Все участники дискуссии о творчестве Т.Алюновой почувствовали наполненность мистических прозрений поэта её ощущениями вселенской гармонии и вечной красоты, которые утверждаются ею сквозь романтическое сокрушение по поводу несовершенства видимой реальности. И печаль поэта от этих несовершенств — «высокая печаль» — «не утомляет, а очищает и освещает сердце» (В. Любчик).

Все исследователи подчёркивают философскую стереоскопичность и неизъяснимое обаяние художественного мира нашего поэта, особенно в отражении таких «невообразимостей», как время и вечность. Говорят, что поэты уже давно всё сказали о трагическом характере необратимости времени. Но Татьяне Алюновой всё же осталось что сказать, ибо она остро ощущала и «каратовую роскошь минут», и «графитовую пыль» от их разрушения. А «осознание вечности», которым органично пропитан поэтический мир Татьяны Алюновой как раз и порождает чарующую, обескураживающую мистическую окраску творчества поэта (Т. Егорова). Все эти рассуждения приводят к выводу о совершенном владении Татьяной Алюновой поэтикой Неизвестного, поэтикой Ничто, что и позволило ей так свободно ориентироваться в различных пластах времени. В размышлениях о поэтической глубине стихотворений Татьяны Алюновой отмечается также сосредоточенность поэта (при выборе художественных средств) не на красочной метафоре, а на символе, как на более мощном средстве выражения связи Замысла об этом мире и его реальных проявлений.

Интересное наблюдение представила в своём лингвистическом исследовании Мария Скарабей. Она показала, что нарушения норм литературного языка в творчестве Татьяны Алюновой приобрело характер ярких средств художественной изобразительности, пояснив, что такая способность приживается лишь в поэтике творцов первой величины. И с этим трудно не согласиться: ведь любое нарушение литературных норм стихотворцами иного масштаба тотчас воспринимается как ошибка или несообразность.

Александр Ярошевский, лично знавший поэта, особо отметил редкостное созвучие поэтики Чайки с характером эпохи социального разлома 90-х годов: она сумела найти литературные средства, чтобы передать художественную правду о разрушении у своего поколения былой цельности мировосприятия.

Во всех рассматриваемых откликах на поэзию Татьяны Алюновой отвергнуты утвердившиеся в прежних критических статьях поверхностные суждения об авангардистской природе её творчества. В оригинальных средствах её стиля участники нынешней дискуссии склонны видеть не «экзальтацию авангардистки», а реалистическую основу, сложно опосредованную «высотой духа» столь незаурядной личности (Т. Егорова).

«Погружение в глубокие колоды... мысли» Татьяны Алюновой, предпринятое проникательным поэтом и литературоведом *Ириной Корсунской* в статье «Импровизация вечности» (в книге «**Воздушные знаки**». — Ровно, 2008), ещё более убедительно опровергает «заезженно обобщающее» клише «сюрреализм» по отношению к творческому стилю нашего поэта. Она даёт блистательное объяснение принципиального отличия поэзии Алюновой, возведённой на основе «глубокого духовного центра», от философии постмодернизма, который, изощрённо эксплуатируя достижения мировой культуры, совершенно лишён посылки «зачем всё это нужно». И в этом контексте И. Корсунская относит Татьяну Алюнову к «*новой формации авторов*», которые, стоически сохраняя серьёзность внутренней интонации, не поддаваясь настроениям скептической иронии, укрепляют опору для хранения традиционных богатств культуры. Исследователь подчёркивает выстраданную и осознанную обращённость нашего поэта «*вспять*», «*в направление, овеванное духом Традиции...*». И мы все свидетели, что для хранения высших бытийных ценностей судакский поэт избирает «*мраморную глубину традиционных классических образов всех времён*», интерпретируя их в координатах времени и своей души». (*Л.Порубай*, «Terra Poetika Татьяны Алюновой» — предисловие в книге стихов Т. Алюновой «**Если выпита чаша**», Симф., 2011).

Завершая наш краткий обзор, отметим, сколь единодушным является мнение о том, что творческое подвижничество Татьяны Алюновой основывалось на редком во все времена осознании миссии поэта: и в несовершенствах земного существования прозревать божественные ценности бытия.

Насколько силен порыв крымских поэтов к постижению сакральных глубин творчества Татьяны Алюновой — особенно красноречиво говорят посвящённые ей стихи.

Судак

Тамара ЕГОРОВА,
поэт, прозаик, публицист

ЧУДЕСНЫЙ ОПЫТ МИРООТРАЖЕНИЯ

Креативный мир поэта и художника Валерия Мухина

*...И ты при свете озаренья
Собой угадан до конца...*

А. Тарковский

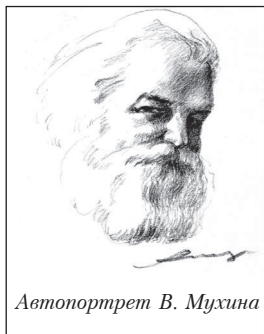
*... я вас люблю!
И мне дарованною силой
войду, как свет, в угасшие сердца...*

В. Мухин «Монолог ангела»

Валерий Мухин — признанный профессиональный художник, наделённый способностью видеть то, чего не видят другие. Его стихи, как и его полотна, живописны, загадочны и пронизаны удивительными полутонами, излучающими невидимый свет, завораживающими таинственной недосказанностью. Полнота чувств, особый угол зрения, тонкое мироощущение, безошибочное чувство цвета позволяют назвать Валерия художником слова. Как писал Арсений Тарковский:

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,
Ведёт и вас через его зрачок
Туда, где дышит звёздами Ван Гог...

Автора трёх поэтических книг: «**Душа в радуге**», «**Голгофа сердца**» и «**Радуга в душе**», отличает сочетание качеств состоявшегося поэта: выразительная тональность поэтической речи, широта творческого кругозора, искренность и художественная самобытность произведений.

Автопортрет В. Мухина

Стихотворчество В. Мухина — это автопортрет поэта, его внутренняя суть, плод напряжённой работы души, где недосказанность чувств, выраженная словом, и преломлённое сознанием отображение виртуального мира, в котором существует автор, и есть его реальный мир, мир не обесценившихся нравственных ценностей, главные из которых — любовь, добро и красота.

Щитом любви встречаю стрелы.
Для доброты распахиваю грудь...
Где миражей маячили пределы,
там истина взошла, там жизнь, там путь...

Вторая книга стихов В. Мухина «Радуга в душе» симметрична названию первой его книги «Душа в радуге» и является своеобразным продолжением и дополнением к ней.

Одно уже название говорит о смещении точки видения. Автор обращает взгляд внутрь своей души. И читатель, последовав за ним, прочувствует те образы, которые волновали поэта.

Творческая мысль В. Мухина свободно и гармонично сочетается с чувственностью художественно одарённой натуры, а потому обладает замечательной цельностью, раскрепощённостью, свободой самовыражения. Это прослеживается и в его стихах, посвящённых так называемым «вечным темам» природного и человеческого бытия, и в его экзотерических мистических видениях. И на всем этом всегда лежит отсвет ответственности и равнодушия ко всему, о чем бы он ни писал, ибо поэт обнажает правду чувства, а это всегда ярче и убедительней, чем умозрительные размышления. Покоряясь магии слова поэта, читатель погружается в особое состояние, раскрывающее перед ним всю полноту смысла бытия, взаимосвязь явлений, и все обретает цельность.

Вообще размышления автора о смысле бытия красной нитью проходит по всему сборнику. Особое место в книге занимает раздел «Дыхание Огня». Поэт чувствует огненные энергии, которые идут к Земле. В настоящее время мы еще не готовы к их приятию, мы почти ничего не знаем ни об этих высоких звездных дарах, ни о законах Мира Невидимого — того тонкого мира, который так упорно вторгается в нашу жизнь и существование которого мы столь же упорно продолжаем отрицать. Поэт-теософ понимает свой долг помочь людям подняться на более высокую энергетическую ступень, ибо период грубого погружения нас в материю заканчивается и, наконец-то, с началом светлой эры Водолея на планете начинает утверждаться приоритет духовности. Приоритет этот пока почти неощутим. Скорее, даже наоборот, может казаться, что в настоящее время такое понятие, как духовность, постепенно исчезает из нашего сознания. Однако это

не так. Высокая энергетика, соответствующая духовности, идет на смену более низкой энергетике. И многие уже интуитивно это начинают ощущать.

Понятие Пути — один из важнейших аспектов творчества поэта. Путь в этом смысле — не просто дорога жизни, но целенаправленное стремление души к познанию истинных ценностей. Это путь формирования духовных идеалов, воспитания духа, это движение, преодолевающее препятствия и не позволяющее свернуть на окольные, обходные тропы. Поэтому путь этот начинается естественным эволюционным порядком, то есть от низшего к высшему, а не наоборот. И объектом этого Пути является не внешний физический человек, а внутренний, духовный, ибо именно этот внутренний человек (дух, душа, разум) и является тем Высшим существом в нас, которому определена в мироздании бесконечность космической судьбы. И заботиться на этом пути надо о чувствах, так как они не просто выражение эмоций, а — энергии. Шкала этих энергий вибрирует от самых низких до самых высоких частот. И что крайне удивительно, совесть — это бесконечно унижаемое в настоящее время чувство — занимает на этой шкале самое почетное и самое высокое место. Именно она соединяет внешнего человека со своей внутренней бессмертной сущностью и с теми высшими мирами, энергии которых так стремительно приближаются к Земле.

Тайное привлекает автора сочетанием психологического исследования характеров с недосказанностью. Поэзия В.Мухина не лишена обаяния, в таинственном свете которого самая будничная повседневность вспыхивает вдруг многоцветно и загадочно, переливаясь всеми лучезарными цветами и оттенками радуги, живущей в душе поэта.

Пытаясь приблизить «извечный лик невыразимой тайны», заглянуть за предел обыденности, поэт Валерий Мухин «на трудных путях восхождения духа» пытается познать «из глубины Предвечного Сознания глагола выдыхаемого суть». И, на мой взгляд, как поэт, он делает это изысканно, ненавязчиво и просто. Для Мухина мир метафизически един. Такое впечатление, что автор умеет сознательно жить одновременно в двух мирах: мире «горнем» и мире «дольнем». Мистицизм есть осознание вечности явлений, которые, с первого взгляда, кажутся преходящими. Этот мистицизм рождается в художниках, в поэтах, в мечтателях и больше всего в тех творческих личностях, кому невыносима затхлая ортодоксальность в искусстве. Поэтому стихи В. Мухина так завораживают, захватывают неординарной метафоричностью, скульптурной выпуклостью образов и, вместе с тем, они пронизаны неумным жизнелюбием, трепетным биением чуткого неравнодушного сердца.

Поэт, погружаясь в гармонию космических энергий, доносит до читателя своё видение окружающего мира, который отражаясь в воображении читателя, приводит и его, в свою очередь, в состояние гармонии. Автор относится к читателю, как к собеседнику, уважая его право

самому судить, «в чем жизни этой праведная суть», жизни, «где главенствует Разум и Свет». И этот читатель-собеседник вместе с автором книги открывает глубину и богатство этого мира, его многоплановость, красоту и совершенство, наполняя душу восторгом:

И хочется мне окунуться в потоки
метафор, сравнений, в их свежесть дыхания
и медленно пить родниковые строки,
наполнив восторгом пространство сознания...

Поэт не замкнут в себе, на своих сиюминутных переживаниях. Его остро волнует несовершенство мироустройства, дисгармония жизни и судеб, социальная нестабильность. От стихотворения к стихотворению в творчестве Мухина раскрывается перед нами его яркий поэтический мир. Он несметно богат этот мир, радужен и обескураживающее обаятелен, синтез мечты и реальности, в ассоциативном восприятии которого присутствуют метафизическое ирреальное видение. Это как миг совершенства, промелькнувший в хаосе бытия. Сквозь глубины поэтического мира автора просвечивает печаль неприятия бытовой пошлости, ужасающей серости и бестолковщины, ставших уже нормой.

Тяжел рассудка стылого свинец.
Разросся спор невежества до драки...
Созвучья нет в биении сердец...

Главное не сорваться в этот омут, скользя по опасному краю иррационального.

Безумство эгоизма рушит своды
Нарушена гармония природы.
И некому держать единства свод...

В. Мухин — поэт самоуглубленный, как это бывает с поэтами-самородками, пишущими без страха перед влиянием классиков и мэтров и боязни критики, он с высоты своего жизненного мироощущения мудро и последовательно преподносит правду, утверждает свое жизненное кредо. Открытая гражданственность ряда стихотворений — свидетельство того, что было лично пережито поэтом, всем существом выстрадано на собственном жизненном пути.

Более всего трогает в стихах В.Мухина мягкая, а порой даже беззащитная неуступчивость. Валерий не категоричен, не навязчив в своих суждениях, чем обычно грешат некоторые поэты, клеймя тотальную грубость, пошлость и хамство в социуме, бравлируя убойной силой своих сокрушительных ритмов и интонаций, тем самым тенденциозно обнаруживают свою авторскую позицию.

Но там, где другим авторам требуются бурнокипящие декларации, Мухину достаточно почти безмятежного размышления, как бы при-

глашающего к беседе и читателя. Валерий делает это, не навязывая собственного мнения, без ложного надрыва и пафоса, уходя в тень, но поэтическая ткань его суждений такова, что читателю кажется, что это не автора, а его сердце возмущается и болит. Социальную лирику В.Мухина пронизывает подкупающе детская вера в добро и справедливость в мире, где «так мал огонь любви», где трудно «преодолеть предельную черту окаменевшего рассудка» и всё явственней обнаруживается ужасающий дефицит человечности.

Мы ненависть встретим любовью,
а пошлую жизнь — красотой,
Заменим ушедшее новью,
а пропасть души — высотой.
Для зла не оставим надежды,
для тьмы не оставим угла...

С горечью и грустью автор замечает:

...нам этот мир
насилием
не изменить,
когда сам человек
не хочет
измениться...

В творчестве Мухина чувствуется некая заторможенность. Но это не от лени мысли, а от желания не опередить мысль, не опередить чувство, не пересолить эмоцию необдуманным словом, интонацией, строкой. Такое свойство мышления исключает риторику и пафос, делает поэзию мудрой, украшая её нужными словами. Именно благодаря этой «заторможенности», возникает ощущение внутренней гармонии и равновесия. В этом мире звучит трогательная мелодия сердца о чём-то чистом, дорогом и неизъяснимом, что рождается в детстве и сопровождает до конца дней. Ко времени ли эта «детскость» авторской веры в добро? Ко времени! Всегда ко времени, особенно сейчас, когда огрубелость нашей жизни достигла критической черты. Пронизанные верой в животворящую силу любви и красоты поэтические строки автора так безыскусно доверительны, что заражают этой верой читателя и дают ему силу и надежду выживать в brutальном пространстве нашего бытия.

Он не обличает, не назидает, а как бы рисует словами, проникая в глубину явления с самой неожиданной стороны, и светом своего поэтического прозрения наполняет читателя оптимизмом и верой. Его пытливая и утончённая поэтическая мысль будит воображение и резонирует на одной волне с читателем. Речь его проста и изящна, без витиеватости, самолюбования и лукавства, подкупает и волнует доверительностью интонаций, мягкой иронией и верой в торжество добра, любви и красоты.

Я пришел к вам легко, я пришел налегке,
чтобы взять вашу тяжесть унынья...

Тонкий лиризм, акварельность и прозрачность ближнего и дальнего планов отличают его пейзажную лирику, в которой «строки пряжею тонкою вьются» и «бурлит стихия стихополоводья»: звучат «колокольчики капли» и «кастаньеты дождей», а душа озаряется «светом спелого заката»:

Ритм — четки, рифмы — братья близнецы,
полёт — переплетение ажур,
где каждый образ — завершенная фигура,
а молодцы глаголы — кузнецы...

Это, как правило, стихи-ощущения, запечатлённые мгновения, отразившиеся в душе поэта:

Лето в осень созревшую песней летело,
Рассыпая цветастыми звуками свет...

В. Мухин в стихах — это глубоко сокровенный, тонко чувствующий лирик с осознанным чувством ответственности и причастности ко всему живому на Земле. В его пейзажной лирике царит тишина раздумья и пристального, чуткого вслушивания в голоса природы, в собственную мысль, в нюансы влюблённого сердца, что позволяет ему безошибочно угадывать настроение окружающей его живой природы, различать неуловимые переходы яркой палитры красок, звуков, ощущений.

Это особое состояние «тишины» создаёт возможность расслышать наиболее неуловимую, изначальную основу музыки слова, его колорит, окраску и вибрацию. Акварельная тонкость рисунка стихотворения легко и органично уживается с глубинным его смыслом — вот главное, что присуще творческой манере автора. («Снова пишет алую зарю в небесах пылающее слово»).

Стихи Валерия Мухина обращены к сердцу человека. В них много солнца, света, бликов, оттенков.. И во всем поэт видит смысл: в пейзаже, «где воздух пронизан амброзией света», «в небесной глубине цветных мерцаний», в «ажурных кружевах линий», в «цветке распахнуто-влюбленном», в осени с «густой листвы оранжевым туманом». Его стихи пронизаны лирическим драматизмом и завораживающим восхищением красотой всего сущего. «И потому спокойно и влюблено летит душа в синеющий простор». Любовь к прекрасному — вот то горнило, в котором возрастающая со дня на день ненависть может быть трансформирована и обезврежена.

А людям так трудно еще платить за ненависть любовью. Никогда еще не было так тяжело осуществлять слова Священного писания:

«Ненависть не погашается ненавистью, ненависть погашается любовью». Но в каждом человеке живёт частица Божества, и этот божественный аспект проявляется в любви к прекрасному.

Стирая с души накипь будней, в его стихотворных строчках звучат радость и боль, раздумья о вечном и неизъяснимое слияние с Космосом, в котором соединились прошлое, настоящее и будущее, и где

...эскизы чувств, наброски мыслей: весь набор
художник-человек в картину жизни вносит.

В его поэтических текстах отсутствуют назидательность, занудность, елейность, нарочитый пафос, чем так часто грешат начинающие поэты и графоманы. В книге стихов отсутствуют версификация, или «мертвые» стихи, все эти хитросплетения зауми, эти игрушки интеллекта, то есть то, что не является поэзией. В ней отсутствуют стихи, технически безупречные, но оставляющие читателя равнодушным. Зато присутствует то неуловимое, облачное, ускользающее и волнующее, не тождественное словам, а только заштрихованное ими, что и есть сама поэзия. Структура этого «необъемного», «несказанного» идентична необъяснимому элементу человеческой материи и постигается интуитивно.

В поэтической манере автора угадывается вполне зрелый поэт, которому есть что рассказать читателю о необъяснимом, о главном, так как чувствуется, что для него наступила пора реализовывать свой духовный потенциал. Некоторые шероховатости и технические неровности бледнеют перед пульсирующим накалом истинно поэтических строк.

Творчество В. Мухина включает и *прозаические* миниатюры с глубоким философским смыслом, разгадать который читателю не составит труда. «...Сила притяжения Истины всегда пропорциональна силе счастья от полноты познания её скрытой сути» («Скорость»).

Миниатюра «Сажены святого духа» — это готовая притча.

В миниатюре «Одиночество» автор с мягким юмором повествует, как он приручил его, тем самым как бы утверждая, что для творческих личностей одиночества не существует: «...Я мысленно ласково глажу своё одиночество, и ему это нравится. Оно отвечает мне лёгкими укусами, берedit, щемящую сладко жажду творчества. Мне кажется, мы прекрасно ладим друг с другом». Автор уверенно заявляет:

Одиночества пасмурный омут
не дождёт за дверью меня...

А в миниатюре «Скорость» автор преподносит читателю ещё одну истину о том, что всё в мироздании подчиняется единому закону: *закону равновесия*.

Радуга в душе автора во всём её многоцветии — это палитра озарения от осознания истинных ценностей в мире; а в его поэтических строках во всём их многоголосии, откровенности суждений и философском подтексте чувствуется живое дыхание жизни. А это и есть настоящая поэзия — поэзия духа и обострённого восприятия действительности. Это мастерство истинного художника.

Хочется верить, что придет время, когда творчество Валерия Мухина, пройдя через умы, сердца и души читателей, затронет их чувства, сумеет закрепиться в их сознании, станет избранным и необходимым.

Ялта

Любовь ГЕРАСИМОВА,
заслуженный работник культуры Украины,
лауреат Премии Совета министров АРК,
Литературной премии им. А.И. Домбровского и
поэтического фестиваля «Пристань менестрелей»

«ПРОСТО БЫЛА ВОЙНА...»*

В канун 70-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне, которое ожидаем с особым трепетом, хочется вспомнить вместе с земляками и рассказать гостям нашего красивейшего полуострова, и

*Крымские писатели-ветераны Великой Отечественной войны:
В. Шахнюк, И. Беляев, Г. Пятков, П. Дегтярев, А. Милявский,
В. Апошанский, Г. Голбштейн, Б. Серман, А. Чуксин, А. Малин.*

* Строка из стихотворения Анатолия Милявского.

прежде всего молодежи, о творчестве крымских поэтов-фронтовиков, каждый из которых «свое слово пронес / через сто смертей и гроз...». К сожалению, в этой статье мне удастся сказать о них лишь по несколько строк. Но прошу: обратитесь к сборникам их стихов, раскройте их книги, хоть они и становятся библиографической редкостью, — библиотекари вам всегда помогут познакомиться с прекрасными стихами и прозой.

Одним из самых лучших поэтов современности классик В.В. Маяковский назвал **Илью Львовича Сельвинского**. Родился он в Крыму, с которым связаны многие события его жизни и творчества. И был военным корреспондентом, свидетелем боев на знаменитых Ишуньских позициях, Керченско-Феодосийской десантной операции в декабре 1941 года. Его известная песня «Боевая Крымская» воодушевляла людей на подвиги. А вершиной фронтовой лирики И. Сельвинского стала книга «Крым. Кавказ. Кубань». Глубина народного горя, героизм людей определили пафос его творчества, о котором он сам сказал в стихотворении «Аджимушкai»: «Свободы грозная стихия из муки выкликнула стих...». Шедевр трагической лирики — стихотворение «Я это видел». В нем переданы сильные чувства, которые пережил автор, увидев в противотанковом рву Багерово под Керчью более 7 тысяч расстрелянных фашистами женщин, детей, стариков, военнопленных. Поэт написал стихотворение сразу же у рва, оно было распечатано в виде листовок и разбрасывалось с самолета. Невозможно без волнения читать крымские страницы из дневников и писем поэта «Война глазами поэта».

Крым свой милый,
Свой отчий Крым
В сердце берег сыновьем... —

эти стихи посвятил памяти Ильи Сельвинского известный крымский поэт **Борис Евельевич Серман**. На его творчество оказали особое влияние встречи с И. Сельвинским. Они вместе были на передовой, вместе спешили сдать в очередной номер свои стихи и очерки. Сам Борис Серман прошел от Крыма до Вены с лейкой и блокнотом:

Газетчиком дивизионным
Я полземли исколесил.
Шел по дорогам обожженным,
Спал на снегу и грязь месил...

В своем заплечном мешке он принес важный трофей: знания о войне, ее людях, их быте. И все его послевоенное творчество по возвращении в Крым озарено светом этого знания. Добрые чувства военного братства, любви и уважения к мужеству и героизму людей помогли фронтовику не только писать, но и бороться за их честное имя, за их судьбу, будь они живыми или мертвыми. Б. Серман — автор множе-

ства сборников поэзии и прозы, публицистических книг, а также пьесы «Аджимушкой». Главной темой произведений Б.Сермана стала героическая крепость Аджимушкой и ее защитники:

Ведут рассказ
 обугленные камни,
Солдатская земля
 Аджимушкой.
Легенда-быль, не умолкай
 веками,
Живым сердца и память
 обжигай!

Яков Чапичев и **Владимир Апошанский**, крымские поэты, погибшие смертью храбрых, были друзьями Б. Сермана. В их судьбах было много общего. Они начинали свой творческий путь на крымской земле в 30-х годах, в крымских издательствах уже выпустили сборники стихов, почти в одно и то же время надели военную форму: джанкойский кочегар Яков Чапичев — шинель пехотинца, выпускник крымского пединститута Владимир Апошанский — бушлат с бескозыркой. С первых же дней войны они на самых решающих участках грозной битвы. Страстным словом, веселой шуткой, песней и стихом вдохновляли они бойцов на ратные подвиги. Раненный и контуженный много раз, Яков Чапичев всего два месяца не дожид до подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции гитлеровского рейха. Погиб 9 марта 1945 года на улицах Бреслау. За беспредельную храбрость и отвагу ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Владимир Апошанский учил героизму и сам погиб как герой. Первым выскочил на занятый врагом берег, увлекая за собой десантников и огнем из пулемета прокладывал им путь.

В памяти нашей надолго останется и имя **Григория Петникова**, известного патриарха футуризма, одного из новаторов поэтического слова, чья судьба также была связана с Крымом. Во время войны он находился на Северном Кавказе, где были изданы и отправлены на фронт его сборники «В огне Отечественной войны» и «Народ смеется».

На протяжении около пятнадцати лет был ответственным секретарем, а затем председателем Крымской писательской организации **Алексей Карлович Малин**. Его имя впервые прозвучало в книге известного писателя Петра Павленко «На высоком мысу», изданной 1943 году, в одном из рассказов, что начинался эпиграфом из стихов краснофлотца А. Малина. «Вперед к победе» — так называлась газета Черноморской группы, в которой он начал свой литературный путь. Острые малинские строчки били фашистов прямой наводкой в газетах Северо-Кавказского фронта и Отдельной Приморской армии рядом с боевыми стихами И. Сельвинского, А. Лиходеева. Сатира — его военный дневник, по которому можно восстановить хронику тех лет и боевые дороги. «В его

стихах много доброй шутки и сатирической злости. Применяя юмор, он пользовался все гаммой смеха! И это тоже одна из отличительных сторон его творчества», — писал о своем коллеге по перу тоже сатирик Николай Полотай, имя которого критика по-настоящему ставит в ряд с именами известных мастеров сатиры и юмора: Остапом Вишней, Степаном Олейником, Виктором Ардовым, Александром Ковинько и другими. Понятно, что труд сатирика, «оружия важнейшего род», весьма ответствен. При тоталитарном режиме он был даже опасен при жизни. Так, Остап Вишня вместе со своими побратимами по сатире: Н. Годованцем, А. Ковинько, В. Чечаянским — был брошен за решетку за свои убеждения. Не избежал такой участи и Николай Исидорович Полотай, который часто повторял афоризм А. Блока: «У поэтов нет карьеры, у поэтов есть судьба». Судьба сатирика и юмориста, бывшего авиационного связиста **Владимира Шахнюка** распорядилась так, что впервые он «усмехнулся» в адском огне Сталинграда.

Поэт **Дмитрий Черевичный** с оружием в руках защищал родную землю, на которой сам растил хлеб, о которой писал стихи. Пройдут годы — и в стихах, пронизанных болью боевых побратимов, многие из которых навсего остались лежать на своих и чужих полях, он расскажет нам о простых людях, готовых защищать Отечество, показывая пример народам мира.

Поэт **Александр Андреевич Лесин** вместе со 146-й дивизией прошел от Москвы и Сталинграда до Берлина путь, начав его рядовым полковой роты связи и закончив корреспондентом дивизионной газеты «За Победу». Всю жизнь незаживающей раной для поэта была трагедия под Зайцевой горой, в которой принимали участие более ста тысяч воинов. Сюда бросали дивизию за дивизией. 146-я Островская была здесь девятой; за 18 дней после кровопролитных боев осталось только 3600 бойцов, а через 40 дней остатки полков дивизии свели в один батальон — это сотни тех, кто чудом остался жить. Среди них был Александр Андреевич Лесин. «Весенняя распутица лишала нас и боеприпасов, и продовольствия. Болотные места. Шли по пояс в этом страшном месиве. И все это в дополнение к бомбежкам «с восьми до восьми»:

Мы вставали, чтоб снова упасть,
Враг и в мертвых огнем хлестал.

Этими мужественными людьми были, в основном, юноши, чуть старше 20-ти лет:

Вот он — правофланговый
Сороковых годов,
Тысячу раз атакованный
Полчищами врагов.
Тысячу раз — не меньше —

Встретивший смерть в пути,
Вот он — сквозь ад сумевший
Тысячу верст пройти!

Выстояв в Сталинграде,
Знал он: настанет срок —
Берлинская автострада,
Скорчившись, ляжет у ног.

Книга-дневник поэта Александра Лесина «Была война», испытывая пять переизданий громадным тиражом (пользовалась большой популярностью), включила в себя множество его стихотворений о войне и мире, где он написал о своем поколении:

Мы, вышедшие из войны,
Для всей большой планеты жили...

— и это так и было!..

Анатолий Никаноркин, военврач, впервые прибыл в Крым ночью в шторм на мотоботе осенью 1943 года на ощеренный дотами, минными полями, пушками, пулеметами керченский берег. Это был Эльтиген, чуть позже его назвали «огненной землей». Под разрывы немецких мин А. Никаноркин спешил оказать помощь раненым. Потом он напишет очень искренне: «Свечусь в песчинках Эльтигена...». Его знаменитая книга «Сорок дней и сорок ночей» обжигает читателя любовью к героям-фронтовикам — павшим и живым.

На фронте стал писать и **Григорий Пятков**. В окопах под Сталинградом, отражая танковые атаки, проходя через все невзгоды войны, поэт-ялтинец написал широко известные стихи и песни о Родине и долге:

Друзья на войне,
что погибли в бою,
Сквозь гулкого времени
чашу,
Как на побывку,
в память мою
Приходят все чаща и чаще...

Для **Анатолия Исаевича Милявского** война закончилась победным салютом 1945 года в 20 лет. А солдатом стал в 17 лет. Сполна натерпелся военного лиха. Будучи авиамехаником, с войсками 1-го Белорусского фронта, он дошел до западной границы, а затем участвовал в освобождении Варшавы и штурме Берлина. В родной город вернулся победителем, «сержантом в грубых кирзовых сапогах», влюбленным в жизнь и в свою родную землю — Крым. На его гимнастерке сияли ордена.

Мы, что живыми вернулись с войны,
Свидетели грозных походов,
Тебе, как присяге, навеки верны —
Салют сорок пятого года!

А. Милявский стал известным поэтом, прозаиком, драматургом. Он же — гордость медицины: профессор, доктор медицинских наук, известный ученый-дерматолог.

Шестнадцатилетним пареньком шагнул в бушующее огнем пламя Великой Отечественной войны **Николай Бербер**:

Юности моей начало,
Годы огненного детства.
Вы всегда перед глазами,
Никуда от вас не деться...

Он много пишет о войне. Особо стоит цикл его сонетов «Ради жизни», посвященный 20-летнему командиру саперного взвода лейтенанту Василию Швецу и шести бойцам взвода, которым за мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра, присвоено звание Героя Советского Союза.

Михаил Малашенко живо и интересно рассказывает молодежи о той эпохе войны и мира, через горнило которой прошел с чистой совестью. Своей поэзией он создал памятник однополчанам, павшим смертью храбрых, детям-сиротам и женщинам, оставшимся вдовами:

Великие битвы, герои и беды, Хатынь,
Краснодонцы и Знамя Победы,
В душе запеклось все и кровью омыто.
Никто не забыт и ничто не забыто...

Нужно было самому держать штурвал самолета, бомбить вражеские переправы, чтобы появился поэтический сборник «Летчики» **Николая Криванчикова**, автора многих стихов о героях-авиаторах.

Нужно было соединить свою судьбу с судьбами мужественных моряков-черноморцев, как это сделал матрос, корреспондент флотских газет **Афанасий Красовский**, чтобы в стихах и песнях не смолкала отвага защитников Севастополя.

Не написал бы поэму «Девятый вал» об «отвлекающем» коктейльном десанте **Николай Тарасенко**, если бы сам с автоматом не прошел нелегкими солдатскими дорогами годы войны. Для него они закончились в Берлине памятной росписью на рейхстаге, среди многих тысяч других ликующих росписей-восклицаний. Он участник обороны Севастополя, а сегодня его житель. Николай Тарасенко полон новых творческих замыслов и намерен осуществить свои творческие планы. Он предпочитает вечные ценности и предлагает нам:

Всегдашней толкотне — полупустыню,
Экранам — книгу с лампочкой ночной,
Мудреным схемам — истины простые,
Противоборству — мир с самим собой.

Не успел, как обещал, написать поэму о войне поэт **Анатолий Ленский**. Но героические стихи моряка, пожизненно прописанного в Севастополе, встали в строй как свидетельства солдатского подвига. «Это человек, которого Севастополь сделал поэтом», — так сказал известный писатель, участник боев за Крым **Дмитрий Холендро**.

После создания крымского отделения Союза советских писателей (1948 г.) издан сборник стихов «Поэты Крыма». Здесь представлены 70 стихотворений четырнадцати молодых авторов, только что вернувшихся с войны (под произведениями стоят фронтовые даты) и вступивших на литературный путь.

В альманахе «Крым» (1948 года), одном из лучших альманахов в СССР, напечатаны стихи поэтов только что вернувшихся с войны, это Б. Серман, А. Милявский, А. Лесин, А. Малин, В. Гринбаум, В. Бершадский, В. Земной, В. Карпеко, Г. Пятков, Л. Барышев, В. Рыков, И. Виноградов и другие. Их первые изданные книги попали под «арт-обстрел» литературных критиков.

В последнее время существовала прекрасная традиция: поэты-фронтовики в обязательном порядке выступали перед отъезжающими на военную службу призывниками. Тогда молодежь жила подвигом победителей, хранила в памяти имена героев.

Большая заслуга в представлении крымчанам произведений поэтов-участников Великой Отечественной войны принадлежит альманаху «Литературный Севастополь», литературно-публицистическому журналу «Брега Тавриды». Республиканская юношеская библиотека подготовила второй выпуск указателя «Великая Отечественная война в журнале «Брега Тавриды» (2010–2013 гг.)».

Поэзия продолжает озарять небосвод крымской литературы светом мужества, таланта, чести и преданности. Воспевали подвиг народа-победителя В. Субботенко, А. Рудь, В. Куковякин, В. Ингеров, не могут забыть то страшное время ветераны войны Н. Бербер, М. Малашенко, продолжают эстафету В. Митрохин, Д. Кононенко, В. Терехов, В. Левенко, О. Иванова...

Время летит неумолимо. Мужают наши дети, внуки, правнуки. Пусть всегда будет мир над их головами и звучит их вечная благодарность героически «вышедшим из войны»...

И павшим, и живым... Как завещал поэт-фронтовик А. Милявский:

Храните добытый отцами покой
И мирную синь небосвода
И помните тех, кто зажег над землей
Салют сорок пятого года.

К 80-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА ДОМБРОВСКОГО
(12.12.1934 — 17.10.2001)

Елена ЯБЛОНСКАЯ,
член Союза писателей России,
лауреат Всероссийского конкурса
им. В. Шукшина и
им. А. Платонова

ЛЕТА ЗЕМНЫЕ

Крым воссоединился с Россией. Шестого марта 2014 г. профессор Литературного института И.А. Есаулов сказал нам, аспирантам и соискателям, что XXI век наконец-то начался. Девятнадцатый век начали в марте 1814 года вошедшие в Париж русские войска, двадцатый начат в июне 1914 году выстрелом в Сараево, двадцать первый — сегодня, 6 марта, в Крыму. «Господи, спаси мою Родину! Спаси Крым! Спаси Россию!» — записала я в дневнике, боясь поверить в чудо. Чудо свершилось, и три крымские мартовские даты я запомнила навсегда. Ше-

стого марта Верховный Совет Крыма принял решение о референдуме. 16 марта референдум состоялся. Двадцать первого в Москве, Севастополе, Симферополе, других городах России прогремел салют. Жалею я только об одном: до нового века не дожил мой отец. Как бы он радовался! Не дожил до воссоединения, освобождения Крыма и замечательный крымский писатель Анатолий Иванович Домбровский. В декабре 2014 года ему исполнилось бы 80 лет.

Мне трудно писать о Домбровском по многим причинам. Прежде всего, потому, что о нём, авторе 24 романов, 18 повестей и многих рассказов, и без меня много, хорошо, справедливо, умно написано. Во-вторых, я дружу с его вдовой Галиной Сергеевной, без усталости пропагандирующей, пытающейся донести до людей творчество А.И. Домбровского, продолжающей его дело в журнале «Брега Тавриды» и в крымском писательском союзе. И это — особая ответственность. А в-третьих, что самое главное, мне стыдно. Очень стыдно оттого, что моего земляка, великого писателя-пророка Анатолия Домбровского практически не знают в нынешней Москве, в городе, с которым почти сорок лет назад я связала свою судьбу. Даже литераторы, филологи путают его с Юрием Домбровским, однофамильцем, и я всякий раз раздражённо повторяю, что нет, это другой, не тот, который «Факультет ненужных вещей».

Анатолий Домбровский окончил факультет наиважнейших вещей, краеугольных камней всех наук — и гуманитарных, и естественных — философский факультет Ленинградского университета. Об этом его роман «Философы», по счастью попавший мне в руки в молодости, в 1983 г. Книгу эту купили мои родители, мы вместе читали и обсуждали её в Ялте, гордясь нашим писателем-земляком и не чувствуя, что нас ждёт уже в самое ближайшее время. Впрочем, мой папа, наверное, чувствовал, но мы не понимали его, как не слышали или не хотели слышать Домбровского даже самые вдумчивые читатели и критики.

Расскажу о книгах А.И. Домбровского, которые мне довелось прочитать. В библиотеке Литературного института всего три книги крымчанина Анатолия Домбровского. И все три, к сожалению, почти не востребованы студентами, несмотря на то, что в 2000 г. Анатолий Домбровский стал лауреатом премии проводимого Литинститутом и Союзом писателей России международного конкурса им. А.П. Платонова. Перечислю их по дате издания: книжечка «Рассказы о философах» А. Домбровского, выпущенная в 1975 г. издательством «Молодая гвардия». Книга «Все радости и печали» 1983 г., издательство «Таврия» (Симферополь) и книга «Падение к подножию пирамид», в которую вошли также романы «Чёрная башня» и *Delirium*, или безысходность — род безумия», — подарок Г. С. Домбровской Литературному институту. От этих пророческих, посвящённых современности, написанных в период с 1989 по 1995 гг. очень динамичных, детективно-фантастических и одновременно философских и очень лиричных, высокохудожественных

романов невозможно оторваться. А ведь по книгам А. И. Домбровского можно и нужно изучать новейшую историю.

Но по порядку. В книге «Рассказы о философах», рекомендованной «юному читателю», представлены «образы наиболее крупных представителей философской мысли: от Сократа и Платона до Маркса и Энгельса». В этой книге всё — правда, от первой до последней строчки, включая слово Домбровского о «не модном» ныне и зло оболганном Набоковым Чернышевском. Коротенький пятистраничный очерк о нём называется «Забвению не подлежит». Есть только одна, на мой взгляд, неточность, некоторая непоследовательность этого сборника (в чём, впрочем, повинен не автор, а редактор-составитель): вопреки хронологии и примечанию в аннотации в начало помещены не очерки о Демокрите, Сократе и Платоне, а рассказ о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Именно такую книгу мечтал написать студент философского факультета Геннадий Егоров, герой «Философов», для юных людей, чтобы помочь им ориентироваться в мире, чтобы, прочитав эту книгу, люди устыдились бы своей недостойной жизни и захотели бы «другой, новой, истинно человеческой»: «Это должна быть книга о подвигах разума, сравнимых по своей значимости с самыми великими человеческими подвигами. Книга о том, как нужен разум человечеству и в каких мучениях он его добывает...»

Здесь же я бы упомянула и роман Домбровского «Платон, сын Аполлона». Его нет в библиотеке Литинститута, хотя он издан в Москве в 1998 году, — а с двумя номерами «Брегов Тавриды», где роман опубликован в 2007-м, подаренными мне Галиной Сергеевной Домбровской, я не собираюсь расставаться. И всё же, учась на Высших литературных курсах при Литинституте, я не могла не поделиться «Платоном» с двумя доцентами, читавшими нам курс античной литературы и философии. Мне самый роман о Платоне и Сократе понравился чрезвычайно: со страниц повеяло так похожей на наш Крым Грецией, проступила вечность — всё то высокое и низкое, светлое и скверное, доброе и злое, благородное и подлое, что будет свойственно людям всегда, во все времена, все наши, по слову Домбровского, «радости и печали». К моему изумлению, «античница» Т.Б. Гвоздева сказала, что ей роман не понравился, более того, вызвал раздражение. Чем же?! Оказалось, ей, специалисту по античности, не в чем было уличить писателя: все приметы далёкого времени, подробности быта, поведение людей, словом всё, описано Домбровским с такой дотошной точностью, что «ей здесь нечего делать». Она развела руками и посоветовала дать роман на прочтение философу Зайцевой: «Ольга Вячеславовна любит такие вещи». Действительно, О.В. Зайцева в полной мере оценила «Платона». К чести обеих наших преподавательниц должна заметить, что обе они постоянно старались спустить нас с небес на землю в плане неоправданно восторженного, внушённого Серебряным веком восприятия античности. Тёмной, а не солнечно-светлой, короткой, тяжёлой,

жестокой была жизнь древних людей. «А уж что творилось по отношению к женщинам, дорогие дамы... — говорили наши доценты. — И не воображайте себе! Сафо и Аспасия — редчайшие исключения, а вы, если бы не умерли в младенчестве, были бы попросту хозяйственной принадлежностью». Кстати, хотя творчество Анатолия Домбровского необычайно разнообразно и выделить так называемые «любимые» его темы очень сложно, одну такую тему или мотив я выделяю. Это именно отношение к женщине как носительнице самого прекрасного, светлого, духовного начала. Удивительны женские образы, написанные Домбровским: Екатерина («Все радости и печали»), Александрина («Падение к подножию пирамид»), Жанна («Чёрная башня»), Зоя («Delirium»). Ведь одна только Александрина не поддавалась охватившему её народ безумию. Одна лишь Жанна выживает после локального, скорее символического, виртуального, нежели реального атомного взрыва, потому что только у неё, умной молодой женщины, нет врагов, она не создаёт их, ибо изначально, по природе своей добра. В безумном, взорвавшемся мире «Delirium»'а выживает только Зоя и оставляет нам надежду: она несёт под сердцем новую жизнь.

Не случайно и то, что в финале романа «Перикл» (издан в 2002 г. в Москве издательством «Астрель» и является единственной книгой А. Домбровского в московской библиотеке им. А.П. Чехова) именно женщина-философ Аспасия размышляет о смысле жизни. Она, потерявшая сына мать, отвергает тезис, когда-то навязывавшийся и моему поколению, о том, что «мы живём для детей, для будущих поколений»: «Мы живём и трудимся для будущего детей, дети станут жить и трудиться для будущего своих детей, наших внуков, внуки — для правнуков. Смысл всего этого где-то очень далеко и неясен. Скорее всего, его и вовсе нет». Аспасия думает о том, что смысл человеческой жизни в познании и созидании прекрасного, потому что только такая работа отличает человека от животного и делает его «созвучным всему миру», а значит, бессмертным. Этот роман о жертвенности и любви писатель посвятил жене, Галине Сергеевне. Мне кажется, что высказывания друзей Аспасии, философов, политиков, художников — о нас, о нашем времени, о нашей «исчезнувшей империи», о демократии: «Таков закон империи: несвобода в империи окупается всеобщей безопасностью и благополучием. Свобода приносит лишь вздох облегчения перед смертью». «Народ переменчив и что любил прежде, то нынче ненавидит. Его радости — в переменах, о которых можно болтать, болтать и болтать», — говорит старая гетера Феодора. «Осуждать государство — тоже любимое занятие болтунов, — отвечает Сократ. — Демократия хороша только при мудром правителе».

В книгу «Все радости и печали», кроме романа, давшего название книге, вошёл и роман «Философы». Смешно вспомнить, но благодаря «Философам» А.И. Домбровского, однажды, будучи аспирантом литинститута, я нечаянно «заступилась» за другого любимого мной

писателя — Юрия Трифонова, отстояла его роман «Студенты» в глазах преподавателя. Наш литературовед принялся корить Трифонова за это слабое, по его мнению, а главное, «конъюнктурное», получившее Сталинскую премию произведение. Я развязала полемику, утверждала, что читаю и перечитываю не потерявших актуальности «Студентов» — конфликт добра и зла всегда актуален. У Трифонова, как и в последующих его вещах, зло — мещанство, добро — духовность. Это правда, но правда и то, что свою аргументацию в пользу «Студентов» я невольно, бессознательно строила в основном на «Философах» Домбровского, произведении намного более сильном, сложном, неоднозначном. Но и параллель между этими романами несомненна — одно и то же время, студенчество московское и ленинградское, герой Трифонова — пришедший с фронта и поступивший в пединститут москвич, студент-философ Домбровского — крымчанин, ребёнком переживший оккупацию. По-видимому, очень характерным для послевоенного времени был такой персонаж, как студент-«морячок»: у Домбровского это ленинградец, бывший матрос минного тральщика Виктор Краснов, в «Студентах» Трифонова — Пётр Лагоденко из Севастополя.

Параллели прослеживаются и в дальнейшем творчестве писателей: Юрий Трифонов обличает мещанство преимущественно интеллигентское, московское. И здесь всё вроде понятно. Так, Лена Дмитриева из трифоновского «Обмена» — дочь своих родителей, «умеющих жить» торгашей, чьи корни тянутся из дореволюционного прошлого, от купчиков, что быстро «перекрасились» в трудящихся. Намного страшнее, беспощаднее, загадочнее судьба и вырождение героев романа Анатолия Домбровского «Все радости и печали». Почему Людмила, дочь прекрасных, работающих родителей, крымских колхозников, крадёт серёжки у матери, сорочку у отца, транзисторный приёмник у больного племянника? Когда и почему она превратилась в злобное, жадное, завистливое, омерзительное существо? Ключевое слово здесь — «зависть». Но если корни зависти трифоновского Вадима Глебова более или менее понятны — человек вырос в подворотне элитного «дома на набережной», то Людмила росла равной среди равных. Не позднесоветский ли строй, что нянчился с каждым лентяем, бездельником, пытавшийся не принуждать, а воспитывать, тому виной? Вот муж Людмилы Степан — здоровенный толстый мужик, получающий зарплату за то, что раз в сутки открывает какой-то вентиль, да и в этом «труде» нерадив. А может, не советский строй виноват, а каждый из нас, охотно позволявший и себе, и другим «маленькие» слабости, разрешавший паразитам садиться себе на шею. Ведь убедить ближнего в необходимости и радости труда — это, возможно, самый главный труд, тяжкая работа, к которой мы все призваны с молодых ногтей. Например, не дать однокласснику списать задание, а помочь, объяснить... Все мы пасовали перед нашими захребетниками, кто — из ложного великодушия, кто, как я, сначала — из гордости, а потом от слабости — чтоб отвязались, легче ведь сделать самой...

Да и что такое — эти наши «маленькие» слабости? «Маленькая», казалось бы, простительная слабость отца Людмилы (выпил в сорок пятом году отравленный спирт) обернулась страшным горем, неизлечимой болезнью внука. Почему так случилось? Может быть, человек — если не для себя, то хотя бы ради детей и внуков — обязан быть безукоризненным, должен стремиться к святости? «Дело крепче человека, хотя человек, конечно, дороже», — говорит Екатерина, почти святая героиня «Всех радостей и печалей», женщина удивительной душевной красоты и силы. Она хочет всех оправдать, всем помочь, пытается взвалить себе на плечи все труды, печали, слабости, грехи дорогих людей и — погибает. Вопросов много, ответов нет. Думается, на вопросы эти каждый из нас отвечает своей жизнью. На некоторые мучительные вопросы-предупреждения Домбровского жизнь уже ответила тем, что случилось с нашей страной, а вслед за ней — и со всем миром. Ответы эти безрадостные.

Безусловно, мой любимый роман А.И. Домбровского — «Все радости и печали». Ещё в далёком 1983 г. я обратила внимание на аннотацию к этой книге: «...Общечеловеческие проблемы связаны с жизнью конкретных людей — жителей современного южноукраинского села». Это слова не автора, а издательства. Тогда же царапнуло: «южноукраинское село». Зачем этот странный эвфемизм в применении к Крыму? Кого в 1983 году хотело убедить издательство «Таврия» в том, что Крым — это «южная Украина»? Сегодня, осенью 2014 года, под несущиеся из телевизионных новостей крики укрофашистов «Слава Украине!» и «Москаляку на гиляку!» я пересчитала украинские фамилии в романе «Все радости и печали». Их оказалось то ли три, то ли четыре на почти тридцать русских фамилий: Карпенко, Гордиенко, Кныш. Примерно столько же украинских фамилий было в моём ялтинском классе из двадцати восьми человек. Начала было считать и спохватилась: подсчёт фамилий по национальному признаку в романе любимого писателя и в моём родном классе! До какого сраму я дожила! Не сомневаюсь, что Анатолий Иванович Домбровский фамилий не подсчитывал, просто писал правду, как оно было и есть на самом деле.

«Все Домбровские ведут род от поляков, — написала Г.С. Домбровская в сборнике статей о жизни и творчестве писателя «Сладкая каторга Анатолия Домбровского» (2009 г.). — Дед Домбровского в 1900 г. женился на украинке. Анатолий Иванович считал себя русским по культуре, языку, образу мыслей, русским был записан и в паспорте». Русские «по культуре, языку, образу мыслей» и все герои описанного в романе крымского села Лебяжье. В то же время, происхождение этих русских людей — самое разное. Так, у Екатерины в роду греки, балаклавские рыбаки, её муж Алексей Луканов — «тамбовского корня», Карпенки и Гордиенки — потомки переселившихся в Крым в двадцатые годы украинских коммунаров-бедняков. В романе «Падение к подножию пирамид» (1991 г.) писатель напроорочил страш-

ное, связанное как раз с глупой, на первый взгляд, попыткой объявить Крым не общим, а неким мифическим то ли «южноукраинским», то ли «сармато-киммерийским» пространством: «Маятник истории качнулся назад — и вместо понятия «мы», которое объединяло русских, украинцев, белорусов, грузин, армян, татар, казахов и других уважаемых народов в общее понятие «советский народ», вдруг образовался конгломерат ненавидящих друг друга «хохлов», «кацапов», «чурок», «азеров», «хачиков» и прочих «лиц кавказской национальности». В романе Домбровского процесс одичания образно показан как процесс образования «клубов», объединяющих людей по принципу крови и племени. Люди, в обычной жизни бывшие соседями, коллегами по работе или учебе, в одночасье превратились в злобных скифов, сарматов, киммерийцев, готов; вывернув шубы наизнанку и вооружившись луками, они с воплями скачут по таврическим степям, наводя ужас на представителей других «племен»...» Это из статьи о романе Домбровского «Падение к подножию пирамид» ялтинского чеховеда Г. Шалюгина. Вспомнилось: а ведь Антон Павлович Чехов — на четверть украинец, как и Домбровский, как и я...

Статья Г. Шалюгина написана в том самом 2009 г., когда в Крыму бушевала «ющенковщина» — новый виток беспрецедентного этноцида, подавления русского языка, попытки вытеснить его из всех сфер жизни. Я испытала унижительность этой дикой политики на собственной шкуре: в 2009 г. мне пришлось вступать в наследство в Ялте. Пришлось обращаться в бюро переводов, чтобы перевести и заверить мой российский паспорт, подписывать какие-то бумаги на «мове», но уже без перевода, причём даже государственный нотариус не мог толком объяснить, что же там такое написано... Но это было уже завершением пирамиды, к которой упала государственность родной всем нам и любимой Украины. Робкая моя жалоба на нелепую, оскорбительную политику Киева в отношении Крыма в рассказе «Разбитое будущее» не нашла тогда понимания в Москве: друзья-литераторы говорили мне «не может быть» или «ничего, как-нибудь рассосётся». Не рассосалось, прорвалось нарывом, причём не в Крыму (терпение наше безгранично), а в самом Киеве, на «майдане»... Мартовские события 2014 года — ответ на «майдан».

А начиналось много раньше и, как всегда, при нашем всеобщем попустительстве. В семьдесят шестом году моя одноклассница поступала в Киевский мединститут. На экзаменах ей задавали вопросы по-украински, она, понимая с грехом пополам (несмотря на хрущевское присоединение в 1954 г. и обязательный, но халтурно преподававшийся в школе предмет, крымчане не знали и не знают украинского языка), отвечала по-русски. В результате не добрала одного балла. После экзамена, «в кулуарах» старенький профессор сказал ей по-русски: «Деточка, зачем вы сюда полезли? Запомните: ваши города — Харьков, Одесса, Симферополь». Правда, в том же году в тот же Киевский «мед»

поступила девочка из параллельного класса. У непоступившей была русская фамилия, у поступившей — украинская, с окончанием «ко». Случайность или закономерность? Важнее другое: ни родители наши, ни учителя не пытались протестовать. Брезгливо пожимали плечами, советовали ехать учиться в Москву или Ленинград. Мы и ехали, и поступали. И никому даже в голову не пришло, что надо бороться, писать в министерство образования, в советы депутатов, в ЦК КПСС — мало ли было инстанций! — о явном нарушении закона, о поднимающем голову национализме, о дискриминации... В семьдесят шестом мне было семнадцать, но в том, что случилось с моей родиной, я вижу и свою вину.

За полтора месяца до своего ухода Анатолий Иванович Домбровский снова и снова предупреждал всех нас, и русских, и украинцев, и крымчан, и москвичей. Вот что писал он в статье «Подстрекатели», опубликованной 5 сентября 2001 г. в газете «Крымская правда»: «История, преподнесённая подстрекателями... учит тому, что Россия и русские — враги крымскотатарского народа, что русские и украинцы — два разных народа и в истории их взаимоотношений — только вражда и ложь, что Европа — нам мать родная, которая не зарится на наши богатства, что американская демократия — высшее достижение в мире... Всех наших нынешних бед не перечесать. Украинские подстрекатели... говорят, что в этих бедах виноваты «москалы», русские говорят, что виноваты «хохлы»... Умолчание об истинах истории — один из способов её фальсификации».

Да, начиналось с умолчания и попустительства, продолжилось фальсификацией, а теперь и совсем просто, без тени смущения — чёрное называют белым, белое объявляют чёрным... Антиутопия писателя о некогда добрых соседях, превратившихся в «злых скифов, сарматов, киммерийцев», бушует в Киеве, но в Крыму не реализовалась, споткнулась о Перекоп. Может быть, не в последнюю очередь благодаря созданному в конце 1990 года по инициативе А.И. Домбровского Союзу русских, украинских и белорусских писателей Крыма и его органу — журналу «Брега Тавриды», которым продолжает руководить Галина Домбровская.

Я начала со своеобразной «нумерологии» и ею же хочу закончить. В памятный день моего знакомства с Г.С. Домбровской меня поразили её слова: «Домбровский был старше меня на тринадцать лет, но теперь только на пять, он умер восемь лет назад, и я с каждым годом приближаюсь к нему, по возрасту». В год воссоединения Крыма с Россией, в год восьмидесятилетия Анатолия Ивановича Домбровского Галина Сергеевна сравнилась с мужем земными годами. Пусть же долгими будут опущенные ей лета земные, пусть не в печаль, а в радость будут дни её и труды.

*Московская область,
ноябрь 2014 г.*

Геннадий ШАЛЮГИН,
заслуженный работник культуры
лауреат премий им. А.Чехова, А. Домбровского,
М. Волошина, член Союза писателей России

«ПТЕНЦЫ НИКОГДА НЕ ПОДНИМУТСЯ В СИНЕЕ НЕБО...»

**Дети и война. О повести А. Домбровского
«Птицы ничего не расскажут»**

Недавно у меня был разговор с человеком, который из-за военных действий бежал с Луганщины в Крым. Я спросил, как реагировали его дети на обстрелы. Он сказал: «Вчера возле ресторана в Перевальном (это рядом с Симферополем) для посетителей устроили вечерний салют: загремели взрывы петард ...и девчонки мгновенно залезли под кровать. А у меня — сын инвалид первой группы, сам не передвигается. Так я лег на кровать и прикрыл его своим телом»... Беженец с горечью рассказывал о братоубийственной войне, которая развернулась как раз в тех местах, где гремели бои Великой Отечественной... Особенно страшными были бои на кургане Саур-могила, где в память о них остался огромный обелиск. Но сегодня памятника уже нет — его сравнивали с землей во время противостояния повстанцев с украинской армией. А ведь эти места очень любил юный Антон Чехов: Саур-могила описана в нескольких произведениях писателя...

А вот совсем свежее новостное сообщение от 5 ноября 2014 года, цитирую Р.Ахметова: «Несколько часов назад в моем родном поселке, на территории школы, в которой я учился, разорвались снаряды. В это время на футбольном поле были дети-подростки. Двое из них погибли, четверо тяжело ранены и доставлены в реанимацию. Произошла еще одна страшная трагедия! Пострадали ни в чем не повинные люди, на этот раз — дети!»

Погибшие ребята учились в этой школе. ...Занятия не велись из-за обстрелов, ребята были переведены на домашнюю форму обучения. Раненые подростки до сих пор остаются в больнице. Один из парней находится в реанимации, его брат получил тяжелую контузию. Еще одному мальчику пришлось ампутировать ногу. Самому младшему из пострадавших всего 11 лет, он получил ранения плеча, поясницы и пятки.

Увы, так всегда и было: дети — первые жертвы войны. Детская психика в таких условиях не справляется со стрессами и деформируется. Выяснилось, что у 25% маленьких жителей Донецкого региона —

повышенная тревожность, и каждый второй ребенок испытывал страх из-за военных действий. Больше всего психически страдали малыши в возрасте от трех до шести лет, у которых боязнь крови и резких звуков превышает норму. При этом мальчики больше всего боятся смерти, а девочки — боли.

А вот еще поразительная новость на детскую тему из Харькова: власти Луганской Народной Республики сообщили, что харьковские медики отказались лечить детей из Луганска, потому что *«не знают такой страны, как ЛНР»*. Это и есть настоящий фашизм, которым оказались заражены даже врачи, призванные оказывать помощь, не взирая на политику. Напомню, за последние месяцы с Украины были перевезены и госпитализированы в российские больницы более 50 детей. Такие данные привел Уполномоченный по правам ребенка в России Павел Астахов. По его словам, на 25 сентября всего в России находились 2,6 тысячи беременных женщин и около 99 тысяч детей.

Сегодня на таком же фоне читается повесть **Анатолия Домбровского «Птицы ничего не расскажут»**, которая написана в далекие 60-е годы, когда со времени окончания ВОВ прошло уже более двух десятилетий. Тогда история неожиданно напомнила о трагической судьбе детей под бомбами — по ТВ показывали страшные кадры из Вьетнама: горящий в напалме ребенок бежит по улице деревни Сонгми, которую американцы уже стерли с лица земли... И вот что-то очень похожее началось в этом году на братской земле Украины. Сначала коктейли Молотова, которыми националисты, считай — нацисты, потчевали бойцов «Беркута» в Киеве, потом на мирные кварталы Донецка полетели фосфорные бомбы.

История повторяется, потому столь важен опыт воспроизведения жизни детей, который отражен в повести «Птицы ничего не расскажут» А. Домбровского. Он тем более необходим, так как произведение написано на основе личных воспоминаний писателя, который родился в 1934 году в деревенской семье, и детские годы его прошли в крымском селе Караит (Коммунарное) Раздольненского района. Это поселение в северном Крыму, в той его степной части, что примыкает к Каркинитскому заливу. Отец мальчика — Иван был деревенским мастером на все руки. Юному Анатолию Домбровскому довелось пережить здесь годы фашистской оккупации...

Уже в первых строках повествования возникают знакомые обитателям селений на берегах Сиваша пейзажные реалии, которые мы видим глазами героя повести Семена Плахова, именуемого попросту Семка. А вот его друзья, которым не суждено было выжить: это Ленька Мельник, что на два старше его и считался первым атаманом мальчишек. И если Ленька даже дразнил его, Семка драться никогда не решался. Был в селе еще один мальчишка, с которым Семка жил в мире, — Вася Никитенко.

Вспомним, как начинается повесть: «Сёмкино солнце всегда всходило над заливом... Оно всплывало, как большой красный мяч, дрожало в утреннем прохладном воздухе, вытягивалось, словно ему трудно было оторваться от воды, и, наконец, повисало над песчаными островками, поросшими густым камышом. На этих островах водились мартыны-гоготуны — большие белые птицы. Всякий раз, когда Семка выходил по утрам из дому, он видел этот залив, острова, слышал, как хохочут мартыны. Смех у них громкий и невеселый. Порою даже кажется, что птицы плачут. Вот и сегодня в их многоголосом гомоне звучат протяжные печальные ноты. Эхо подхватывает их, и они подолгу висят в гулком холодном небе. «Отчего бы это?» — подумал Сёмка».

С такого непростого вопроса начинается повесть, и вскоре мы узнаем, что идет война с фашистами, что фронт уже подкатился к Крыму, что бои идут на Перекопе — всего в 40–50 километрах от села... Тема приближающейся оккупации имеет выразительную образную параллель:

«Целые полчища перекаати-поля запрудили деревню, столпившись у заборов, скирд и сараев, увязнув в иле узкого лимана. Он стал похожим на серую колючую змею, которая подползла к заливу и окунула в него голову».

У меня, как читателя, сразу возникли вопросы. Почему солнце названо «Семкиным»? Такая соотнесенность светила и людей встречалась, к примеру, у И. Шмелева в «Солнце мертвых». Мы понимаем, что это глубоко символический образ, отражающий трагизм народа на историческом изломе. А тут обыкновенный мальчишка из крымской глухомани... Другой вопрос: почему повесть про военное крымское детство называется так странно, по-птичьи: «*Птицы ничего не расскажут*».

И вдогон — еще один вопрос: что это за птица такая: хохотун? Вероятно, это чайка? Конечно, сразу напрашивается переключка с чеховской «Чайкой», которую убили ни за что — на нее проецируется тяжелая судьба актрисы Нины Заречной. Но если и есть аналогия, то скрытая. В реальности гоготун — это действительно разновидность крупной чайки с черной головкой (черноголовый хохотун). Как отмечено в орнитологических справочниках, размах крыльев птицы — около метра. Гнездится на островах. Издает тревожные крики напоминающие хохот: «гау-ха-га-га».

Но есть, оказывается, в названии птицы еще и мифологический подтекст, связанный с образом солнца: Великий Гоготун — в египетской мифологии божество в виде белого гуся, образ которого восходит к мифам о рождении солнца в облике птицы... (Энциклопедический словарь). Книга мертвых гласит, что Великий гоготун — божественная птица, первой влетевшая в космическую тьму и нарушившая вековое безмолвие Хаоса. На изначальном холме снесла первое яйцо. Из этого яйца вышел бог солнца Ра (Википедия). Известно, что А. Домбровский не раз бывал в Египте и прекрасно ориентировался в египетской мифологии. Благодаря этой переключке конкретная история крымских деревенских ребят, оказавшихся в немецкой оккупации, об-

ретае бытийный, обобщающий смысл. Семкино солнце становится солнцем мертвых — мертвых детей и мертвых птиц, которые некогда породили солнце, и которые уже никому ничего не расскажут...

Эта параллель дети-птицы поддерживается автором на всем протяжении повествования. Она становится лейтмотивом повести. Вот падает рукотворная птица — подбитый советский самолет. Дети становятся свидетелями человеческой смерти. Одной из многих, которые предстоит пережить:

«Крылатая машина бесшумно пронеслась над ними на высоте каких-нибудь двухсот метров, пересекла лиман и ударилась о землю...

Несколько секунд все стояли молча, не понимая, что произошло. Потом, оставив одежду и рыбу, бросились к самолету. Сначала бежали. А когда увидели, что от самолета остались одни обломки, пошли шагом, а затем и вовсе остановились. Всем вдруг стало страшно: там, среди обломков, должен быть человек.

Первым пошел Ленька. Подойдя к самолету, он резко обернулся и закрыл рот рукой. Он хотел что-то крикнуть. Мальчишки увидели его испуганные глаза. Каждый из них столкнулся с этим впервые. Человек не умер. Он погиб. Имя его неизвестно...

Война... Идет война. Мальчишки только теперь по-настоящему поняли это, стоя у обломков разбитого самолета.

Кричали мартыны... Светило солнце. Все было таким же, как и всегда. И только люди стали совсем другими, невеселыми. И еще случилось что-то такое, о чем трудно рассказать. Как будто и море, и небо стали чужими... И было очень тихо, и жутко, и одиноко».

Смерть теперь стала повседневной реальностью. Она стала оселком, на котором проверяется человечность. Кто-то сохранил человеческие чувства, а кто-то утратил... Из таких и получались предатели, фашистские прислужники, как кузнец Лыков. Вот характерный пример — своего рода проверка на человечность:

«На дороге лежали два убитых красноармейца. Один с ромбиками на гимнастерке — командир, другой — рядовой. Лежали лицом вверх, широко раскинув руки. У командира возле рта застыла струйка крови.

— Надо бы похоронить, — сказала мать Васи Никитенко и заплакала.

— Что вы, что вы! — закричала Лыкова. — Увидят немцы — всех убьют. — Она схватила свою Нинку за руку и пошла.

Следом за нею потянулись еще несколько человек — женщины с маленькими детьми. Впереди всех топал в своих слоновых башмаках кузнец Лыков. Он даже не остановился, увидев убитых.

Нечем было вырыть могилу.

— Давайте мисками, — предложил Ленька. — Земля мягкая...

Рыли могилу железными мисками. Перенесли в нее убитых, накрыли шалями и засыпали землей»...

Вот еще одна параллель с нынешними реалиями восточной Украины, где мирному населению Донбасса пришлось покинуть жилища и перебраться в подвалы:

«Вечером деревню стали бомбить. Вероятно, немцам стало известно о тех дальнобойных орудиях, которые находились за околицей.

Семка с матерью перебрались в колхозный подвал, где хранились овощи и рыба. ...Горела керосиновая лампа. Люди сидели на бочках вдоль стен, некоторые принесли с собой стулья. Бомбы рвались недалеко. С потолка то и дело сыпался песок».

Вспомним кадры документальных репортажей из Луганска и Донецка: холодные подвалы, в которых скрываются от бомбежек родной украинской власти старики и дети...

А вот очень жизненное наблюдение над детской психологией, надломленной войной: «В войну играть не хотелось. И без того война». Но мальчишечье любопытство неискоренимо. Вот ребята находят неразорвавшийся снаряд, и мы уже догадываемся, что будет дальше. Ребята пытаются его разобрать с помощью зубила... Параллель — многочисленные смерти нынешних донецких мальчишек...

Повесть Домбровского — произведение многоплановое. Здесь немало подробностей жизни и была приморского селения, жители которого сочетали ловлю рыбы с землепашеством. Они живописны — и это понятно: автор опирался на впечатления собственного детства. Великолепны утренние и вечерние пейзажи с видами на птичьи острова в лимане. Есть пласт жизни, обусловленный реалиями того времени: это советская страна начала 40-х годов, со всеми атрибутами того времени: пионеры, комсомол, коммунисты, колхозы... Повесть выходила в 60-х годах, и, разумеется, не могла не пройти мимо примет советского времени... Сейчас это можно было бы назвать «совком», даже попенять автору за «коммунистическую пропаганду». Но вряд ли поднимется рука кинуть в автора камень. На фоне сегодняшней практики промывания мозгов, тотальной дезинформации, которую практикуют средств массовой информации, особенно в Украине, эти легкие штрихи кажутся невинной забавой. Да и небезынтересно нынешней молодежи узнать, как ребятишки в оккупированном Крыму рисковали жизнью, сохраняя пионерские галстуки, как они тайком собирались, чтобы учиться по советским учебникам... Немцы ввели в школьное образование восхваление рейха, арийской расы, фюрера и нацистской идеологии. Точно так поступили украинские националисты после прихода к власти, и сознание многих детей до сих пор еще затуманено «исторической правдой» о древности великого украинского народа, о героях УПА, о Бандере, о кознях «москалей» которые только и делали что угнетали свободолюбивый народ Украины...

В повести — живые детали, штрихи драматической картины жизни крымчан под пятой оккупантов. Но на первом плане — судьбы детей, которых война столкнула лицом к лицу со смертью и предательством... Изломана судьба бедной девчонки Нинки Лыковой, чей отец стал полицаем. По детской глупости она проболталась про отца одного из друзей — человека тотчас арестовали и расстреляли... Что должен был делать сын расстрелянного патриота? Он замышляет страшную месть,

убийство предательницы... Но не так-то просто ребенку убить другого ребенка — девочка в конце концов остается жива, а страницы повести пронизаны описанием настоящей душевной трагедии детей, вовлеченных в войну.

Патриотизм того времени закономерно становился советским патриотизмом. Разумеется, включены эпизоды о том, как ребята пытались чем-то навредить оккупантам: то свастику нарисуют на воротах дома коллаборантов, то трактор полиция испортят, а то и снаряд в кузнечный горн подложат, чтобы полиция убило... Но все это дано без особого идеологического нажима — в отличие от знаменитого роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Там ребята ведут подпольную работу под руководством коммунистов, что подчеркивало ведущую роль партии в разгроме врага...

Лик войны, заслонившей детское небо, воистину ужасен. Вот одна из заключительных сцен повести — перед приходом наших войск. Полицей Лыков заметался, видя как оккупанты покидают Крым. От отчаяния — или из подлости — он начал стрелять в бывших своих господ — в отступающих немецких солдат. Может, это была провокация ради того, чтобы фашисты уничтожили всех жителей селения, чтобы не осталось в живых свидетелей его предательства... И действительно, фашисты полностью уничтожили село и его обитателей... Звуки выстрелов услышал Семка, который был до того на птичьем острове, где оказывал помощь раненому отцу:

«Наши!» — подумал он радостно. И стал грести руками изо всех сил. ... До его слуха долетел замирающий гул моторов. Он встал. Далеко за селом клубилось облако пыли. По дороге удалялись машины. Первым, кого он увидел, вбежав во двор, был Саша Лебедев. Раскинув руки, он лежал посреди двора. Около его головы поблескивала на солнце лужица крови. Семка огляделся. Откуда-то доносились стоны. Почти во всех окнах были выбиты стекла. Он почувствовал, как ему стало тесно в собственной коже, на голове зашевелились волосы. Боясь приблизиться к Саше, он обошел его и заглянул в окно дома Лебедевых. Сашина мать лежала на полу ничком. Возле порога, прислонившись спиной к стене и странно подогнув ноги, сидел младший брат Саши. Голова его упала на грудь. Стена над ним была прошита пулями. Семка попятился. Где же живые люди? Где тот человек, который сможет объяснить ему, что здесь произошло?

Тысячи часов длилось ожидание. И вот теперь, когда до прихода Советской Армии осталось совсем немного, война в последний раз сотворила свое страшное дело. Самое страшное, какое Семка тогда только знал. Он стоял среди двора и ждал, что, может быть, появится хоть кто-нибудь из живых. Морской бриз еще не успел выветрить запах пороха. В молодой листве кричали всполошившиеся птицы. Откуда-то доносился раздражающий душу вопль. Это кричала женщина.

Семка потерял счет времени. Он кружил по двору и уже ничего не видел, не слышал. Глухо стучало сердце. Какой-то странный запах неотступно

преследовал его. Потом он понял, откуда этот запах: где-то в печи сгорали хлебы...».

Птичья символика повести достигает необычайной силы, когда мальчишка, у которого фашисты расстреляли отца, встает перед нравственным выбором: струсить, уйти в сторону — или принять решение, которое может и его самого лишить жизни. Приведу цитату обширную, но очень важную для понимания идеи повести:

«Всю ночь бушевало море. Могучие волны обрушивались на берег маленького острова, словно пытались опрокинуть его. Ветер зловеше свистел в непроглядной тьме и трепал, пригибая к самой земле камыши. Кричали ошалелые птицы. Песок со свистом сек дощатые стены сторожки. Ночь не торопилась уходить. Время от времени дверь сторожки открывалась, и из нее выскальзывала фигура мальчишки. ...Это был Ленька Мельник. Еще вчера днем, после похорон отца, Ленька где вплавь, где вброд добрался до Мартыньего острова, чтобы в одиночестве прочувствовать до конца свое горе.

Никого из родных больше не осталось у него. ...

К утру норд-вест выдохся. Но море еще долго не хотело успокаиваться, неистовое и черное. Перекатывая гальку, оно словно скрежетало зубами, вгрызаясь в истерзанные берега. Низкие клубящиеся тучи долго не давали взойти солнцу. Но вот оно проткнуло лучами летящие клочья и золотом упало на песок.

Остров устоял. И снова в небо стали взлетать птицы. Ленька, задрав голову, следил за ними. Ему нравилось здесь, среди птиц и моря. Море злится, чтобы успокоиться, а птицы улетают в его просторы, чтобы возвратиться к своему острову, к своим гнездам, к своим птенцам. Птенцы. Они всегда такие забавные. Серенькими цепочками они усаживаются вдоль берега в ожидании своих родителей, дремлют на солнцепеке, и им снится, что они уже летают высоко-высоко над морем в синем небе. Этот остров — их родина и родина многих поколений мартынов-гоготунов.

Мартыны, словно поняв его, унеслись в сторону и стали кружить над каким-то черным пятном, покачивавшимся на волнах метрах в ста от берега.

Ленька сначала подумал, что это дельфин, который погиб, не выдержав ночного шторма... Непонятный предмет то и дело нырял за волны, и его никак не удавалось разглядеть толком. Но вот он поднялся на гребне крутой волны, и Ленька понял, что это. К острову приближалась рогатая плавучая мина. ...Мина грузно покачивалась на волнах. Ленька вдруг почувствовал себя страшно беспомощным и одиноким. Волны медленно, но настойчиво подталкивали мину к острову. Какая-то из них, откатываясь, резко опустит мину на галечное дно, сработает взрыватель, и глупые пенцы, которые уже приковыляли к берегу, никогда не поднимутся в синее небо. Их так много. Убежать? А потом сказать, что не видел, что во всем виноваты война и ветер. Птицы ничего не расскажут, но они запомнят. А птицы, которые останутся живы, не вернутся больше на этот остров. И мудрый какой-нибудь мартын захочет когда-нибудь над Ленькиной головой, как смеются над трусом. Будь прокляты война и ветер! И человеческая трусость! И жизнь тех, кто трусил, когда надо было отстоять чужую жизнь!

И Ленька заплакал вдруг, как плачут мальчишки просто оттого, что им больно. Он плакал потому, что нет теперь у него отца, что он остался один, что расстреляли Васиного отца, который охранял эти острова и птиц. Все станет чужим: и птицы и море, и нельзя будет слушать их и любоваться ими, потому что ты их предал. Но как можно жить без всего этого? Как?

Любопытные птенцы толкались у ног Леньки, пощипывали его за пальцы, покрикивали, чего-то требуя.

— Ну, куда вы? Куда вы? — закричал на них Ленька. Он пытался отогнать их подальше, в глубь острова, но ничего не получалось. Их ведь сотни. Они не уйдут от берега. Они ждут родителей, которые принесут завтрак.

... сюда плывет эта рогатая мина, Ленькина смерть. Он, не раздеваясь, прыгнул в воду. Взлетая на гребнях крутых волн, поплыл навстречу мине. Когда его рука осторожно коснулась шершавой оболочки мины, исчезли все опасения. Он толкал рогатую тушу, преодолевая волны, и все его гибкое тело пело от ощущений собственной силы и ловкости.

Он отведет мину от острова. И ветер погонит ее к пустынным берегам. Там с ней можно будет потом расправиться, если только она не взорвется сама где-нибудь на мели. Но и тогда никакого вреда она не причинит ни людям, ни птицам. Только бы хватило у него сил. Слишком холодная вода. Потом он сделает все, что задумал. Никто не уйдет от его кары...

Взрыв страшной силы неожиданно потряс море и небо. Его слышали все, кроме Леньки. Птицы метнулись ввысь, птенцы на островах прижались к земле. Потом наступила тишина.

В селе долго искали Леньку, но никому так и суждено было узнать, куда он исчез».

Писатель в этих строках мастерски сплавил в единое целое и диалектику душевных переживаний мальчика, решившегося на смертельный риск, скорее напоминающий самопожертвование, и описание природы острова — родины и обители тысяч птиц, и динамизм повествования, от которого перехватывает дыхание.

Здесь же, если внимательно всмотреться в текст, увидим соединение образов солнца и птиц, что придает повести необычайную смысловую емкость, даже бытийное звучание. Мальчик принимает решение спасти этих бестолковых, но таких беззащитных птенцов, их беспокойных родителей, которые не подозревают о грозящей смерти. Он принимает смерть на себя, спасая птиц... А что такое солнце, если обратиться к египетской мифологии? Именно гоготуны в свое время и породили солнце... Спасая птиц, мальчик спасал и солнце — основу бытия всего живого на земле.

А Семка остался жив... И потому «Семкино солнце» снова встало над горизонтом, чтобы нести свет и тепло птицам и людям.

Ялта

Валерий МИТРОХИН,
прозаик, поэт, публицист, журналист,
член Союза писателей СССР с 1982 года
и Союза писателей России,
лауреат премии им. Н. Гумилева
и Премии АР Крым

ПАМЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

То было золотое время. Анатолий Домбровский раздобыл старенький, на ладан дышащий «рафик» и водителя к нему. Молодого мужичка — пьяницу горького, но послушного и уважительного: паря этот микроавтобус наш содержал в порядке, да таком, что мы на нем исколесили Крымский полуостров и вдоль, и поперек. Причем никогда машинка эта не ломалась. Отличалась стойкой проходимостью по любым дорогам — и разбитым проселочным, и крутым горнолесным.

В те годы (70-е) принято было создавать творческие бригады. Ездить по местам боевой и трудовой славы, встречаться с ветеранами войны и труда; выступать на полях и фермах, в садах и на виноградниках, в сельских клубах и школах, в сельских и районных домах и Дворцах культуры.

Анатолий Домбровский — сначала ответственный секретарь Крымской писательской организации, потом и председатель ее — был на подъем легким. Общительный и веселый парень, он без напряжения организовал костяк такой бригады, в которую входили не только литераторы, но и музыканты, всегда находилось место и для журналистов крымского телевидения, «Крымской правды» (как правило, это была Галина Михайленко из отдела культуры газеты). А другую областную газету «Крымский комсомолец» — в те годы представлял автор этой заметки — ее сотрудник и начинающий поэт.

Для начала вспомню постоянный состав нашей агитбригады: понятное дело, это сам Анатолий Иванович Домбровский, директор клуба писателей Олег Соболев, тогда уже известный тележурналист, опытный газетчик и ярко заявивший о себе прозаик со своей, никогда, по моему, не изданной замечательной повестью «Пепел Гуты»¹. Художни-

¹ Повесть «Пепел Гуты» О. Соболева опубликована в «Брегах Тавриды», № 2, 1992 г. [Прим.ред.]

ца и феноменальный график Людмила Сизикова, романистка и мастер очерка Елена Криштоф, иногда — Маргарита Георгиевна Мигунова, редактор издательства «Таврия», писательница, ученица Константина Паустовского (ныне здравствующая — 90 лет). Забегая вперед, скажу: спустя несколько лет, я стал работать в этом издательстве заведующим редакцией, где она оставалась старшим редактором. Обстоятельство это меня смущало, потому что я был профан, а она профи. Причем с большим к тому моменту стажем. Видя такую мою зажатость, она потихоньку посоветовала мне: «Вы не робейте! У вас получается. А если что — я всегда рядом. Я ведь отказалась от должности, потому что зашиваюсь. Тут много работы. Да и самой что-то написать хочется». У меня и отлегло.

М. Мигунова помогала во многом, то есть что касается редподготовки, составления издательских планов, написания «отлупных» писем — ведь не было такого автора (из получивших отказ быть изданным), который не пошел бы в писательскую организацию жаловаться. Принимал этих ходяков Домбровский, или Соболев. Они умели так заговорить обиженного, что всякий собиравшийся «дойти до обкома», уходил умиротворенный. Это был простой, отработанный прием: они сами начинали жаловаться на издательство, мол, там народ суровый, даже нам отказывают, бывало и так — даже маститым возвращали рукописи. Впрочем, авторам высокого уровня, как правило, отказывали из Киева — была там такая организация Госкомиздат, курировавшая издательства Украины. Ее чиновники блюли идеологическую чистоту литературы, часто придирались к рукописям, особенно молодых; теснили неизвестных, а порой, чтобы власть показать, и литераторов уровня Домбровский — Соболев тоже. Место подо мной было горячее. И сам я был горяч. Чтоб не наломал дров — на совещания и разборки по моим проблемам в писательскую организацию обычно отправлялась Маргарита Георгиевна.

Ездили в таких бригадах и неразлучные друзья поэт Владимир Орлов и композитор Лев Перевеслов, писавший песни на стихи друга-Володи и музыку к спектаклям по пьесам Орлова для Крымского театра кукол. С телевиденья с нами ездили также телередактор Светлана Рыжкова, и режиссер Иван Холодков, а операторы — сменные, помню, чаще всех это был Слава Сыщук.

И постоянно, конечно же, участвовал в таких вылазках поэт Владимир Терехов — первоначально директор Симферопольского клуба писателей, потом одновременно ответсекретарь организации и руководитель литературного объединения.

Одним словом, это был крепко «спевшийся» коллектив. Мы были популярны и активно приглашаемы в любое время года, но особенно жаркие денечки выпадали на лето, когда в Крыму разворачивалась убогорочная страда.

Во всех районах у нас были свои люди. Я имею в виду не только

секретарей парткомов, комсомольских организаций, райкомов партии или комсомола... Разумеется, повсеместно в разных уголках жили-были начинающие и опытные литераторы, которые с нашим появлением вливались в состав бригады.

В Керчи это были Василий Маковецкий, Валерий Левенко, Николай Мариин, Наум Славин, Марк Смородин, Вячеслав Отрошко, Николай Щербуха... Кажется, всех назвал. В Феодосии — Владимир Зарубин, Владимир Павлов, Руфина Максимова, Яковь Рудь, Семен Пивоваров... В Черноморске — Орест Корсовецкий, в Ленинском районе — журналисты Юра Замятин, Жора Фелировский, Михаил Федорович Вольфсон, детский поэт Рудольф Кучеренко... Мы ездили с ними выступать по колхозным токам, полевым станам, к рыбакам, посещали пионерские лагеря... Обычно в таких детских здравницах или в пансионатах мы и заночёвывали. Допоздна сидели у костра под песни, анекдоты, чтение стихов, сухое вино и шашлык...

Повсюду и всегда доминировал, что естественно, Анатолий Иванович. Уходил в свой коттедж последним, потому что за каждого из нас, особенно молодых, он отвечал. Нас ведь тянуло на подвиги: испугаться «под мухой» в ночном море, пойти на танцы, где местные могли не принять как должное наши исключительность и таланты — не правильно оценить нас... Поэтому каждого из таких потенциально проблемных членов агитпробега расселяли в компании с трезвым и взрослым участником. Обычно я оказывался в одной комнате или палатке с Володей Тереховым — человеком трезвым и спокойным. Степенный, в отличие от нас, он пил у костра молоко или сметану, которые нам тоже выдавали и за «вредность», и по желанию.

Лучше Домбровского открыть и вести встречу частенько было просто некому. Красноречивый, поразительный импровизатор, он умел говорить кратко и ярко. Как правило, в первых рядах «выступальщиков» шли молодые. В том числе и я. В зависимости от отведенного для встречи времени и определялся регламент. Отдывались, конечно, поэты. Не станет же прозаик рассказы читать. Но если кого-то хорошо слушали, зачастую, например, это был блистательный чтец Орлов (коли аудитория была детская), тому Домбровский давал знак, что данному оратору время выступления продлевается...

Еще было у нас такое правило. Тот член агитбригады, в родные места которого, отбывала бригада, должен был заранее похлопотать о разных, отнюдь немаловажных, мелочах. Например, о том, где можно по себестоимости купить рыбы или мяса, арбузов или фруктов-овощей. И как следствие, «с заготовками» возвращались зачастую в тесноте, да не в обиде: «рафик» переполнен был ящиками и мешками по самое не могу...

Увлечшись, я что-то, однако растекся мыслью по древу. Ведь намеревался написать о Домбровском. Выходит, задача сия оказалось для меня не совсем простым делом. Хотя бы потому, что Анатолия

Домбровского как личность немисливо представить отстраненным от людей. Он всегда был в центре внимания, окруженный восторженными почитателями и тайными завистниками. Я не был ни тем, ни другим. И относился к этому человеку по-особенному. Во-первых, он был, как и я, крымчанин в 10-м поколении. Во-вторых, мне честно нравилась его литература. В-третьих, с появлением его в крымской организации на должности директора писательского клуба у нас быстро сложились деловые отношения. Я даже какие-то рецензии пытался писать на его прозу. Это был интеллект. Обаятельный, умный артистичный и талантливый. Он мог сильно влиять на людей, близко с ним соприкасающихся. Например, Олег Соболев, обожавший Толю, невольно перенял не только ритмику речи старшего товарища, но и жесты, интонации и даже мимику... Молодые поэтессы посвящали ему стихи и даже сборники стихов. Подхалимы ходили по пятам, заискивали и пользовались его добротой. Завистники хвалили его на собраниях и заседаниях, а за спиной творили козни.

Запомнился и такой случай. Через нашу редакцию проходил один из первых его романов «Птичьи ветры». Заместительница главного редактора за моей спиной, используя, как сказали бы теперь, админресурс, решила покончить с красивым парнем только за то, что он не удостоил ее, одинокую, своим особым вниманием. Надо отдать должное — Домбровский был на редкость целомудренный человек. Время для мести она выбрала, как ей казалось, весьма удобное. Домбровский отбыл в Киев на очередной съезд писемников. Директор издательства — в командировку, в тот самый вышеупомянутый Госкомиздат, главный редактор заболел... На хозяйстве остались замша, как мы все ее называли, и я — парторг издательства и завредакцией художественной литературы. Рукопись Домбровского, отрецензированная и согласованная на всех уровнях и даже в Лито (цензуре), должна была уйти в типографию еще за неделю до развернувшихся событий. Я был уверен, что так оно и станется, как вдруг раздался звонок из Днепрпетровска — и директор типографии поинтересовался: почему «Таврия» срывает график сдачи в набор романа Домбровского? Я, конечно, опешил. Спрашиваю у ведущей рукопись редакторши. Мой вопрос ее почему-то смутил, и она, покраснев, доложила, что рукопись задержалась у замши. Почему? Она, мол, решила отправить роман на вторую рецензию. Такое практиковалось, но лишь в том случае, если мнения заведующего редакцией и руководства издательства расходились. Но тогда был не тот случай. И я отправился к замше, которая, пыхая сигареткой, объяснила, что распорядилась не отправлять вещь в набор, поскольку она сырая.

Понятливый, повторять мне что-либо никогда не было необходимости, я вынужден был позвонить в Киев, чтобы через СПУ (Союз писателей Украины), через самого Павла Загребельного, выяснять телефон гостиничного номера, в котором остановился Домбровский. Через

полчаса мне перезвонили с Банковой — и я тут же набрал Анатолия Ивановича.

— Что я должен делать? — спросил Домбровский.

Он был слегка растерян столь неожиданным поворотом событий.

— Звонить в Госкомиздат...

Анатолий Иванович так и сделал. Встретился с куратором и директором нашего издательства Михаилом Фёдоровичем Гончаровым, тоже пребывавшим в Госкомиздате. Уже через пару часов из Киева пришло распоряжение немедленно отправить рукопись в типографию.

Замшу это напугало до такой степени, что она лично, ночным поездом, отвезла роман Домбровского в Днепропетровск. Перед Домбровским извинилась, а меня занесла в черный список...

Позже, когда также не без ее стараний, чиновник Госкомиздата и некоторые местные литераторы подвергли меня гонениям, я, понятливый, написал заявление «по собственному желанию». Домбровский мне сочувствовал и вызывался вмешаться. Но это уже мне не нужно было — я нашел себя в другом деле. Вскоре Анатолий Иванович несколько раз заезжал тем же «рафиком» в Щелкино, где я возглавил писательский пост на строительстве Крымской АЭС.

А потом, когда та же самая замша попыталась остановить издание моего первого романа «Искорень», Анатолий Иванович заступился — отстоял меня, о чем я узнал позже, когда уже получил сигнальные экземпляры книги (кстати, редактировала ее Маргарита Георгиевна Мигунова).

Так сложилось, что сквозь нескладную мою жизнь прошли многие яркие личности. Они многому меня научили своим образом поведения, своим творчеством, отношением к делу. Я говорю о людях искусства, главным образом, о литераторах. Анатолий Домбровский — один из них. Быть может, такой памятный для меня еще и потому что, несмотря на многое хорошее, что нас связывало, друзьями мы, к сожалению, так и не стали.

Симферополь

**Валерий МЕШКОВ,
Янина ГРОШЕВА,
члены Союзов журналистов России и Украины**

«ЕВПАТОРИЙСКИЕ ГОДЫ» АНАТОЛИЯ ДОМБРОВСКОГО

(К повести «Красная каска»)

В этом году исполняется 80 лет со дня рождения замечательного советского русского писателя-философа, академика, почетного крымчанина Анатолия Ивановича Домбровского (1934–2001). Теперь мало кто помнит, что в год его рождения был основан Союз писателей СССР. Писательская судьба Домбровского, как и многих литераторов советского государства, с тех пор неизбежно была связана с этой организацией. Анатолий Иванович на себе испытал все ее позитивные и негативные качества. Со своей страной, Советским Союзом, он прошел и трудные предвоенные годы крымского села, и все тяготы фашистской оккупации Крыма, как и все те, кого ныне стали называть «дети войны». Но потом были послевоенные годы новых надежд, годы «оттепели» и «строительства коммунизма». Это были и годы морального подъема страны, космических достижений, «роста материального благосостояния советского народа». Затем настали «годы застоя» и накопления тех негативных факторов, что в итоге привели к катастрофе: распаду СССР, и как следствие, разрушению союза советских писателей.

На этом историческом фоне складывалась и послевоенная судьба Анатолия Домбровского. Он с золотой медалью окончил школу в селе Раздольное, поступил в Ленинградский университет и вышел из него с дипломом «философа». Так сложилось, что по окончании университета уехал в Казахстан, там устроился преподавателем в Алма-Атинское пограничное училище. После — работа в ЦК комсомола и журналистом в казахстанских газетах и постепенное осознание тяги к писательскому труду, к тому делу, который его жена Галина Сергеевна впоследствии назовет «сладкой каторгой Анатолия Домбровского».

Его становление сначала как детского писателя началось еще в Казахстане, но родной край, где прошло его детство, не забывался. Крым в его творчестве стал занимать все больше места, были и личные обстоятельства, стремление вернуться «на круги своя». В 1971-м он возвращается в Крым, живет в отцовском доме в селе Ручьи Раздольненского района и работает над большим романом «Вернись и вспомни». Этому роману, как и многим другим произведениям Домбровского, была уготовлена нелегкая судьба: он был издан спустя многие годы.

В виду Евпатории. 1971–1972 гг.

Непросто складывалась и личная жизнь. «...У Анатолия Ивановича не сложились отношения с мачехой, и вместе со мной, молодой женой, которая приехала к нему из Алма-Аты (родилась в Кировской области) вынужден был покинуть отцовский дом». Об этом в дальнейшем рассказала Г.С. Домбровская: «Начались скитания по квартирам. Более трех месяцев ютились мы вместе с семьей его троюродной сестры Таисии в двухкомнатной квартире в военном городке под Саками. И в результате остановились в селе Суворово близ Евпатории (выяснилось, там живет и работает директором совхоза «Суворовский» старый школьный приятель А.И. Кухтин), сняли временку, которая оказалась очень сырой: под ней был подвал — зимой ее стены покрывались корочкой льда. Я устроилась на работу в 7-ю евпаторийскую школу. Все свободное время считала своей обязанностью отдавать печатанию на пишущей

машинке того, что написал А.И. <...> Более года жили на весьма скромную зарплату, обрастали долгами, как временка бурьяном».

Несмотря на то, что жилье Домбровского оставляло желать лучшего, он не собирался заниматься здесь своим комфортным обустройством. И не только из-за того, что был скромным

Временка в с.Суворово (Богай) Сакского р-на.

В гостях у председателя совхоза «Суворовский» — А. Кухтина — школьные друзья школьные друзья В. Волобуев — главврач Джанкойского района и писатель А. Домбровский.

человеком, не любившим с личными просьбами обращаться к чиновникам: на тот момент, отрешившись от всех бытовых сует и уединившись в деревенской глуши, главной своей целью он поставил писательский труд, накопление творческого потенциала.

Остались свидетельства и самого А. Домбровского о тогдашней жизни: «Мы сняли здесь [совхозе «Суворовский»]

комнату за 18 р. в месяц. Супруга устроилась на работу в школу (в Евпатории — от совхоза до Евпатории полчаса езды, регулярно ходит автобус). Прописались (постоянно). <...> Теперь, запершись в комнате, сижу и пишу. Закончил повесть¹ для «Детской литературы» — у меня договор с издательством, вчера отправил (листов 7–8) [авторский лист: 22 стр. на машинке. — Г.Д.]. Работаю над романом², хочу к лету одолеть эту глыбу. Сделал для «Молодой гвардии» три листа (в качестве заявки, по договоренности с издательством) будущей философской книги³ (литературное изложение истории философии, поиска философской истины, для юношества). Жду на днях верстку книжки³, которая выходит у меня в этом году в «Молодой гвардии». Помимо этого, выполняю некоторые поручения местного характера — выпускаю совхозную стенгазету и даже сочиняю для самодеятельности стихи о доярках-ударницах и бывших воинах. Сегодня в клубе у меня встреча с рабочими совхоза — прочту им кусок из будущего романа. <...> Было за это время пять встреч с ребятами в евпаторийских школах: прослышали обо мне (через супругу, конечно) и приглашают. Читал им только, что уже напечатано или будет напечатано наверняка. Корысти мне от этого никакой нет — и потому полагаю, что никто меня за это не осудит. Поручили мне еще в совхозе вести философский кружок. Вот такие мои дела. <...> Всякая моя поездка — это ощутимая брешь в нашем семейном бюджете. Возможно, что по этой причине я не смогу побывать на собрании. Тем более, что в Симферополе у меня нет знакомых — так что, если я не смогу вернуться в тот же день домой (ведь

¹ Красная каска. М.: Детская литература, 1974. — 159 с.

² Вернись и вспомни. Симферополь: Таврия, 1977. — 304 с.

³ Рассказы о философах. М.: Молодая гвардия, 1975. — 222 с.

Суворово (Богай), 1972 г.

собрание может затянуться), то окажусь довольно в затруднительном положении. Думаю, что все мои беды — явление временное...». Это строки из письма, отправленного им В.Д. Невенчанной — на тот момент ответственному секретарю Крымской организации Союза писателей Украины в Симферополе.

Писатель из подмосковного Орехово-Зуево Владислав Бахревский был одним из тех, кто рекомендовал Анатолия Ивановича в Союз писателей СССР. С ним Домбровский подружился еще в Алма-Ате в конце 1960-х, будучи редактором республиканской пионерской газеты «Дружные ребята». Оба писали для детей, их связывало творческое общение, сотрудничество с издательством «Детская литература», с «Пионерской правдой». Уже в 1975–1986 гг. В. А. Бахревский переехал в Евпаторию, а обосновался он там благодаря заботам Домбровского: «Хлопотами Толи Домбровского мы перебрались в Крым» — вспоминал он о друге в своей статье⁵. Владислав Анатольевич и

теперь о твоих делах: звонил в
прошлую пятницу (15го) Петушкову,
разговаривал с ним минут 15, он
сказал (и просил передать тебе) что
спрошенный со сдачей дома кинематографический
задерживаются, практически он
будет готов и заселен в сентябре.
За мной квартира оставлена («зедита»,
сказал он). Как именно дом пойдет
до вселения (в сентябре все) даст
тебе весточку. Просил тебя не
волноваться (то есть выкопает
строитель). Сказал, что держит
тебя в виду твой адрес и телефон.

⁵ Бахревский В.А. Близко, да где же? // Брега Тавриды, №6, 2009; Сладкая каторга Анатолия Домбровского. Сборник о жизни и творчестве писателя / Составитель Г.С. Домбровская. — Симферополь, 2009. с. 72.

прежде часто бывал в Крыму, в Ялте, так как высоко ценил подвиг писателя-земляка Николая Бирюкова (родом из Орехово-Зуево), своего учителя, часто бывал в Ялте, посещал Музей Бирюкова, общался с его вдовой. И, конечно, мечтал жить в Крыму, был влюблен в него. Но причина для переезда заключалась еще и в том, что родительский дом в Орехово-Зуеве, стал слишком тесен для двух разросшихся семей, к тому же была нужда оздоровить часто болеющих сыновей.

Домбровский решил лично помочь другу. Уже переехав в Симферополь и будучи избран ответственным секретарем Крымской организации Союза писателей, Домбровский обратился по проблеме Бахревского к тогдашнему первому секретарю Евпаторийского горкома Петунову, хорошему знакомому по общим партийным делам. И — о чудо: тот признался, что всегда очень хотел, чтобы в Евпатории жил хороший детский писатель (кстати, предлагал переехать сюда и Домбровскому), Евпатория-то — детский курорт. Об этом — письмо Бахревскому (18.08.75 г.):

Сказано — сделано. Домбровский столь всесторонне охарактеризовал друга, что председатель Евпаторийского горисполкома, не будучи знаком с Бахревским, выделил для его семьи трехкомнатную квартиру... И вскоре орехово-зуевского писателя с почетом встречали на Евпаторийском вокзале.

Их дружба сохранилась на последующие годы и трудные времена.

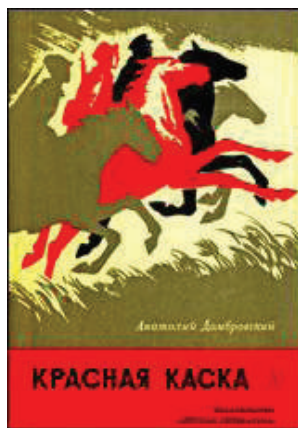

Домбровские — в Евпаторийской квартире у Бахревских.

Как отмечала позже Г.С. Домбровская: «...А.И. Домбровский вместе со своим ближайшим другом и соратником выдающимся писателем В.А. Бахревским основали в январе 1990 г. Содружество русских, украинских, и белорусских писателей (ныне Союз), — писательское объединение, которое на постсоветском пространстве служило бы интересам и братству писателей трех славянских республик, и его орган — журнал «Брега Тавриды» (увы, тесные отношения с российскими и белорусскими писателями вскоре оборвались в связи с возведением границ между бывшими союзными республиками, ну и, конечно же, из-за финансовых трудностей). А.И. был избран председателем и главным редактором журнала «Брега Тавриды» — издания Содружества ныне Союза русских, украинских и белорусских писателей АРК».

Но вернемся к «евпаторийским годам». Несмотря на разного рода житейские трудности, А. Домбровский решил двигаться намеченным путем: шлифовать свое писательское мастерство, попытаться зарабатывать на жизнь нелегким литературным трудом. Его работоспособность поражает. Закончив упомянутый выше роман «Вернись и вспомни», он не сразу получил добро издательства, и произведение увидело свет только в 1977 году. Тем временем он продолжал уделять много времени работе над книгами для детей и юношества.

Яркий эпизод гражданской войны в Крыму послужил основой повести **«Красная каска»**⁶. Это рассказ о подростке, оказавшемся членом партизанского отряда, который скрывался в катакомбах Мамайских каменоломен⁷ под Евпаторией. Анатолий Иванович досконально изучил все окрестности, ставшие местом действия повести. По жизненному опыту ему была близка психология подростка, вынужденного с раннего возраста самостоятельно искать правильную дорогу в жизни. Уже в это время проявились качества Домбровского как настоящего писателя. Своим незамысловатым, на первый взгляд, повествованием он удачно воссоздал атмосферу достоверности событий, которые буквально захватывают читателя. Трудно прервать чтение, не узнав, чем закончится очередное приключение или злоключение героя. Впрочем, и документальная составляющая событий того времени, ее основные

⁶ Название партизанского отряда у разных авторов отличается. Одни называют отряд, как и Домбровский, — «Красная каска» (например Сельвинский «О, юность моя!», бр. Зарубины «Без победителей»), другие — «Красные каски» (историки Надинский, Брошеван и др.), т.е. во множественном числе.

⁷ Сельвинский в своем романе называет каменоломни Богайскими; Богай — прежнее название села Суворово (или Суворовского), где проживала в 1970-х годах семья Домбровских. Мамай — прежнее название села Каменоломня в двух километрах от Евпатории.

герои воспроизведены достаточно точно с исторической точки зрения.

Последнее замечание соответствует тому, что Домбровскому пришлось пользоваться только доступными в то время источниками, характеризующими события односторонне, со стороны «красных». После развала СССР возникла другая тенденция, и возник перекося в описании истории в другую сторону, со стороны «белых». На этом фоне исторические повести Домбровского, в том числе и для детей, выглядят примером объективного подхода литератора: просто его основных персонажей относят к «красным». Но таковы в то время были идеологические требования к литераторам, в таких условиях и рамках они вынуждены были существовать.

После повести «Красная каска», за которую он удостоен премии имени Н.З. Бирюкова, появились еще две повести для детей: «Мальчишки из Васильков» (Симферополь, «Таврия», 1975) и «Остров старой цапли» (Симферополь, «Таврия», 1975). В них отразились детские впечатления самого писателя о жизни в крымской глубинке. А позже — завершена, наконец, работа для издательства «Молодая гвардия» над книгой «Рассказы о философах».

Как отмечает Г.С. Домбровская: «... А.И. пользовался тогда книгами из не очень богатой, но довольно неплохой для курортного городка Евпаторийской библиотеки, которые я ему приносила». Имеется в виду Центральная библиотека им. А.С. Пушкина, которая до революции обладала богатым книжным фондом, но годы гражданской войны, немецкой оккупации и идеологического изъятия книг в советское время привели к тому состоянию, о котором вспоминает Галина Сергеевна.

Издательские гонорары и в советское время далеко не всем литераторам позволяли жить лишь литературным трудом. Условия жизни писателю помогал улучшать Литфонд Союза писателей. Впрочем, в Симферополе в Крымской организации СПУ к литератору Домбровскому не сразу отнеслись со вниманием. Более года не рассматривался его вопрос о приеме, пока не сменилось руководство. Но справедливость, в конце концов, восторжествовала, в 1972 году он все-таки стал членом Союза писателей СССР, и к концу года Домбровские переехали в Симферополь, жили на съемной квартире: «Для нашей семьи это было спасением» — вспоминала Галина Сергеевна.

Поначалу А.И. Домбровский стал директором Симферопольского клуба писателей, где проработал около года. А уже на следующий год был избран ответственным секретарем (по нынешним понятиям — заместителем председателя) Крымской организации союза писателей Украины. Потом были годы неустанной писательской работы (более 60 произведений прозы и публицистики, в т.ч. 24 романов, 18 повестей и сборников рассказов, многочисленные статьи) и работа с писательской организацией. Об этом можно прочесть в книге и одноименном очерке Г.С. Домбровской «Сладкая каторга Анатолия Домбровского».

В этой статье нам хотелось вспомнить о трудных «евпаторийских годах» писателя, которые также важны для понимания его непростого литературного и жизненного пути.

В Евпатории и сегодня помнят об Анатолии Домбровском, в декабре библиотекари обязательно проведут юбилейные мероприятия, расскажут молодым читателям о его жизни и творчестве, представят выставку его изданий и публикаций... Но это еще предстоит, а уже сегодня есть о чем рассказать.

В нынешний юбилейный год в Евпатории удалось найти библиотеку, где до сих пор хранят память о ее посещениях А.И. Домбровским в 1976 году. Источником поиска послужила фотография⁸, предоставленная Г.С. Домбровской. Удалось выяснить, что Анатолий Иванович приезжал в Евпаторийскую детскую библиотеку им. Ю.А. Гагарина на встречу с юными читателями и рассказывал им о создании его книги «Красная каска». Кстати сказать, именно в этом году библиотека тоже уже отметила свой юбилей — 45 лет со дня основания. Ее заведующая Т.С. Перечнева⁹ предоставила портфолио (альбом-дневник библиотеч-

*Выступление А.И.Домбровского перед юными читателями
Евпаторийской библиотеки им. Ю.А. Гагарина.*

ных дел), где вклеена такая же фотография, как и имевшаяся у Галины Сергеевны. Но кроме этого, сохранилось еще несколько снимков — своего рода фоторепортаж о приезде Анатолия Домбровского.

И еще 7 мая в детской библиотеке им. Ю. Гагарина открылась **книжная выставка «Немые свидетели войны»** — очередной шаг на пути реализации республиканской программы **«Большое чтение-2014»**. Посвящена она 69-й годовщине Великой Победы и юным бойцам, самоотверженно вставшим на защиту родной крымской земли. **Главный «герой» выставки — повесть Анатолия Домбровского «Птицы ничего не расскажут»**, основанная на детских впечатлениях и воспоминаниях автора о военном лихолетье. В этой честной и

⁸ См. сборник «Сладкая каторга Анатолия Домбровского», с.33, нижний снимок.

⁹ В настоящее время читателями библиотеки им. Ю. Гагарина являются более 3 000 человек. Книжный фонд ее составляет более 33 тысяч экземпляров. Здесь трудятся настоящие профессионалы, искренне любящие свою библиотеку и своих читателей: заведующая Татьяна Сергеевна Перечнева, Фаина Михайловна Подольская, Елена Петровна Зайцева и Ленура Аднановна Шабадинова.

В Евпаторийской библиотеке им. Ю.А. Гагарина Л. Терентьев, В. Бахревский и А. Домбровский (рядом справа) — фото на память с читателями и библиотекарями: в 1-м ряду сотрудница библиотеки Ольга Васильевна Мальцева (2-я слева), во 2-м ряду (слева направо) заведующая библиотекой Ирина Петровна Волобова, сотрудницы Людмила Николаевна Горохова и Валентина Васильевна Дудченко.

Встреча евпаторийских школьников с крымскими писателями А. Домбровским и Д. Кононенко.

мужественной книге¹⁰ Сёмка и его друзья, жители степной крымской деревушки, противостоят оккупантам изо всех своих ребячьих сил: мстят, всячески отравляют им жизнь, а при удобном случае пытаются уничтожить. Единственное оружие мальчишек против жестокого врага — смелость, неуёмная и пылкая изобретательность, крепкая дружба. Наряду с повестью на выставке размещены карта Раздольненского района, в котором происходит действие, любимая книга Сёмки — **«Робинзон Крузо»** Дефо, раритетные фотоснимки, запечатлевшие Анатолия Домбровского в окружении читателей гагаринской библиотеки.

А 3 июля в рамках республиканской программы **«Большое чтение-2014»** в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина состоялся литературный вечер, подытоживший мероприятия евпаторийского проекта «Крым в огне Великой Отечественной войны». Библиотекари рассказали учащимся городской Станции юных натуралистов о «Большом чтении» — масштабном читательском марафоне, который с успехом проходит в разных странах уже много лет, а с прошлого года начал проводиться и в Крыму. Ребята узнали о книгах, ставших «главными героями» нынешнего проекта, познакомились с книжной экспозицией «Мальчишки против фашистов», посвящённой повести Анатолия Домбровского «Птицы ничего не расскажут». Биография писателя, своими глазами видевшего ужасы оккупации, изложение наиболее острых сюжетных фрагментов повести, реальные фотоснимки военных лет, обзор номеров журнала «Брега Тавриды — юным» — таково было содержание этой встречи, которая, судя по высказываниям самих школьников, произвела на них глубокое впечатление. Драматическая судьба крымской деревеньки, жители которой, в том числе отчаянно смелые мальчишки, всеми силами противостоят безжалостному врагу, вдохновила многих ребят, и они заявили, что обязательно прочитают книгу Домбровского.

Детские книги, написанные А.Домбровским, изданные 40 лет назад детскими издательствами, давно «зачитаны» и сегодня в фондах евпаторийских библиотек их трудно найти. Такова судьба книг «Птицы ничего не расскажут», «Красная каска» и др. Недавно, узнав об этом, Галина Сергеевна Домбровская подарила евпаторийским библиотекарям свой последний экземпляр вышедшей 40 лет назад книги А.И. Домбровского «Красная каска». К сожалению, упомянутые выше детские произведения писателя юные читатели смогут прочесть только благодаря их републикациям в детских выпусках журнала «Брега Тавриды». Это означает, что детские издательства уже много лет не выполняют свои задачи по популяризации творческого наследия А.И. Домбровского, столь необходимого Крыму. Будем надеяться, что ситуация изменится в связи с теми знаменательными событиями, что произошли в жизни республики. Этого ждут читатели, ждут и библиотечные работники. И пока будут существовать библиотеки, творчество Анатолия Ивановича Домбровского, его писательскую судьбу, его книги, несомненно, они

¹⁰ Птицы ничего не расскажут. М.: Молодая гвардия, 1968. — 104 с.

продолжат держать в центре внимания, делать доступными читающей публике...

Авторы благодарят за помощь Галину Сергеевну Домбровскую, сотрудников Евпаторийской библиотеки им. А.С. Пушкина и Евпаторийской детской библиотеки им. Ю.А. Гагарина.

ГЕРОИ ОТРЯДА «КРАСНАЯ КАСКА» В КНИГАХ И. СЕЛЬВИНСКОГО и А. ДОМБРОВСКОГО

Партизанский отряд «Красная каска» возник во время немецкой оккупации Крыма и Евпатории в 1918 году. Это было трудное время для сторонников советской власти и коммунистической идеологии, так как им противостояли не только немецкие оккупанты, но также пришедшие им на смену белогвардейцы армии Деникина, крымскотатарские националисты и интервенты из стран Антанты. На Черном море хозяйничали корабли стран, имевших с давних времен свои интересы на полуострове: Англии, Франции, Турции, Греции, Италии.

В своем романе «**О, юность моя!**» **Илья Сельвинский** (1899–1968) отразил личные впечатления о тех событиях [1–3]. Сюжетная линия романа, связанная с партизанским отрядом¹¹ «Красная каска», передана рядом ярких и запоминающихся эпизодов, увиденных главным героем повествования Леськой Бредихиным. Возможно, кое-что при этом соответствует автобиографическим фактам из жизни самого писателя. Однако в очерке Сельвинского «Черты моей жизни» [4], не опубликованном при его жизни, этот период совершенно не отражен, а о «Красной каске» ничего не говорится. Поэтому не исключено, что его рассказ о партизанском отряде основан на сведениях, исходящих от участников гражданской войны в Крыму, жителей Крыма, Евпатории, окрестных сел, связанных с каменоломнями, и каких-то публикаций.

В Богайских¹² каменоломнях, согласно Сельвинскому, укрывался партизанский отряд. Командиром был Иван Никифорович Петриченко (1892–1919), ставший одним из многих персонажей романа, фигурирующих под своим именем. Его облик мы видим глазами Леськи

¹¹ В отношении названия партизанского отряда наблюдается в различных публикациях небольшое разночтение, и он часто именуется «Красные каски», т.е. во множественном числе. Само название возникло в конце немецкой оккупации Крыма осенью 1918 года. После революции в Германии и свержения кайзера многие немецкие солдаты перед отъездом продавали или даже дарили местным революционерам свое вооружение, обмундирование, и в том числе каски. Партизаны решили, что у них эти каски теперь станут «красными».

¹² Чаще эти каменоломни именуют Мамайскими, хотя село Мамай (или Орта-Мамай) переименовали в село Каменоломня. Оно находится в 7 км от Евпатории и в 2,5 км от Суворовского, к местному сельсовету которого и относится. Протяженность каменоломен в окрестностях близких к Евпатории сел по некоторым оценкам составляет около 15 км.

Бредихина, когда они с братом Андроном на реквизированной революционерами шхуне купца Шокарева, прибыли к пристани Богайских каменоломен под деревней Орта-Мамай: «Петриченко, по-солдатски статный силач <...>, числился десятником работ в каменоломнях. Вообще же он был владыкой этого подземного царства. Лицо Петриченки с небольшими усами кольчиком и пышным ртом женолюбца считалось красивым. В сущности, оно и было таким. Но глубоко сидящие, лютые глаза его, точно вынутые из чужих орбит, глядели слишком напряженно. Чувствовалось, что перенес этот человек такую драму, о которой забыть не может и которую никогда не сможет простить человечеству. Если бы под его портретом подписать: «ГЕРОЙ ПЕРЕМЫШЛЯ», в это можно было бы поверить, как, впрочем, и в подпись «РАЗБОЙНИК АЛУШТИНСКОГО УЕЗДА» [2, с.63].

Подобные описания исторических личностей в романе Сельвинского придали достоверность повествованию, стали выражением мыслей и чувств главного героя. Неоднозначность и ироничность характеристик персонажей представляют один из новаторских приемов повествователя, дающий возможность воспроизводить жизненные и глубинные черты людей. Следует помнить, что Сельвинский создавал свое произведение в середине 1960-х годов, когда по всем канонам «социалистического реализма» полагалось «наших» героев наделять только положительными чертами и свойствами характера, а «врагов» — только отрицательными.

Несколько позже, в начале 1970-х, крымский писатель Анатолий Домбровский (1934–2001) волей судьбы оказался в селе Суворовское (прежнее название — Богай, до 1945 года). Общение со старожилами, прогулки по окрестностям, знакомство с местными каменоломнями и катакомбами вдохновили его на создание повести для детей «Красная каска» [5, 6]. Герой повести пятнадцатилетний сирота Фимка, Ефим Сизов, после смерти матери, в то время когда в Крыму бушует гражданская война, вынужден сам искать свою дорогу в жизни. Следует цепь злоключений — и Фимка оказывается в бандитской шайке, для членов которой писатель не жалеет «черных красок». Оказавшийся до поры до времени во власти бандитов, герой повести подобно Оливеру Твисту, тем не менее, не утрачивает врожденного стремления к честной и справедливой жизни. Это закономерно приводит его в ряды партизан, борцов за новую жизнь, новую советскую власть. В отряде «Красная каска» он знакомится с Петриченко, о внешнем облике которого в повести только сказано, что это «широкоплечий усач».

Казалось бы, это определение не соответствует сохранившимся портретам и описанию Сельвинского, но это не так. Ведь портреты, где у Петриченко сравнительно небольшие усы, соответствуют мирным условиям, по крайней мере, таким моментам. Но в каменоломнях у партизан вряд ли было время и возможность тщательно ухаживать за

своей внешностью. Поэтому характеристика Домбровского выглядит вполне достоверной, за усами следить, как это явно делалось в прежней жизни, у Петриченко в отряде вряд ли были условия. Возможно, во избежание нападков критики, в повести Домбровского Петриченко показан довольно схематично, в основном как человек, осуществляющий функции начальника, командира подчиненных ему партизан. Впрочем, Домбровский скорее всего и не стремился перегружать свою книгу излишними подробностями, ведь повесть, тем более для детей, жанр не столь емкий, как роман. Сельвинский же в своем романе наоборот, старался избежать схематичности в характеристиках многих персонажей, в том числе и некоторых реальных исторических личностей.

Одним из участников революции и гражданской войны в Крыму и Евпатории является, в частности, Дмитрий Ильич Ульянов (1874-1943). В романе Сельвинского Леська Бредихин при первой встрече слышит речь «товарища Андрея», никогда прежде не видел его и не зная, что это брат Ленина: «... высокий, слегка грассирующий, чуть-чуть барский баритон — так в Евпатории не говорил никто. <... > Судя по выговору, это явно не евпаториец» [2, с.70]. В другой раз Леська встречает Ульянова как «бородатого мужчину», «земского врача» Дмитрия Ильича и знакомится с ним у другого местного врача [2, с.85]. Далее Леська слышит и видит этого человека как оратора на митинге и только там узнает, что этот «знакомый ему земец» на самом деле «„товарищ Андрей“, Дмитрий Ильич Ульянов, родной брат Ленина»: «Он говорил о величии Октябрьской революции, о мировом значении коммунизма» [2, с.88]. Внешности Д. Ульянова и черт его характера Сельвинский предпочел не касаться: этот исторический персонаж и у него выглядит схематично, как и образ Петриченко в повести Домбровского, т.е. носит чисто функциональный характер «партийного руководителя», дела и поступки которого положено было описывать только однозначно позитивно, и Сельвинский следует этому «правилу» в отношении Д. Ульянова — в отличие от портрета Петриченко. И лишь в эпизоде, когда Ульянов, находясь в евпаторийском подполье, выступает в роли ветеринара Андриевского, Сельвинский наделяет его внешностью, выходящей за рамки известных официальных портретов: «На бойне Леська с трудом узнал Ульянова: он постриг волосы под нулевку, сбрил усы, бороду, надел желтые очки и стал похож на счетовода уездной земской управы» [2, с. 224].

В «Красной каске» Домбровского вымышленный персонаж Фимка Сизов тоже встречается с Д. Ульяновым, служившим в 1911–1914 гг. в Феодосийском уезде. Вот что было указано в документе, выданном Фимке вместо паспорта: «Ефим Сизов. Отец не установлен. Мать умерла <...>. Сам определил себе возраст в десять лет (март, 1913 год). О родственниках ничего не знает. Определен в Феодосийский приют по ходатайству земского врача господина Ульянова Д.И.» [6, с. 9]. После двух лет в приюте Фимка «ушел на вольную жизнь. Два сезона

служил подпаском, а на третий нанялся пастухом» [6, с. 10]. В этот сезон 1918 года он и оказался в окрестных селах близ Евпатории, в районе каменоломен. Попав в отряд «Красная каска», он встречается там доктора Д.И. Ульянова «в демисезонном пальто с бархатным потертым воротничком, в шапке и с кожаным саквояжем в руках. Ухоженные усы и борода» [6, с.55]. Доктор организовал в катакомбах медпункт и сам помогал лечить раненых бойцов. При встрече Фимка напоминает о себе, об их встрече в Феодосии, показывает свою справку, но доктор строго наказывает ему: «... меня зовут товарищ Андрей» [6, с. 56].

Обстоятельства взаимодействия Евпаторийского подполья во главе с Д. Ульяновым и партизанского отряда отражены также и Сельвинским. Но Леська был связным между подпольщиками Евпатории и отрядом, т.е. не находился в нем постоянно, поэтому в романе показаны только эпизоды посещения им отряда и командира его Петриченко. В частности, по заданию доктора Ульянова Леська доставил туда на телеге оружие, прикрытое трупом лошади, якобы умершей от сапа. Это помогло обмануть белогвардейские посты [2, с. 228–229]. Однако существует другой источник сведений, составленный по воспоминаниям очевидцев, и в том числе Сельвинского, из которого ясно, что писатель не был участником этого эпизода, а также не был связным с «Красной каской» [7, с.82-83]. Это означает, что сюжетная линия романа, связанная с партизанским отрядом не является автобиографической, а Леська Бредихин является в ней собирательным персонажем. Сам Сельвинский выполнял задания подпольщиков и был в то время в Евпатории, однако в романе эпизоды с «Красной каской» являются художественной интерпретацией событий, о которых рассказали другие очевидцы в книге [7].

Другой эпизод романа происходит в канун гибели отряда. Леська с друзьями-подпольщиками отправились туда, чтобы предупредить о предстоящем нападении белогвардейцев и интервентов, которые мобилизовали для этого даже евпаторийских гимназистов-добровольцев. Но было уже поздно, и на следующее утро начался обстрел с корабельных орудий интервентов, а катакомбы были окружены. Описания сражения партизан с явно превосходящими врагами у Сельвинского и Домбровского отличаются в эпизодах и деталях, но в основном соответствует сведениям, изложенным в исторических изданиях о гражданской войне в Крыму. С художественной точки зрения это вполне оправдано, ведь герои романа и герои повести — разные люди, и видят происходящее по-разному. К тому же существует несколько версий последней схватки отряда с врагами и его гибели, изложенных в различных официальных изданиях об истории гражданской войны [8, с. 134–135].

У Сельвинского и Домбровского содержатся основные составляющие этих версий: предатели среди партизан, обстрел артиллерией с кораблей интервентов, отравление колодца с питьевой водой, использование отравляющего газа против людей под землей и т.д. В обоих

произведениях показано, что часть партизан сумела выбраться из катакомб дальними штольнями и спаслась. Большая часть отряда погибла в отчаянной рукопашной схватке. Сам Петриченко был тяжело ранен и вместе с женой захвачен врагами, но оба писателя ограничивают повествование сценами прощания героев, т.е. Леськи и Фимки, со своим командиром и им удается спастись, потому что Петриченко приказал всем оставшимся бросить тяжелораненых и уходить в глубину катакомб на поиски выхода. Таким образом, нельзя упрекнуть ни Сельвинского, ни Домбровского в отходе от имеющихся исторических сведений при описании отряда «Красная каска», потому что отбор эпизодов у обоих писателей художественно оправдан.

Интересно, что роман Сельвинского в середине 1960-х годов подвергался критике, как со стороны литераторов, так и читателей — причем даже более резкой — на конференции в Евпаторийской библиотеке. Но более подробно эти обстоятельства мы уже рассматривали в другой статье [9], а здесь отметим только одно обстоятельство. Одна читательница, вероятно работник библиотеки, обвинила Сельвинского: «Партийная организация не показана, отдельными описаниями автор компрометирует коммунистов. Нельзя искажать исторических фактов, а это писалось для молодого поколения. Непонятно, почему совершенно не отражена роль евпаторийского комсомола в борьбе».

Но то, что могли простить маститому поэту-фронтовику Сельвинскому, роман которого был опубликован сначала в журнале «Октябрь» [1], а затем вышел отдельной книгой [2], бдительные партийные работники могли бы не простить менее тогда известному детскому писателю Домбровскому. Возможно, поэтому в его повести мы находим сцену приема пятнадцатилетнего Фимки в «Социалистический союз рабочей молодежи Тавриды», прообраз комсомольской организации. Разумеется, никакой роли в дальнейшем повествовании этот «союз» не играет, но таковы были негласные правила для литераторов того времени. С другой стороны, может, мы неправы, и Домбровский тогда искренне верил в необходимость таких вещей для «воспитания молодежи».

Существенное отличие в стилях прозаика Сельвинского и прозаика Домбровского, что касается их текстов о «Красной каске», проявляется, на наш взгляд, при описании пейзажей, окружающей среды и быта партизан.

Для доказательства сравним описания каменоломен у Сельвинского и Домбровского. Так, в романе первого писателя (прежде всего поэта), когда Леська с Петриченко спустились в каменоломни, сказано: «Они шли, освещая путь фонарем „летучая мышь“, пока не открылась довольно уютная пещера. Голый стол, табуретки и железная койка», — этот интерьер в романе Петриченко называет «мой кабинет». Далее речь идет о том, что «женщина в солдатской гимнастерке накрыла стол двумя распахнутыми газетами, поставила холодную баранину, две чашки и штоф» [2, с. 229]. Т.е. по Сельвинскому, видимо, из-за трудностей с водой и чаем, гостя угощали водкой.

В повести для юношества у Домбровского, водка в рационе партизан, разумеется, не упоминается. А знакомство Фимки с местом обитания партизан описывается куда убедительнее: «Они вошли в темный каменный коридор. Навстречу потянуло погребной сыростью. Непроглядная чернота дышала холодом. Оттуда доносились приглушенные голоса, дважды мелькнул свет керосинового фонаря. Они шли вдоль правой стены, заложенной почти под потолок каменным боем и спилами. От камней пахло морскими водорослями. Под ногами хрустел песок». Фимка удивился и сказал: «Разве здесь можно жить. <...> Как в подвале». Но по дороге к жилищу командира он видит, что в катакомбах есть и конюшня, и кузница, у кого-то из партизан там живут целые семьи с детьми [6, с. 53–54].

Описание «кабинета» Петриченко не совпадает с описанием Сельвинского: «Стены небольшой комнаты были побелены, потолок подбит широкими неокрашенными досками. Посредине стоял стол, покрытый зеленой клеенкой, несколько табуреток вокруг него. На столе горели два фонаря. У правой стены, обитой куском брезента, на подставках из камней была сооружена кровать — несколько досок, застланных соломой и толстым рядом» [6, с.134-135]. По свидетельству Г.С. Домбровской, жены писателя, при создании повести Анатолий Иванович много раз обходил все окрестности сел, осматривал многие подземелья и штольни каменоломен. Какие-то подробности ему еще могли рассказать старожилы.

Существует мнение, что для детей надо писать так же, как для взрослых, только еще лучше. Эта мысль как нельзя точнее подходит к повести Домбровского «Красная каска», в которой проявились лучшие качества прозы писателя: незамысловатое повествование глазами подростка, внимание к деталям быта, пейзажей и окружающей среды создают впечатление достоверности и увлекают читателя. Это и есть мастерство, когда писатель, человек, не являвшийся современником и очевидцем описываемых событий, убедительно рассказывает о них. Сам Домбровский в предисловии к своей повести пишет: «Я прочел несколько книг об этом партизанском отряде и его славном командире Иване Никифоровиче Петриченко. <...> В отряде «Красная каска» были мальчишки 14–15 лет — о них рассказывают документы тех лет. Жаль только, что не сохранились имена юных героев. Возможно, что кого-нибудь из них тоже звали Фимкой. Возможно и то, что одного из тех мальчишек, которых спас от нищеты и болезней врач Дмитрий Ильич Ульянов, тоже звали Фимкой» [6, с. 3].

Повесть Домбровского, насколько известно, не вызвала нареканий критиков — получила лишь одобрительные отзывы и рецензии [10–11]. Сам Анатолий Иванович часто встречался с детской читательской аудиторией в школах, в библиотеках Крыма и Евпатории. Тем удивительнее, что с 1974 года книга «Красная каска» [5] не переиздавалась. Только в 2009 году — в год 75-летия писателя повесть вновь была напечатана в «детском выпуске» журнала «Брега Тавриды» [6].

Илья Сельвинский, в противоположность Домбровскому, был современником и зачастую свидетелем или даже действующим лицом событий, показанных в романе «О, юность моя!». В предисловии к роману он обращается к читателям с просьбой отнестись к его роману как художественному произведению, при этом отмечает: «людей, выведенных в романе, я знал лично» [1, с.3]. Однако многие читатели-современники отнеслись к его роману как автобиографическому, и даже потребовали устранить все ошибки и неточности и переписать роман [9]. Что касается сюжетной линии, связанной с «Красной каской», следует отметить, что исторические источники об отряде «Красные каски», доступные на сегодняшний день, отнюдь не позволяют нам упрекнуть Сельвинского в недостоверности интерпретируемых им событий.

Дело в том, что канонической, достаточно подробной, документально выверенной истории партизанского отряда «Красные каски» просто не существует¹³. Краткое ее изложение имеется, например, в энциклопедическом издании об истории крымских городов и сел, изданной в советское время [12, с. 268]. Однако в изданиях и публикациях советского периода находим различные версии событий, расхождения в датах создания отряда, обстоятельствах его гибели¹⁴. И еще: быть может, стоит сказать лишь о единственном недостатке в повествованиях Сельвинского и Домбровского — они не поведали нам об обстоятельствах и причинах, непосредственно предшествовавшие гибели отряда...

В середине ноября 1918 года, после ухода германских войск, Евпаторийский подпольный ревком стал готовить вооруженное восстание силами рабочих города и отряда «Красная каска». Оно началось 15 января 1919 года, но сил оказалось недостаточно, и гарнизон города устоял лишь до прихода мощного карательного отряда из Симферополя при поддержке кораблями интервентов с моря. Здесь была допущена явная ошибка в оценке сил и возможностей противника, что привело к гибели отряда партизан, массовым арестам и расстрелам подпольщиков Евпатории. Впрочем, труды современных историков также грешат существенными пробелами [13, с. 465]: была ли попытка восстания в Евпатории местной инициативой, или исходила от более высоких партийных инстанций, историки пока умалчивают.

Учитывая данные обстоятельства, можно только поблагодарить и поэта Сельвинского, создавшего столь значительное художественное полотно, и мастера прозы Домбровского, много времени и внимания уделявшего произведениям для детей, за то, что они сумели емко, в

¹³ В Евпаторийском краеведческом музее имеются документы, посвященные истории отряда «Красные каски», воспоминания участников событий, их фотографии и т.п. Однако общей достоверной картины событий на их основе не создано. После многих лет теперь эта задача вряд ли может быть решена.

¹⁴ Такие публикации охватывают большой период, и задача изучить их все, выходит за рамки данной статьи. Поэтому приводим только наиболее значительные статьи и издания за период 1940–1989 гг. [14–17].

художественной форме¹⁵ отразить один из ярких эпизодов гражданской войны в Крыму — историю партизанского отряда «Красная каска». В знаменательный 2014-й год — год больших перемен в Крыму, не будем забывать, что эти исторические события имеют прямую связь со всей многострадальной историей полуострова. Будем надеяться, что время ошибок и заблуждений для жителей полуострова закончилось и уже больше не повторится.

Каждый народ имеет право на ту власть, которую он заслуживает, и каждый народ имеет право выступать и бороться против той власти, которую ему навязывают. Таков глубинный содержательный подтекст произведений Сельвинского и Домбровского о партизанском отряде, а это значит, что оба они актуальны и сегодня.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сельвинский И.Л. О, юность моя! // Илья Сельвинский. — Октябрь, 1966, № 6,7.
2. Сельвинский И.Л. О, юность моя! // Илья Сельвинский. — М.: Советский писатель, 1967. — 520 с. (тираж 30 т.).
3. Сельвинский И.Л. О, юность моя! // И. Сельвинский. Собрание сочинений в шести томах. Том 6. — М.: Издательство художественной литературы, 1974. — 512 с.; илл. (тираж 50 т.).
4. Сельвинский И.Л. Черты моей жизни. // Пенаты.
5. Домбровский А.И. Красная каска // Анатолий Домбровский. — М.: Детская литература, 1974. — 159 с. — (тираж 75 т.).
6. Домбровский А.И. Красная каска. — Брега Тавриды, 2009, №4. — С. 3–143. — (тир. 1 т.).
7. Грин М.З. Пламенные сердца // Михаил Грин. — М.: Госполитиздат, 1962. — 120 с.
8. Выюницкая Л.Н., Кравцова Л.П. Дорогами революции: Путеводитель. // Людмила Николаевна Выюницкая, Любовь Павловна Кравцова. — Симферополь: Таврия, 1987. — 208 с.; ил., 8 л. ил. (с. 132–135).
9. Грошева Я.С., Мешков В.А. Читатели и роман Сельвинского «О, юность моя!» (по материалам конференции в Евпаторийской библиотеке им. А.С. Пушкина). — Доклад на Чтениях Сельвинского, 2014.
10. Ромасько Н. Верю, он жил! — Крымская правда, 18 марта 1975 г. — Сладкая каторга Анатолия Домбровского. Сборник о жизни и творчестве писателя // Составитель Г.С. Домбровская. — Симферополь: издательство «Дом писателей им. А. Домбровского Союза РУБ писателей АРК и Международного сообщества писательских союзов (М.)», 2009. — 644 с. — с. 174–176.
11. Митрохин В. Рождение «Красной каски». — Крымский комсомолец, 6 сентября 1975 г. — (Там же). — с. 178–180.
12. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. — Киев: Институт истории Академии наук УССР, 1974. — 624 с.
13. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. — 2-е изд. испр. и доп. — Симферополь: Антика, 2008. — 728 с.
14. Федчук М. Иван Петриченко / Памяти павших за Советский Крым 1918–1920. Сборник статей и воспоминаний. — Симферополь: Госиздат Крымской АССР, 1940. — 204 с. — с. 82–90.

¹⁵ Евпаторийский поэт Анатолий Иванов посвятил партизанскому отряду поэму «Красные каски», опубликованную в газете «Красное знамя» (Саки), 29 октября 1966 г. № 130, с. 4.

15. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2. Крым в период Великой Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920). — Симферополь: Крымиздат, 1957. — 304 с. — с. 137–141.

16. Ермак Б. Красные каски. — Евпаторийская здравница, 22, 26, 27, 29 сентября 1972. — №№ 187, 190, 191, 192. — с.3.

17. Брошеван В. Борцы за свободу. — Евпаторийская здравница, 17 января 1989 г., № 12. — с. 2–3.

Евпатория

**Людмила РУСИНА,
писатель**

«КТО ТЫ ЕСТЬ, ЧЕЛОВЕК?..»

Роман А. Домбровского «Черная башня»

Концепция романа Анатолия Ивановича Домбровского «Черная башня» (1989) видится близкой принципу, которым требовал руководствоваться Федор Михайлович Достоевский, писатель-философ, гуманист: «Быть человеком среди людей и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не унывать и не упасть». В центре произведения — Человек. «Кто ты есть, человек, кто ты в этом мире, зачем ты, каково твое будущее?» — так словами одного из героев обозначена основная идея романа. В нем находит художественное выражение философское и психологическое осмысление важных социальных проблем, которые волновали писателя: человек и общество, человек и цивилизация. В романе обсуждаются такие темы, как: смысл жизни, истина, духовность, нравственность и мораль, добро и зло. Роман отличаются динамичность сюжета, глубокий психологизм в раскрытии образов героев, полемичность, философская насыщенность и публицистичность в пропаганде идей гуманизма, добра и мира, блага и гармонии на земле.

По жанру роман «Черная башня» объединяет в себе философскую притчу, детектив и психологическую драму. Название романа — символично. Символично и место действия — раскопки в пустыне, на территории современного Ирака, на Золотом холме, внутри которого находится зиккурат — башня, сложенная из глины и кирпичей. Такие ступенчатые культовые башни сооружались при храмах в Древнем Вавилоне (столице Вавилонского царства в XIX–VI веках до н.э.) и Асси-

рии. И это вызывает ассоциацию с известной по библейскому сказанию Вавилонской башней, что тем самым подчеркивает сходство романа с притчей. Время действия — предположительно 80-е годы прошлого столетия. Раскопки ведет совместная советско-американская экспедиция, которой удалось, проложив в Золотом холме штольню, пробиться к нижней ступени зиккурата, попасть внутрь башни и обследовать там обширный лабиринт камер и переходов. К моменту действия на раскопках остаются тринадцать человек, остальные рабочие и итальянец Филиппо, завхоз экспедиции, уже улетели вертолетом с американской военной базы, что находится в трехстах километрах от лагеря археологов, на побережье, в столицу.

Особенностью романа «Черная башня» является то, что в нем нет главного героя. Почти каждый из персонажей по-своему значителен и играет определенную роль в раскрытии идеи и тем произведения. Есть смысл представить их, как это делает писатель в первой главе. Из оставшихся на Золотом холме непосредственные работы ведут десять человек — пять советских и пять американских археологов и трое рабочих из местных жителей-арабов — повар Омар и его молодые сыновья Ахмад и Саид, тоже повара). С советской стороны экспедицию возглавляет профессор Степан Степанович Клинецов, ему пятьдесят два года. Вместе с ним жена Жанна, ей тридцать лет, она художник, фотограф и секретарь экспедиции. В группу советских археологов входят также Владимир Николаевич Глебов — археолог, языковед (знает почти все восточные языки) и по первой профессии врач. Работают на раскопках и двое студентов — историки-практиканты Анатолий Ладонщиков и Николай Кузьмин. Американской группой археологов руководит Майкл Селлвуд. Он старше Клинецова на десять лет, оба давние знакомые, их объединяет «общий научный интерес» и участие в двух совместных советско-американских экспедициях. С ним его верная спутница — жена Дениза, ровесница Селлвуда, которая «никогда не расставалась с ним и осталась верной этому принципу и теперь». В экспедиции участвуют также Джеймс Холланд — химик, Метью Сенфорд — архитектор и Вальтер Шмидт, немец по происхождению, — техник и радист.

С первых же страниц писатель вводит читателя в действие романа, описывая обстановку вокруг Золотого холма и сложившуюся, чрезвычайно опасную, ситуацию. Местность вокруг раскопок и люди неожиданно оказались в зоне сильного радиоактивного поражения. «Счетчик Гейгера регистрирует наличие сильного ядерного излучения, он не щелкает, а свистит» — констатирует Холланд. К тому же, прекратилась радиосвязь, и не работают транзисторные приемники. Было решено укрыться в башне, и все члены экспедиции, дружно и слаженно работая, основательно подготавливаются к выживанию в ней: наладили снабжение водой и электричеством и обосновались в камерах, в самом большом из исследованных помещений.

«Каждый человек — это целый мир» — говорит Жанна в романе. И Анатолий Домбровский глубоко и всесторонне исследует этот «мир человека», который постепенно раскрывается в мыслях, чувствах, мотивах поступков и действий его героев. Писатель прослеживает индивидуальные особенности человека: как характер, психическое и физическое состояние влияют на его поведение в коллективе, что движет человеком в минуты опасности, как складываются взаимоотношения людей в замкнутом пространстве башни, в условиях изоляции от внешнего мира и угрозы жизни. И тема нравственности является первой из тем, обсуждаемых в романе. Так, Аристотель считал, что «Человек — существо общественное». И ему как бы вторит Сенфорд в беседе с Глебовым: «Вне общества — человек только животное». Сенфорд по характеру — вспыльчивый, нервный, часто спорит. «Вы слишком много болтаете» — замечает ему Жанна. Но он правильно подчеркивает важность нравственной составляющей личности человека, вспоминая афоризм Иммануила Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства».

Тема морали является стержневой в романе, и проходит сквозь все его повествование. О том, как важно сохранить в коллективе атмосферу дружбы, взаимопомощи и, главное, не терять надежды в данной экстремальной ситуации — говорит Селлвуд, собрав всех членов экспедиции. «Теперь нашей философией должно стать ожидание. Ожидание в атмосфере дружелюбия, взаимопомощи и надежды. Никто не должен падать духом и искать смерти для себя и ближних». Но спокойно ожидать своей участи у обитателей башни не получается. Всем им угрожает уже не только внешняя опасность — радиация, но и внутренняя — в самой башне. В лабиринте обнаруживает свое присутствие невидимый и неизвестный убийца, который начинает хладнокровно и безжалостно убивать людей. Его первыми жертвами стали юноша Ахмад и добрая, преданная Дениза. «Дениза никому в этом мире не причинила зла» — печально говорит Селлвуд, скорбя о своей любимой.

Произошедшие трагические события большинство из обитателей башни переживают молча, каждый — в мыслях о своем. Нервы сдают только у студента Ладонщикова, который страдает клаустрофобией — боязнью замкнутого пространства. Этот рослый, физически сильный парень, прежде добродушный и покладистый, теряет самообладание, впадает в панику, у него истерика, он порывается убежать из башни. Глебов призывает всех соблюдать спокойствие и выдержку: «...мы не можем доводить друг друга до отчаяния».

Несмотря на трагизм положения, ученые-археологи думают и обсуждают не только их собственную сложившуюся ситуацию, но и анализируют общечеловеческие проблемы в реалиях современного мира. Их мировоззренческие убеждения — различные, но они едины в их гуманистической направленности и раздумьях о будущем человечества. Философские споры вызывают у ученых такие глобальные проблемы,

как вина человечества, причины, приведшие к трагедии цивилизации, и то, в чем они видят спасение жизни на Земле. Глебов считает, что корни случившегося с ними — в моральном состоянии человеческого общества в целом, в непонимании и недооценке людьми реальной угрозы жизни на Земле и их ответственности за все происходящее на планете. «Мы все виноваты в том, что с нами случилось... Ведь если произошло то, чего мы не хотели, что мы старались предотвратить, предупредить, остановить, а оно все-таки произошло, значит, мы не все сделали. Не успели сделать. Надо было быстрее!» По мнению Селлвуда, сам ход цивилизации на Земле ведет к ее самоуничтожению: «Чем выше интеллект цивилизации, тем сильнее чувство обреченности. И вот парадокс: безумие порождается разумом». Но его утверждения парирует Глебов: «Обезумело не человечество, а лишь часть его. И виной этому не разум». Сенфорд тоже полагает, что в трагедии цивилизации виноват разум, и видит спасение человечества только в вере: «...Великие пророки Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Магомед... любя нас, ничтожных, учили: уверуйте! Хоть в бога, хоть в черта, хоть в пень, хоть в колоду, уверуйте. Соединитесь в чувствах и мыслях с живым и вечным — и будете вечно жить».

В рассуждениях ученых, философски мыслящих людей, нашло отражение ощущение неблагополучия современного мира и поиск духовной опоры, способной спасти человечество от возможных угроз. Глебов — материалист, выразитель той марксистско-ленинской идеологии, которая господствовала тогда в СССР, и оптимистично верит в силу человеческого разума. Американцы Селлвуд и Сенфорд не верят в разум и спасение видят в другом, у Селлвуда — не ясно выраженная позиция, а Сенфорд уповает на веру в Бога. Характерны в этом плане мировоззренческие взгляды Клинцова. Судя по его размышлениям и высказываниям, он тоже, как и Глебов — материалист, но уже не столь ортодоксально мыслящий и в чем-то воспринявший идеи перестройки по пересмотру материалистических убеждений, что проявляется в последующем. Клинцов «ни в бога, ни в черта не верил, не верил и в воскресение». И спасение человека видит в разуме: «Разум дан человеку, чтобы казнить в себе злое и лелеять доброе. Нужно искать и будить в людях разум...» Эти рассуждения Клинцова вызывают ассоциацию с философским произведением выдающегося испанского живописца Франсиско Гойи, его офортом «Сон разума рождает чудовищ» (1797). В картине видится художественно-аллегорическая иллюстрация мыслей Клинцова о том, что истоки зла — в самом человеке. И его разум не должен спать, дабы во время безмятежного сна не появились на свет его проявления — пороки, образно выраженные в виде чудовищных существ, способных погубить и самого человека, и человечество..

«...Еще жив, но это вот что за жизнь: ты уже выпал из окна верхнего этажа, но еще не долетел до мостовой» — так горько и аллегорично размышляет Селлвуд о своей участи. Он чувствует, что за-

болел лучевой болезнью, и понимая, что обречен, готов пожертвовать собой ради спасения друзей. Взяв единственный в экспедиции пистолет, он отправляется на поиски убийцы его Денизы и Ахмада. И в последние минуты жизни Селлвуд думает не о себе — он делится с Клинцовым, который отправился вместе с ним, мыслями о том, в чем он видит спасение человечества: «Благо есть мера, гармония. Надо собирать человека... Не разлагать, а синтезировать. Спасение в гармонии духа и тела... губительный принцип: разделяй и властвуй... нужен другой: соединяй и блаженствуй. Соединяй разумное, доброе, прекрасное. Нужны не люди, не классы, не государства, не народы, не расы — требуется человечество». И вдруг эти рассуждения Селлвуда прерывает голос из лабиринта: «Мне было интересно послушать, но это были запоздалые мысли». Раздается выстрел, и Селлвуд погибает.

«Запоздалые мысли» — эти слова многозначительны и будут еще повторены и осмыслены в ходе повествования. Их произнес неизвестный убийца. Кто же он: это новое, действующее, и весьма активно, лицо романа? Обитатели башни назвали его чужой: «потому что мы его не знаем» — говорит Клинцов. Для Омара и Саида он — аш-шайтан*, злой дух башни. Сенфорду чужой видится в «форме десантника ВВС», что, видимо, соответствует действительности, потому что он отлично ориентируется в лабиринте и метко стреляет, убивая людей. Он появляется вскоре после ядерной катастрофы, вероятно, из-за аварии вертолета с военной базы и проник в башню вслед за членами экспедиции. Это существо из животной плоти, которое невозможно назвать человеком, остается невидимым и непознанным в романе. Клинцов спрашивает чужого перед своей гибелью: «Кто ты?» Тот засмеялся: «Никто». Клинцов, анализируя поведение и действия чужого, пытается понять, кто же он на самом деле? «Убивает...Зачем?... Хочет один владеть лабиринтом, запасами пищи и воды? ...Связи с внешним миром не желает... Преступник? А если отчаявшийся безумец?... Садист? Маньяк?» Чужой, это обезличенное существо, представляется невидимой тенью человеческой личности, олицетворением его пороков, как в картине Гойи, эдакого чудовища, а в глобальном масштабе — некоего зла, существующего в современном мире. «...Он пришел из того мира, из которого мы сами, он его порождение — его преступления, его безумства» — к такому философскому выводу приходит Клинцов. Чужой произносит загадочные фразы, которые эхом отзываются на рассуждения ученых о вине человечества и трагедии цивилизации, подтверждая то, что он, действительно порождение современного мира. Сенфорду, который хочет договориться, чтобы чужой не убивал их, тот отвечает: «Вы сами убили себя. И меня». Бродя по лабиринту в поисках чужого, Клинцов вспоминает его слова, сказанные перед выстрелом в Селлвуда — «это были запоздалые мысли». Он видит в этих словах глубокий смысл —

* В мусульманской мифологии одно из имён дьявола.

предсказание о гибельной предопределенности будущего человечества; о запоздалом осмыслении существующих угроз в современном мире. «Запоздалые? Не все было додумано до конца в нужный час!... В немыслящем мозгу вырелась катастрофа. Вот ошибка людей и Вселенной — немыслящий мозг. И потому, быть может, упущен шанс». Так показывает писатель эволюцию мировоззренческих убеждений Клинцова, идущих от материалистической веры в разум до констатации факта бессилия разума предотвратить глобальную катастрофу.

Где же та система ценностей, которая способна спасти человечество? И Анатолий Домбровский вновь обращается к теме морали в полемике Клинцова и Сенфорда. Сенфорд — сторонник сохранения любой жизни — даже чужого, в данных условиях, и выживания человека любой ценой, с пренебрежением моральными нормами. Клинцов считает такую концепцию ограниченной, сведенной лишь к животному существованию человека, и недостойной высокого его предназначения. «Теперь о вашей новой системе ценностей... она, во-первых, не ваша, а во-вторых, не нова. Она действует на уровне инстинктов в животном мире. Полное отсутствие норм и, конечно же, морали». Клинцов прав, говоря о том, что система ценностей, предложенная Сенфордом, — не его и не нова. В ней прослеживается аналогия со взглядами Герберта Спенсера (1820–1923), английского философа, социолога и психолога, который был основателем органической школы в социологии, и уподоблял человеческое общество животному организму. В разговоре с Ладонщиковым Холланд по-философски углубляет понятие морали, видя ее первооснову в духовности: «...подлинный человеческий мир — это мир духа. Все отношения между людьми должны быть переведены в мир духа. Иначе — всем конец. Всему — конец».

Вынужденные обитатели башни находятся на пределе своих физических и психических возможностей, балансируя на грани жизни и смерти из-за угрозы нападения чужого. Но в моральном плане люди стараются стойко переносить сложившуюся ситуацию и поддерживают друг друга, хотя порой бывают и срывы. Труднее всех пребывание в башне дается Ладонщикову, и он убегает все-таки в пустыню, но Клинцов возвращает его. Временами вспыхивают ссоры между Сенфордом и Вальтером, Вальтером и Ладонщиковым — эти персонажи более эмоционально неустойчивы и склонны к панике. Но характерно, что в целом людей объединяет чувство сплоченности и ответственности за товарищей, готовность пожертвовать собой ради их спасения. Так поступил погибший Селлвуд. Добровольно готов пожертвовать собой Сенфорд, пойдя на переговоры с чужим, хотя и понимает грозящую ему опасность. Как тонкий психолог, писатель описывает состояние людей в минуты смертельной опасности, подчеркивая духовную возвышенность их мыслей и способность преодолевать страх смерти. Сенфорд «свободно избрал для себя первейшую истину: жизнь без страха смерти. Хотя самому ему страшно. Страшно до омерзения». Но сильнее

страха собственной смерти, его страшит судьба человечества за пределами башни: «Собственная участь тоже пугала, хотя в сравнении с участью всех была лишь частным случаем». Сенфорд погибает от выстрела чужого, так и не договорившись с ним о перемирии. Клинцов, найдя тело Сенфорда в лабиринте, потрясен мужеством и благородством его поступка, и думает об этом самом высоком и неподвластном разуму человеческом чувстве — готовности пожертвовать собой ради спасения других. «Неразумно жертвовать кем-либо, но какие доводы разума способны противостоять самопожертвованию?» Сам Клинцов тоже готов пожертвовать собой, чувствуя признаки лучевой болезни, которую подтвердил Глебов. Рассчитав место встречи с чужим, он включает взрывное устройство — и погибает под завалом обрушившейся многотонной груды кирпичей. А чужой вновь ускользает от людей, скрывшись в лабиринте.

В романе есть еще один безмолвный и неодушевленный персонаж — башня, в которой вынуждены обитать его герои, которая носит название Черная башня. Немой свидетель трагедии, разыгрывающейся в ее лабиринте, башня и сама по себе — многозначительна, что подтверждает название романа. Черная башня является нижней из семи башен зиккурата, поставленных одна на другую. И, помимо того, что зиккурат — прообраз Вавилонской башни, названия его башен — тоже символичны. За черной далее следовали: белая, пурпурно-красная, синяя, ярко-красная, серебристая и золотая. По словам археологов, нижняя — черная башня — была посвящена божествам земли и воды, а верхняя, золотая, — солнцу. Черная башня, символизируя собой «далекое и безмолвное прошлое», является как бы связующим звеном между прошлым и настоящим. И то, что группа людей вынуждена обитать в ней, — а в глобальном масштабе такая участь возможна и для всего человечества, — вызывает тревогу у Клинцова. Он видит в этом возврат в «далекое прошлое». «Там — вырождение, впереди же открывалось безграничное совершенствование». Анатолий Домбровский указывает на значение исторической памяти и опыта: что нельзя предавать забвению уроки прошлого. «Кто прошел один и тот же путь дважды, тот просто вернулся» — афористично предупреждает он. Черная башня, посвященная божествам земли и воды, как бы, олицетворяет собой приземленность мышления людей, неспособность их духовно возвыситься до понимания своего предназначения. И, защищая людей от внешнего врага, радиации, она бессильна спасти их от внутреннего — чужого, являющегося «порождением преступлений и безумств» современного мира.

«Какой подарок судьбы!» — восклицает Селлвуд, когда они с Клинцовым обнаруживают в одном из залов лабиринта, над местом обвала, который произошел во время грозы, дыру в потолке — проход в белую башню. Быть может, из-за этого усилился и приток воздуха в черную башню, может быть, она была посвящена божеству воздуха? Да,

это был действительно подарок судьбы — людям открылся спасительный проход в белую башню, возможность уйти от чужого. Но нет ни лестниц, ни веревок, а построить лестницу из обвалившихся кирпичей, как предлагает Клинцов, невозможно из-за угрозы нападения чужого. Вот он, тот «упущенный шанс», о котором размышлял Клинцов! Голубоватая белизна потолка белой башни напомнила ему самые «милые небеса» в мире — «небо над землей его родины, над деревенькой, в которой он рос». А звезда на потолке, «увы, не настоящая», показалась ему «прощальным подарком белой башни».

Повар Омар умер, не приходя в сознание, из-за тяжелого ранения, которое нанес ему чужой его же собственным ножом. «Потери большие, как на войне. Так и будем считать: идет война» — констатирует Холланд. Действительно, идет война, и не только в плане физического уничтожения, но и идеологий, мировоззрений, моральных принципов и духовных ценностей. Холланда не покидает чувство вины за свое прошлое, он — бывший военный химик и воевал во Вьетнаме, где применялось химическое оружие. И он, как никто из его друзей, знает цену человеческой жизни и понимает, как важны в их трагической ситуации сила духа и способность стойко переносить жизненные испытания. «... Жизнестойкость — это сила, способная сломать хребет любому несчастью» — говорит он Ладонщикову, который во второй раз убегает в пустыню. Рискую жизнью, Холланд находит его, осуждает за слабость, и афористично убеждает вернуться: «Смерть не всесильна. Любая жизнь умножает силы жизни. Живым нужны живые». Его доводы убеждают Ладонщикова, и он возвращается в башню.

Вальтер, как и Холланд — тоже бывший военный, он окончил военное училище. В романе его образ показан в основном в проявлении характера: вспыльчив, ссорится с Сенфордом и Ладонщиковым; но стойко переносит их вынужденное заточение и, как и все его товарищи, готов пожертвовать собой ради их спасения. Вальтер — немногословен, в дискуссиях не участвует, но с Клицовым он разговаривался и признался, что очень переживает за свою мать, она — единственная, кто его ждет. Еще его волнует судьба человечества, не произошла ли глобальная катастрофа: «Остались ли Там живые?» Клинцов убеждает его, что глобальной катастрофы — нет. Холланд и Вальтер вместе уходят на охоту за чужим. Холланд погибает от выстрела чужого, когда разбирает завал из кирпичей, под которым было тело Клинцова. Вальтер, метнув толовую шашку в сторону чужого, тоже погибает — от взрыва.

Гибель Холланда и Вальтера видится кульминацией романа. Ведь это были профессиональные военные, но и они не смогли противостоять чужому. Становится ясно, что надо что-то менять в стратегии борьбы с ним. И, несмотря на потрясение и переживания из-за гибели товарищей, такое понимание вещей мобилизует оставшихся в живых людей на поиск новых путей их спасения, и к переосмыслению жизненных воззрений. В этом плане знаменателен эпизод, который, к со-

жалению, не получил дальнейшего развития. Саид излагает Глебову свою идею по спасению людей — простую и очевидную. Поскольку снаружи радиация стала уменьшаться, говорит он: «Надо перебраться в штольню. И завалить вход в башню. Это легко сделать — стоит лишь выбить подпорки. Мы должны так сделать, чтобы избавиться от аш-шайтана». Но спасительному плану Саида не суждено было сбыться. Глебов не успел перевести его предложение с арабского языка, как ему стало плохо — из-за лучевой болезни, и вскоре, не приходя в сознание, он умирает. Все трагические события, происходящие в башне, тяжелее всех переносит Ладонщиков: у него повышенная возбудимость, нервные срывы, стремление вырваться из башни пусть даже — в пустыню, где смертельная радиация. Однако после смерти Глебова он принимает осознанное решение — выйти из штольни, заманив чужого в лаз и убить его хоть «ломом, бревном, просто задушить». Анатолий Домбровский углубленно-психологично показывает на примере Ладонщикова, как меняет человека чувство долга и ответственность за жизнь других людей; как крепнут его убежденность и мужество; как приходит осознание ценности жизни и необходимости противостоять злу; как из паникера его герой превращается в стойкого борца со злом. «Благородная ярость должна вскипать в людях при малейшем посягательстве на их жизнь и достоинство, скорой и суровой должна быть кара всякому злу» — так в тридцати шагах от чужого размышляет Ладонщиков. И еще он «понял, что убьет его не дрогнув, без страха и брезгливости, сделает это как должное, потому что спасает ребенка, имя которому — добро ... потому что, пройдя путь от убежища до этого места, изменился, стал другим, повзрослел...» Около лаза Анатолий потерял сознание прежде, чем в него выстрелил чужой.

С гибелью ученых-археологов старшего поколения в романе завершаются философские размышления и дискуссии на тему «трагедия цивилизации». Эти мысли, как оказывается, уже «запоздалые», как и «запоздалое знание», констатирующее факт фатального самоуничтожения цивилизации. Теряет актуальность и «извечно русский вопрос», — как выразился Селлвуд: — Кто виноват?» И возникает тоже «извечно русский вопрос»: «Что делать?» Что делать дальше? И Анатолий Домбровский обращает свое внимание на молодых персонажей романа студента Кузьмина и Жанну, видя в их лице тех, чьи взгляды на мироустройство и идеи по преобразованию помогут найти выход из тупика цивилизации и спасти человечество от глобальной катастрофы. Писатель исследует, как воспринимает молодое поколение их частный случай и локальную катастрофу, соотнося с масштабами человечества и глобальной катастрофой, какие делает выводы и каким видит будущее человечества? Что противопоставить всеобщему злу, разлагающему планету, разобщенности людей и народов и отсутствию духовной опоры, необходимой в борьбе за спасение жизни на Земле?.. — только любовь, как важнейшую и неотъемлемую часть духовной жизни

человека — лишь она способна противостоять злу, и преодолеть его. Любовь в различных ее проявлениях: к жизни, человеку, природе и, в целом, к человечеству. И тема любви является первой в размышлениях Кузьмина, уже как бы продолжателя традиции философских рассуждений своих погибших старших товарищей. Он понимает любовь к человеку не только как проявление чувств, а видит в ней силу, способную духовно возвысить человека и в его лице все человечество, как подобие к своему Образцу. «В человеке следует любить только человека, человечество, восхождение подобного к своему Образцу». Сам Николай страстно влюблен в Жанну, переживает и мучается из-за невозможности признаться ей в этом, понимая всю безнадежность своей любви. «Да, влюблен он в нее, влюблен! Счастье и проклятие одновременно... И сгорал, ну просто сгорал от мучительной влюбленности». Писатель очень чутко и бережно, с явным сочувствием описывает чувства людей, ощутивших всю ценность той «нормальной жизни» за пределами башни, казавшейся такой обычной, а теперь — утерянной навсегда. Это вызывает шемящую жалость и сострадание к тем, кто обречен никогда уже не узнать ответного чувства любви, как Николай; не увидеть родного неба — как Клинцов и не обнять свою мать — как Вальтер.

Особое место в романе занимает образ Жанны. И его значительность проявляется не в философских дискуссиях, в которых она никогда не участвовала, и не в охоте за чужим — как это делали мужчины, а в характере и отношении к жизни, людям. Так же, как и все обитатели башни, она старается стойко переносить все тяготы их жизни и сохранять самообладание, чтобы не расстраивать товарищей. Стыдя Ладонщикова за истерику, она признается: «Мне тоже страшно, но я молчу: щажу других». За доброжелательность, заботу о других, готовность всегда придти на помощь и за ее благородную красоту любят ее по-рыцарски и ценят все мужчины. Уходя в лабиринт на поиск чужого, с ней тепло прощается Селлвуд, и просит всех ее беречь и сохранить ее жизнь. «И если, друзья, у вас останется лишь один шанс спасти только одного из вас, спасите миссис Клинцову, она так прекрасна». Холланд, тоже уходя в лабиринт, говорит ей признательные слова и завещает жить: «Никто здесь и мизинца вашего не стоит... Жертвуйте всеми и живите. Вы будете жить, Жанна». Только Клинцов, в последний раз уходя в лабиринт, не смог по-настоящему проститься с Жанной, боясь что не выдержит, ослабеет и заплачет. Кузьмин, влюбленный в Жанну, видел в ее картинах «ее собственный свет, свет художника, все объединяющий в образ, символ, светящуюся мысль о Начале и Конце». Олицетворяя собой «свет художника», сама Жанна ощутила свет мира и духовную возвышенность от «причастия к великой Истории и вечной Красоте» в Афинах, возле Акрополя и Парфенона, глядя вниз с холма на город и торговый квартал Монастыраки. Рассказывая об этом Кузьмину, она говорит, что «хотела стать человеком Истории и Красоты, потому что видела в этом блаженство и истину. И выход для всех. Выход вверх».

Мудрость и прозорливость Жанны проявляется в том, что она не согласна с предложением Кузьмина обследовать соседние камеры, проломить стену и выйти в другой лабиринт, рассуждая по-философски резонно: «Разве может быть спасение в другом лабиринте? Ведь это только другой лабиринт, уходить надо вверх. Клинцов говорил, что надо уходить вверх в белую башню. Сквозь этот могильный холм, который над нами, и выше... Истинная дорога — это все-таки дорога вверх». Как реалист, Кузьмин понимает, что для выхода в белую башню у них нет ни сил, ни возможности — и решает рубить стену топором, по его мнению: «...действие — это единственное, что может изменить ситуацию». Жанна возражает Кузьмину, говоря, что само по себе действие, без осмысления цели, не принесет результатов. «Льдины сталкиваются и крошат друг друга во время ледохода, хотя движутся все в одном направлении. Нам надо было двигаться вверх, а мы толклись на Монастыряки. Тоже действие. Но ради какого общего движения?» В аллегории, высказанной Жанной, есть глубокий смысл: оценка их ситуации и констатация факта разобщенности людей в понимании общей цели — в отношении всего человечества. Если бы у обитателей башни была единая стратегия и действовали бы они сообща, а не ходили в основном поодиночке в лабиринт на охоту за чужим, возможно, погибло бы не так много людей.

Интересный факт. В трудную минуту люди разных национальностей, обсуждая совместные действия, начинают понимать друг друга без перевода — как Кузьмин, Жанна и Саид. «Когда ты научился говорить по-русски?» — спросил Кузьмин Саида. «Я по-русски? — удивился Саид, — разве я говорю по-русски?». Кузьмин: «Я все равно тебя понимаю». Саид: «Я тебя тоже понимаю. Но разве ты говоришь по-арабски?» Жанна и Саид тоже понимают друг друга без перевода. И, комментируя этот факт, Жанна говорит о более глубинном понимании сущности человека, нежели — его национальность: «...давно сказано, что нет ни эллина, ни римлянина, ни иудея, что есть только человек». Эти слова Жанны воспринимаются в контексте мыслей Кузьмина, как выражающие основную идею романа: «Кто ты есть, человек, кто ты в этом мире, зачем ты, каково твое будущее?» И, выражая взгляды Анатолия Домбровского, Кузьмин мысленно формулирует понимание смысла жизни — своего рода манифест, включающий в себя основополагающие принципы существования человеческого общества, которые способны предотвратить глобальную катастрофу и спасти жизнь на Земле: «Смысл жизни в том, чтобы умножать силы жизни, в жизнетворном созидании, в борьбе против энтропии духа и Вселенной. И против всего, что препятствовало возвышению к солидарности, братству, любви, единению, мудрости, красоте. Правомочность всякой мысли и поступка — опора на принцип возвышения. Дорога вверх». Жаль, что понимание смысла жизни приходит к Кузьмину тоже «запоздало». Прорубив стену, как ему казалось, в другой лабиринт, он понял, что по-

пал в ответвление все того же лабиринта, где хозяйничает чужой. И он погибает от его выстрела. Остается только один, трагический выход из черной башни — его вход. Спасая Жанну, Саид погибает под обвалом рухнувшей башни, подрубив у ее входа подпорки. С болью в сердце она сожалеет о том, что не успела проститься с ним. Жанну, из последних сил бредущую по пустыне, на второй день пути обнаруживает вертолет с Филиппо, который верил, что люди живы, и организовал поиски. Он объясняет ей, что «случилось то, что не могло не случиться, — трагическая ошибка. Но только здесь, в пустыне. Дальше — все хорошо». И на вопрос Жанны: «Люди живут?», со вздохом отвечает: «Люди живут... Кроме тех, которые погибли». Так заканчивается эта печальная сага.

Почему Анатолий Домбровский, гуманист, пропагандирующий идеи добра, мира и гармонии между людьми и то, что было присуще ему, как личности и как творцу, создает такое трагическое произведение? Думаю, читателю понятен его замысел: писатель как бы намеренно сгущает краски, описывая существование людей практически без света, в затхлой и душной атмосфере башни, к тому же он постоянно нагнетает и без того смертельно-опасную для жизни ситуацию из-за радиации снаружи, усугубляя положение еще и появлением и присутствием в лабиринте чужого, который постепенно убил почти всех обитателей башни. При этом он использует прием гротеска в изображении образа чужого. Страстно не желая столь мрачного исхода в масштабах всего человечества, всеми происходящими в романе событиями писатель демонстрирует трагизм и ужас возможной глобальной катастрофы. Всей силой своего таланта Анатолий Домбровский стремится донести до людей понимание реальных угроз в современном мире, отразившихся непосредственно на жизни его героев, чтобы их «предугадать, предупредить, предотвратить».

Как социолог и психолог Анатолий Домбровский проецирует на отдельной группе людей модель поведения человеческого общества в условиях возможной глобальной катастрофы. Способно ли будет человечество выжить в такой губительной ситуации и объединиться ради сохранения жизни на Земле, убрав идеологические препоны, предрассудки и недоверие между людьми? Характерно, что в отличие от Вавилонской башни, которая рухнула, разоблив народы и людей, которые перестали понимать друг друга, заговорили на разных языках, Черная башня объединила разные нации и национальности: русских, американцев, арабов и немца в понимании общей цели — ради сохранения жизни в условиях смертельной опасности. В данном случае и языковой барьер не стал преградой, люди понимали друг друга без перевода. Тем самым писатель показал возможность противостоять злу, разобщенности народов, идя по пути «солидарности, братства, единения, мудрости и красоты».

В романе приводится глубокая по смыслу и художественно-впечатляющая по образности аллегория: «Человек вырос на звере, как

вырастает камнеломка на базальте — нежное растение на черном камне, выплеснутом с грохотом и пламенем из кипящего чрева земли». В ней выражена двойственная сущность человека, подобного двуликому римскому божеству Янусу, соединившему в себе духовное начало с низменными, животными потребностями и инстинктами. Анатолий Домбровский показывает, как в мыслях и душах его героев идет борьба со «зверем»: в преодолении естественного страха смерти и отречении от собственного эго во благо других. И подчеркивает важность духовной составляющей сущности человека, которая проявляется в том, как возвышается его дух от понимания общности целей и готовности к самопожертвованию ради спасения товарищей. Осознание человеком его высокого предназначения на Земле, его избранности, как носителя высших духовных ценностей, является первоосновой той духовной опоры, которая способна спасти человечество, — такова основная идея романа. Символично, что из всех героев романа в живых остается только Жанна. Именно она предлагала настойчиво двигаться вверх, в белую башню, сквозь холм, образно говоря, к возвышению духа — видя в этом спасение. И это согласуется с «принципом возвышения», который подразумевает, прежде всего, возвышение духовности. Несмотря на трагичность произведения, последние слова романа выражают надежду — «Люди живут». Значит, может и должен исполняться завет Анатолия Домбровского, то, к чему стремилась сама героиня его романа, — чтобы каждый человек «стал человеком Истории и Красоты, потому что в этом блаженство и истина».

Симферополь

Мая РОШИНА,
журналист

ФИЛОСОФИЯ ДИЛЕТАНТКИ

Непросто писать об Анатолии Ивановиче Домбровском. Тем более, как это ни странно, мне было довольно сложно общаться с ним в период нашего знакомства: человек, руководивший крымской писательской братией, наотрез отказывался участвовать в мероприятиях. Вместо себя тут же «подсовывал» мне фамилии других

писателей. Хотя понять его можно было: много работал и как писатель, и был слишком загружен общественной деятельностью. Впрочем, однажды он все-таки согласился...

Это было осенью 1986 года. Помню, мы, организаторы мероприятия, собрали детвору Симферопольского района — победителей некоего конкурса сочинений, кажется, «Как я провел лето». Вроде бы все предусмотрели. Более того, ответственный за кино-фото от Симферопольского района мой знакомый с юности Саша Ш., работавший в ту пору на Крымском ТВ, пообещал по телефону, что сюжет пойдет по телевидению.

Итак, все в сборе: красивые детки, торжественные учителя и наши крымские писатели — прозаик, философ Анатолий Домбровский и поэт Валерий Субботенко. И... пьяный «в дым» Саша Ш. И это в десять часов утра! Не стоит живописать подробности: понятно, что неадекватные Сашины движения притягивали к себе внимание присутствующих. На лицах взрослых отражалось возмущение от происходящего, ребятишки, глянув в его сторону, говорили сбивчиво. А Саша Ш. крутил осветительные приборы, выставлял свет, то есть как будто бы что-то снимал... Потом врубил прожектора. Лицо багровое, руки-ноги — будто их кто-то дергал за веревочку. И в этот момент какая-то массивная штука с кучей лампочек внезапно обрушилась прямо на Анатолия Ивановича...! Как только он успел увернуться?.. Грохот, искры, море стекла... будто аттракцион. Саша глупо улыбался. Мне плохо: вот уговорила, наконец, Домбровского прийти на очень серьезное мероприятие — и чуть не убила! Уф, все благополучно закончилось.

Я подбежала и выхватила у Саши пленку. А потом, по приезде в Симферополь, бегом на ТВ. Дождь проливной, но надо успеть вовремя сдать работу, ведь пленку должны еще проявить — вместе с текстовкой в полном отчаянии отдала ее редактору. С трепетом жду результат. И, тем не менее, в вечерних «Новостях» — сюжета нет. Утром, позвонив на ТВ, узнаю: пленку Сашенька все-таки запорол — брак по свету.

Вообще, проходя по улице Горького, я любила заходить в Союз писателей. Мне нравилась тамошняя добрая атмосфера и все-все наши крымские писатели. Анатолий Иванович постепенно отошел душой от той случившейся на мероприятии неурядицы. Улыбался и был рад нашим встречам. Мне все же очень хотелось сделать какое-то классное, оригинальное мероприятие с его участием, чтобы запечатлеть его яркую, выразительную личность на ТВ. Но этому, увы, всегда мешала моя «пятая графа», ставшая поперек горла у идеологов Крымского обкома партии, к тому же я была еще и беспартийной. Короче, изгоняли меня из информационно-идеологической сферы уже открытым текстом. Заскочила я как-то к Галочке Домбровской в ее беззаконную каморку Бюро пропаганды художественной литературы. Сидим. «Ля-ля-ля»... Входит Анатолий Иванович. И говорит вдруг: «Маечка, не хотите ли

Вы пойти на работу редактором украинского отдела издательства?». Я глупо расхохоталась. Как? Неужели он не знает про обком партии? Да они не только меня, но и его из-за меня сожрут. «Анатолий Иванович, миленький, не получится!», говорю, — у меня нет высшего образования. И украинского языка я не знаю — как редактировать-то буду?!». А он отвечает: «А им, писателям и поэтам, редактор и не нужен. Что, Данило Кононенко или Леня Панасенко сами себя не отредактируют???»...

После этого Анатолий Иванович вошел в мою душу с великой благодарностью. В столь трудную для меня минуту, этими словами он поддержал меня так, как никто другой...

И еще хочу вспомнить одно его свойство, по-моему, редкое среди людей творческого склада — трепетное отношение к жене. Галочка, Галочка, Галочка. Только так он ее называл. А с какой гордостью показывал он мне ее живопись: «Это Галочкины работы!». Впрочем, это было гораздо позже — когда в здании обкома партии уже разместился Краеведческий музей, дворянское и другие общества, и тяжеленные чиновничьи двери этого здания больше не охраняли важные и строгие милиционеры. И об этом факте мне удалось снять небольшую страничку в своей ТВ-программе «Резонанс».

А однажды имел место небольшой курьез. Один из моих материалов в газете «Южная столица» был опубликован под названием «Мозаика Домбровского». В нем речь шла о другом обожаемом мною человеке — археологе Олеге Ивановиче Домбровском. Материал вышел, был четверг, и я неспешно шла в редакцию. Была осень, стоял теплый золотой день. Проходя мимо Союза писателей, на ступеньках у его входа встретила красивого, как всегда, элегантного, Анатолия Ивановича. Он приветливо поздоровался. Мы о чем-то заговорили и вдруг, спохватившись, он сказал: «Маечка, вы не представляете, сколько было сегодня звонков все по поводу Вашей статьи. Думали, она обо мне... а некоторые почему-то подумали, что это некролог... Ох, эта «Южная столица»! Таким заголовком ввела всех в заблуждение...».

До сих пор не могу простить себе, что сделала лишь одну телепередачу о его новом романе о Сократе «Чаша цикуты» для канала ИТВ. Это было в перестроечные 1990-е. Чтобы показать по телевидению интервью с Анатолием Ивановичем, пришлось договориться со спонсорами телепередачи и прибегнуть к невероятной хитрости: в результате беседы с ним включили в программу о животных, оплатив ее рекламным роликом о тиграх езжего на гастроли в Симферополь цирка (то было время, когда писатели и книги стали считаться излишней роскошью) и, кроме того, — показать в конце передачи любимую домашнюю собаку Домбровского Чапку. А Домбровский, в свою очередь рассказал, каких животных держали в своих домах и на подворье древние греки. Таким образом, интервью с писателем удачно и абсолютно органично

вписалось в эту программу. Вот только, к сожалению, не представилась возможность, и так и не успела ТОГДА донести до зрителей, читателей и всех любителей литературы философию Анатолия Ивановича Домбровского, которая меня восхищает.

Израиль

Ольга ДУБИНЯНСКАЯ,
писатель, лауреат Литературных премий
им. А. Пушкина и А. Домбровского

РОМАН О БЕГСТВЕ В НИКУДА

В журнале «Брега Тавриды» впервые в Крыму опубликован **роман А.И. Домбровского «Бегство»**, написанный в жанре политического детектива. Эта публикация — яркое подтверждение того неоспоримого факта, что для талантливого писателя не существует временных, социальных, жанровых ограничений. Ему подвластно всё: от безыскусных чистых книг, посвященных детству и юношеству до глубоких философских изысканий, от мощных реалистических произведений до увлекательного детектива.

Главный герой романа, Александр Блескунов, человек с трудной судьбой, перенесший самую тяжелую жизненную потерю — гибель семьи. Тем не менее, это очень сильный человек, которого не могут сломить никакие трагические обстоятельства и катастрофы. Его фамилия подчеркивает яркость и неординарность этой личности. Он красивый, физически крепкий, мужественный, харизматичный мужчина, лидер, привлекающий к себе людей, притягивающий внимание женщин с первого взгляда. К тому же, бывший военный разведчик. Казалось бы, этакий Джеймс Бонд славянского разлива, но под этой эффектной физической оболочкой скрывается человек тонкой душевной организации, глубоко чувствующий красоту и гармонию мира, «навсегда сохранивший чувство восхищения перед древностью», видящий «удивительные сказочные сны», которые уносят его в давно ушедшие миры. Несомненно, в образе Блескунова отразились некоторые черты личности самого автора. Это Анатолий Домбровский, красивый и мудрый

человек, силой мысли уносится «в Древний Рим, к египетским храмам и пирамидам, на афинский Акрополь, на крепостные стены Константинополя...». И глубокие провидческие философские высказывания главного героя — откровения самого автора.

Александр Блескунов отправляется в круиз по Средиземному морю. Корабль носит имя классика грузинской и мировой литературы — «Шота Руставели». Этим названием читателю как бы задается установка на некую ирреальность событий, происходящих с героями книги: роман в романе.

Прямо на корабле завязывается политическая интрига, в которую вовлечены спутники Блескунова: одиозный экс зам. мэра Сутулов, эффектная роковая красавица Зоя, студент-историк Нузет, капитан Узин и другие члены туристической группы. Интрига продолжается и на берегу в местах временной стоянки лайнера.

Действие романа разворачивается в двух взаимопроникающих, но не сливающихся, параллельных мирах: один — суетный бытовой мир, охваченный людскими страстями, включающий плотскую любовь, развлечения, агрессию, насилие, даже убийства; другой — вечный мир Гармонии, Красоты, Мудрости, где любовь к женщине облагорожена духовностью, где поступками героя руководит София-мудрость, где он испытывает ни с чем не сравнимую полноту бытия. Александр Блескунов — живое связующее звено между этими двумя мирами. Именно он пытается обогатить сознание своих спутников знанием, почерпнутым из гармоничного мира высоких идей и чувств. Это проявляется и в полемике с его антиподом — Сутуловым.

К примеру, рассуждения обоих о власти. «Власть должна находиться в руках умных и порядочных людей», — считает Блескунов. «Власть — насилие, кнут. Осуществлять власть могут только агрессивные, злые и фанатичные люди», — возражает ему Сутулов. И, развивая свою мысль, этот антигерой делает вывод, что подлинная власть должна принадлежать националистам, а каждый народ должен образовать «свое мощное и злое государство». Читаешь эти слова — и поражаешься провидческому гению автора. Роман был написан в 90-е годы, а такое ощущение, будто А.И. Домбровскому удалось заглянуть на 20 лет вперед, осмыслить и осудить события нашего времени.

Недаром выдающийся русский философ Николай Бердяев назвал национализм «самым банальным мировоззрением», а другой философ, Даниил Андреев: «историко-культурным провинциализмом, возведенным в политическую теорию». Банальное, примитивное легче всего привить обывателю, заикленному на мелких эгоистичных потребностях, глухому к зову духовных высот. Повсеместно насаждая национализм, внушая пассивному в творческом плане обывателю, что он — избранный, носитель всех достижений своей нации, нетрудно превратить его в агрессивного фанатика, презирующего и ненавидящего весь род людской, находящийся за пределами его нации, а затем направить эту

агрессию против своих политических соперников. К сожалению, гибельные глобальные масштабы такой порочной антигуманной практики мировая история уже знает. И Александр Блескунов, потерявший в бойне, затеянной националистами в Приднестровье, жену и сына, даёт жесткую отповедь Сутулову, осуждая не только бесчеловечность его позиции, но и её тлетворное влияние на все окружающее.

А в высшем духовном мире происходит братское единение родственных душ, восприимчивых к Гармонии, перед ликом божественной природы и древних храмов Эллады. Тревожное и мистическое ощущение, которое испытывает главный герой, побуждает его прислушиваться «к тому, как радуется и как печалится его душа, как гордится и как страдает, пребывая в измерениях, недоступных брэнному телу». Он понимает, что и его спутники: профессор Кайданов, Сильвия Аскольдовна и другие, примкнувшие к ним люди — охвачены тем же чувством, что «все они вместе удаляются от мира прошлого и нынешнего, скользят в печали по вектору времени, как братья — этакая единая, скрепленная невидимыми узами душа».

И не случайно в этом просветленном состоянии все мысли и чувства главного героя обращаются к любимой женщине — Елене, гречанке из Пирея.

Две женщины, с которыми на кратком временном и протяженном пространственном отрезке общается главный герой, — Зоя и Елена, — как раз и символизируют два параллельных взаимопроникающих мира. Зоя (жизнь) — эффектная, раскованная, грешная, вызывает у Блескунова плотское желание, притягивает его своей неумейной жаждой всех жизненных наслаждений. Елена (свет, факел) — прекрасная, одухотворенная, способная «затмить своей царственной красотой всех женщин мира», вызывает у Александра восторг, робость и изумление, т.е. чувства, сродни тем, которые вызывает у героя её родина — прекрасная загадочная Эллада. «Греция — это также и я. Полюбишь Грецию — полюбишь и меня», — говорит Елена своему избраннику.

И душа Александра мечется между двумя мирами: миром земных страстей и идеальным миром Гармонии и Красоты. Он старается убедить себя, что нашел золотую середину, некий перекресток, где эти два мира соединяются, даря человеку земное и неземное счастье. Для него такое перекрестье — Греция, сохраняющая традиции древней Эллады, и гречанка Елена-Элени, с которой он мечтает обрести наконец душевную гармонию, построить новую семью, наладить новую счастливую жизнь.

Но суетный агрессивный мир, который Александр пытается изжить из себя, не выпускает его из цепких когтей. Нельзя убежать от самого себя, от своей судьбы, от своей земной миссии. Александр — защитник людей, так переводится с древнегреческого имя главного героя. И никуда ему не деться от этого своего предназначения.

В его руки волею случая попадают документы, отражающие план, разработанный группой украинских радикал-националистов, под ко-

довым названием «Бегство». Цель этого сценария — спровоцировать межэтнический конфликт в Крыму, который повлечет за собой вооруженное противостояние между Россией и Украиной. Судьба предоставляет ему выбор между выстраданным личным счастьем и борьбой за мирную жизнь и счастье других людей. «Найдем себе остров и спрячемся там ото всех», — предлагает любимая женщина. А внутренний нравственный закон диктует другое: «он не вправе оставаться в стороне», ибо у него есть совесть: «и гражданская и просто человеческая, называемая во все времена чувством долга».

И Александр вступает в борьбу с заговорщиками, значительно превосходящими его численностью. Он вызывает огонь на себя: становится объектом нескольких покушений на свою жизнь, получает тяжелое ранение, чудом избегает смерти, с честью выходит из, казалось бы, безвыходных ситуаций. И в итоге защищает земной мир, людей от Зла, с которым не может примириться его чистая душа, его ясный разум. И победа Александра в этой извечной борьбе Добра со Злом закономерна, ибо рядом с ним любимая женщина, Любовь которой — несокрушимый оберег в смертельной схватке.

Провидческий роман «Бегство» — предупреждение автора для всех жителей горячо любимого им Крыма о грозящей опасности со стороны радикал-националистов всех мастей. Этот детектив, написанный глубоким философом А.И. Домбровским, выходит за рамки обозначенного жанра. В романе «Бегство» автор исподволь, ненавязчиво осуществляет свою просветительскую работу. И в этом — главное значение и непреодолимая ценность книги.

Симферополь

Людмила ПОДОСИННИКОВА,
писатель

ОТ «ВОЯЖА ПРИГОВОРЕННОГО» — К «БЕГСТВУ»

Читая роман Анатолия Домбровского «Бегство», публикуемый в «Брегах Тавриды» в этом году, я неожиданно задумалось — кажется, в какой-то книге уже встречала заметки о нем. Вспомнила где — и нашла. Это статья «Человек культуры» — размышления Геннадия Шалюгина о творчестве писателя и, в частности о том, как сам Домбровский относился к роману «Бегство»: «В голодные девяностые годы Домбровский

решил воспользоваться фабулой своего романа «Вояж приговорённого» для спешного выполнения другого заказа — на детектив «Бегство» (иного тогда не читали, а кушать-то было надо!). Автор сильно переживал по поводу безденежья, как и по поводу своего ремейка, из-за которого ему пришлось, что называется, наступить на собственное горло. В течение трёх месяцев они с женой «гнали» (он писал, она печатала) детективный сюжет, чтобы уложиться в короткие сроки, указанные издательством. Как рассказывала Галина Сергеевна, он считал, что серьёзный писатель не имеет права морочить читателя глупостями, т.е. детективными историями. Когда книга вышла, Домбровский решил скрыть этот факт от собратьев по перу». Перечитав статью Г. Шалюгина, я вспомнила ту нашу жизнь в лихие 90-е, когда люди интеллигентных профессий оказались в столь трудном материальном положении, что бросались на поиски любого дела, лишь бы заработать хоть какие-то деньги. Я, к примеру, пыталась выжить на том, что жарила и продавала пирожки. Увы, оказалось, что совсем не готова была поставить такую работу на поток, пришлось бросить. А вот Анатолий Иванович не изменил своему писательскому делу. Он написал книгу — детектив. И сам застеснялся этой своей работы.

Однако очень часто бывает так, что автор недооценивает свое произведение. Зато читатели, познакомившись с ним, находят в нём такие достоинства, которых сам автор не увидел. Мне кажется, так получилось и с романом «Бегство» — и прежде всего потому, что такой сильный писатель, как Домбровский, создавая произведение даже заведомо ради заработка, поработал, как всегда, с полной отдачей, вложил в него свою душу, свой талант, своё умение.

Помните, как Н.А. Некрасов и И.И. Панаев в их тяжёлые времена тоже ради денег, написали свои романы «Мёртвое озеро» и «Три страны света». К этим вещам серьёзная критика тоже отнеслась отрицательно: долгое время их не издавали, а когда, наконец, издали, в библиотеках читатели буквально рвали книги друг у друга из рук.

Не так ли и с романом «Бегство»? Ведь когда начинаешь его читать, сразу ощущаешь сильную руку автора, его умение создавать яркие образы, в каждой строчке замечаешь его знания, человеческий опыт. И ещё, читая книгу, я всё время с волнением думала: как жаль, что Анатолий Иванович не дожил до наших дней, не увидел, что исполнилось, свершилось многое из того, что прежде казалось неосуществимым... И в самом деле, даже ум фантаста вряд ли мог придумать циничный шабаш, устроенный фашиствующей хунтой в Киеве на Майдане. Предчувствия писателя, основанные на знаниях и жизненном опыте, подсказали ему сюжет грядущих событий: разрушители государства не смирятся с прогрессивным ходом событий. Они сделают все, чтобы нанести стране ещё больший урон. А уж о том, чтобы вернуть Крым и Севастополь России — об этом националисты даже и слышать не хотели. Их главной целью было: нанести сокрушительный удар по России.

Причем не просто так, а ради больших денег, продав остатки совести. Обо всем этом — роман «Бегство».

Центральный герой романа — Александр Блескунов, бывший военный разведчик, майор запаса. Ему сорок два года, но он уже пережил страшное горе. Служил в Приднестровье, в 14-й армии, там погибла его жена: шла на работу, и выстрел снайпера убил её. А через несколько месяцев на мине-растяжке подорвался его единственный сын Серёжа. Внезапно став вдовцом, Александр потерял интерес к жизни, вернулся в Севастополь, откуда был родом, где жили его родители. И все же он нашел силы настроить себя на работу на даче, по дому. К тому же было ему всего сорок два года. А бывшими разведчиками не бывают. И однажды, когда раздался звонок и ему предложили службу в СБУ, Блескунов дал согласие, переехал в Симферополь, где ему дали квартиру и, одновременно, путёвку в круиз по Европе (Турция, Греция, Болгария, Египет, Париж) на лайнере «Шота Руставели». В круизе он быстро завел знакомства с пассажирами, среди которых нашлись завистники, удивлявшиеся тому, что одинокий мужчина живет в люксе, путешествует в шикарных условиях. Таков зачин романа. А дальше всё развивается по законам детективного жанра: слежки, убийства, красивые женщины и яркая любовь. Роман назван «Бегство». Почему? Конечно, это не имеет отношения к главному герою, но, прежде всего, — к его окружению на лайнере, которое действительно норовит бежать из России, Украины, причем не просто сбежать, но еще и нанести смертельный удар стране, кормившей их, учившей, заботившейся о них. И бывший разведчик вступает с недругами в смертельную схватку.

И вот теперь, в наше время, когда Крым вернули России, когда власти Украины ведут кровавую бойню в Новороссии, роман «Бегство» приобрел иную окраску, он заставляет нас расстаться с легкомысленными иллюзиями и настраивает на серьезные размышления о происходящих событиях: ведь враг стоит у нашего порога.

К большому сожалению, роман остался неоконченным, но сохранился написанный Домбровским план намеченной сюжетной линии для его завершения, заявленный в издательство «Армада». Он помогает понять, что задумал автор, каково должно быть дальнейшее развитие событий. Как бы там ни было, но очень хотелось бы сказать спасибо А.И. Домбровскому за большую, интересную работу...

Севастополь

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ А.И. ДОМБРОВСКОМУ

Ольга ДУБИНЯНСКАЯ

* * *

К 80-летнему юбилею А. И. Домбровского

Круг друзей, учеников, мыслителей
Ежегодно в духе с ним встречается.
Встречи неизменно продолжаются,
И земляне здесь и небожители.

Мудрецы аттические древние,
Белыми хламидами украшены,
Мед познания пьют большими чашами,
С ним ведут беседы вдохновенные.

Стихотворцев дар — стихотворения,
Благодарной памяти исполнены,
В них глубины чувств и мыслей молнии,
Мудрости высокой прославление.

За стихами — музыка и пение,
Добрых душ открытых откровение.
Приотложено умов скрепление,
Правит в это время Вдохновение!

* * *

Роману А.И. Домбровского «Перикл»

Эллада... Сладостно звучит она
Свирелью пана, лирой Аполлона,
Прекрасная далекая страна,
Дитя в лучах божественного лона.
На холст мазки наносит Полигнот —
Он созидает дивную картину...
Чтоб мраморных шедевров полнить счет —
Сминает Фидий мимоходом глину...
Трагедии слагает Еврипид.
Софокл его едва ли превосходит.

Потомков мощь таланта ослепит:
С подмостков драмы аттики не сходят.
Рожденьем демократии славна
Эллада: ведь ее каноны —
Не древние немые письмена,
А мира современного законы.
Философов плеяда велика:
Анаксагор, Сократ и Аристотель,
И Протагор. Еще одна строка:
Не худо вспомнить бы о Геродоте.
Век золотой Элладу озарил —
Век мира, мудрости и процветанья.
Стратег Перикл, не покладая сил,
Афины превратил в источник Знанья.
И воплощенье дивной красоты, —
Для восхищенья и любви возникла,
Живой родник ума и доброты, —
Аспасия, жена и друг Перикла.
Так красота была обручена
С отвагою, всем эллинам во благо,
Для славного пути пробуждена
Дитя богов — прекрасная Эллада.

Симферополь

Валерия НОРЧЕНКО

ЧИТАЯ ДОМБРОВСКОГО

В литературе, философии достиг высот!
Читатель впитывает мудрость ту до дна...
Срываю степью пахнувший осот,
Россия, Крым — история одна.

И жизненная правда говорила,
Прозренья ради, а не для укора,
Сочувствием, терпением дарила,
Проникновенностью отеческого взора.

Не нужен скорбный крик,
Но звёзд манящее мерцанье,
Бесценных, мудрых полки книг
И задушевное, непостижимое молчанье.

Феодосия

МАСТЕРА КРЫМСКОЙ ПАЛИТРЫ

Людмила БОРОДИНА,
искусствовед,
член Союза художников России

ИЗВЛЕКАЯ ПОЭЗИЮ ИЗ ПРОЗЫ ЖИЗНИ

«Дама с собачкой» в иллюстрациях Н. Муравской

Антон Павлович всегда рядом с нами и, как хороший доктор, обещает непременно выздоровление от всех противоречий и наполняет нас верой, что скоро «начнется новая, прекрасная жизнь».

Наталья Муравская

Заслуженный художник Украины, лауреат премии имени А.П. Чехова **Наталья Муравская** — один из самых творчески активных и выразительных крымских авторов. Ее большая выставка в Национальном художественном музее в Киеве в 1997 году, на которой было представлено 52 произведения, называлась «Крымский колорит», в полной мере отражая это свое значение и качество. На сегодняшний день на ее счету 20 персональных выставок, множество участия в зарубежных, республиканских и крымских выставках, артфестивалях, пленерах и других художественных проектах. Ее работы хранятся в столичных и крымских музеях, находятся в зарубежных и отечественных частных коллекциях.

Наталья Муравская родилась в России, в Орехово-Зуево, окончила детскую художественную школу в Ялте, затем Харьковский художественно-промышленный институт, позднее переименованный в Государственную Академию дизайна и искусств. Живет и работает в любимом городе Ялта. С детства она была всецело погружена в особую атмосферу крымской природы и не растеряла с годами любовь и восхищение ее чудесными красотами.

Продолжая крымские импрессионистические традиции К.А. Коровина, она возвела тематику своего края в идеал, в символ. Именно в такой стилистике крымского романтизма создаются все произведения Натальи Муравской, будь то пейзажи, портреты, натюрморты или книжная графика. Ее творчество откликается на многие животрепещущие вопросы и проблемы. Так, целая серия ее картин прославляет знаменитые лавандовые и шалфейные поля, давно ставшие одним из символов крымской природы, которые ныне почти вывелись и достойны возрождения: «Горная лаванда» (1996 г.), «Аромат лаванды» (2006), «Ветер лаванды» (2013), «Лаванда» (2013).

Другая недавняя выставка 2012 года — «Полет над морем» — была целиком посвящена столетнему юбилею такого символа крымского южного побережья как «Ласточкино гнездо» в Гаспре. Эту выставку, кроме того, художница посвятила знаменитому представителю немецкого романтизма 19 века Фридриху Каспару, оказавшему на нее влияние скорее в части ощущения беспредельности мироздания — без его мистики и пессимизма. Как раз эти чувства ей чужды: и она сама и ее работы — это квинтэссенция светлого и одухотворенного оптимизма, безусловно радостного восприятия мира. В ее живописной палитре нет мрачных тонов, даже там, где их можно предположить, как, например, в ряде ночных и вечерних пейзажей: «Сумерки в Ялте» (2003 г.), «Вечер в Крыму» (2004) «Вечер в Симеизе» (2003) или «Восход луны» (2005) — их нет, напротив, они мягко светятся нежной красочной гаммой южного неба и оставляют ощущение живительной прохлады и прелести крымского воздуха.

Увиденные с высоты птичьего полета, картины знакомого ей с детства моря, скал, романтического замка побуждают и зрителя по-новому взглянуть на бесконечно свободный и разнообразный мир крымской природы, ощутить дыхание вечности и современности, восхититься светлым и радостным колоритом лазурного моря и неба: «Замок над морем», «Бухта ласточек», «Полет над скалой Парус», «Море», «Морские скалы». Картина «Праздничный букет» (2012) из этого цикла — одна из лучших работ последних лет, на мой взгляд, в жанре натюрморта на фоне природы в современной крымской живописи и, может быть, одна из лучших работ в ее творчестве, в которой сконцентрированы те качества живописи, о которых пишет ей благодарный зритель: «Ваши картины не только радуют, они наполнены сильнейшей энергией света и добра, излучают живое тепло».

Когда я познакомилась с Натальей Муравской, была поражена тем, насколько гармонирует сама ее внешность — милая женственность и красота — с ее внутренним миром и содержанием и качеством ее картин. Такая идентичность — большая редкость, она говорит о многом, и в частности о том, что профессионализм художника и ее глубоко чувствующая и эмоционально развитая натура являются собой единый сплав, основу для достижения сложных творческих задач, постоянного

движения к идеалу, к беспредельному совершенству, этому вечному двигателю художников.

Своим девизом художница взяла слова А.П. Чехова о том, что нельзя писать крымский пейзаж без восторга и пафоса. Потому творческий метод Н. Муравской включает в себя не только натурные этюды, зарисовки и впечатления от крымских мотивов, но и то, что родилось с детства в душе: живой восторг, цветные фантазии, те «полеты во сне и наяву», что вызывают чувство непреходящей романтической взволнованности, — все это, вместе взятое, и предопределяет ее художественное мастерство, талант создавать светлые, лирически одухотворенные картины-образы, картины-символы крымской природы, полные солнечного света, чистого прозрачного воздуха и свежего морского дыхания.

Как почитательница русского гения, к 150-летию А.П. Чехова Наталья Муравская написала портрет писателя в кабинете его знаменитого ялтинского дома*. Антон Павлович изображен за работой, за письменным столом, его знакомое всему миру лицо озарено какой-то яркой и веселой мыслью, а перед ним в стеклянном сосуде нежные крымские подснежники — весна! Этот портрет, написанный в лучших традициях русской реалистической живописи, был презентован на ежегодной 31-й Международной конференции «Чеховские чтения в Ялте». Многогранная личность Чехова захватывает и увлекает художницу: «аристократизм духа, внутренняя сила, благородная скромность, утонченная эстетика, преданность искусству и неистребимая вера в величие человеческого духа потрясает — говорит она, — умение писателя передать тончайшие оттенки мысли и чувств, его светлый лиризм, тонкий юмор, трагизм и честность удивляет. Чехов сложен, многогранен, многолик. Мой портрет — эпизод, одно из тысяч лиц Художника, попытка раскрыть глубину его личности и мое признание в Любви...».

В следующих словах Натальи Муравской о ее великом литературном и человеческом кумире есть и разгадка основ ее собственного творчества: «Чехов подарил мне роскошь мечтать на языке живописи, чувствовать связь с художественными традициями, обогатил мое творчество, я научилась смотреть на мир сквозь призму чеховского восприятия, любоваться вечным движением и изменчивостью человека. Творчество Антона Чехова — есть свобода, великий эксперимент по созданию нового видения, открывающий простор и для моих личных ощущений, идей и тенденций в живописи... Чехов заряжает своей эстетической энергией, дарит неисчерпаемое вдохновение, утверждая право художника на самовыражение, право на искренность...».

Неудивительно теперь, что именно Наталья Муравская проиллюстрировала один из самых известных чеховских рассказов «Дама с со-

* См. портрет А.П. Чехова на задней обложке «Брегов Тавриды — ред.

АНТОН ЧЕХОВ

Дама с собачкой

бачкой», созданный писателем 115 лет назад в Ялте. Новое переиздание рассказа вышло отдельной книгой весной 2014 года скромным тиражом в тысячу экземпляров — и можно уже сейчас сказать, что это очень красивое и достойное во всех отношениях, издание, включая и полигра-

фическое исполнение, станет, если уже не стало, библиографической редкостью. Все элементы книги — обложка, форзац, фронтиспис, титул, 36 иллюстраций и заставки выполнены автором в технике рисунка пером и акварели. Это произведение книжной графики создано за полтора года и художница отмечает, что работала над ним с вдохновением, делала книгу с любовью и радостью. Эта большая работа не была заказной, не было ни гонорара, ни контракта и определенных сроков. Может быть, этот факт стал одной из причин того, что книга сделана художницей, как говорится, на одном дыхании, получилась легкой и светлой, полной простора и воздуха — но, прежде всего, явилась результатом, отдачей накопившихся за годы участия в «Чеховских чтениях в Ялте» знаний о писателе, понимания значения его творчества и влияния его на гармоническое развитие личности.

Проиллюстрировать «самый ялтинский» рассказ Чехова было давней мечтой Натальи Муравской. Создавая макет книги, она стремилась максимально следовать замыслу писателя — и движение сюжета полностью соответствует характеру иллюстраций. Ритмическое чередование полуполосных иллюстраций с разворотными, как набегающие волны, приближает нас к берегу, к финалу рассказа. Цветовое решение книги — подчеркнуто светлых и нежных пастельных тонов. Главный мотив рассказа — ожидание любви и главная героиня книги — вынесены на обложку. На нарядном и затейливом форзаце, как игрушки на елке,

развешаны или, скорее, как в ячейках сети, впаяны всякие мелочи и атрибуты женской жизни... и вдруг! — разрыв сети, а в просвете — парусник в море и чайки над водой как символ свободы, прорыва!

Художественное оформление книги создано с максимальным использованием фактического крымского материала — мы видим здесь сам чеховский дом, его интерьеры, памятные места и редкие, чудом сохранившиеся ялтинские здания, мебель и многие другие детали, с характерными для эпохи модерна элементами, мастерски использованными художником для передачи праздничной атмосферы южнобережного курорта, создания настроения легкости, изящества и неизъяснимой грусти, присущей этому рассказу.

Этот небольшой очерк о прекрасной ялтинской художнице и ее творчестве мне хочется закончить также словами Антона Павловича, напутственными, обращенными к каждому из нас и всем будущим поколениям: «...если бы каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!». А Наталья Муравская именно тот человек и художник, которая живет и творит по этому чеховскому завету. Извлекая поэзию из прозы жизни, она не только радуется своим творчеством, но и эмоционально воспитывает, направляет, учит видеть красоту в окружающем нас мире.

Симферополь

